Красная книга ВЧК

Том
1

Орган Все
и Московской
Анархистов

АНА

№ 2 (101). | Четверг 2

Ко ВСЕМ РАБОЧИМ КРЕСТЬЯНАМ и КРАСНОАРМЕЙЦАМ

...—так нет свободы

АНА

Орган Всероссийской

Органи

№ 1 (100). Понедельник

Декларация Анархи

Угнетенные всех стран: рабочие, крестьяне, солдаты, женщины и дети!

Свободолюбивые творцы новых ценностей, изобретатели, мыслители, поэты!

Все стремящиеся к свободе, справедливости и предоставлению каждому человеку наилучших условий его всестороннего выявления и развития.

Все, кому тесны рамки современного строя угнетения и унижения,

РХИЯ российокой Организации Подполья.

го октября 1919 года. | № 2 (101).

Высшая особа — свобода личности

РХИЯ

и Московской
изации Анархистов Подполья.

29-го сентября 1919 г. | № 1 (100).

стов Подполья.

К подполью.

КРАСНАЯ КНИГА

ПОД РЕД. П. МАКИНЦИАНА

ТОМ I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1920.

Красная книга ВЧК

Том 1

Издание второе,
уточненное

Москва
Издательство
политической
литературы
1990

ББК 67.99(2)116.2
К78

Научная редакция
доктора исторических наук, профессора
А. С. ВЕЛИДОВА

К78 **Красная** книга ВЧК. Т. 1.— 2-е изд.— М.: Политиздат, 1990.— 416 с.: ил.
ISBN 5—250—01025—3 (т. 1)

Возросший интерес к истории советского общества вызвал потребность и в литературе о Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности — одном из важнейших органов, осуществлявшем защиту революционных завоеваний Октября.

Читателю предлагается второе, уточненное издание документального сборника «Красная книга ВЧК». В нем содержатся подлинные материалы, изъятые у контрреволюционеров, их письменные показания, протоколы допросов, обвинительные заключения, постановления коллегии ВЧК и приговоры ревтрибуналов.

Книга выпускается по инициативе Комитета государственной безопасности СССР.

К $\frac{0503020400-182}{079(02)-90}$ 128—90

ББК 67.99(2)116.2

ISBN 5—250—01025—3 (т. 1)
ISBN 5—250—00817—8

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

В условиях революционной перестройки нашего общества, расширения демократии и гласности, как никогда, возрос интерес советских людей к послеоктябрьской отечественной истории. Они хотят знать полную правду о событиях прошлого, разобраться в их смысле и значении, уяснить сущность не только впечатляющих успехов, достигнутых в период социалистического строительства, но и трудностей, неудач, ошибок и даже преступлений, имевших место в это время. Они считают, что глубокое усвоение уроков истории поможет успешнее решить задачу обновления социализма.

Объектом пристального внимания широких кругов общественности являются события гражданской войны, особенно история создания и деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. Свыше семидесяти лет прошло с момента образования ВЧК, но до сих пор не утихают страсти вокруг нее. Одни идеализируют ее, видят в ней лишь символ нравственной чистоты революции, непримиримости к врагам, бдительности и самоотверженности, умалчивают о существенных ошибках, имевших место в работе чрезвычайных комиссий и особых отделов. Другие, напротив, делают акцент лишь на показе негативных сторон деятельности ВЧК, злоупотреблений, совершенных примазавшимися к ней преступными элементами, и на этом основании изображают ее как олицетворение «большевистского террора», беззакония, жестокости и насилия. Причем так характеризуют ВЧК не только буржуазные идеологи, но, к сожалению, и некоторые советские литераторы и историки. Они пытаются найти преемственность между репрессивным аппаратом периода культа личности Сталина и органами ВЧК. В печати начали встречаться утверждения о том, что именно в деятельности ВЧК следует искать политические и нравственные истоки грубейших нарушений законности и произвола конца 30—40-х и начала 50-х годов.

Что же собой представляла ВЧК? С кем она боролась и кого карала? Какую роль она сыграла в защите революции?

Известно, что после победы Великого Октября свергнутые эксплуататорские классы, опираясь на поддержку международного империализма, поставили своей целью восстановить капиталистический строй. Они развязали гражданскую войну, которая слилась в неразрывное целое с империалистической интервенцией. Не гнушались никакими средствами в борьбе против пролетарской диктатуры — организовывали заговоры и мятежи, шпионаж и диверсии, террор и саботаж, ни на один день не прекращали клеветническую агитацию против власти Советов, против правящей партии большевиков.

Интересы защиты революции требовали создания регулярной рабоче-крестьянской армии для обороны страны и специального органа по выявлению и пресечению тайных подрывных действий враждебных сил, а также вооруженному подавлению их открытых выступлений.

7 (20) декабря 1917 года В. И. Ленин писал Ф. Э. Дзержинскому:

«Буржуазия, помещики и все богатые классы напрягают отчаянные усилия для подрыва революции, которая должна обеспечить интересы рабочих, трудящихся и эксплуатируемых масс...

Необходимы экстренные меры борьбы с контрреволюционерами и саботажниками»[1].

Вечером того же дня Совет Народных Комиссаров принял постановление об образовании Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем и утвердил ее состав. Во главе ВЧК по предложению В. И. Ленина был поставлен видный деятель большевистской партии, член ее Центрального Комитета Ф. Э. Дзержинский.

Членами коллегии ВЧК Совнарком назначил Д. Г. Евсеева, Н. А. Жиделева, И. К. Ксенофонтова, Я. Х. Петерса. Позже в коллегию ВЧК в разные годы входили В. А. Аванесов, Г. И. Бокий, И. П. Жуков, М. С. Кедров, М. Я. Лацис, В. Н. Манцев, В. Р. Менжинский, И. С. Уншлихт, С. Г. Уралов, В. В. Фомин и другие большевики, профессиональные революционеры, имевшие опыт борьбы с царской охранкой. В начале 1918 года коллегия ВЧК была пополнена несколькими левыми эсерами, членами ВЦИК.

Главными задачами ВЧК первоначально являлась борьба с контрреволюцией и саботажем. Затем на нее были возложены борьба со спекуляцией и должностными преступлениями, со шпионажем, подавление контрреволюционных и бандитских выступлений, обеспечение безопасности транспорта и Красной Армии, охрана государственной границы.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 156.

Всероссийская чрезвычайная комиссия явилась первой исторической формой советских органов государственной безопасности. Она была орудием классовой борьбы пролетариата. Выявляя и пресекая подрывную деятельность внутренней контрреволюции и агентуры империалистических разведок, она охраняла завоевания социалистической революции. ВЧК выражала интересы широких масс трудящихся, поднявшихся во главе с рабочим классом на защиту Советской власти.

В первые два месяца своего существования ВЧК обладала лишь правом на осуществление розыска и на производство предварительного следствия. Все возбужденные ею дела передавались на рассмотрение в ревтрибуналы.

В феврале 1918 года полномочия ВЧК были существенно расширены. Это связано с серьезнейшим обострением внешнеполитической и внутренней обстановки в стране. После того как мирные переговоры с Германией были прерваны, немецкая армия развернула наступление под Петроградом, в Белоруссии, на Украине. Немногочисленные остатки старой армии, красноармейские и красногвардейские отряды не могли остановить напора противника. Немцы заняли Двинск, Минск, Луцк, Ровно, Новоград-Волынский, устремились к Петрограду — столице республики. Во многих городах активизировались контрреволюционные элементы. Резко возрос уголовный бандитизм и спекуляция. Возникла реальная угроза существованию Советской власти.

21 февраля 1918 года Совнарком принял написанный В. И. Лениным декрет «Социалистическое Отечество в опасности!». Он явился боевой программой мобилизации всех сил республики на отпор врагу. Декрет предусматривал ряд мер, в том числе и чрезвычайных, по укреплению безопасности тыла. Восьмой пункт декрета гласил: *«Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления»*[1].

Основываясь на декрете СНК, Всероссийская чрезвычайная комиссия объявила, что она будет осуществлять непосредственную расправу над указанными в декрете преступниками. Следует, однако, заметить, что до июля 1918 года ВЧК воспользовалась правом на расстрел лишь в отношении нескольких уголовных бандитов и крупных спекулянтов. К политическим противникам эта мера наказания тогда не применялась.

Летом 1918 года положение республики еще более обострилось. Она оказалась в огненном кольце фронтов. На Северо-Западе, в Белоруссии и на Украине хозяйничали немецкие оккупанты. На Севере высадились английские, французские и американские

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 358.

интервенты. На Дальнем Востоке и в Приморье находились японские, американские и английские войска. Урал, Среднее Поволжье и Сибирь захватили войска Чехословацкого корпуса и самарского эсеро-меньшевистского правительства. На Северном Кавказе вела наступательные операции Добровольческая армия генерала М. В. Алексеева, на Дону — белоказачьи части генерала П. Н. Краснова. В Среднюю Азию вторглись английские захватчики, в Закавказье — немецкие, турецкие и английские войска. Почти три четверти территории страны были в кольце фронтов. Республика оказалась отрезанной от основных хлебных, топливных и продовольственных ресурсов.

Крайне тяжелая обстановка сложилась в тылу — хозяйственная разруха, голод, заговоры белогвардейских офицеров в городах, кулацкие мятежи в деревне. Враги развязали кровавый террор, в результате которого погибли многие коммунисты, советские работники, преданные делу революции рабочие, красноармейцы, крестьяне-бедняки. Только в июне 1918 года контрреволюционеры расстреляли в 22 губерниях РСФСР 824 человека, в июле — 4141, в августе — 339, в сентябре — свыше 6 тысяч [1]. И это не считая многих тысяч погибших при массовых расстрелах рабочих в Ростове-на-Дону, Екатеринбурге, Омске, Вольске и других городах. В селе Александров-Гай Новоузенского уезда Самарской губернии белоказаки за один день расстреляли 675 пленных красноармейцев [2]. Убийства нередко сопровождались жестокими пытками: у арестованных выкалывали глаза, отрезали носы, уши, ломали пальцы, выкручивали ноги и руки, разбивали черепа.

Снова встал вопрос: быть или не быть Советской власти? В такой тяжелой, критической обстановке ВЧК стала осуществлять непосредственную репрессию и в отношении политических противников — организаторов и активных участников военных заговоров и мятежей. Одновременно ей было предоставлено право брать заложников из числа бывших помещиков, капиталистов, жандармов, полицейских, крупных сановников и уклонявшихся от мобилизации офицеров.

5 сентября 1918 года после убийства председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого и злодейского покушения на В. И. Ленина Совет Народных Комиссаров принял постановление о красном терроре. В нем указывалось, что при сложившейся в стране ситуации обеспечение безопасности тыла таким путем является прямой необходимостью. Совнарком поставил перед ВЧК задачу изолировать классовых врагов в местах лишения свободы. Лица, при-

---

[1] См.: Власть Советов. 1918. № 25. С. 8.

[2] Известия Саратовского Совета. 1918. 19 сент.

частные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам, подлежали расстрелу.

Красный террор представлял собой вынужденную чрезвычайную меру самообороны пролетарского государства, введенную в ответ на белый террор.

Руководствуясь постановлением Совнаркома, ВЧК и местные ЧК арестовали в качестве заложников наиболее крупных представителей буржуазии и контрреволюционного генералитета, видных деятелей царского режима, активных членов антисоветских партий. Они подвергли высшей мере наказания главарей и многих рядовых участников контрреволюционных заговоров и мятежей. Репрессии коснулись и значительной части заложников.

В последние годы в нашей печати часто стал подниматься вопрос о том, что наделение чрезвычайных комиссий исключительными полномочиями не может быть оправдано ни с нравственной, ни с правовой точек зрения. Некоторые авторы выражают отрицательное отношение к тому, что Советское государство предоставило чекистским органам право брать заложников, сосредоточило в руках ЧК и розыск, и следствие, и вынесение приговора, и приведение его в исполнение. Нравственные и правовые ценности современности они пытаются механически применять к явлениям, происходившим в специфической обстановке гражданской войны.

Разумеется, институт заложничества не укладывается в рамки категорий нравственности и законности. Точно так же наделение чрезвычайных комиссий внесудебными полномочиями таило в себе угрозу нарушения ими законов, не давало возможности в должной мере гарантировать права граждан. Коммунистическая партия и Советское государство все это прекрасно понимали. В партийных организациях, в Советах, в печати проходили острые дискуссии по вопросу об изъятии у чрезвычайных комиссий права на непосредственную репрессию. Тем не менее обстоятельства неумолимо заставляли Советскую республику идти на эти крайние меры борьбы.

Взятие заложников рассматривалось как гарантия того, что противник ради сохранения жизни того или иного видного деятеля прежнего режима, арестованного Чрезвычайной комиссией, воздержится от расстрела революционеров, попавших к ним в плен. Эта мера представлялась также одним из средств предотвращения белогвардейских восстаний и террористических актов. В. И. Ленин говорил: «Я рассуждаю трезво и категорически: что лучше — посадить в тюрьму несколько десятков или сотен подстрекателей, виновных или невиновных, сознательных или несознательных, или потерять тысячи красноармейцев и рабочих? — Первое лучше. И пусть меня обвинят в каких угодно смертных грехах и нарушениях свободы — я признáю себя виновным, а ин-

тересы рабочих выиграют»[1]. Он резко критиковал мелкобуржуазных демократов, называвших себя социалистами, которые возмущались «варварским», по их мнению, приемом брать заложников. «Пусть себе возмущаются,— писал Ленин,— но войны без этого вести нельзя, и при обострении опасности употребление этого средства необходимо...»[2]

Рассматривая заложничество как временную и необходимую меру самообороны, партия вместе с тем стремилась ограничить его применение. В ноябре 1918 года VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов постановил: «Освободить от заключения всех заложников кроме тех из них, временное задержание которых необходимо как условие безопасности товарищей, попавших в руки врагов». Необходимость дальнейшего содержания под стражей каждого отдельного заложника могла быть установлена только Всероссийской чрезвычайной комиссией. Никакая другая организация, говорилось в постановлении съезда, не имеет права брать заложников [3].

Точно так же ВЦИК и Совнарком рассматривали как исключительную меру наделение чрезвычайных комиссий внесудебными полномочиями. Всякий раз, как только ослабевала острота гражданской войны, упрочивалась внутриполитическая обстановка, эти высшие органы принимали решения об ограничении права ЧК на непосредственную репрессию или изъятии у них этого права. Так, в феврале 1919 года после разгрома первых вооруженных выступлений контрреволюции и аннулирования Брестского мира ВЦИК передал ревтрибуналам право выносить приговоры по делам, возбужденным чрезвычайными комиссиями. Осуществлять непосредственную расправу для пресечения преступлений ЧК могли лишь при наличии контрреволюционных, бандитских и других вооруженных выступлений, а также при объявлении той или иной местности на военном положении.

В середине января 1920 года ВЦИК и Совнарком отменили применение высшей меры наказания (расстрела) по приговорам ревтрибуналов и чрезвычайных комиссий. Этот гуманный акт был осуществлен в условиях еще не закончившейся гражданской войны и сохранявшейся угрозы нападения со стороны Польши.

Однако в годы войны решения о сокращении чрезвычайных полномочий ЧК или их упразднении до конца провести в жизнь не удавалось. С каждым новым походом против Советской власти сил внутренней контрреволюции и интервентов приходилось снова и снова наделять чрезвычайные комиссии внесудебными полномочиями, каждый раз в качестве временной меры.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 295.
[2] Там же. Т. 39. С. 62; см. также Т. 51. С. 48, 52.
[3] Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 529—530.

В. И. Ленин, касаясь вопроса о причинах применения Советским государством чрезвычайных мер репрессии и условий отказа от них, говорил: «Террор навязан нам терроризмом Антанты, террором всемирно-могущественного капитализма, который душил, душит и осуждает на голодную смерть рабочих и крестьян за то, что они борются за свободу своей страны. И всякий шаг в наших победах над этой первопричиной и причиной террора будет неизбежно и неизменно сопровождаться тем, что мы будем обходиться в своем управлении без этого средства убеждения и воздействия»[1].

Окончание гражданской войны, введение новой экономической политики создавали необходимые предпосылки для стабилизации политической обстановки в стране, упрочения союза рабочего класса с трудовым крестьянством, укрепления законности, ликвидации чрезвычайных органов — ЧК и революционных трибуналов. В. И. Ленин предложил подвергнуть ВЧК реформе — сузить ее компетенцию, ограничив задачами борьбы с подрывной деятельностью политического противника, изъять у нее внесудебные полномочия, изменить название, установить строгий контроль органов Наркомюста за действиями ЧК. Обосновывая свое предложение, он говорил: «Перед нами сейчас задача развития гражданского оборота,— этого требует новая экономическая политика,— а это требует большей революционной законности. Понятно, что в обстановке военного наступления, когда хватали за горло Советскую власть, если бы мы тогда эту задачу себе поставили во главу, мы были бы педантами, мы играли бы в революцию, но революции не делали бы. Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности, и тем уже становится сфера учреждения, которое ответным ударом отвечает на всякий удар заговорщиков»[2].

Следует сказать, что идеи Ленина о реформе ВЧК, в которых была сформулирована его концепция правового положения органов государственной безопасности в условиях мирного времени, при жизни Владимира Ильича полностью реализовать не удалось. В феврале 1922 года ВЦИК упразднил ВЧК, а ее функции передал Государственному политическому управлению, образованному при НКВД. Согласно декрету ВЦИК ГПУ могло производить обыски, выемки[3] и аресты, но в отличие от ВЧК оно не имело

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 404—405.

[2] Там же. Т. 44. С. 328—329.

[3] Выемка — изъятие по расследуемому уголовному делу предметов и доказательств, могущих иметь значение для правильного его разрешения.

права рассматривать возбужденные им дела — все они подлежали разрешению исключительно в судебном порядке. Однако острая классовая борьба первой половины 20-х годов вызвала необходимость наделения и органов ГПУ чрезвычайными внесудебными правами в отношении организаторов антисоветских восстаний, бандитов, захваченных с оружием в руках, шпионов, фальшивомонетчиков и некоторых других категорий преступников.

* * *

Всероссийская чрезвычайная комиссия создавалась и работала на основе ленинских принципов организации и деятельности советского государственного аппарата, конкретизированных применительно к ее специфическим особенностям. Важнейшим из этих принципов являлось руководство Коммунистической партии. «ЧК созданы, существуют и работают,— отмечал ЦК РКП(б) в обращении ко всем коммунистам — работникам чрезвычайных комиссий,— лишь как прямые органы партии, по ее директивам и под ее контролем»[1]. Центральный Комитет партии регулярно рассматривал вопросы о Всероссийской ЧК. Только с мая 1918 года по 1920 год включительно они 26 раз стояли в повестке дня заседаний ЦК и объединенных заседаний Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б)[2]. После образования в апреле 1919 года Политического бюро ЦК РКП(б) оно практически на каждом заседании (а они проходили два раза в неделю) решало вопросы, имевшие непосредственное отношение к ВЧК. Центральный Комитет партии определял политическое направление ее деятельности, рассматривал проекты постановлений ВЦИК и СНК об изменениях ее правового положения и организационной структуры, заслушивал отчеты руководителей Чрезвычайной комиссии, принимал решения о перемещениях чекистских кадров. Вопросы о работе чрезвычайных комиссий по два-три раза в месяц обсуждались на заседаниях губернских партийных комитетов.

Партия направляла в ВЧК и ее органы политически зрелых, наиболее опытных коммунистов. В. И. Ленин указывал, что для работы в ЧК надо «найти лучших»[3]. Удельный вес коммунистов в чрезвычайных комиссиях и особых отделах составлял 50 процентов[4], причем руководящие работники являлись членами РКП(б) с дореволюционным партийным стажем. На службу в ЧК посылались также и беспартийные — преданные Совет-

[1] Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. (Январь—март 1919 г.): Сборник документов. М., 1971. Т. 6. С. 62.
[2] См.: История СССР. 1970. № 1. С. 18.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 272.
[4] См.: Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг.: Сборник документов. М., 1958. С. 361.

ской власти, морально устойчивые рабочие, красноармейцы, крестьяне.

Большая работа проводилась партией по идейно-политическому воспитанию чекистов.

Повседневное внимание чекистским органам уделял вождь Коммунистической партии, глава Советского правительства В. И. Ленин. Известно несколько сот ленинских статей, речей, обращений, заметок, писем, записок, телеграмм и телефонограмм, распоряжений, проектов постановлений и резолюций, пометок, имеющих непосредственное отношение к ВЧК — ГПУ. Только в сборник «В. И. Ленин и ВЧК», выпущенный вторым изданием в 1987 году, вошло 680 документов, написанных Лениным или принятых при его участии [1]. В ленинских произведениях отражены необходимость создания и длительного существования чекистских органов, их политические задачи, принципы организации и деятельности, требования к чекистским кадрам.

Руководство Коммунистической партии являлось главным источником успехов и побед ВЧК.

В борьбе с врагами революции чекистские органы опирались на доверие и поддержку широких масс трудящихся.

ВЧК и местные чрезвычайные комиссии применяли самые разнообразные формы связи с народом. Они издавали многочисленные обращения к трудящимся, в которых разоблачали коварные приемы врагов Советской власти и призывали рабочих и крестьян повышать революционную бдительность. Чекисты часто выступали перед трудящимися с отчетами и докладами, устраивали рабоче-крестьянские конференции с обсуждением вопросов борьбы против внутренней контрреволюции и иностранных разведок, публиковали в газетах и журналах материалы о деятельности чрезвычайных комиссий и особых отделов. Это было ярким проявлением гласности в работе ВЧК.

Большая разъяснительная работа, проводившаяся чрезвычайными комиссиями среди трудящихся, способствовала повышению политической бдительности рабочих и крестьян, укрепляла их доверие к чекистским органам. А именно это доверие, отмечал впоследствии Ф. Э. Дзержинский, дало силу ВЧК выполнить возложенную на нее задачу — «сокрушить внутреннюю контрреволюцию, раскрыть все заговоры низверженных помещиков, капиталистов и их прихвостней»[2].

Всероссийская чрезвычайная комиссия строилась на основе демократического централизма — одного из основополагающих принципов строительства советского государственного аппарата,

---

[1] См.: В. И. Ленин и ВЧК: Сборннк документов (1917—1922 гг.). М.: Полнтнздат, 1987.

[2] *Дзержинский Ф. Э.* Избранные произведення. М., 1977. Т. 1. С. 298.

сформулированного и обоснованного В. И. Лениным. С одной стороны, она представляла собой военную организацию (17 сентября 1920 года Ленин подписал постановление Совета Труда и Обороны о приравнении сотрудников ВЧК и ее местных органов к военнослужащим действующей Красной Армии) — с военной дисциплиной, единоначалием, системой боевых приказов. С другой стороны, в основе ее организации лежали широкие демократические начала.

ВЧК действовала под контролем и руководством высших органов Советской власти. Она была подотчетна и подконтрольна Совнаркому и Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету. В. И. Ленин считал совершенно невероятной возможность выхода ВЧК из-под контроля ВЦИК. Опровергая клеветнические утверждения меньшевиков о том, что якобы ВЧК «учит» Президиум ВЦИК и «властвует» над ним, он говорил: «Мы, стоящие у власти, разве можем этому поверить? Разве находящиеся здесь 70—80% коммунистов не знают, что во главе ВЧК стоит член Центрального Исполнительного Комитета и Центрального Комитета партии тов. Дзержинский, а в Президиуме ВЦИК имеется шесть членов Центрального Комитета нашей партии? Думать, что при таких условиях президиум ВЧК или оперативное управление ВЧК учит и властвует над Президиумом Центрального Исполнительного Комитета, конечно, не приходится, это просто смехотворно»[1].

ВЦИК, Совнарком, Совет Обороны систематически заслушивали отчеты руководителей ВЧК о ходе борьбы с контрреволюцией, принимали декреты о правовом положении ВЧК.

Губернские ЧК были подчинены ВЧК и вместе с тем подотчеты и подконтрольны местным Советам.

Важнейшие принципиальные вопросы борьбы с контрреволюцией рассматривались на заседаниях коллегий ВЧК и местных ЧК. Регулярно созывались конференции чекистских органов.

Одним из важнейших принципов деятельности ВЧК являлось строгое соблюдение революционной законности. В. И. Ленин не раз указывал, что необходимо поддерживать строжайший порядок, свято соблюдать законы и предписания Советской власти, следить за их исполнением всеми. «Малейшее беззаконие,— писал он,— малейшее нарушение советского порядка есть уже *дыра*, которую немедленно используют враги трудящихся...»[2] Чекисты внимательно следили за тем, чтобы все государственные учреждения, общественные организации, должностные лица и отдельные граждане неукоснительно исполняли декреты и по-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 176—177.
[2] Там же. Т. 39. С. 156.

становления Советской власти. Они решительно пресекали любые попытки нарушить или обойти закон.

Вместе с тем в своей работе сотрудники ЧК и особых отделов руководствовались требованиями революционных законов, декретами Советской власти. В одном из приказов ВЧК, подписанном Ф. Э. Дзержинским, говорилось: «Председатели ЧК, отвечая перед ВЧК и Советской властью за работу своих учреждений, а также и члены коллегии ЧК обязаны знать все декреты и ими в своей работе руководствоваться. Это необходимо для того, чтобы избежать ошибок и самим не превратиться в преступников против Советской власти, интересы коей мы призваны блюсти»[1].

Коммунистическая партия, В. И. Ленин постоянно требовали от сотрудников чекистских органов уважения прав и законных интересов граждан, указывали на недопустимость привлечения к ответственности лиц, чья вина не доказана. В ноябре 1918 года Ленин ознакомился со статьей председателя ЧК по борьбе с контрреволюцией на Восточном фронте, члена коллегии ВЧК М. Я. Лациса, в которой проводилась мысль о том, что не следует искать обвинительных улик против отдельных представителей буржуазии и буржуазной интеллигенции — достаточно де выяснить происхождение, образование и профессию арестованного. Статья противоречила принципам революционной законности и вызвала резкую критику со стороны Ленина. Чрезвычайные комиссии, указал он, должны внимательно следить за представителями классов, слоев или групп, тяготеющих к белогвардейщине, но при этом «вовсе не обязательно договариваться до таких нелепостей, которую написал в своем казанском журнале «Красный Террор» товарищ Лацис, один из лучших, испытанных коммунистов, который хотел сказать, что красный террор есть насильственное подавление эксплуататоров, пытающихся восстановить их господство, а вместо того написал на стр. 2 в № 1 своего журнала: «не ищите (!!?) в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом»[2].

ЦК РКП(б), ВЦИК, ВЧК обращали самое серьезное внимание на то, чтобы методы ведения следствия соответствовали принципам законности и коммунистической морали. Об этом свидетельствует следующий факт. В октябре 1918 года журнал «Еженедельник ЧК» опубликовал заметку партийных и советских работников Нолинска (Вятской губернии), которые предлагали ВЧК прибегать к методам физического воздействия на следствии. Это странное и неприемлемое предложение можно объяснить лишь

---

[1] Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг.: Сборник документов. С. 374.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 410.

гневной реакцией на то, что в августе белые сожгли живыми и расстреляли в Нолинске около 30 советских активистов, коммунистов и беспартийных. Публикация заметки была грубой ошибкой, и ЦК РКП(б) решительно осудил ее. 25 октября 1918 года он постановил закрыть журнал и наказать в партийном порядке авторов заметки и редакцию журнала. Он обязал чрезвычайные комиссии не ослаблять подавление контрреволюции, но вести эту борьбу «в надлежащих пределах»[1].

В тот же день Президиум ВЦИК также рассмотрел вопрос о заметке в «Еженедельнике ЧК». В принятом постановлении он подчеркнул, что изложенные в ней идеи «находятся в грубом противоречии с политикой и задачами Советской власти», которая «отвергает в основе как недостойные, вредные и противоречащие интересам борьбы за коммунизм меры, отстаиваемые в указанной статье»[2].

ЦК РКП(б) и Президиум ВЦИК назначили комиссию для проверки деятельности ВЧК. Фактов применения физического воздействия на арестованных обнаружено не было.

В условиях наделения ВЧК и ее органов широкими внесудебными правами возникла опасность привлечения граждан к ответственности на основании ложных доносов. Предвидя это, В. И. Ленин предлагал: «Более строго преследовать и карать расстрелом за ложные доносы»[3]. ВЧК действовала в соответствии с ленинским указанием.

Всероссийская и местные чрезвычайные комиссии широко применяли предупредительные и воспитательные меры в отношении тех граждан, которые совершали проступки без враждебного умысла, в силу недостаточной политической сознательности.

Разумеется, нельзя отрицать и того, что в деятельности ВЧК, особенно ее местных органов, имели место ошибки и злоупотребления. Были случаи, когда в ЧК проникали с корыстными или враждебными целями чуждые элементы. Некоторые чекисты проявляли правовой нигилизм, допускали необоснованные аресты граждан, нарушали инструкции о порядке производства обысков, конфискаций. Такого рода нарушения законности наблюдались главным образом в период проведения массового красного террора. В. И. Ленин, ЦК РКП(б), ВЦИК не раз указывали на ошибки ВЧК, допущенные осенью 1918 года. В то же время они отмечали,

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 5, л. 1.

[2] Декреты Советской власти. Т. 3. С. 451. Буржуазная историография ВЧК, ссылаясь на заметку в «Еженедельнике ЧК», свыше семидесяти лет муссирует тезис о том, что якобы высшие партийные и советские власти одобряли применение жестоких мер к арестованным. Постановления ЦК РКП(б) и Президиума ВЦИК полностью опровергают это фальшивое утверждение.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 535.

что ошибки объяснялись прежде всего тем, что пролетариат, пришедший к власти, не имел необходимого опыта государственного управления, достаточно подготовленных кадров.

Немало нарушений законности допускали чрезвычайные комиссии Украины[1]. В июне 1919 года об этом стало известно В. И. Ленину. Владимир Ильич направил председателю Всеукраинской ЧК М. Я. Лацису записку, в которой писал: «...на Украине Чека принесли тьму зла, будучи созданы *слишком рано* и впустив в себя массу примазавшихся»[2]. Ленин предложил Лацису построже проверить состав чекистов, подтянуть их и выгнать примазавшихся.

Следует, однако, иметь в виду, что нарушения чекистами законов не носили массового характера. Такие случаи являлись предметом разбирательства со стороны партийных комитетов и Советов, а также самих чрезвычайных комиссий. Чекисты, виновные в незаконных действиях, подвергались суровому наказанию вплоть до расстрела. Поэтому по меньшей мере странными выглядят предпринимаемые иногда попытки поставить в один ряд ошибки чрезвычайных комиссий, допущенные в годы гражданской войны, и нарушения законности, произвол, массовые репрессии 30-х годов, сознательно совершенные по вине Сталина и его окружения.

Всероссийская чрезвычайная комиссия сыграла выдающуюся роль в защите завоеваний Октября. Под руководством Коммунистической партии, с помощью трудящихся она ликвидировала сотни заговоров, организованных кадетами, эсерами, меньшевиками, анархистами, буржуазными националистами, разведками империалистических государств. ВЧК обезвредила вражескую агентуру, пробравшуюся в штабы Красной Армии, обеспечила безопасность транспорта, организовала надежную охрану границы. Большую роль она сыграла в борьбе с политическим и уголовным бандитизмом, дезертирством, спекуляцией и должностными преступлениями. Она принимала также участие в борьбе с эпидемией тифа, в спасении беспризорных детей.

В. И. Ленин высоко оценивал значение деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии. Он называл ее, наряду с Наркоматом по военным делам, одним из важнейших боевых органов Советской власти[3]. Когда капиталисты организовывали нашествия и заговоры, не останавливаясь ни перед какими преступлениями, чтобы сорвать нашу мирную работу, говорил Ленин, у пролетарского государства не было другого ответа, «кроме ответа учреждения, которое бы знало каждый шаг заговорщика и умело

[1] См., например, письма В. Г. Короленко А. В. Луначарскому, опубликованные в журнале «Новый мир» (1988. № 10. С. 198—217).

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 338.

[3] См. там же. Т. 44. С. 396.

бы быть не уговаривающим, а карающим немедленно»[1]. Он называл Всероссийскую чрезвычайную комиссию «нашим разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас»[2]. Без такого учреждения, как ВЧК, подчеркивал Ленин, «власть трудящихся существовать не может, пока будут существовать на свете эксплуататоры...»[3].

Славные традиции ВЧК, ленинские принципы ее организации и деятельности последовательно проводились в жизнь органами ГПУ—ОГПУ до середины 20-х годов. Однако уже со второй половины 20-х годов начался отход от них. Он выразился в том, что, несмотря на стабилизацию внутриполитической обстановки в СССР, внесудебные права органов государственной безопасности не только не сокращались, но непрерывно расширялись.

В конце 20-х годов в стране сложилась административно-командная система управления. Утвердившись в экономике, она распространилась на надстройку. Административно-командная система ограничивала развертывание демократического потенциала социализма, сдерживала развитие социалистической демократии. Отсутствие необходимого уровня демократизации явилось одной из главных причин возникновения культа личности Сталина и связанных с ним массовых нарушений законности, произвола и репрессий.

В конце 20-х годов Сталин выдвинул тезис об обострении классовой борьбы в стране и настойчиво повторял его из года в год. Под предлогом борьбы с классовыми врагами он направил усилия ОГПУ на искоренение «вредительства». Тысячи старых специалистов, работавших в промышленности, на транспорте, в различных государственных учреждениях и общественных организациях, были объявлены «вредителями» и подверглись репрессиям. Затем в годы коллективизации были обрушены удары на кулаков, а под предлогом борьбы с ними и на часть середняков, так называемых «подкулачников». В результате этого пострадали миллионы крестьян. Таким образом, методы, применявшиеся в период гражданской войны против контрреволюционного подполья и агентуры империалистических разведок, оказались механически перенесенными на период мирного социалистического строительства, когда условия коренным образом изменились. В стране стала складываться атмосфера нетерпимости, вражды, подозрительности.

В 30-е годы еще больше расширились полномочия ОГПУ, затем (с 1934 года) НКВД. В системе Наркомата внутренних дел возник-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 328.
[2] Там же. С. 327.
[3] Там же. С. 328.

ли внесудебные органы — Особое совещание, «тройки», «двойки», осуществлявшие массовые репрессии.

Контроль партии над органами государственной безопасности был подменен единоличным контролем Сталина. Произошла существенная деформация их социальной природы. Если в области внешней разведки, борьбы с подрывной деятельностью империалистических спецслужб и зарубежных антисоветских центров, охраны границы они выполняли задачу обеспечения безопасности социалистического государства, то в осуществлении своих внутриполитических функций, по сути дела, стали инструментом утверждения режима личной власти Сталина, орудием террора в отношении значительной части советских людей.

Наибольший размах массовые репрессии приняли в 1936—1938 годах. В результате их пострадало большое количество коммунистов и беспартийных. На основании ложных обвинений были осуждены и расстреляны многие видные деятели партии и Советского государства, большая часть командиров и политработников Красной Армии, тысячи рабочих, служащих. Жертвами произвола и беззакония стали около 20 тысяч чекистов, среди них были и те, кто сохранил верность революционным традициям, отказывался нарушать социалистическую законность. В эти годы погибли многие бывшие руководящие работники ВЧК, соратники Дзержинского: А. Х. Артузов, Г. И. Бокий, М. Я. Лацис, М. С. Кедров, В. Н. Манцев, Г. С. Мороз, И. П. Павлуновский, Я. Х. Петерс, М. А. Трилиссер, И. С. Уншлихт, В. В. Фомин и другие.

Массовые репрессии, ответственность за которые несут Сталин и его окружение, нанесли серьезный ущерб делу социализма и авторитету партии. Вместе с тем они ослабили и сами органы госбезопасности, нарушили их связь с массами, затруднили борьбу с разведками империалистических государств.

Лишь после осуждения культа личности Сталина Коммунистическая партия и Советское правительство осуществили необходимые меры по восстановлению и дальнейшему развитию ленинских принципов организации и деятельности советских органов государственной безопасности. Сейчас они работают под повседневным руководством и контролем партии, высших органов государственной власти и управления. Одну из главных своих задач они видят в том, чтобы содействовать процессу революционной перестройки в нашей стране, совершенствовать формы и методы деятельности в условиях расширяющейся демократии и гласности. Укрепились их связи с трудящимися. Работа чекистских органов строится на основе Конституции СССР, в строгом соответствии с буквой и духом советских законов. В неуклонном осуществлении ленинских принципов они видят залог успешного выполнения своих сложных и ответственных задач.

* * *

Руководство ВЧК уделяло большое внимание тому, чтобы обобщить опыт деятельности чекистских органов. Первые публикации о ВЧК появились уже в годы гражданской войны. Их авторами являлись видные чекисты, члены коллегии ВЧК. В 1919 году в журнале «Власть Советов» № 11 был опубликован очерк Г. С. Мороза «ВЧК и Октябрьская революция», а в 1920 году в журнале «Коммунистический Интернационал» № 6 — его же статья «Из истории гражданской войны в России». В 1919 году в «Известиях Всеукраинского ЦИК» М. Я. Лацис напечатал большую статью «Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией», которая в 1921 году вышла отдельной брошюрой в Госиздате. В 1920 году была напечатана в том же издании книга Лациса «Два года борьбы на внутреннем фронте». В этих работах давался анализ деятельности ВЧК, рассказывалось о выявлении и ликвидации ею многих контрреволюционных организаций, подавлении ряда антисоветских восстаний и мятежей. Публикации преследовали цель как можно полнее ознакомить массы с работой ВЧК, повысить их бдительность, привлечь их к еще более активному участию в борьбе с контрреволюцией. Однако тираж их был невелик. К тому же указанные журналы и книги в 30-х годах были изъяты и уничтожены.

В 1920—1922 годах Всероссийская чрезвычайная комиссия выпустила «Красную книгу ВЧК» в двух томах, второе издание которой предлагается вниманию читателя. Первый том вышел под редакций П. Н. Макинциана, второй — под редакцией М. Я. Лациса. В книге впервые были обнародованы многочисленные документы о наиболее крупных контрреволюционных организациях и заговорах, раскрытых Чрезвычайной комиссией в 1918—1920 годах [1]. В основу публикации легли материалы уголовно-следственных дел — антисоветские воззвания, шпионские донесения, письма и другие документы, изъятые у заговорщиков, протоколы допросов арестованных, показания свидетелей на следствии, постановления коллегии ВЧК и приговоры Верховного и местных ревтрибуналов. Каждый том книги снабжен предисловием и, кроме того, включает в себя очерки, дающие общую характеристику истории возникновения и деятельности контрреволюционных организаций.

Обосновывая цель издания книги, П. Макинциан в предисловии к первому тому писал: «В белогвардейском стане процветает подзаборная литература «об ужасах чрезвычаек», меньшевики, правые, левые и иные эсеры, анархисты, спекулянты постоянно скулят о «насилиях» и «зверствах», чинимых чрезвычайками,

[1] Из крупных заговоров, раскрытых ВЧК в Москве, в книге не нашел отражения лишь заговор Локкарта.

иначе говоря — судит среда, которую нам приходится преодолевать, среда, поставляющая «клиентов» чрезвычайным комиссиям. А советская, даже партийная публика имеет самое отдаленное представление о роли и работе ВЧК...

Знакомясь с проявлениями и приемами контрреволюции по подлинным документам, научившись распознавать ее, каждый честный гражданин Советской России поймет, что ему надо быть начеку, что нельзя ему не принять посильного участия в деле ее подавления. Ведь наша революция отличается неслыханным доселе массовым характером, все и вся вовлечены в ее круговорот, нет, не может и не должно быть человека, наблюдающего события наших дней оком стороннего зрителя. «Красная книга», таким образом, приобретает весьма важное политическое значение» (т. 1, с. 44—45).

«Красная книга ВЧК» открывается материалами о деятельности одной из наиболее опасных контрреволюционных организаций — «Союза защиты родины и свободы». Во главе «Союза» стоял Б. В. Савинков, бывший эсер, в прошлом один из руководителей «Боевой организации» эсеровской партии, опытный конспиратор. Во время первой мировой войны он занимал оборонческую позицию. При Керенском являлся комиссаром Временного правительства при Ставке главковерха, затем комиссаром на Юго-Западном фронте, управляющим военного министерства. В августе 1917 года поддержал контрреволюционный мятеж генерала Корнилова, ставившего целью установление в России военной диктатуры. После победы Октябрьского вооруженного восстания участвовал в контрреволюционном мятеже Керенского—Краснова, после его разгрома бежал на Дон к генералу Алексееву. Там он принял непосредственное участие в формировании белогвардейской Добровольческой армии, а также в создании террористических дружин для покушения на В. И. Ленина и других руководителей Советского государства. В феврале 1918 года нелегально прибыл в Москву с целью создания «Союза защиты родины и свободы».

Организация Савинкова, так же как и многие другие заговорщические центры, была раскрыта благодаря бдительности простых советских людей. В мае 1918 года рабочий завода «Каучук» Нифонов сообщил в ВЧК, что частную лечебницу в доме № 1 по Молочному переулку регулярно посещают одетые в штатское платье офицеры, вовсе не похожие на больных. Одновременно командир Латышского стрелкового полка в Кремле сделал заявление Я. Х. Петерсу о том, что в городе в ближайшие дни произойдет белогвардейский мятеж. Об этом ему сообщила медицинская сестра Иверской больницы, которая получила сведения о готовящемся мятеже от влюбленного в нее юнкера Иванова, находив-

шегося на излечении. Юнкер настойчиво предлагал ей покинуть на несколько дней Москву, чтобы избегнуть опасностей, неизбежных во время восстания.

ВЧК установила наблюдение за лечебницей в Молочном переулке и за юнкером Ивановым (он оказался князем Мешковым). Было обнаружено, что Иванов часто посещает дом 3, кв. 9, в Малом Левшинском переулке, где часто собираются бывшие офицеры. Ночью 29 мая чекисты вместе с бойцами отряда ВЧК окружили дом и внезапно вошли в квартиру. В ней находилось 13 человек, которые обсуждали какой-то вопрос. При обыске были изъяты документы заговорщиков — схема построения пехотного полка, написанная на машинке программа «Союза защиты родины и свободы», картонный треугольник, вырезанный из визитной карточки, с буквами О. К., пароль и явки в Казани. Этой же ночью и на следующий день ВЧК произвела аресты и по другим адресам. Всего было задержано около 100 заговорщиков.

Следствие по делу «Союза защиты родины и свободы» вели Ф. Э. Дзержинский, Я. Х. Петерс, М. Я. Лацис, И. Н. Полукаров и другие руководители ВЧК. Как видно из опубликованных в «Красной книге ВЧК» протоколов допросов арестованных, «Союз защиты» представлял собой крупную, хорошо законспирированную военно-заговорщическую организацию. Он ставил своей задачей свержение Советского правительства, установление в России «твердой власти» (читай: военной диктатуры), «воссоздание национальной армии»... путем упразднения солдатских комитетов и военных комиссаров, продолжение войны с Германией при опоре на помощь союзников (см. т. 1, с. 57, 58).

«Союз защиты» имел отделения в Казани, Муроме, Ярославле, Рыбинске и других поволжских городах, а также в Челябинске и Рязани. Его штаб находился в Москве. Командующим войсками «Союза» был генерал Рычков, начальником штаба — полковник А. П. Перхуров, членами штаба — Ф. А. Бредис (Бреде), А. А. Дикгоф-Деренталь, Н. С. Григорьев. Штаб имел отделы: оперативный, иногородний, мобилизационный, разведки и контрразведки, террористический, сношений с союзниками, агитационный. Численность членов «Союза» достигала 5 тысяч. В Москве организовали дивизию, в которую вошли как безработные офицеры, так и находившиеся на советской службе. Она состояла, как показал на следствии штабс-капитан Г. П. Аваев (Сидоров), из четырех полков, имевших в своем составе по четыре батальона. «Союз» строился по принципу пятерок — каждый начальник знал не больше четырех своих подчиненных. Вступающий в организацию давал клятву хранить в полной тайне все, что ему известно о «Союзе». Разглашение тайны и измена карались расстрелом.

Члены «Союза», как видно из материалов книги, занимали ряд важных должностей в советских учреждениях, в штабах Красной Армии, в органах Военного контроля, в военных складах. Участник заговора Веденников возглавлял Московскую продовольственную милицию. Там же служил Покровский (он же Парфенов), командовавший кавалерийскими частями. Через Веденникова заговорщики получали оружие и документы, необходимые для легального проживания в Москве. Агентура «Союза защиты» имелась даже среди служащих Совнаркома.

По партийной принадлежности «Союз» состоял из народных социалистов, эсеров, левых кадетов. Среди его участников были и анархисты. Организации сочувствовали меньшевики — они вели антисоветскую агитацию, избегая, однако, активного участия в вооруженной борьбе.

«Союз защиты» финансировался союзниками. Об этом прямо говорится в показаниях одного из его руководителей — Пинкуса (Пинки) и штабс-капитана Аваева (Сидорова). Впоследствии на процессе по делу Б. В. Савинкова (1924 год) подтвердилось, что заговорщики получили от французского посольства на устройство восстания свыше 2 миллионов рублей. Несколько сот тысяч рублей предоставили им англичане через члена организации председателя Московского союза евреев-воинов А. А. Виленкина, работавшего юрисконсультом в английском посольстве. Кроме того, 200 тысяч рублей передал Савинкову для проведения террористических актов Т. Масарик — председатель Чехословацкого национального совета, один из организаторов мятежа Чехословацкого корпуса.

Восстание предполагалось первоначально поднять в Москве. Однако вскоре руководители «Союза» поняли, что даже в случае успеха выступления в столице у них все равно не хватит сил удержать в своих руках город. Тогда они разработали план организации восстания в 23 городах Верхнего Поволжья и одновременно в Москве. Благодаря этому, как рассчитывали заговорщики, будут созданы условия для объединения войск англо-французских и американских интервентов на Севере с частями мятежного Чехословацкого корпуса. С этой целью они решили перебазировать центральный штаб «Союза» и часть личного состава в Казань. Во время подготовки к переезду в Казань ВЧК произвела аресты заговорщиков. К сожалению, арестовать руководителей штаба чекистам не удалось. Савинков, как выяснилось впоследствии, укрылся в здании английского консульства, а затем перебрался в Поволжье для организации новых мятежей. Перхуров бежал в Ярославль, где вскоре возглавил контрреволюционное восстание. Савинков, Бредис и Дикгоф-Деренталь пытались поднять мятеж в Рыбинске, захватить склады боеприпасов. Местная ЧК

узнала о планах заговорщиков. Это помогло организовать оборону военных объектов и быстро разгромить восставших. Григорьев перебрался в Муром. Там он вместе с бывшим полковником Сахаровым, командовавшим Восточным отрядом Северной Добровольческой армии, в ночь на 8 июля организовал восстание белогвардейцев-офицеров. К восставшим присоединились буржуазные и купеческие элементы города, учащиеся реального училища, эсеры, часть чиновников. Через день мятеж был подавлен. Савинкову и другим руководителям восстания снова удалось скрыться. Они перебрались под Казань и приняли там участие в боях против Красной Армии. Из главарей заговора чекистам удалось через некоторое время задержать лишь начальника отдела разведки Ф. А. Бредиса.

Следствие по делу арестованных в Москве участников «Союза защиты» дало в руки ВЧК нити, позволившие проникнуть в казанскую организацию. Вырезанный из визитной карточки треугольник оказался, как это показал на допросе Пинкус, паролем для связи с заговорщиками в Казани. В ходе следствия были выявлены явки казанских контрреволюционеров. ВЧК направила туда группу чекистов, выдававших себя за офицеров — участников московского заговора. Им удалось успешно внедриться в местное отделение «Союза защиты» и с помощью Казанской ЧК ликвидировать его. Одновременно была раскрыта и разгромлена монархическая организация генерала И. И. Попова, созданная по распоряжению генерала М. В. Алексеева. Она насчитывала свыше 450 человек (см. показания Попова, т. 1, с. 101). Чекисты изъяли у заговорщиков свыше 500 винтовок и много другого оружия.

В «Красной книге ВЧК» опубликовано много документов о белогвардейском мятеже в Муроме — воззвания «Союза защиты» к жителям города, протоколы допросов свидетелей и арестованных участников восстания, постановление следственной комиссии Владимирского губревтрибунала о предании мятежников суду, а также приговор ревтрибунала.

Материалы книги подробно отражают белогвардейское восстание в Ярославле. На рассвете 6 июля вооруженные отряды мятежников обезоружили милицию, захватили здание Совета, банк, почту и телеграф и другие важные пункты города. В руки белогвардейцев попали списки и адреса партийных и советских работников. Начались аресты, расстрелы. Председателя исполкома городского Совета Д. С. Закгейма бандиты вызвали из дому во двор и застрелили, а затем еще прокололи штыком. Тело убитого выволокли за ворота и выбросили. Труп несколько дней валялся на улице. Окружного военного комиссара С. М. Нахимсона захватили в номере гостиницы, где он жил, отвели в 1-й участок милиции и расстреляли разрывными пулями. Тело расстрелянного положили на

телегу и возили по улицам «для обозрения и удовольствия всей белогвардейской своры» (т. 1, с. 163). Мятежники убили бывшего председателя губисполкома Доброхотова, губернского военного комиссара левого эсера Душина, комиссара труда Работнова, большевика-парламентера Суворова и многих других.

Во главе восстания встал полковник Перхуров, объявивший себя «главноначальствующим Ярославской губернии» и «командующим группой войск Северной Добровольческой армии». Он издал приказ, которым отменял все законы, декреты, постановления и распоряжения Советской власти, упразднял ее учреждения на территории губернии, восстанавливал царские судебные органы, институт волостных старшин, уездную и городскую стражу, осуществлявшую полицейские функции.

На подавление мятежа были направлены боевые отряды из Москвы, Иваново-Вознесенска, Вологды, Костромы, Петрограда, Рыбинска. Ярославль был окружен. Две недели шла борьба с мятежниками. Город обстреливался артиллерией. Начались пожары. Перхуров, увидев бесполезность дальнейшего сопротивления, бежал. Оставшиеся члены штаба восставших, чтобы спасти свою жизнь, решили «сдаться» немецким военнопленным, находившимся в Ярославле. Председатель германской комиссии военнопленных лейтенант Балк 21 июля принял «капитуляцию». Командование советских войск потребовало от немцев выдачи мятежников и возвращения взятого у них оружия. Балк вынужден был выполнить это требование. 22 июля восстание в Ярославле было полностью подавлено. «Союз защиты родины и свободы» прекратил свое существование.

Разгром «Союза защиты» сорвал планы белогвардейцев и англо-французских империалистов, рассчитанные на свержение Советской власти путем организации восстания одновременно в Москве и в городах Поволжья, приуроченного к мятежу Чехословацкого корпуса и началу интервенции союзников на Севере. Операция по ликвидации «Союза», несмотря на некоторые ее изъяны, показала возросшее мастерство ВЧК. Если до этого она боролась главным образом с бандитизмом, спекуляцией, выявляла небольшие группы контрреволюционеров, то теперь успешно справилась с раскрытием крупной, глубоко законспирированной военно-заговорщической организации.

Некоторые руководители и наиболее активные участники «Союза защиты» по постановлению ВЧК были расстреляны. Суровую кару понесли и ярославские мятежники.

Б. В. Савинков вскоре бежал в Польшу. В эмиграции он организовал так называемый «Народный союз защиты родины и свободы», развернувший широкую разведывательно-диверсионную работу против Советского государства. В августе 1924 года ОГПУ

в результате тщательно подготовленной операции удалось заманить его на территорию СССР и арестовать. На суде он признал свои преступления. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Савинкова к расстрелу, замененному Президиумом ЦИК СССР лишением свободы на 10 лет. В мае 1925 года, находясь в тюрьме, Савинков покончил жизнь самоубийством.

Н. С. Григорьев был убит в 1919 году колчаковцами. Ф. А. Бредиса, арестованного в июле 1918 года, ВЧК приговорила к расстрелу. А. П. Перхуров ушел к Колчаку, получил воинское звание генерал-майора. В составе колчаковской армии сражался против советских войск. После окончания гражданской войны пробрался на службу в штаб Приуральского военного округа. В мае 1922 года был разоблачен и в июле того же года по приговору Военной коллегии Верховного трибунала подвергнут высшей мере наказания. Таков был бесславный конец руководителей «Союза защиты».

Большое внимание в «Красной книге ВЧК» уделено мятежу левых эсеров в Москве 6—7 июля 1918 года. Помещенные в ней документы показывают подготовку левоэсеровской авантюры, действия мятежников, организацию их военного разгрома, следствие по делу о мятеже.

В западной литературе появилось множество работ, авторы которых пытаются доказать, что якобы левые эсеры и не помышляли о восстании, что убийство германского посла Мирбаха было организовано бывшими «левыми коммунистами» Ф. Э. Дзержинским, Н. И. Бухариным, Г. Л. Пятаковым, чтобы сорвать Брестский договор. Материалы, опубликованные в «Красной книге ВЧК», дают возможность восстановить правдивую картину тех далеких событий.

Известно, что в декабре 1917 года большевики и левые эсеры заключили правительственный блок. Он был необходим для упрочения Советской власти, для привлечения на сторону пролетариата широких масс крестьянства, среди которых левые эсеры пользовались влиянием. По основным вопросам революции обе партии проводили согласованную политику — они выступали за власть Советов, за подавление сопротивления свергнутых эксплуататоров. В марте 1918 года левые эсеры вышли из правительства в знак протеста против заключения Брестского мира, но продолжали работать в других советских и военных учреждениях, в том числе и в ВЧК и местных ЧК. Весной и летом 1918 года разногласия между большевиками и левыми эсерами еще больше обострились. 24 июня 1918 года ЦК партии левых эсеров принял решение о подготовке вооруженного восстания с целью срыва Брестского договора, возобновления войны с Германией. В нем говорилось: «...Центральный Комитет партии считает возможным

и целесообразным организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма; одновременно с этим ЦК партии постановил организовать для проведения своего решения мобилизацию надежных военных сил и приложить все меры к тому, чтобы трудовое крестьянство и рабочий класс примкнули к восстанию и активно поддержали партию в этом выступлении» (т. 1, с. 185).

Левые эсеры, как это видно из документов книги, начали поспешно приводить в боевую готовность свои силы — усилили формирование партийных дружин, стали стягивать в Москву отряды из других городов, заготавливать оружие, продукты питания, санитарные принадлежности.

6 июля в третьем часу дня левые эсеры Я. Блюмкин и Н. Андреев по удостоверению ВЧК проникли в здание германского посольства и убили посла графа Мирбаха (позже выяснилось, что подписи Дзержинского и секретаря ВЧК Ксенофонтова на удостоверении были поддельными, а печать — настоящей: ее поставил заместитель председателя ВЧК левый эсер В. А. Александрович).

Убийство Мирбаха послужило сигналом к восстанию. Около пяти часов вечера левые эсеры взяли под стражу Ф. Э. Дзержинского, который приехал в штаб отряда ВЧК, находившийся в Трехсвятительском (ныне Большой Вузовский) переулке, чтобы арестовать террористов. Арестом Дзержинского они открыто противопоставили себя Советскому правительству. Вскоре мятежники арестовали М. Я. Лациса, назначенного во время ареста Дзержинского исполняющим обязанности председателя ВЧК, председателя Московского Совета П. Г. Смидовича и других большевиков.

Командир отряда ВЧК левый эсер Д. И. Попов отдал приказ занять обширный район Москвы между Курским вокзалом и Варварской площадью (ныне площадь Ногина). На улицы он выслал патрули, которые задерживали автомобили, арестовывали коммунистов. На Бульварном кольце мятежники начали рыть окопы, выставили заставы с пулеметами. Вечером левые эсеры захватили почтамт и телеграф и сразу же разослали по всей стране телеграммы, в которых объявляли себя правящей партией. Одновременно они выпустили воззвания с призывом к трудящимся встать на защиту Советской власти и социальной революции, подняться на восстание против международного империализма. Партия, выступившая против политики мира, одобренной съездом Советов, фарисейски клялась в верности Советской власти. В казармы были посланы агитаторы, чтобы привлечь красноармейцев на сторону восставших. Численность мятежников в ночь на 7 июля составляла около 1800 человек. Они имели на вооружении 6—8 орудий, 4 броневика.

Советское правительство, узнав о мятеже, немедленно приняло меры к организации его разгрома. Общее руководство ликвидацией мятежа осуществлял Ленин. Он распорядился задержать и обезоружить в Большом театре фракцию левых эсеров — делегатов V съезда Советов — во главе с их лидером М. А. Спиридоновой. Были приведены в боевую готовность воинские части. Военными руководителями операции по подавлению восстания Совнарком назначил председателя Высшей военной инспекции Н. И. Подвойского и командующего Московским военным округом Н. И. Муралова. Латышскими частями, участвовавшими в ликвидации мятежа, командовал И. И. Вацетис.

На рассвете 7 июля советские войска начали наступление по Бульварному кольцу и набережной Москвы-реки на позиции мятежников в районе Яузского и Покровского бульваров. Утром они освободили почтамт и телеграф, заняли Покровские казармы. Начался штурм штаба отряда мятежников, для чего пришлось применить артиллерию. После первых залпов восставшие стали разбегаться. В первом часу дня мятеж был подавлен, Дзержинский и другие находившиеся под арестом большевики вышли на свободу. В плен было захвачено около 300 мятежников. Вечером 7 июля ВЧК принял постановление о расстреле 13 участников мятежа, в том числе В. А. Александровича.

Следует заметить, что в подавлении левоэсеровской авантюры принимали участие и бойцы ВЧК — отряд балтийских моряков под командованием А. Я. Полякова, насчитывавший более 100 человек, и отряд самокатчиков. Они разоружили выставленную Поповым охрану в зданиях ВЧК, взяв их под свой контроль. 7 июля воины-чекисты вместе с солдатами Красной Армии освободили от левых эсеров типографию в Ваганьковском (ныне Малый Трехгорный) переулке, почтамт и телеграф, разоружили на станции Химки левоэсеровский отряд матросов, прибывший из Петрограда в Москву на помощь Попову.

Для расследования левоэсеровского восстания Совнарком образовал Особую следственную комиссию во главе с наркомом юстиции П. И. Стучкой.

Во время следствия сотрудники германского посольства, давшие показания как свидетели, сообщили, что они ставили ВЧК в известность о существовании в Москве организации, готовившей покушение на посла, и передали Дзержинскому список адресов, где собирались заговорщики, и тексты антигерманских воззваний. Это сообщение послужило позже основанием для намеков о причастности Феликса Эдмундовича к убийству графа Мирбаха. Ф. Э. Дзержинский в своих показаниях Следственной комиссии сказал, что сигналы о готовящемся террористическом акте действительно поступали. Чекисты произвели обыски по ад-

ресам, указанным посольством, но они никаких результатов не дали. Не было отмечено и фактов распространения антигерманских воззваний. Сведения относительно заговора, полученные от немецких осведомителей во время беседы с ними в помещении посольства, были неопределенными, путанными. Складывалось впечатление, что кто-то шантажирует германских дипломатов. Кроме того, сотрудники посольства не вполне доверяли руководителям ВЧК, не сообщали всех известных им фактов. Дзержинский не сомневался в существовании заговора, но полагал, что его участников следует искать среди монархистов, савинковцев, а также англо-французских агентов. «Недоверие ко мне со стороны дающих мне материал,— говорил он,— связывало мне руки» (т. 1, с. 254).

Драматизм положения заключался в том, что Дзержинский, впрочем, как и другие большевики, в то время даже и предположить не мог возможность покушения на Мирбаха со стороны левых эсеров — союзников по совместной советской работе.

Говоря о событиях, связанных с мятежом левых эсеров, нельзя не упомянуть о таком факте: после освобождения из рук мятежников Ф. Э. Дзержинский, человек предельно щепетильный в соблюдении правовых норм, подал в Совнарком заявление с просьбой освободить его, как одного из главных свидетелей по делу об убийстве Мирбаха, от обязанностей председателя ВЧК и вообще от работы в комиссии. Совнарком с пониманием отнесся к просьбе Дзержинского и удовлетворил ее. Временно председателем ВЧК был назначен Я. Х. Петерс. Дзержинского же оставили членом коллегии ВЧК. Однако доверие партии и Советского правительства к Феликсу Эдмундовичу было столь велико, что 22 августа, еще до окончания следствия, Совнарком снова назначил его председателем Чрезвычайной комиссии.

После окончания расследования Следственная комиссия передала дело о мятеже в Верховный ревтрибунал при ВЦИК. Оно рассматривалось 27 ноября 1918 года на открытом судебном заседании. Трибунал объявил Попова вне закона, а лидеров партии левых эсеров, а также Я. Блюмкина и Н. Андреева приговорил к тюремному заключению на три года (всех их судили заочно). М. А. Спиридонова и Ю. В. Саблин, члены ЦК ПЛСР, ввиду их прежних заслуг перед революцией, были осуждены на один год заключения в тюрьму и через день освобождены по амнистии.

Поднявшись на борьбу против пролетарской диктатуры, левые эсеры обрекли себя на политическую смерть. Они потеряли влияние на те слои населения, которые шли за ними, веря их революционной фразе. Партию левых эсеров потряс кризис, она раскололась на ряд фракционных групп. Многие ее члены осудили авантюру своего ЦК и вышли из состава партии.

Судьба организаторов и участников левоэсеровского мятежа сложилась по-разному. Попов бежал на Украину, вступил в банду Махно. В ноябре 1920 года во время разоружения анархистов был арестован и затем расстрелян. Блюмкин ушел в подполье, затем также перебрался на Волгу, оттуда — на оккупированную немцами Украину, где участвовал в подготовке террористического акта против гетмана П. П. Скоропадского. После аннулирования Брестского договора в апреле 1919 года явился с повинной в Киевскую ЧК. Вскоре он был помилован Президиумом ВЦИК. После этого он служил в военном ведомстве, затем — в ОГПУ. В 1929 году Блюмкин, находясь в Турции, установил связь с Троцким. В начале ноября того же года по постановлению судебной коллегии ОГПУ он был расстрелян. Другой участник террористического акта — Н. Андреев бежал от возмездия на Украину, где умер от сыпного тифа.

М. А. Спиридонова после освобождения продолжала вести активную борьбу против большевистской партии, несколько раз подвергалась аресту. Впоследствии отошла от политической деятельности. В 1941 году была репрессирована.

А. Л. Колегаев порвал с партией левых эсеров и в 1918 году вступил в РКП(б). В годы гражданской войны был военкомом 13-й стрелковой дивизии, а затем членом Реввоенсовета и председателем Особой продовольственной комиссии Южного фронта. После войны — на хозяйственной работе.

Ю. В. Саблин тоже вышел из партии левых эсеров и в 1919 году стал членом Коммунистической партии. Занимал ряд командных должностей в Красной Армии. Участвовал в подавлении кронштадтского мятежа. Награжден двумя орденами Красного Знамени. Во второй половине 30-х годов и Колегаев, и Саблин стали жертвами репрессий.

Наряду с левыми эсерами на путь контрреволюционной борьбы вступили и анархисты, которые также прикрывали свою подрывную деятельность революционными фразами. В конце 1917 — начале 1918 года они активно участвовали в сломе старого государственного аппарата, в подавлении сопротивления свергнутых классов. Однако, как только Советская власть начала устанавливать твердый революционный порядок и дисциплину, требовать выполнения издаваемых ею декретов, большая часть анархистов выступила против политики Коммунистической партии и Советского правительства. В ряде городов группы анархистов создали вооруженные отряды и, сомкнувшись с уголовными элементами, стали осуществлять разбой, ограбления, убийства.

После разоружения анархистов весной 1918 года они вышли почти из всех советских учреждений, в том числе из ВЧК, открыто противопоставили себя пролетарскому государству. (Лишь не-

большие группы анархистов-коммунистов и анархистов-синдикалистов остались на позиции лояльного отношения к Советской власти.) Анархисты занимались экспроприациями банков и касс предприятий, провоцировали рабочих на забастовки и мятежи. На Украине они составили основное ядро банд Махно. ВЧК вынуждена была принять необходимые меры к пресечению контрреволюционной и уголовной деятельности анархистов.

25 сентября 1919 года анархисты бросили громадной разрушительной силы бомбу, начиненную динамитом и нитроглицерином, в зал заседаний Московского комитета РКП(б), размещавшегося в двухэтажном особняке в Леонтьевском переулке. Там на втором этаже в это время проходило собрание актива, обсуждавшее вопрос о постановке агитации и работе партийных школ. Присутствовало около 150 человек [1]. Среди них были ответственные работники Москвы, представители районных партийных организаций, лекторы и агитаторы, слушатели Коммунистического университета и партийных школ. Предполагался приезд В. И. Ленина, но он не смог принять участия в собрании.

Взрыв бомбы привел к большим жертвам: 12 человек были убиты, в том числе секретарь МК РКП(б) В. М. Загорский, 55 человек получили ранения и контузии, среди них видные деятели большевистской партии Н. И. Бухарин, А. Ф. Мясников, М. С. Ольминский, Ем. Ярославский и другие. Был нанесен большой ущерб зданию.

Преступление, совершенное в Леонтьевском переулке, вызвало гневное возмущение рабочих, крестьян, красноармейцев. Повсюду принимались резолюции с требованием ввести беспощадный красный террор, осуществить расправу с контрреволюционерами. «За каждую голову наших вождей снять тысячу вражеских голов» — такое требование выдвигалось в одной из резолюций.

Следует заметить, что взрыв в помещении МК был совершен в крайне тяжелый для Советской власти момент. Положение на фронте было критическим. Деникин захватил Киев, взял Курск, приближался к Орлу. Юденич стоял под Петроградом. В Москве только что была раскрыта крупная контрреволюционная организация, готовившая восстание в городе. Казалось, все говорило за то, что снова, как и год назад, будет объявлен массовый красный террор. Однако Коммунистическая партия и Советское государство не пошли на это.

ЦК РКП(б), получив первые сигналы о попытках возродить на местах методы красного террора, сразу принял меры к их пресечению. 26 сентября этот вопрос обсуждался на Пленуме ЦК.

[1] См.: Взрыв 25 сентября 1919 г. в помещении МК РКП(б) по Леонтьевскому пер., 18. М., 1920. С. 3.

Было принято постановление, в котором разъяснялась нецелесообразность усиления репрессий против заложников и членов партий эсеров и меньшевиков, не занимающихся преступной деятельностью. В сообщении о Пленуме говорилось: «...Советская власть в России в настоящее время настолько крепка и сильна, что может, не впадая в нервность, сохраняя обычный темп работы трибуналов и комиссий по борьбе с контрреволюцией, не допуская случайных ошибок, которые имели место в прошлом году, навести страх на врагов и обезвредить их организации. Поэтому Пленум ЦК принял решение, что взрыв Московского комитета не должен отразиться на обычной деятельности ВЧК и губчека»[1].

Розыск преступников был возложен на Московскую ЧК. Вначале она предположила, что взрыв в Леонтьевском переулке произведен белогвардейцами в ответ на расстрел руководителей «Национального центра». (Список расстрелянных ВЧК опубликовала за день до террористического акта.) Однако вскоре МЧК удалось напасть на след подлинных террористов. 2 октября в поезде под Брянском железнодорожники задержали С. Каплун — члена украинской конфедерации анархистов «Набат», командированную для подпольной работы в тылу Деникина. У нее было изъято письмо одного из лидеров «Набата», Барона, к своим украинским единомышленникам, в котором сообщалось, что взрыв в Москве — дело рук подпольных анархистов. Барон и некоторые другие легальные анархисты были арестованы, но отказались сообщить что-либо об анархистах подполья. Тем не менее МЧК скоро выявила конспиративные квартиры последних и произвела аресты. При этом анархисты оказали сопротивление, в перестрелке были убиты два организатора и участника взрыва в МК — Казимир Ковалевич и Петр Соболев.

Следствие по делу анархистов подполья вели заместитель председателя МЧК В. Н. Манцев и другие сотрудники комиссии. Некоторых арестованных допрашивал председатель ВЧК, являвшийся одновременно председателем Московской ЧК, Ф. Э. Дзержинский. В ходе расследования чекисты получили большой документальный материал о контрреволюционных и уголовных действиях анархистов подполья. Этот материал опубликован в «Красной книге ВЧК». Выяснилось, что анархисты действовали сообща с левыми эсерами и максималистами. Арестованные подробно рассказали о совершенных ими ограблениях народных банков, касс кооперативов, предприятий, учреждений в Москве, Туле, Иваново-Вознесенске. Грабежи нередко сопровождались истязаниями и убийствами людей, охранявших деньги. Благодаря экспроприациям анархисты и их союзники добыли несколько миллио-

---

[1] Известия ЦК РКП(б). 1919. 22 окт.

нов рублей (только в Туле они взяли около 5 миллионов). На эти деньги они приобретали оружие, взрывчатые вещества, печатали антисоветские листовки и газеты.

Работа анархистов подполья в столице значительно активизировалась после того, как они вступили в контакт с Д. А. Черепановым и другими членами московской организации левых эсеров, занимавшей особенно непримиримую позицию по отношению к Советской власти. Черепанов в июле 1918 года был одним из руководителей левоэсеровского мятежа, после его разгрома бежал, скрылся от суда. Теперь он вместе с К. Ковалевичем организовал «Всероссийский повстанческий комитет революционных партизан», главной целью которого было совершение террористических актов. Хотя Черепанов непосредственно в осуществлении взрыва не участвовал, однако именно он указал террористам место, откуда надо бросить бомбу. Раньше в особняке, занимаемом МК РКП(б), размещались Центральный и Московский комитеты ПЛСР, и поэтому Черепанов прекрасно знал расположение кабинетов и залов здания и наиболее удобные внешние подходы к нему.

При арестах у анархистов были изъяты листовки и несколько экземпляров газеты «Анархия». В этих документах они провозглашали своей целью «стереть с лица земли строй комиссародержавия и чрезвычайной охраны», говорили, что «очередным вопросом подполья является организация динамитной борьбы с режимом Совнаркома и чрезвычайками и организация массового движения...» (см. т. 1, с. 329, 331). Анархисты клеветали на Советскую власть, на партию большевиков, призывали рабочих и крестьян подняться на борьбу за установление «всероссийской вольной федерации союзов трудящихся и угнетенных масс». Взрыв 25 сентября они определяли как «начало нового нарастания революционной волны» (там же, с. 335). В ходе расследования Московская чрезвычайная комиссия раскрыла участие в подрывной работе анархистов наборщика типографии Наркомпути меньшевика М. С. Молчанова, который печатал некоторые анархистские листовки.

На следствии один из арестованных сказал, что 7 ноября, в день второй годовщины Октябрьской революции, анархисты намерены произвести в Москве ряд взрывов. Он же сообщил, что штаб-квартира террористов находится на даче в поселке Красково, где у них имеется лаборатория по изготовлению бомб и типография. До праздника оставалось один-два дня. МЧК приняла решение срочно ликвидировать гнездо террористов. На рассвете чекисты окружили дачу. Возникла перестрелка. На предложение сдаться анархисты ответили отказом. Видя безвыходность положения, они взорвали дачу и себя вместе с ней. От мощного взрыва здание взлетело на воздух. Начался пожар. На месте дачи оста-

лись обгорелые бревна, трупы террористов, остатки типографского станка, оболочки бомб, оружие...

Через несколько дней в Туле, Подольске, Брянске чекисты выявили и обезвредили тех, кто снабжал анархистов патронами, оружием, динамитом. Обнаружили также тайные склады оружия и боеприпасов.

По постановлению МЧК восемь участников террористической группы (Гречаников, Попов, Николаев, Восходов, Хлебныйский, Ценципер, Исаев, Домбровский) были расстреляны. Черепанова приговорили к ссылке в Сибирь, где он вскоре умер от тифа.

Одним из наиболее значительных успехов, достигнутых ВЧК в годы гражданской войны, является ликвидация контрреволюционной заговорщической организации «Национальный центр». Во втором томе «Красной книги ВЧК» опубликовано большое количество документов об образовании и деятельности «Центра», его партийном составе, формах организации, источниках финансирования, связях со штабами Колчака, Деникина, Юденича, с разведывательными службами стран Антанты.

В середине июня при попытке перейти границу на лужском направлении под Петроградом был убит караулом бывший офицер А. Никитенко, пробиравшийся к белым. При обыске у него обнаружили в мундштуке папиросы письмо на имя генерала Родзянко, подписанное «Вик». Из письма было видно, что в Петрограде имеется белогвардейская организация, готовившая выступление в момент предполагаемого захвата города войсками Юденича.

Через месяц при попытке перейти финскую границу в районе Белоострова были задержаны А. Самойлов и Н. Боровой-Федотов, начальник Сестрорецкого разведывательного пункта. При аресте последний выбросил пакетик, в котором оказалось зашифрованное письмо. В нем сообщались данные о дислокации частей 7-й армии, их численности и вооружении, а также указывалось на существование крупной белогвардейской организации в Москве.

Допрос Самойлова и Борового-Федотова вывел Особый отдел ВЧК на «Вика». Им оказался владелец фирмы «Фосс и Штейнингер» кадет В. И. Штейнингер — один из руководителей петроградского отделения «Национального центра». Он и другие члены организации были арестованы, в том числе представитель Юденича генерал М. М. Махов и меньшевик В. Н. Розанов — один из руководителей эсеро-меньшевистского «Союза возрождения России». В ходе следствия чекисты выявили агентов «Национального центра» в штабе 7-й армии, в советских, военных и транспортных учреждениях Петрограда.

В это время ВЧК получила дополнительные сведения о существовании антисоветской организации в Москве. На Южном фронте при попытке перейти к Деникину был задержан белогвардей-

ский курьер. Под ногтями у него обнаружили узкую фотопленку с шифрованным письмом. Ее немедленно отправили в Москву, в ВЧК. В письме оказались шпионские донесения о состоянии Красной Армии. Они были подписаны псевдонимом «дядя Кока».

Вскоре ВЧК получила новые сведения о существовании белогвардейского центра в Москве. Рано утром 27 июля председателю Слободского уездного исполкома Вятской губернии Н. С. Веселкову сообщили, что в уезде появился подозрительный гражданин в рваной шинели и худых сапогах, который щедро платит за подводу, не считаясь с существующей таксой. Веселков немедленно приказал милиции выставить на трактах посты и задержать неизвестного. Часа через два ему позвонил из села Вахрушево милиционер Бржоско и сказал, что распоряжение выполнено. При обыске у арестованного изъяли два револьвера и кинжал. В его куртке вместо ваты оказалось зашито около миллиона рублей «керенок»[1]. Задержанного направили в Вятку. На допросе в губчека он назвал себя — Н. П. Крашенинников и сообщил, что он офицер колчаковской разведки, направленный в Москву для передачи денег контрреволюционной организации. Крашенинникова немедленно выслали в распоряжение ВЧК.

Примерно в это же время в ВЧК поступило заявление учительницы школы № 76 о том, что к директору А. Д. Алферову часто приходят какие-то подозрительные лица.

В результате наблюдения за Алферовым и допроса Крашенинникова Особый отдел ВЧК выяснил, что в Москве имеется крупная заговорщическая организация под названием «Национальный центр», действующая в общероссийском масштабе. Она признана и субсидируется Колчаком. Во главе организации стоит кадет Н. Н. Щепкин. В ее состав входят кадеты, правые эсеры. Кроме «Национального центра» в Москве имеется еще политически возглавляемая им центральная военная организация, готовящая вооруженное восстание.

22 августа заместитель начальника Особого отдела ВЧК И. П. Павлуновский сообщил В. И. Ленину о раскрытии «Национального центра» и готовящейся ВЧК операции по аресту его участников.

Ознакомившись с докладом Павлуновского, Ленин 23 августа написал письмо Дзержинскому: «На прилагаемую бумажку, т. е. на эту операцию, надо обратить *сугубое* внимание. Быстро и энергично и *пошире* надо захватить»[2].

28 августа ВЧК с помощью Московской ЧК произвела обыски на квартирах А. Д. Алферова и Н. Н. Щепкина. У Алферова изъя-

[1] Государственный архив Кировской области, фонд коллекций и воспоминаний, опись личных дел, д. 1, л. 8.

[2] В. И. Ленин и ВЧК: Сборник документов (1917—1922 гг.). С. 204.

ли из тайника список заговорщиков. У Щепкина нашли в жестяной коробке, спрятанной в дровах на дворе, архив «Национального центра». Владельцы квартир были арестованы, а вместе с ними и прибывший к Щепкину деникинский связной. В коробке, найденной у Щепкина, были записки с изложением стратегического плана действий Юго-Восточного фронта в районе Саратова, сводка о составе армий Западного, Восточного, Туркестанского и Южного фронтов, сведения о численности, вооружениях и дислокации частей 9-й армии Южного фронта, описание Тульского укрепленного района и другие документы (см. т. 2, с. 244—252). Шпионские сведения отличались обстоятельностью и точностью. Было очевидно, что агенты «Национального центра» в штабах Красной Армии оперативно снабжали Щепкина, а через него Деникина важной информацией.

В коробке находились также фотопленки. На них были сняты копии писем видных деятелей кадетской партии, находившихся при штабе Деникина,— Н. И. Астрова, В. А. Степанова, князя П. Д. Долгорукова. Астров высоко оценивал сведения, присылаемые «дядей Кокой» (под этим псевдонимом скрывался Н. Н. Щепкин). «Наше командование,— писал он,— ознакомившись с сообщенными вами известиями, оценивает их очень благоприятно, они раньше нас прочитали ваши известия и весьма довольны» (т. 2, с. 268).

ВЧК арестовала многих видных деятелей и участников «Национального центра».

В сентябре Особый отдел ВЧК закончил приготовления к разгрому военной организации белогвардейцев — «Штаба Добровольческой армии Московского района». Во главе штаба стояли полковник В. В. Ступин и генерал Н. Н. Стогов. Заговорщики намечали при подходе войск Деникина к Москве поднять восстание, захватить важные стратегические пункты столицы, арестовать Советское правительство. В их распоряжении были три военных училища, полк железнодорожных войск, другие военные части. Они имели на вооружении броневики, артиллерию, стрелковое оружие. Штаб сформировал ударные группы для захвата Кремля, вокзалов, телеграфа, телефонной и радиостанции. Планировалось разрушение мостов на подступах к столице.

18 сентября Ф. Э. Дзержинский доложил на объединенном заседании Политического и Организационного бюро ЦК РКП(б) о подготовленном белогвардейцами восстании и намеченных ВЧК мерах по ликвидации заговора. Доклад был принят к сведению [1]. В ту же ночь чекисты арестовали штаб военной организации и ее личный состав, всего около 700 человек.

---

[1] См.: В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917—1922 гг.). С. 212.

23 сентября ВЧК опубликовала обращение «Ко всем гражданам Советской России!», в котором сообщалось о раскрытии московского и петроградского отделений «Национального центра» и о расстреле Н. Н. Щепкина, А. Д. Алферова, В. И. Штейнингера, М. М. Махова, Н. П. Крашенинникова и других руководителей и активных участников белогвардейского заговора. Она призвала трудящихся быть начеку. «Стойте на страже Республики днем и ночью,— говорилось в обращении.— Враг еще не истреблен целиком. Не спускайте с него своих глаз!»[1]

Вскоре после ликвидации «Национального центра» ВЧК раскрыла в Петрограде шпионскую организацию резидента английской разведки Поля Дюкса. Заговорщики пробрались в части и учреждения 7-й армии, в Петроградский Совет, в ЧК. Бывший начальник штаба 7-й армии Люндеквист разработал для Юденича оперативный план наступления на Петроград. В нем были указаны слабые пункты советского фронта, что облегчало белой армии вести наступательные операции. Организация Дюкса готовила восстание в Петрограде — были сформированы 12 отрядов, разработаны планы захвата стратегических объектов, взрыва железнодорожных мостов. Готовясь к восстанию, контрреволюционеры даже поспешили образовать «правительство», которое должно было взять власть в Петрограде после победы восстания.

Разоблачение и разгром «Национального центра» и заговора Поля Дюкса сыграли решающую роль в борьбе с внутренней контрреволюцией и агентурой империалистических разведок. В наиболее критический момент гражданской войны ВЧК предотвратила белогвардейские восстания в крупнейших центрах государства. Своей высокой бдительностью и решительными действиями чекистские органы надежно обеспечили безопасность тыла Советской республики.

Следствие по делу «Национального центра» показало, что в Москве имеется политическое объединение, которое направляет деятельность различных антисоветских организаций и центров. Оно называлось «Тактический центр». В феврале—марте 1920 года ВЧК арестовала членов этого общероссийского контрреволюционного объединения. Они дали подробные письменные и устные показания о деятельности различных антисоветских организаций и групп начиная с 1917 года, их взаимоотношениях, партийном составе, об объединении их на платформе «Тактического центра». Все эти показания и обширные исторические очерки, написанные арестованными, опубликованы во втором томе «Красной книги ВЧК».

---

[1] Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг.: Сборник документов. С. 321.

2*

Одной из организаций, входивших в «Тактический центр», был «Совет общественных деятелей». Его возникновение связано с проходившим в августе 1917 года в Москве совещанием общественных деятелей — членов Государственной думы, кадетов, промышленников, цензовых земцев, представителей профессуры, лиц свободных профессий. Совещание поддержало требования реакционного генералитета об установлении в России «твердой власти», высказалось против слишком либеральной, на их взгляд, политики Керенского. В октябре состоялось второе совещание, избравшее постоянно действующий «Совет общественных деятелей». В состав «Совета» вошли кадеты, промышленники, бывшие октябристы и деятели царского режима. В феврале — марте 1918 года «Совет» выработал программу: борьба с Советской властью, восстановление «порядка» и частной собственности, признание в качестве единственно приемлемой формы правления в России конституционной монархии. Наиболее активными деятелями «Совета» являлись Д. М. Щепкин, С. М. Леонтьев, бывшие товарищи (заместители) министров внутренних дел — первый в царском, второй — во Временном правительстве.

В марте 1918 года возникла еще одна антисоветская организация. Так называемые «государственно мыслящие люди» страны объединились в «Правый центр». В него вошли «Совет общественных деятелей», Торгово-промышленный комитет, «Союз земельных собственников». «Правый центр» в борьбе против большевизма, против революции делал ставку на сближение с Германией. Руководителями этого объединения были бывший царский министр Кривошеин и профессор Новгородцев. В мае 1918 года из состава «Правого центра» вышли кадеты, несогласные с его германской ориентацией, затем представители Торгово-промышленного комитета. Осенью 1918 года многие руководители «Центра» уехали на юг к Деникину, и он прекратил свое существование.

В противовес «Правому центру» эсеры, меньшевики, кадеты, народные социалисты в мае 1918 года образовали «Союз возрождения России». Его целью ставилось вооруженное свержение Советской власти и учреждение единоличной диктатуры с последующим созывом Учредительного собрания, восстановление частной собственности, аннулирование Брестского договора, создание вместе с союзниками «Восточного фронта» для борьбы против немцев. Учредителями «Союза возрождения» были кадеты Н. И. Астров, Н. Н. Щепкин, С. П. Мельгунов, Н. М. Кишкин, народные социалисты Н. В. Чайковский, В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов, эсеры Н. Д. Авксентьев, И. И. Бунаков. Позже в него вошли меньшевики А. Н. Потресов и В. Н. Розанов. «Союз возрождения» проводил активную работу по отправке офицеров из центральных городов страны в белогвардейские армии на Дону и на Севере.

Одновременно с «Союзом возрождения» образовался «Национальный центр». Он объединил представителей несоциалистических партий и групп. Во главе «Центра» стоял Д. Н. Шипов, а после его ареста в начале 1919 года — кадет Н. Н. Щепкин. Программа организации — свержение власти Советов, установление единоличной диктатуры во главе с генералом Алексеевым, продолжение войны с Германией, создание Восточного фронта. «Национальный центр» поддерживал постоянную связь с Добровольческой армией, а затем и с Колчаком, а также с союзниками. Летом 1918 года ряд видных деятелей «Центра» был откомандирован на юг к Деникину. Там они образовали свою организацию «Национального центра». Н. И. Астров и М. М. Федоров, ее руководители, вошли затем в правительство Деникина.

Весной 1919 года происходит объединение «Национального центра», «Союза возрождения России» и «Совета общественных деятелей» в «Тактический центр». Если раньше «Совет общественных деятелей» из-за своей прогерманской ориентации враждебно относился к «Союзу возрождения», то теперь, после поражения Германии, это препятствие для сближения отпало. При объединении стороны пошли на взаимные уступки: монархисты согласились с требованием созыва Национального собрания, а «социалисты» признали лозунги военной диктатуры и восстановления в России частной собственности. И те и другие ожидали прихода в Москву генерала-диктатора и уничтожения большевизма. «Тактический центр» высказался за признание Колчака «верховным правителем России». Каждая организация, вошедшая в «Центр», сохраняла автономию и обособленность, а также финансовую самостоятельность.

В руководство нового антисоветского объединения вошли от «Национального центра» Н. Н. Щепкин, О. П. Герасимов, С. Е. Трубецкой, от «Союза возрождения» — тот же Н. Н. Щепкин и С. П. Мельгунов, от «Союза общественных деятелей» — Д. М. Щепкин и С. М. Леонтьев. В составе «Тактического центра» была образована военная комиссия (Н. Н. Щепкин, С. М. Леонтьев, С. Е. Трубецкой). Она установила связь со «Штабом Добровольческой армии Московского района» и с бандами зеленых в Московской губернии. При участии военной комиссии был разработан план восстания в Москве, который не был осуществлен из-за провала организации.

Члены «Тактического центра» С. А. Котляревский, А. В. Карташев, О. П. Герасимов и другие разрабатывали положение о государственном устройстве России после падения Советской власти, проекты решения международного, рабочего, продовольственного, церковного, национального вопросов. Все эти документы обсуждались на заседаниях «Центра».

«Тактический центр» поддерживал связи с Колчаком и Деникиным, а также с дипломатическими представителями и разведывательными службами стран Антанты (в частности, с резидентурой Поля Дюкса).

Следствие по делу «Тактического центра» закончилось летом 1920 года. 16—20 августа дело рассматривалось в Верховном ревтрибунале под председательством заместителя председателя ВЧК И. К. Ксенофонтова. Хотя процесс происходил в самый разгар войны с Польшей, тем не менее подсудимым были обеспечены все необходимые гарантии: заседание трибунала проходило при открытых дверях, присутствовали представители прессы, имело место состязание обвинения и защиты. Такой характер рассмотрения дела отражал упрочение внутриполитического положения Советской власти.

Верховный ревтрибунал признал 20 руководителей и наиболее активных членов «Тактического центра» виновными «в участии и сотрудничестве в контрреволюционных организациях, поставивших себе целью ниспровержение диктатуры пролетариата, уничтожение завоеваний Октябрьской революции и восстановление диктатуры буржуазии путем вооруженного восстания и оказания всемерной помощи Деникину, Колчаку, Юденичу и Антанте»[1], и приговорил их к расстрелу. Но, приняв во внимание чистосердечное раскаяние подсудимых, выраженное ими желание участвовать в восстановлении народного хозяйства, а также осуждение ими белогвардейских выступлений и иностранной интервенции, трибунал постановил заменить расстрел иными наказаниями. Руководители «Тактического центра» Д. М. Щепкин, С. М. Леонтьев, С. Е. Трубецкой и С. П. Мельгунов были осуждены на 10 лет тюрьмы. Десять подсудимых трибунал приговорил к условному наказанию, шестерых — к лишению свободы до конца гражданской войны, троих — к лишению свободы на три года. Один подсудимый, С. Д. Урусов, бывший товарищ министра внутренних дел в правительстве С. Ю. Витте, по суду был оправдан, четверо подсудимых освобождены от наказания по амнистии. 17 лидеров контрреволюции, находившихся за границей, ревтрибунал объявил врагами народа.

В 1921 году все осужденные по делу «Тактического центра» были по амнистии освобождены из мест заключения. Некоторые из них — Мельгунов, Левицкий и другие эмигрировали и продолжали борьбу против Советской власти. Многие остались в СССР, работали в различных учреждениях. Так, Н. М. Кишкин служил в Наркомздраве, Н. Д. Кондратьев занимал ответственную долж-

[1] Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг.: Сборник документов. С. 406—407.

ность в Наркомземе. В 1931 году он был необоснованно обвинен в контрреволюционной деятельности и привлечен вместе с А. В. Чаяновым к суду по сфальсифицированному делу так называемой «Трудовой крестьянской партии». В 1988 году реабилитирован. Профессор Н. К. Кольцов стал основоположником отечественной экспериментальной биологии, выдающимся советским генетиком. Его избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР. В 1940 году на основании ложных обвинений Кольцова репрессировали. Впоследствии реабилитирован.

Материалы, опубликованные в «Красной книге ВЧК», раскрывают перед нами картину ожесточенной борьбы сил старого мира против власти рабочих и крестьян. Перед читателем вереницей проходят представители самых разных антисоветских течений и групп: монархисты и кадеты, не скрывавшие своей ненависти к новому строю; правые эсеры и меньшевики, называвшие себя социалистами, а на деле боровшиеся против Советской власти; левые эсеры и анархисты, организаторы мятежей, убийств, взрывов, прикрывавшие свое истинное лицо громкими фразами о ненависти к империализму, о преданности идеалам революции, о верности трудовому народу. Разные партии, разные политические течения. Но всех их объединяла ненависть к большевизму, к пролетарской диктатуре.

Документы книги отражают политические программы антисоветских партий, формы их подрывной деятельности против Советского государства, они дают представление о том, насколько сложна и опасна была обстановка в стране, какую реальную угрозу существованию новому зарождавшемуся общественному строю создавали многочисленные его враги.

Помещенные в «Красной книге ВЧК» материалы свидетельствуют о мужестве чекистов, их героизме, самоотверженности и преданности революции. Они показывают, как шаг за шагом сотрудники ЧК и особых отделов накапливали опыт борьбы с врагами Советской власти, совершенствовали свое профессиональное мастерство. Из книги видно, что ВЧК не смогла бы добиться побед над контрреволюционерами, не сумела бы раскрыть многие их тайные, законспирированные центры, если бы она не опиралась на повседневную помощь масс.

Вместе с тем документы, опубликованные в книге, свидетельствуют и о том, что, когда ВЧК не удавалось вовремя раскрыть и предупредить выступление врагов, это приводило к большому кровопролитию, к многочисленным жертвам. Особенно ярко это видно на примере ярославского мятежа, при подавлении которого погибли сотни людей с обеих сторон, и на примере взрыва в Леонтьевском переулке. Легко себе представить, какое кровопускание рабочим и крестьянам устроили бы белогвардейцы в июле 1918 го-

да и в сентябре—октябре 1919 года, если бы подготавливаемые ими восстания в Москве завершились победой. К счастью, чекисты сумели вовремя раскрыть их замыслы, ликвидировать их центры. В тяжелой, суровой борьбе ВЧК отстояла завоевания Октября от многочисленных происков тайных и явных врагов. В этом ее историческая заслуга перед революцией, перед советским народом.

И в заключение еще об одном выводе, который можно сделать на основе ознакомления с документами «Красной книги ВЧК». Гражданская война всегда была и остается огромной трагедией народов. Она отличается особой жестокостью: каждый сражающийся рассматривает своего противника как предателя родины, нации. Насилие одних порождает в ответ еще большее насилие других. Сотни тысяч, а иногда и миллионы людей гибнут в этих войнах.

Гражданская война в СССР также была трагедией для миллионов жителей страны. Она была навязана советскому народу внутренней контрреволюцией и международным империализмом. Советской власти пришлось мобилизовать все силы республики, чтобы в ожесточенной борьбе отразить нашествие полчищ белогвардейцев и интервентов, сохранить завоевания Октября. Другого выхода не было. Правда, в январе 1919 года президент США Вильсон предлагал всем правительствам в России объявить перемирие и созвать в феврале на Принцевых островах конференцию для переговоров о прекращении войны на основе сохранения территорий, занимаемых к этому времени каждой воюющей стороной. Советское правительство, верное политике мира, в специальной ноте странам Антанты заявило о своем согласии принять участие в конференции. Оно даже было согласно на признание факта захвата части территории республики белогвардейскими правительствами ради благородной цели прекращения гражданской войны. Однако советская нота осталась без ответа, а правительства Колчака, Деникина, Юденича заявили об отказе участвовать в переговорах с большевиками.

Последствия гражданской войны были очень тяжелыми. Ущерб, причиненный экономике, составлял около 50 миллиардов рублей золотом; промышленное производство сократилось до 4—20 процентов от уровня 1913 года, сельскохозяйственное — упало почти в 2 раза. На поле брани, от тифа и голода погибло 8 миллионов человек [1]. Разумеется, жертвы были бы во много раз меньше, если бы не интервенция империалистов.

Еще более тяжелыми и опасными по своим последствиям являются современные гражданские войны. Воюющие стороны, как

[1] Гражданская война в СССР. М., 1986. Т. 2. С. 406.

правило, опираются теперь на постоянную поддержку внешних сил. Это делает войны затяжными, нередко без перспективы на достижение победы каждым из противников. В борьбе используется новейшее оружие, обладающее огромной поражающей силой. Наконец, современная гражданская война создает угрозу втягивания в конфликт соседних государств и даже может привести к развязыванию ядерной войны с ее гибельными для человечества последствиями. Поэтому необходимо выискивать все возможности, чтобы решать конфликты не только между нациями, но и внутри наций мирными средствами, путем политического диалога. Только такой путь преодоления противоречий отвечает в ядерную эпоху общечеловеческой потребности в выживании.

* * *

Семьдесят лет назад редактор первого тома «Красной книги ВЧК» П. Макинциан писал в предисловии к ней: «Красная книга» для грядущих поколений явится частью архива Великой Октябрьской революции, первоисточником по истории борьбы революционного пролетариата с отечественной и мировой, явной и скрытой контрреволюцией...» (т. 1, с. 47). Однако судьба книги сложилась таким образом, что нескольким поколениям советских людей она оказалась совершенно недоступной. В 30-е годы были репрессированы ее авторы и составители. Книга была изъята из употребления и уничтожена. Уцелело лишь несколько ее экземпляров в специальных хранилищах двух-трех библиотек.

Учитывая большую историографическую и источниковую ценность «Красной книги ВЧК», возросший в последние годы интерес советских людей к документам и материалам периода гражданской войны, к деятельности ВЧК, Политиздат решил выпустить книгу вторым изданием. Оно полностью воспроизводит издание 1920—1922 годов, без каких-либо купюр. Отточия в книге поставлены составителями ее первого издания. Слова, заключенные в квадратные скобки, принадлежат редакции нового издания и введены в текст для смысловой связки [1]. «Красная книга ВЧК» создавалась наспех, в условиях гражданской войны и сложной обстановки перехода к нэпу. Составители могли уделять ей лишь небольшое время, которое удавалось выкроить от основной работы, связанной с выявлением и ликвидацией подрывной деятельности внутренних и внешних врагов. В результате этого в первом издании книги прошло большое количество ошибок и неточностей в написании имен, фамилий, географических названий, дат. Из-за некачественной сверки с оригиналами некоторые документы напеча-

[1] В ряде случаев в квадратных скобках приводится текст, восстановленный в настоящем издании по подлинникам документов.

таны с искажениями. В настоящем издании такие документы воспроизведены по подлинникам, хранящимся в Центральном архиве КГБ СССР. Факты, нечетко или противоречиво изложенные, также сверены по архивным материалам.

В текст внесены и другие исправления: написание отдельных слов приведено в соответствие с современными орфографическими нормами; устранены механические повторения отдельных фраз и словосочетаний, допущенные при наборе. В прежнем издании книги содержится большое количество аббревиатур, неизвестных современному читателю,— почти все они расшифрованы в настоящем издании.

Внесенные уточнения, как правило, оговорены в примечаниях.

Новое издание снабжено редакционными примечаниями, комментариями. Они приводятся в подстрочнике под арабскими цифрами. Знак * в примечании означает, что оно принадлежит редакции издания 1920—1922 годов.

Оба тома книги имеют указатели имен и географических названий (составитель Н. А. Петрова). В издании 1920—1922 годов они отсутствовали.

Ввиду того что в первом издании книги оглавление было очень кратким (оно включало лишь разделы), в настоящем издании редакцией составлено подробное содержание к каждому тому.

В первом томе книги редакция сделала попытку воспроизвести фотографии, содержавшиеся в первом издании. К сожалению, не удалось получить достаточно четких отпечатков снимков, за что редакция приносит читателю извинения. Фотографий во втором томе не было. Публикуемые сейчас фотографии нам любезно предоставлены Центральным архивом Комитета государственной безопасности СССР. Существенную помощь в подготовке второго издания «Красной книги ВЧК» оказали сотрудники архива В. К. Виноградов, В. М. Маркелов, В. Н. Сафонов, за что издательство выражает им большую благодарность.

А. С. Велидов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Два с половиной года тому назад пролетариат дал своим классовым врагам «решительный», но далеко не «последний» бой. Из ряда битв он вышел со щитом, но эта победа означала лишь перевес его сил над силами врага, которые не только не лишились надежды вернуть свое былое господство, но и материальных средств, то есть объективной возможности бороться за осуществление своих вожделений.

Остатки расхлябанной государственной машины старого режима были быстро сметены, нарождающаяся было буржуазно-демократическая республика с разгоном Учредилки раздавлена, и перешла «вся власть Советам», то есть был пущен в ход государственный аппарат, соответствующий диктатуре пролетариата.

Однако новый диктатор, явившийся на смену помещикам и буржуазии, принявшись за новое строительство, в первый момент оказался в блестящем одиночестве. Ряды контрреволюции, вскормленной еще прекраснодушным режимом Керенского, пополнились новыми и новыми ратниками. По ту сторону баррикад пролетарских очутились ошалевшие на мгновение от ужаса и неожиданности мощного удара Октября фабриканты, банкиры, помещики, офицеры, попы и полицейские и все те промежуточные общественные группы, которые либо действительно были в той или иной мере обижены пролетарской революцией, либо мнили себя обиженными в силу понятий и привычек, привитых им ниспровергнутым строем.

Пролетариат, в начале своего выступления державший курс на близкую всемирную социалистическую революцию, вскоре, однако, убедился, что в темпе назревающих событий он ошибся, что на немедленную поддержку пролетариев передовых капита-

листических стран рассчитывать не приходится. Он то «лавировал и отступал», то покупал дорогой ценой «передышку», чтобы тем временем сплотиться и выдержать бешеный натиск очнувшихся от столбняка контрреволюционеров. К тому же империалисты всех передовых стран, почуяв беду и добычу после небывалой во всемирной истории рабочей революции, обрушились на Республику Советов всеми имеющимися в их распоряжении силами и средствами, так что наши отечественные контрреволюционеры получили помощь и поддержку рублем и дубьем.

Пролетариату пришлось волей-неволей, да и теперь еще приходится, напрягать все усилия к тому, чтобы преодолеть сопротивление среды, зараженной миазмами разложившегося буржуазного общества, нейтрализовать те или иные элементы во враждебном лагере, привлечь на свою сторону новые и новые общественные слои, расширяя тем самым социальную базу Советской власти. Пришлось все силы вложить в борьбу за окончательное и прочное самоутверждение.

И что же получилось?

Пролетариат, завоевавший власть для того, чтобы «свой, новый мир построить», в силу создавшихся условий был принужден повременить с новым строительством, чтобы довести до конца борьбу за возможность полного переустройства общества на социалистических началах.

Борьба за возможность творить новое, борьба с контрреволюцией российской и мировой выпала на долю двух органов Советской власти — на военное ведомство и ВЧК [1].

Громкие победы на полях брани покрыли красную рать республики неувядаемой славой. Заслуги Красной Армии (при своем возникновении строго классовой, а теперь поистине всенародной) ныне признаются даже теми маловерами, которые в начале ее создания стояли в сторонке со скептическими словами и смехом на устах.

Работа ВЧК, ее достижения, наоборот, остаются в тени. Эта разница, конечно, есть результат характера работы того и другого органа. В то время как наступление или отступление, эвакуация или взятие любого города происходят у всех на виду, в условиях такой же широкой гласности работа Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией была бы обречена на полное бесплодие... В белогвардейском стане процветает подзаборная литература «об ужасах чрезвычаек»; меньшевики, правые, левые и иные эсеры, анархисты, спекулянты постоянно скулят о «насилиях» и «зверствах», чинимых чрезвычайками, иначе говоря — судит среда, которую нам приходится преодолевать, среда, постав-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 396.

ляющая клиентов чрезвычайным комиссиям. А советская, даже партийная, публика имеет самое отдаленное представление о роли и работе ВЧК. А между тем, не говоря о всем прочем, успехи той же Красной Армии были бы абсолютно немыслимы без помощи со стороны ВЧК.

Предлагаемая ныне вниманию читателей «Красная книга» заключает в себе документальные данные о работе ВЧК.

Контрреволюция отнюдь не исчерпывается открытой вооруженной борьбой иноземных и отечественных банд против Советской власти или же открытыми мятежами и восстаниями в городах и деревнях. Есть иные, скрытые виды контрреволюции, которые стремятся свить себе гнезда решительно во всех советских учреждениях, не исключая органов борьбы с нею. По своему характеру и приемам контрреволюция чрезвычайно разнообразна и гибка, но цель ее одна: сломить рабоче-крестьянское государство изнутри и помочь, облегчить дело борющихся с ним снаружи открытой, вооруженной силой.

Разумеется, в момент, когда победа пролетариата над своими классовыми врагами далеко не завершена, материалы «Красной книги» приобретают особенную остроту и злободневность.

Знакомясь с проявлениями и приемами контрреволюции по подлинным документам, научившись распознавать ее, каждый честный гражданин Советской России поймет, что ему надо быть начеку, что нельзя ему не принять посильного участия в деле ее подавления. Ведь наша революция отличается неслыханным доселе массовым характером, все и вся вовлечены в ее круговорот; нет, не может и не должно быть человека, наблюдающего события наших дней оком стороннего зрителя. «Красная книга», таким образом, приобретает весьма важное политическое значение.

В ней — все цвета радуги политической мысли: от самых заядлых крепостников, матерых монархистов и заправских кулаков до тех, которые «левее здравого рассудка».

Еще в начале апреля 1917 года на вопрос, каковы главные группы политических партий в России, тов. Ленин отвечал:

1) Партии и группы правее кадетов.

2) Партия конституционно-демократическая (кадеты, партия народной свободы) и близкие к ней группы.

3) Социал-демократы, социалисты-революционеры и близкие к ним группы

и, наконец,

4) «Большевики». Партия, которой следовало бы называться *коммунистической партией* и которая ныне зовется «Российская

социал-демократическая рабочая партия, объединенная Центральным Комитетом», а в просторечии «большевиками»[1].

Тогда же тов. Лениным был дан классический социальный анализ вышеприведенных партий.

Какой класс представляют эти партии?

1) Правее кадетов — крепостников-помещиков и самых отсталых слоев буржуазии (капиталистов).

2) Кадеты — всей буржуазии, то есть класса капиталистов, и обуржуазившихся, то есть ставших капиталистами, помещиков.

3) Социал-демократы и социалисты-революционеры — мелких хозяев, мелких и средних крестьян, мелкой буржуазии, а также части поддавшихся влиянию буржуазии рабочих.

4) «Большевики» — сознательных пролетариев, наемных рабочих и примыкающей к ним беднейшей части крестьян (полупролетариев)[2].

И за полгода до Октября, путем умственного социологического эксперимента, тов. Ленин определил отношение всех этих партий к самому основному вопросу нашей революции.

Он ставил вопросы: надо ли крестьянам тотчас брать все помещичьи земли, следует ли народу взять в свои руки самые крупные и самые сильные, монополистические организации капиталистов — банки, синдикаты заводов и т. п.

Ответы на эти вопросы, в сущности, и явились ответом на вопрос, каково их отношение к социализму и к Советской власти. Большевики оказались по одну сторону, а все прочие политические партии и группы — по другую.

История уже блестяще подтвердила этот прогноз. За последние два с половиной — три года мы — свидетели распада и разложения многих партий. Рядом с Корниловым, Калединым, Красновым, Колчаком и теперь Деникиным мы встречали и встречаем множество крупных имен решительно из всех партий, очутившихся в законном и незаконном сожительстве с белогвардейцами. Разложение зашло так далеко, что правое и левое крыло одной и той же партии отделяются непроходимой пропастью: поистине не знает левое, что творит правое. Так, Савинков, вдохновитель белогвардейской организации «Союз защиты родины и свободы», эсер, Вольский, Буревой [3] и т. д., проделавшие горький опыт кол-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., Т. 31. С. 194.

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 194—195.

[3] Вольский В. К., Буревой К. С. — лидеры группы, отколовшейся от партии эсеров и вставшей на путь сотрудничества с Советской властью. С января по август 1919 года группа называлась «Уфимская делегация», с августа по октябрь — «Народ», с октября — «Меньшинство партии социалистов-революционеров».

чакиады и перешедшие в советский стан,— тоже эсеры. Плехановцы, входившие в состав той же белогвардейской организации,— эсдеки [1], недавно слившиеся с партией коммунистов с.-д. интернационалисты [2]— тоже эсдеки. На наших глазах группа левых эсеров, отколовшаяся от правых, пошла было в ногу с коммунистами, да и та, описав крутую дугу на политическом горизонте, скатилась в бездну контрреволюции. Еще и сегодня на вопрос, как относятся к социализму политические партии в России, приходится повторять ответ тов. Ленина:

Правее кадетов и кадеты. Безусловно враждебно, ибо он грозит прибылям капиталистов и помещиков.

Социал-демократы, социалисты-революционеры. За социализм, но думать о нем и немедленно делать практические шаги к его осуществлению рано.

Большевики. За социализм. Необходимо, чтобы Советы рабочих и прочих депутатов тотчас делали практические возможные шаги к осуществлению социализма.

Итак, за социализм сегодня, как три года тому назад, лишь партия большевиков. Это начинают понимать некоторые группы из мелкобуржуазных партий, после колебаний примыкающих к социализму,— они на своих съездах выносят резолюции о слиянии с коммунистической партией.

Документы «Красной книги» дадут возможность читателю составить точное представление о различных политических партиях и течениях внутри этих партий на основании подлинных показаний и писаний представителей этих же партий и течений. Непреложные факты и непререкаемые документы дадут возможность найти политическую правду тем, кто ее искренне ищет. Эволюция политических партий и вся разнообразная гамма политического спектра в подлинных красках предстанет перед глазами читателя, и имеющий глаза да узрит.

---

[1] Эсдеки-плехановцы — социал-демократы, крайние правые меньшевики, члены созданной в 1914 году Г. В. Плехановым группы «Единство» (группа организационно оформилась весной 1917 года); отрицали возможность победы социалистической революции в России, поддерживали Временное правительство, выступали за продолжение войны «до полной победы». После Октябрьской революции часть плехановцев встала на путь борьбы с Советской властью. Летом 1918 года распалась.

[2] С.-д. интернационалисты — левое крыло меньшевиков, занимавшее в годы первой мировой войны непоследовательно интернационалистскую позицию. Критикуя социал-шовинистов, они в то же время организационно не порывали с ними. После Февральской революции отрицательно относились к коалиции с буржуазией, выступали за прекращение войны. После победы Октябрьской революции участвовали в работе Советов и в то же время требовали передачи власти Учредительному собранию, выступали против диктатуры пролетариата. В 1918—1920 годах значительное число меньшевиков-интернационалистов вступило в ряды РКП(б).

«Красная книга» для грядущих поколений явится частью архива Великой Октябрьской революции, первоисточником по истории борьбы революционного пролетариата с отечественной и мировой, явной и скрытой контрреволюцией, для нас же, живых современников и непосредственных участников великой и возвышенной борьбы за возможность нового социалистического строительства, она — объективное, но живое подтверждение правильности нашего политического пути, по которому мы шли и идем от победы к победе, до полного торжества идеалов коммунизма.

П. Макинциан [1]

---

[1] Макинцян Погос (Макинциан Павел Никитович) (1888—1938) — видный партийный, советский и общественный деятель Армении. Член партии с 1917 года. В 1918—1919 годах — заместитель комиссара по делам армян в Наркомнаце. В 1920 году — заведующий отделом просвещения национальных меньшинств при Наркомате просвещения РСФСР, сотрудник бюро печати при ВЧК. Член ЦК Компартии (б) Армении, член ЦИК Армянской ССР всех созывов, член ЦИК Закавказской Федерации. В 1921 году — нарком внутренних дел и заместитель председателя Совнаркома Армении. В том же году — нарком просвещения Армении. В последующие годы на хозяйственной работе. Один из первых переводчиков «Манифеста Коммунистической партии» на армянский язык. Переводил на армянский язык произведения Пушкина, Гоголя, Сервантеса. Один из составителей «Поэзии Армении с древнейших времен до наших дней» (М., 1915) и авторов «Сборника армянской литературы» (Пг., 1916). В июле 1938 года незаконно осужден. В 1955 году реабилитирован посмертно.

СОЮЗ
ЗАЩИТЫ
РОДИНЫ И
СВОБОДЫ

1. РАСКРЫТИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

В середине мая 1918 года одной из сестер милосердия Покровской общины было сделано заявление командиру латышского стрелкового полка в Кремле, что в ближайшие дни в Москве ожидается восстание и особенно жестоко будут расправляться с латышскими стрелками. Об этом ей рассказывал влюбленный в нее юнкер Иванов, находящийся на излечении в Покровской общине. Последний ее умолял покинуть на это время Москву, дабы избегнуть неприятностей и опасности, угрожающей в результате междоусобной войны. Этому заявлению нельзя было отказать в серьезности. Заявление было передано в ВЧК.

Последняя немедленно установила наблюдение за Ивановым и скоро обнаружила, что Иванов часто заходит в Малый Левшинский переулок, дом 3, кв. 9. В этой квартире постоянно собиралось много народу, поэтому было решено произвести обыск во время одного из сборищ. В квартире было обнаружено 13 человек: Иванов, Парфенов, Сидоров, Висчинский, Голиков, Голикова и др. На столе среди прочих бумаг был найден набросок схемы построения пехотного полка и небольшая сумма денег, от которой все отказывались. При личном обыске была обнаружена программа «Союза защиты родины и свободы», перепечатанная на машинке, картонный треугольник, вырезанный из визитной карточки, с буквами ОК., пароль и адреса в г. Казани.

При допросе Иванов сознался, что он был введен в «Союз защиты родины и свободы» Сидоровым. Он же показал, что в этой организации состоят: офицеры Парфенов, Сидоров, Пинка, Висчинский, Никитин, Литвиненко, Виленкин, Олейник с отцом, Коротаев и Шингарев. Организатором московской организации был Пинка, он же Альфред. Адрес последнего был установлен при допросе, а он сам после приезда из деревни, куда выехал к родным, арестован.

Пинка, в свою очередь, сознался и изъявил согласие выдать всю организацию при условии дарования ему жизни. Это ему было обещано. Тогда он показал следующее:

«Ввел меня в организацию Гоппер Карл Иванович. Наша организация придерживается союзнической ориентации, но существует еще и немецкая ориентация, с которой мы хотели установить контакт, но пока это не удавалось. Эта немецкая ориентация самая опасная для Советской власти. Она имеет много чиновников в рядах советской организации.

Во главе этой организации стоит от боевой группы генерал Довгерт. В курсе дела инженер Жилинский.

По данным, исходящим из этой организации, Германия должна была оккупировать Москву в течение двух недель (к 15 июня).

В этой же организации работает князь Кропоткин, ротмистр и полковник генерального штаба Шкот. Эта организация имеет связь с Мирбахом.

Она устраивает регулярно смотр своим силам, выделяя своих членов условными знаками, как-то: в шинелях нараспашку, красными значками в условленных местах и т. п. Смотр происходит на улицах и на бульварах.

Цель этой организации — установить неограниченную монархию. Наша организация называлась «Союзом защиты родины и свободы». Цель — установить порядок и продолжать войну с Германией. Во главе нашей организации стоит Савинков. Он побрился, ходит в красных гетрах и в костюме защитного цвета. Начальник нашего штаба — Перхуров. Савинков ходит в пальто защитного цвета и во френче, роста высокого, брюнет, стриженые усики, без бороды, морщинистый лоб, лицо темное. Сильное пособие мы получали от союзников. Пособие мы получали в деньгах, но была обещана и реальная сила. Наши планы были таковы: при оккупации Москвы немцами уехать в Казань и ожидать там помощи союзников. Но союзники ожидали, чтобы мы создали правительство, от лица которого бы их пригласили официально. Правительство было уже намечено во главе с Савинковым. Цель — установить военную диктатуру.

Казанская организация насчитывает 500 человек и имеет много оружия. 29-го числа (мая) отправились в Казань квартирьеры. Явиться они должны по адресу — северные номера, спросить Якобсена, отрекомендоваться от Виктора Ивановича [1] для связи с местной организацией. Из политических партий к нашей организации принадлежат: народные социалисты, социал-революционеры и левые кадеты, а сочувствовали даже меньшевики, но оказывали помощь только агитацией, избегая активного участия в вооруженной борьбе.

[1] Калинин В. И.— один из руководителей «Союза защиты родины и свободы», бывший комиссар Временного правительства при штабе Казанского военного округа.

По Милютинской [1], 10, живет фон дер Лауниц, он служит в Красной Армии начальником эскадрона. Он тоже состоит в организации. Торгово-промышленные круги принадлежат к немецкой ориентации. Наш Главный штаб [2] имеет связь с Дутовым и Деникиным, ставшим на место Корнилова. Новое Донское правительство — работа Деникина. Из адресов я знаю Виленкина, присяжного поверенного: Скатертный пер., д. 5/а, кв. 1. С ним связь поддерживал Парфенов. Он — заведующий кавалерийскими частями. На Левшинском [3], 3, был штаб полка. Право заходить туда имели только начальники и командиры батальона. Один человек должен был знать только четырех. Все устроено строго конспиративно. Все идет только через несколько рук.

Адрес Главного штаба — Остоженка, Молочный пер., д. № 2, кв. 7, лечебница (между 12—2).

Троицкий [4] пер., № 3, кв. 7, Филипповский, полковник (спросить поручика Попова, где живет Филипповский), рекомендация от Арнольдова.

Начальник продовольственной милиции Веденников тоже состоял в организации. Через него получались оружие и документы. Цель вступления в продовольственную милицию — получить легальное существование, вооружение и документы.

Дружинники получали следующее жалованье: командиры полков и батальонов [5] по 400, роты — 375 рублей, взвода — 350. Солдатам предлагалось выдавать 300 рублей.

Пока в составе дружины были только офицеры. В пехоте нашей числилось в Москве 400 офицеров. Сколько было кавалерии, не знаю. Сколько было в провинции, не знаю. Из наших людей часть работает в Кремле. По фамилиям не знаю. Один из них по виду высокого роста, брюнет, георгиевская петлица на шинели, лет 23—24, стриженые усы, без бороды.

В гостинице «Малый Париж», Остоженка, 43, можно встретить начальника штаба и тех, кто с докладом приходил. Там живет Шрейдер, офицер, принимает между 4—5, спросить Петра Михайловича.

В 19-й версте от Москвы по Нижегородской [6] железной дороге имеется дача, в которую недавно переселилась одна парочка. Недалеко от дачи на железной дороге два моста, под которыми под-

---

[1] Видимо, Милютинский переулок (ныне улица Мархлевского).
[2] Здесь и далее имеется в виду Центральный штаб.
[3] Видимо, Малый Левшинский переулок.
[4] Ныне Померанцев переулок.
[5] В тексте книги ошибочно написано «батар» (батарей).
[6] Ныне Горьковская железная дорога.

ложен динамит в целях взрыва советского поезда при эвакуации из Москвы.

Большая Николаевская[1], № 5, кв. 7, спросить Гусева. В его ведении состоят все склады оружия в Москве. Прием от 1—3.

Наши организации имеются в Ярославле, Рязани, Челябинске и приволжских городах. Было условлено, что японцы и союзники дойдут до линии Волги и тут укрепятся, потом продолжат войну с немцами, которые, по данным нашей разведки, в ближайшем будущем займут Москву. Отряды союзников составлялись смешанные, чтоб ни одна сторона не имела перевеса. Участие должны были принимать американцы. Семеновские отряды пока действовали самостоятельно, но связь все же хотели установить».

При помощи того же Пинки были установлены казанские адреса, куда немедленно были посланы уполномоченные ВЧК. Воспользовавшись паролем, им удалось связаться с Казанским штабом и заарестовать его целиком. В числе их был генерал Попов. После таких реальных услуг Пинка был нами освобожден. Но своего обещания продолжать раскрытие этой организации он не сдержал и скрылся. Уже в августе месяце напали на его след под Казанью, где он командовал белогвардейским батальоном.

На этот раз организацию окончательно разгромить не удалось. Она еще долго живет и устраивает восстания в Муроме, Рыбинске и Ярославле. Только со взятием Ярославля она получает сокрушительный удар и перестает существовать как самостоятельная организация.

Большинство ее членов перекочевывают к чехословакам, а часть переходит во вновь образованную контрреволюционную организацию «Национальный центр».

Такова в общих чертах история этой организации.

2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Наше освещение этого вопроса на основании добытого в процессе розыска материала могло бы показаться односторонним. Поэтому мы предоставляем об этом говорить самим белогвардейцам, а именно А. Дикгоф-Деренталю. В своей статье, помещенной в «Отечественных ведомостях» от 24 ноября 1918 года (выходили в Екатеринбурге)[2], он пишет следующее о возникновении этой организации:

---

[1] Ныне Ткацкая улнца.

[2] «Отечественные ведомостн» — орган «нацнональной н государственной мыслн», контрреволюцнонная газета, нздававшаяся сначала в Уфе, а в ноябре 1918 — нюле 1919 года в Екатерннбурге.

Б. В. Савинков

«Немедленно после октябрьского переворота, которому офицерские и юнкерские силы, руководимые Александровским училищем, сопротивлялись в Москве и долго и не бесславно, и в Москве, и в разных других городах России возникли во множестве тайные военные, почти исключительно офицерские, организации сопротивления. В Москве их насчитывалось до десятка. Среди них были совершенно независимые организации, руководимые ранее сложившимися офицерскими союзами и обществами. Другие образовались при политических партиях под руководством кадетов, социалистов-революционеров и социал-демократов меньшевиков (запомните хорошенько!), монархистов и др. Наконец, так как в это же время возникли политические новообразования, состоявшие из обособленных до того времени общественных групп, новообразования, ставившие себе целью борьбу с большевиками и возрождение России, то некоторые офицерские элементы сгруппировались около них. Наблюдалось, таким образом, чрезвычайное дробление сил и распыление их. Казалось бы, что общая цель должна была объединить все усилия, направленные к ее достижению, и всех людей, любящих свою родину. Но сильны еще были и не изжиты политические секты, и потому вместо единой и мощной организации существовали разрозненные кружки. Было много попыток объединить их, но попытки кончались ничем, главным образом потому, что за дело объединения и организации брались или люди, не обладавшие организаторским талантом, или партийные, или недостаточно известные.

В это время развала и полного разброда сил прибыл в Москву с Дона Б. В. Савинков, и как член Гражданского совета [1] при генерале Алексееве,— с определенным поручением последнего организовать и, по возможности, объединить офицерские силы Москвы без различия партий и направлений на единой патриотической основе, а также связаться с московскими общественными элементами. Во исполнение этого общего поручения Б. В. Савинковым и основан тайный «Союз защиты родины и свободы», имевший ближайшей целью свержение большевистской власти.

Момент для образования такой тайной организации был исключительно трудный. С полдюжиной людей в качестве помощников, с пятью тысячами рублей основного и организационного капитала было так же трудно вести серьезную работу в Москве, как и в песчаной пустыне.

Единственным элементом, искренне и безоглядно пошедшим на зов борьбы за родину, за позабытую Россию, было все-то же истерзанное, измученное и оскорбляемое русское офицерство. Организация сразу же приняла исключительно военный характер, ибо пополнялась и расширялась почти одними офицерами. Неожиданная крупная денежная помощь со стороны (от Масарика.— *Лацис* [2]) позволила сразу повести дело на широкую ногу. В середине марта пишущему эти строки пришлось в первый раз присутствовать на собрании штаба организации.

К этому времени уже удалось создать большой и сложный аппарат, работавший с точностью часового механизма. В учреждениях штаба, начальником которого был полковник А. П. Перхуров,

[1] «Донской гражданский совет» — белогвардейское «правительство», созданное в декабре 1917 года в Новочеркасске во главе с генералами-мятежниками М. В. Алексеевым, Л. Г. Корниловым и А. М. Калединым. «Совет» претендовал на роль «всероссийского» правительства. Он выступал за созыв Учредительного собрания, «свободу промышленности и торговли», участие вместе с союзниками в первой мировой войне и т. д. После разгрома мятежа Каледина в феврале 1918 года прекратил существование.

[2] Масарик Томаш Гарриг (1850—1937) — чехословацкий политический и государственный деятель. В мае 1917 — марте 1918 годов жил в России; председатель Чехословацкого национального совета, один из организаторов мятежа Чехословацкого корпуса в конце мая 1918 года. Поддерживал связь с Калединым, Корниловым, Алексеевым. В 1918—1935 годах был президентом буржуазной Чехословакии.

Лацис М. Я. (М. И.), настоящая фамилия Судрабс Я. Ф. (1888—1938) — советский партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1905 года. Участник революции 1905—1907 годов, подвергался репрессиям царского правительства. В 1917 году — член Петроградского ВРК, после Октябрьской революции — член коллегии НКВД, с мая 1918 года — член коллегии ВЧК, заведующий отделом по борьбе с контрреволюцией, затем председатель ЧК на Восточном фронте, председатель Военного трибунала и член РВС фронта. В 1919 году — председатель Всеукраинской ЧК, заведующий секретным отделом ВЧК. С 1921 года — на хозяйственной работе. В 1938 году незаконно репрессирован, впоследствии реабилитирован.

было занято от 150 до 200 человек, обслуживающих и объединявших до пяти тысяч офицеров в Москве и некоторых провинциальных городах. Имелись отделы формирования и вербовки новых членов, оперативный и иногородний отдел, разведка и контрразведка, террористический отряд и т. д.— целое сложное боевое хозяйство, подчиненное единой, приводившей его в движение и направлявшей воле.

Организация вскоре приняла название «Союз защиты родины и свободы» и, почувствовав свою все растущую силу, приступила к выработке плана восстания и свержения власти большевиков.

Летом 1918 года «Союз» достиг наибольшей силы и развития, каких только можно достигнуть в порядке тайного сообщества, при наличности полицейского сыска разных «комиссий по борьбе с контрреволюцией», постоянных угроз обысков, арестов и расстрелов. Наступил тот психологический момент в жизни, когда организация эта должна или проявить себя немедленно из подполья на свет божий, или же начать неизбежно внутренне разлагаться. С технической стороны все обстояло прекрасно: были деньги, были люди, были возможности вложить в общее русское дело и свою долю боевого участия.

«Русские себе добра не захотят, доколе к оному силой принуждены не будут»,— писал ученый сербин Юрий Крижанич [1] про наших прадедов еще в смутные дни Московского государства. В наши смутные дни для нас, внуков тех, «силой принужденных строить землю русскую», рецепт добра прежний. Необходимо было вооруженное открытое выступление. К подготовке его велись все усилия «Союза защиты родины и свободы» (Деренталь. «Отечественные ведомости», № 13, от 24 ноября 1918 года).

3. ПРОГРАММА ОРГАНИЗАЦИИ

Программу «Союза защиты родины и свободы» мы передаем в изложении самого «Союза». Программа эта была отпечатана и распространялась между членами организации.

I. ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ

А. БЛИЖАЙШЕГО МОМЕНТА

1. Свержение правительства, доведшего родину до гибели.
2. Установление твердой власти, непреклонно стоящей на страже национальных интересов России.

[1] Крижанич Ю. (ок. 1618—1683) — писатель, по национальности не серб, как указано в тексте, а хорват. В 1659—1676 годах жил на Руси; разработал программу социально-политических преобразований в Московском государстве.

3. Воссоздание национальной армии на основах настоящей воинской дисциплины (без комитетов, комиссаров и т. п.) Восстановление нарушенных прав командного состава и должностных лиц. Некоторым изменениям должны быть подвергнуты только уставы внутренней службы и дисциплинарный.

4. Продолжение войны с Германией, опираясь на помощь союзников.

Б. ПОСЛЕДУЮЩЕГО МОМЕНТА

Установление в России того образа правления, который обеспечит гражданскую свободу и будет наиболее соответствовать потребностям русского народа.

Примечание. Учредительное собрание первых выборов считается аннулированным.

II. ПОЛОЖЕНИЕ

1. Задачи, к выполнению которых мы готовимся, являются делом защиты жизненных интересов не отдельного класса или партии, а делом общенациональным, делом всего народа.

2. Поэтому активное выступление для осуществления намеченных задач может последовать лишь после всесторонней тщательной подготовки не только в техническом отношении, но и в политическом, путем объединения всех государственно мыслящих слоев населения.

3. Начатая активная борьба для осуществления поставленных задач прекращена быть не может и будет продолжаться, несмотря ни на какие трудности и неудачи.

4. Людям, ищущим только личной выгоды, людям слабым духом, колеблющимся, рассчитывающим на легкость достижения успеха и отказывающимся от продолжения дела при неудачах и трудностях,— не место в наших рядах.

5. Каждый должен твердо помнить, что при создавшемся хаосе русской жизни работа для достижения поставленных задач крайне тяжела. Потребуется крайнее напряжение всех моральных и физических сил, и напряжение продолжительное.

6. Несомненно, что вся тяжесть первого удара в начале выступления неизбежно ляжет на плечи наиболее идейных людей, обладающих, кроме того, технической подготовкой и твердой решимостью жертвовать собой до конца в борьбе за желанные результаты. Таким элементом в первую голову является офицерство, в массе подтвердившее свою самоотверженность в деле служения интересам родины; затем идейное гражданское население, обладающее некоторой технической подготовкой и спаянное идейной

дисциплиной. Все остальные, готовые жертвовать собой, но технически мало или вовсе неподготовленные, послужат резервом для закрепления и развития успеха первоначального удара.

7. Во всяком случае, степень дисциплинированности, такта и выдержки каждого участника во многом облегчит скорейшее достижение успеха.

8. Начальствующим лицам озаботиться:

а) ознакомлением подведомственных им чинов с основами этого положения и предложить отказаться от участия в деле тем, кто чувствует себя слабым духом и неспособным выдержать тех испытаний, которые неизбежны в решительной, активной борьбе. От отказавшихся требуется только одно — сохранение полной тайны о всем, что им стало известным об организации за время состояния в таковой. Отказы принимаются до 25 мая (время поступления в Центральный штаб). После этого всякие уклонения от обязанностей и отказы будут считаться сознательной изменой, равно как и разглашение тайн организации, и караться до лишения жизни включительно;

б) строго конспиративной, но тщательной регистрации всех лиц, состоящих у них на учете;

в) чтобы никто из членов организации не выдавал другого, наказывая изменников расстрелом. (Конец отсутствует вследствие разорванности листка.— *Лацис.)*

ЦЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ В ИЗЛОЖЕНИИ ПИНКИ

Главной задачей организации было создание в России порядка, создание мощной дисциплинированной военной силы, с которой при помощи союзников продолжать войну с Германией. Всю вину теперешних разных бедствий, как-то: голода, наступления немцев на юг, безработицы — наваливали на Совет Народных Комиссаров, говоря, что они только одни ввергли Россию в это положение. Потому одной из первых своих задач ставили борьбу против теперешней власти. Для достижения этих целей, то есть свержения Советской власти, создания мощной военной силы, продолжения войны с немцами, организация напрягала все силы к объединению всех социалистических партий и даже монархических в одно общее для достижения своей цели. Трудно было найти ту среднюю пропорциональную линию, на которой могли все приступить к общей работе. Поэтому, принимая во внимание национальные чувства русского народа, организация старалась как можно больше придавать себе окраску национальную. Полностью свои планы Главный штаб все-таки не мог осуществить, так как и среди националистов оказалось большое расхождение во взгля-

дах на почве тактических соображений. Одна часть стояла на том предположении, что достичь упомянутые цели возможно лишь при помощи немецких штыков, а потому старалась войти в полный контакт с немцами. Другая же сторона, как раз наоборот, все силы хотела приложить к тому, чтобы, объединившись с союзниками, окончательно покончить не только с немцами, но и с теми, которые сочувствовали им. Последняя группа для достижения этой цели решила создать силу, которую в нужную минуту использовать как боевую единицу. Эту боевую единицу хотели сорганизовать из бывшего офицерства, принимая во внимание, что большинство из них находилось в весьма печальном материальном положении. Окончательные задачи, проекты выполнения их никому не говорили. Но трудно было умалчивать, так как каждый желающий принимать участие хотел узнать все подробности, поэтому нужно было организаторам самим выдумывать и говорить массу неправды вступающим в ряды бойцам. Конечно, на этой почве происходило много недоразумений, но все-таки как-нибудь дело налаживали. Большинство офицерства шло к нам ввиду беспартийности нашей организации, что особенно подходило для военных. В последнее время, когда набралась боевая группа силой около 400 человек, решено было перебросить ее в один из приволжских городов, а там ожидать подкрепления со стороны наших союзников. Если бы союзники согласились дать боевую силу, то полагалось образовать фронт, так называемый Уральский, таким образом отрезать Великороссию от Сибири. После того мобилизовать всех сочувствующих и перейти в наступление на немцев, так как к этому времени полагалось, что немцы займут Москву и Россию до Волги.

Кстати, должен заметить, что эвакуацию торопились сделать скоро как только можно, так как мы были уверены, что немцы в скором будущем будут в Москве. Что касается чисто организационной работы, то она производилась следующим образом.

Принимались только лично знакомые и по личным рекомендациям кого-либо из нашей организации. Более или менее старший по чину назначался начальником группы или полка. Всех вновь прибывших людей не направляли к нему лично, а давали только адреса ихнего местожительства, а обязанность каждого начальника была самому его найти, это делалось для конспирации, причем записи никакие не велись (кроме адресов, большей частью тоже шифрованных, тех, которые должны были войти в боевую группу). Каждый командир полка составлял съемку, на которой кружками изображались боевые единицы, то есть: как только кто-нибудь прибыл, то к имеющейся схемочке прибавлялся новый кружок. Такие схемочки каждую неделю представлялись в штаб

организации, с которым поддерживал связь только один человек, и то встречались только на бульварах и около памятников.

В случае ареста кого-либо из командиров полков никогда не возможно было найти Главный штаб.

А. Пинка

ПРОГРАММА НА ДЕЛЕ

То, что в показной программе было изложено сравнительно сносно и носило демократический оттенок, сразу же теряется, как только организация вступает на реальную почву и приступает к активным действиям; сейчас же выглядывает монархическое копыто Алексеева. Это как нельзя лучше явствует из нижеследующего постановления Перхурова, опубликованного им по взятии города Ярославля.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ, КОМАНДУЮЩЕГО ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ СЕВЕРНОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ ЯРОСЛАВСКОГО РАЙОНА.

«Объявляю гражданам Ярославской губернии, что со дня опубликования настоящего постановления в целях воссоздания в губернии законности, порядка и общественного спокойствия:

I. Восстанавливаются повсеместно в губернии органы власти и должностные лица, существовавшие по действовавшим законам до октябрьского переворота 1917 года, то есть до захвата центральной власти Советом Народных Комиссаров, кроме особо установленных ниже изъятий.

II. Признаются отныне уничтоженными все законы, декреты, постановления и распоряжения так называемой «Советской власти», как центральной, в лице Совета Народных Комиссаров, так и местных в лице рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, исполнительных комитетов, их отделов, комиссий, когда бы и за чьей бы то ни было подписью означенные акты ни были изданы.

III. Упраздняются все органы означенной «Советской власти», где бы в пределах Ярославской губернии таковые ни находились и как бы ни именовались, как коллегиальные, так и единоличные.

IV. Все находящееся у них имущество, все дела и делопроизводства в Ярославле переходят в распоряжение Управления Главноначальствующего по гражданской части, а в прочих городах губернии — в распоряжение начальников уездов, коими и распределяются по подлежащим учреждениям и лицам.

V. Отменяются действия положений Временного правительства: а) о губернских и уездных комиссарах, б) о милиции и в) о губернских, уездных и волостных земельных комитетах. Дела означенных комитетов временно передаются в ведение губернского и уездных земств и волостных старшин по принадлежности.

VI. Приостанавливается действие постановлений, изданных Временным правительством: а) о производстве выборов городских гласных, б) губернских и уездных земских гласных, в) временные положения о волостных земских самоуправлениях, г) о поселковом управлении, правила о волостном обложении, о волостных сметах, раскладках и о волостных сборщиках и д) положение о судах по административным делам.

VII. Все могущие возникнуть на практике вопросы и недоумения о применении приостановления или отмены действовавших законов разрешаются в срочном порядке распоряжением Управления Главноначальствующего гражданской части Ярославской губернии.

VIII. Судебная власть в Ярославской губернии восстанавливается в лице окружного суда и мировых установлений, причем мировые судьи в первой инстанции решают все дела, как гражданские, так и уголовные, единолично и институт членов мирового суда упраздняется. Все выбранные в 1917 году уездными земскими собраниями, Ярославской городской думой мировые судьи восстанавливаются в своих правах, причем устранение их и председателя мирового съезда от занимаемых должностей принадлежит Главноначальствующему Ярославской губернии. Назначение новых мировых судей до полного их комплекта по закону, изданному Временным правительством, временно производится Управлением Главноначальствующего из кандидатов по представлении общим собранием отделений Ярославского окружного суда, по предварительному избранию земскими и городскими совещаниями по принадлежности.

Также восстанавливается прокурорский надзор, судебно-следственная власть и вообще все органы судопроизводства.

IX. Органами земского и городского самоуправления временно являются управы с председателями и городскими головами, во главе с земскими и городскими совещаниями при них из местных лиц, назначаемых по представлению управ Управлением Главноначальствующего по гражданской части в числе, определяемом особым распоряжением.

X. В волостях все полномочия по делам местного управления переходят к волостным старшинам, назначаемым властью начальников уезда. Последние в случае надобности могут назначать помощников волостных старшин. При старшине состоит волостной секретарь, назначаемый той же властью.

XI. Все должностные лица губернии, в случае несоответствия их деятельности пользе дела, могут быть временно отстранены и замещены властью Главноначальствующего губернии.

XII. Все функции общей полиции ведают органы уездной и городской стражи, во главе коих стоят назначаемые властью помощников Главноначальствующего по гражданской части и начальника уезда начальники уездные, городские, районные и участковые, а также их помощники и нижние чины стражи, назначаемые по особо установленному расписанию.

Примечание: пп. IX, X, XI, XII вводятся лишь временно, до восстановления общего государственного порядка в пределах государства Российского.

Главноначальствующий Ярославской губернии, командующий вооруженными силами Северной Добровольческой армии Ярославского района.

13 июля 1918 года Полковник *Перхуров*».

4. ПАРТИЙНЫЙ СОСТАВ

Официальное лицо организации — беспартийность. Но это лишь спекуляция на беспартийности, чтобы привлечь разношерстное, а подчас неопределившееся офицерство и трудовую интеллигенцию. На деле же организация представляла из себя блок целого ряда партий и групп, была вдохновляема генералом Алексеевым и составляла нелегальную организацию Добровольческой армии. Это непреложно явствует из приказа начальника штаба «Союза защиты родины и свободы» полковника Перхурова, изданного им по взятии Ярославля. Приказ гласит:

«§ 1. На основании полномочий, данных мне главнокомандующим Северной Добровольческой армии, находящейся под верховным командованием генерала Алексеева, я, полковник Перхуров, вступил в командование вооруженными силами и во временное управление гражданской частью в Ярославском районе, занятом частями Северной Добровольческой армии.

§ 2. Впредь, до восстановления нормального течения жизни в городе Ярославле и его губернии, вводится военное положение, и на это время воспрещаются всякие сборища и митинги на улицах, в публичных местах.

6 июля н. ст. 1918 года Полковник *Перхуров*».

Здесь все сказано прямо и ясно. Но в процессе организации этого говорить нельзя, ибо для достижения поставленных целей...

все силы напрягались для объединения всех социалистических партий и даже монархистов, как показывает один из главных действующих лиц московской организации — Пинка. Поэтому необходимо было маскироваться и выдавать организацию в лучшем демократическом одеянии. Это им удавалось.

«Из политических партий к нашей организации принадлежат: народные социалисты, социалисты-революционеры и левые кадеты, а сочувствовали и меньшевики, но последние оказывали помощь только агитацией, избегая активного участия в вооруженной борьбе»,— говорит тот же Пинка.

А. А. Виленкин

К этому Дикгоф-Деренталь прибавляет: «Единственным элементом, искренне и безоглядно пошедшим на зов борьбы за родину, было все то же истерзанное, измученное и оскорбляемое русское офицерство».

Эти показания Пинки и Деренталя подтверждаются данными следствия.

Следствие подтвердило, во-первых, данные Деренталя о том, что главною силою «Союза защиты родины и свободы» было офицерство. А офицерство в своем большинстве в то время было эсерствующее, за исключением явно монархически настроенного прежнего кадрового офицерства, которое или придерживалось немецкой ориентации, или тяготело прямо к Дону, к Деникину.

Во главе организации стоял эсер Савинков и, благодаря предоставленным ему диктаторским полномочиям, давал тон всей организации, включавшей в себя и монархистов-алексеевцев.

и поповцев, и народных социалистов, и даже меньшевиков-кадетов (группу «Единство»)[1] и анархистов.

Другое ответственное лицо — Виленкин,— заведовавшее кавалерийскими частями, состояло в партии народных социалистов. Он сам лично показывает: «Я принимал участие в Трудовой народной социалистической партии, был председателем армейской группы N-ской армии названной партии».

Об участии партии (группы) «Единство» совершенно определенно говорится в декларации Всероссийского национального союза (см. «Отечественные ведомости», тот же номер). В состав комитета вошли следующие лица: Н. С. Григорьев, врач, член партии «Единство» и «Союза защиты родины и свободы» и пр.

Что касается участия меньшевиков, то следует сказать, что участие партии целиком в этой организации не замечается. По словам Пинки, она проявляется в агитации против Советов в пользу «Союза защиты родины и свободы».

Зато несомненно участие отдельных лиц. Так, жена бывшего министра [Временного] коалиционного правительства Никитина Валентина Владимировна держала у себя явочную квартиру и работала в организации как ответственная курьерша. Это видно хотя бы из нижеследующего письма.

«3 июня 1918 года.

Дорогой Николай Сергеевич! [2]

В субботу приехала в Казань и в тот же день была на Посадской. Дома никого не оказалось. Утром я нашла хозяина и на вопрос, где находится Виктор Иванович, получила злую, удивленную физиономию. Из дальнейшего разговора выяснилось, что он совершенно посторонний обыватель немецко-монархического пошиба. Он возмущен, что к нему уже несколько дней являются люди, требуют какого-то Виктора Ивановича, квартиру, адресов и т. д.

Мало этого, он получил какую-то дурацкую коммерческую те-

[1] Монархисты-алексеевцы — офицеры, участники «Союза защиты родины и свободы», состоявшие на службе в Добровольческой армии, политическим руководителем которой был генерал М. В. Алексеев, или имевшие намерение вступить в эту армию.

Поповцы — члены контрреволюционной офицерской организации в Казани, возглавляемой генералом И. И. Поповым. Организация имела связь с генералом Алексеевым.

О группе «Единство» см. сноску на с. 46. Имея в виду крайне правую платформу этой группы, Лацис презрительно называет ее членов «меньшевиками-кадетами».

[2] На следствии никто из арестованных не назвал фамилии Николая Сергеевича. Анализ их показаний дает основание предполагать, что под этим именем действовал один из главных руководителей «Союза защиты родины и свободы» — Н. С. Григорьев.

леграмму о подмоченной торе [1]. Одним словом, человек раздражен до крайности. Самого Виктора Ивановича нигде нет и не было уже больше 3-х недель.

Ввиду всего происшедшего я позволила себе превысить мои полномочия и объявила, что являюсь представителем нашего штаба. Это хорошо подействовало на настроение наших людей, которые были в полном отчаянии. Завтра свяжусь со штабом генерала Алексеева. Их здесь 600 человек. Присылайте кого-нибудь. Здесь путаница большая. Боюсь, что не справлюсь одна. С.-р. провоцируют, я же установила разведку и буду парализовать их действия, насколько сумею. Наши молодцы подбодрились и начнут работать.

Н. Я. Лукашов

Решили мы с.-р. ничего не давать, но открыто не показывать своего отношения. Необходимо здесь Бредиса или еще кого-нибудь из его сотрудников. По словам Лели, у вас очень плохо, но это ничего. Бог не выдаст. Все старые явки недействительны, завтра сделаю публикацию с адресом. Всего лучшего, привет всем.

Валентина Владимировна Никитина».

Но в окончательном счете организация стремилась затушевывать и партийность, и программу. Игра шла втемную. Даже цели

[1] Речь идет о «подмоченном товаре». Вероятно, это зашифрованное указание на то, что конспиративные квартиры организации раскрыты органами ВЧК.

организации, по показанию Пинки, говорились не всем. Существовала программа для себя, для вожаков и программа для наружного употребления; чтобы привлечь разношерстное офицерство, приходилось с каждым говорить на его языке. Благодаря строго конспиративному принципу, по которому один человек должен был знать только четырех из организации, эта игра втемную удавалась. Не мудрено, что организация включала в себя людей, начиная с алексеевцев и кончая меньшевиками.

Но столь же естественно, что это разношерстное тело должно было начать разлагаться. Тайна мало-помалу стала пробиваться наружу. Начались подозрения и недоверие друг к другу. Отсюда — разлад, дробление сил, и в конечном счете намеченный контакт с немецкой ориентацией рушится, а искусственное объединение рассыпается.

Несомненно и участие левых кадетов.

К началу 1918 года в кадетской партии замечались два направления: «немецкая ориентация» и «союзническая ориентация». «Союзническая ориентация» как раз принадлежала к левому крылу кадетов. Следствием установлено участие левого кадета Лукашова Николая Яковлевича, бывшего прапорщика и начальника связи 16-й Сибирской стрелковой дивизии. Обнаруженный при нем материал свидетельствует о том, что он был докладчиком на апрельской кадетской конференции [1] по некоторым вопросам.

Знаменательно, что общая линия «Союза защиты родины и свободы» как раз совпадает с той линией, которую отстаивает Лукашов. Поэтому мы приводим здесь целиком его доклад о «немецкой ориентации».

«НЕМЕЦКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ»

«Надо поставить вопрос со всею откровенностью. От предполагаемых ли ультиматумов графа Мирбаха, от тайных ли замыслов гетмана Скоропадского, но все ждут в близком будущем каких-то решительных событий. Немцев еще нет в Москве и Петербурге, но гроза иноземного вторжения надвигается все ближе и ближе. И вторжению этому, по-видимому, постараются придать характер ответа на некий призыв. Жизнь вплотную подошла к вопросу, о котором давно уже люди шепчут друг другу на ухо и которому на столбцах газет отводится туманное наименование «ориентация».

Страна экономически разрушается, населению грозит голодная смерть, правительственная власть бездарна и невежественна, но борьба с нею невозможна, так как политические партии бессильны

[1] Конференция, о которой идет речь, состоялась 27—29 мая 1918 года.

образовать правительство, имеющее сколько-нибудь прочную опору в стране, а главное, организовать такую опору при бдительном надзоре со стороны германского начальства невозможно. Такова несложная аргументация тех — к сожалению, все более обширных кругов общества,— которые откровенно или полуприкровенно мирятся с «призывом». Международная сторона такой комбинации с немцами мыслится в виде изменения — или, если угодно, истолкования — Брестского договора с целью устранения наиболее тяжких его последствий: отделения Украины, отдачи туркам Карса, Батума и Ардагана, присоединения Лифляндии и Эстляндии и временной оккупации недавно занятых немцами областей. Так рисуются кое-кому условия, будто достижимые, на которых немцы могли бы заключить с нами мир — не бумажный, не «Брестский» с набегами на Крым и на Ростов, а мир настоящий за цену полного разрыва нашего с союзниками. Могут ли ответственные политические круги решиться на такой мир, в придачу к которому предложены были бы, вероятно, и услуги по водворению внутреннего порядка и созданию сильного не большевистского правительства.

Нужно дать себе отчет в характере запрашиваемой от нас цены. Мы должны порвать нити, связующие нас с союзниками, выйти из англо-французской международной орбиты и войти в констелляцию [1] центральных европейских держав. Таков основной, суровый, но ясный вывод из предполагаемой комбинации. Только при такой ясной постановке приобретает для немцев некоторый смысл новый «мир» с обессиленной Россией. Поставленная в таком неприкрытом виде, эта проблема обозначает не только оформление предательства, совершенного нашею разбежавшеюся армией и ее вдохновителями,— она обозначает и основной поворот на долгие годы во всей системе нашей международной политики.

Salus respublicae [2] требует в эту ответственную историческую минуту всей доступной нам трезвости, отречения от всего, что может отдавать беспочвенным сентиментализмом. Очень много этого греха на нашей интеллигентской душе, и необходимо потому особенно зорко следить за собою в эти небывалые в жизни наших политических партий минуты. Нужно иметь мужество отнестись даже к мысли об учинении предательства не только с точки зрения морального его безобразия. Будем только трезвы и только проницательны. Но бывает трезвость, считающаяся с перспективами ближайшего дня, находящаяся во власти навязчивой идеи от тяжкой, непосредственно давящей обстановки, и бывает трез-

---

[1] Констелляция *(фр.)* — созвездие.
[2] Salus respublicae *(лат.)* — благо республики.

вость иная — сознающая, что в сложной политической обстановке непрекращающейся всемирной войны, созидания и разрушения держав, в смертельной схватке грандиозных экономических интересов не надо проявлять нетерпения, впадать в отчаяние и поспешно выбрасывать за борт моральные политические ценности, накопленные трудом предыдущих поколений и необходимые, как воздух для дыхания, для свободной и независимой жизни будущих поколений.

Для проповедующих «трезвое» отношение к создавшейся конъюнктуре существуют Брестский договор и большевики — два факта реальные, несомненные, два давящих жизнь призрака, от которых надо скорее избавиться. Для избавления от Брестского мира предлагается путь дипломатического торга, для большевиков — немецкий штык. Боязнь немецкого штыка может быть тоже подведена под рубрику сантиментов, а потому оставим пока его в покое и сосредоточим свое внимание исключительно на Брестском договоре. С точки зрения наименования существует [мнение], что в глазах немцев он нас связывает и что всякое отступление от него доставляет немцам лишнее удовольствие обладать готовым предлогом для новых военных действий. Но с точки зрения более общей политической перспективы Брестский мир есть эпизод — поистине «клочок бумаги», подписанный именем русского народа. И что он только эпизод — не серьезный, а почти водевильный,— об этом свидетельствуют сами немцы. Разве на основании Брестского договора или вследствие нарушения его они занимают Крым для некоей дружественной державы», тоже, по-видимому, участвовавшей в Брестском договоре [1]? Брестский договор уже перекраивается жизнью — перекраивается в сторону наиболее благоприятствуемой пока судьбою державы, и участь его так же изменчива и непрочна, как изменчив и непрочен результат одной победоносной стачки в огромной мировой борьбе. А если так, то чего стоят все «изменения» и «истолкования» его, которых мы можем добиться только поворотом военного счастья на Западе — поворотом, в который верят, однако, наши союзники, жертвуя ради него всею новою живою силой; но и всякая перемена во взаимных отношениях самих центральных держав (Германии и Австрии), всякое колебание экономических перспектив, неизбежные пертурбации в конструкции новорожденных государств и взаимные столкновения этих поспешно рождаемых в таком изобилии государственных организмов — все это элементы, непрерывно сменяющие друг друга, воздействующие друг на друга и способные перевернуть, без всякого с нашей стороны участия, даже не столь хрупкие постройки, как Брестский договор, могущие в одинаковой

[1] Речь идет о Турции.

мере и дать, и отнять у нас Лифляндию, Эстляндию, Украину, Крым. Для чего же закреплять нашу капитуляцию участием в таком никчемном торге? И за какую цену ее закреплять?..

Во всем переплете этих ультрапрактических комбинаций единственною реальною ценностью, имеющей абсолютное, а не эпизодическое значение, является требуемое от нас отречение от союзников, ведущее затем последовательно к союзу с Германией против Англии, Франции и Америки. Это единственный акт, от которого возврата нет и быть не может. Предательство союзников, раз совершившись, не будет уже стерто со страниц истории, как бы военная фортуна ни поворачивала самый вопрос о Брестском договоре. Говорят, что предательство это все равно уже совершено — совершено русским народом. Но если так, то отчего же нас тянут на санкцию этого предательства? Видимо, те, кому эта санкция нужна, понимают, что есть отличие между пьяным дебошем усталой, обезумевшей и сбитой с толку солдатской толпы — между Хамом [1], пляшущим и издевающимся над обнаженным родителем своим,— и политическою капитуляциею со стороны «соли земли» — тех, кого и враг не может не признать действительными представителями народа, чью волю, чей инстинкт, чью душу он хотел бы сковать навсегда морально и формально, чтобы обеспечить себя от неизбежного мщения, от возрождения народной энергии, которая, пережив бурю, может подняться и перевернуть все брестско-украинские карточные домики. Сдавши эту позицию, мы лишаем Россию навсегда морального кредита в международных отношениях — ту Россию, которую весь мир отделяет еще от брестских «представителей». Эти две части сольются перед лицом человечества в единую Россию, и на челе ее будет отныне несмываемая печать проклятия Иудина. И когда по изменившимся политическим комбинациям Германия сама грубо оттолкнет предательницу и предаст ее в свою очередь, каким языком мы сумеем заговорить с нею? Участие Киевской Рады [2] могло бы служить нам практическим языком. Каким языком вправе говорить теперь Рада, пре-

---

[1] Хам — по библейской мифологии один из трех сыновей праведника Ноя. Проклят богом за то, что насмеялся над наготой пьяного отца.

[2] Центральная рада — контрреволюционный объединенный орган украинских буржуазных и мелкобуржуазных националистических партий и организаций, возникший в Киеве в марте 1917 года. После Октябрьской революции захватила власть на Украине, объявила себя верховным органом «Украинской Народной Республики» («УНР»), боролась против Советов, поддержала атамана Каледина и других белогвардейцев. В январе 1918 года изгнана из Киева красногвардейскими отрядами. 27 января (9 февраля) 1918 года подписала от имени «УНР» договор с Германией и Австро-Венгрией. В начале марта вернулась вместе с австро-германскими войсками в Киев, превратилась в марионетку в руках оккупантов. 29 апреля германское командование разогнало Центральную раду, заменив ее правительством гетмана П. П. Скоропадского.

давшая Россию Германии и, в свою очередь, теперь предательски отброшенная ею? Трезвые политики кладут на весы и ту помощь, которую мы можем ждать от союзников, и значение нашего участия в будущем мирном конгрессе. Но к обоим этим фактам проявляется отношение весьма скептическое и даже тревожное. Союзники-де далеко, десант на Дальнем Востоке грозит нам новыми захватами, а на мирном конгрессе, будет ли Россия в нем участвовать или нет, никто за нее, выбывшую в роковую минуту из строя, не заступится.

Имеет ли, должна ли иметь какое-либо значение для нашей ориентации та помощь, которую могут нам непосредственно в России оказать союзники, и весь вообще вопрос о десанте. Можно быть очень опасливым и относиться вполне отрицательно ко всякой мысли о десанте, можно признать совершенно фантастическою мысль о помощи союзников на территории России, но от этого не меняется ни наша обязанность стоять на стороне союзников, не умаляются и наши расчеты на то, что наше положение определится только в результате общей мировой борьбы. В этой борьбе нынешнее наше несчастье есть только эпизод. Результата общей мировой борьбы ждет маленькая и бессильная Бельгия, которой не раз предлагались соблазнительные условия сепаратного мира, ждет ее истерзанная, экспатриированная Сербия, и никто еще не дерзнул предъявить им обвинения в неправильной защите своих национальных интересов. Общий результат войны имеет по отношению к России еще особое значение. Восстановление Бельгии и Сербии явится для держав Согласия исполнением морального долга, в восстановлении России лично заинтересованы крупнейшие участники Четверного Согласия [1], для которых весь смысл войны в уничтожении германской гегемонии и в соблюдении принципа равновесия. Конечно, volenti non fit injuria [2] вопреки нашему собственному желанию нас никто благодетельствовать не станет. Согнувши добровольно шею под германское ярмо, мы, уже потом допущенные на конгресс или устраненные от него, все равно ошибки нашей не исправим. Но тем более повелителен долг со всею бережностью охранять наше право, не давать моральной санкции страны тому акту, которого и весь культурный мир нам в счет не поставит, если мы только сами собственными деяниями его не укрепим.

Наши внутренние неустройства должны изжиться, и пристальному взгляду не может не быть заметно, что они уже изживаются. Но если бы даже для излечения от наших внутренних недугов оставалось в данную минуту только одно средство — вмешатель-

[1] Имеются в виду страны Антанты.

[2] Volenti non fit injuria *(лат.)* — отказавшийся от своего права не может жаловаться на нарушение его.

ство вторгшегося в страну врага, то все же от этого вмешательства необходимо было бы отказаться, исходя из нашего международного положения. В течение десятков лет это положение определялось участием нашим в комбинации держав, тяготеющих к сохранению равновесия, искренне стремящихся к расширению правовой базы международных отношений и к сокращению международных вооружений. Через эту комбинацию мы предполагали изменить и нашу экономическую политику, долженствующую определить на десятки лет более интенсивное и более соответствующее нашим хозяйственным условиям использование наших природных богатств; последняя задача стала особенно близка с момента вступления в союзную группу Северо-Американских Соединенных Штатов [1]. Та же международная комбинация гарантирует нас, и это не надо забывать, несмотря на разочарование от революционных опытов наших дней, она гарантирует нас и от возврата к абсолютному режиму, горький вкус которого как будто начинает забываться. Все это элементы, определяющие жизнь нации на столетия вперед. Русская внешняя политика, поощряемая всем прогрессивным общественным мнением, с большим трудом пробилась на путь этой политической ориентации, и, очевидно, только больное воображение может ставить в какую-либо связь нынешнее наше внутреннее состояние с таким направлением нашей внешней политики. Мыслимо ли при таких условиях менять курс, избранный в спокойных условиях в течение десятилетий и ныне, по существу, никем не оспариваемый,— мыслимо ли менять его... из-за страстного желания одолеть большевиков? Не значит ли это хватить булыжником в лоб России для того, чтобы прогнать скверную, назойливую, больно колющую, даже ядовитую, но все же — муху.

1. Партия народной свободы [2] всегда отстаивала во внешней политике необходимость участия России в антигерманской коалиции. Сплочение общественного мнения около этой идеи, национальное объединение во время войны и резко отрицательное отношение к идее сепаратного мира с Германией явились в значительной мере результатом деятельности партии.

2. Судьбы России будут зависеть от общих результатов мировой войны, исход которой отнюдь не предрешен. Это одинаково верно как для того случая, когда война будет перенесена на новый Восточный фронт, так и для того случая, когда нового Восточного фронта не будет.

3. Брестский мир партией не признается. Всякие уступки, которые могли бы быть сделаны центральными державами в области изменения или истолкования Брестского договора, были бы иллю-

[1] США вступили в войну на стороне Антанты 6 апреля 1917 года.
[2] Так называла себя партия кадетов.

зорны ввиду полной беззащитности России. Вступление на путь таких переговоров неизбежно влекло бы за собой союз с Германией против наших союзников, что, очевидно, неприемлемо.

4. Сепаратное соглашение с австро-германской коалицией недопустимо не только по соображениям морального, но и политического свойства.

5. Наша международная ориентация не должна исходить ни из нетерпеливого желания разрешить наши внутренние дела, прибегая к внешнему вмешательству, ни из надежд на непосредственную помощь союзников в борьбе с Германией. Воссоздание России, составляющее ныне основную цель нашей внешней политики, явится результатом: а) борьбы держав Согласия за устранение германской гегемонии, б) неизбежного тяготения частей России к объединению и в) главным образом внутреннего собирания народных сил, не проявляющихся пока ввиду усталости от войны и революции, но не могущих долго оставаться в состоянии апатии и приниженности.

В городах (восстановление цензовых дум [1]) члены партии в зависимости от определившихся условий могут оставаться в распорядительных и исполнительных органах, ставя себе исключительную задачу возможно полного обеспечения и защиты интересов населения. В зависимости от исключительной важности переживаемого момента партия, сознавая свое ответственное государственное значение в качестве организующего национального центра, видит свою задачу в проведении идеи образования национальной власти, воссоздания государственности как народного завоевания.

Для этой цели партия должна выдвинуть те идеи, которые могли бы [быть положены] в основание общенациональной платформы, с тем чтобы около нее могли бы объединиться разнообразные общественные группы как справа, так и слева, способные подняться на высоту национальной задачи.

Партия, не отказываясь от своей программы, должна считаться с тем, что при том положении, в котором находится сейчас родина, немедленное осуществление целиком всех партийных положений должно быть подчинено делу объединения всей России и воссозданию ее государственной мощи.

Тактическая платформа, объединяющая всех, должна заключить в себе такие опорные начала, как воссоединение России, областная автономия, национальное равноправие, автономия церкви и необходимые социальные реформы».

---

[1] Городские думы — представительные выборные административные учреждения в царской России. Выборы в думы проходили на основе сословного ценза, то есть были неравными для представителей различных сословий (дворян, духовенства, купечества, мещан).

РЕЧЬ ЛУКАШОВА [1] ПО ДОКЛАДУ КИЗЕВЕТТЕРА НА КОНФЕРЕНЦИИ [2]

Господа, мне хочется сказать несколько слов относительно третьей части доклада Ал. Ал.— относительно совместной работы с большевиками.

Мне кажется, что этот вопрос уже самой жизнью решен в положительном смысле.

Шесть месяцев тому назад большевики захватили власть, и русская интеллигенция отшатнулась от них. Отстранились от них и все те слои населения, которым была дорога Россия и которые видели, что пришествие большевизма — синоним гибели России как государства.

В то время каждый из здравомыслящих российских граждан говорил, что большевики долго не просидят, что их скоро столкнут или они сами свалятся, что их свалит их же способ управления, который с каждым днем все больше и больше разрушал государственный аппарат России.

В первое время, как мне удалось проследить, надежды возлагались на так называемый «контрреволюционный заговор», который, говорили, зреет в центре России в главных городах ее — Петрограде и Москве. По секрету называли и лиц, которые стояли во главе этого заговора. И действительно, большевики в течение шести месяцев открыли несколько таких заговоров, большинство из которых были плодом пугливой фантазии самих же господ большевиков. Далее возлагались надежды на юг — на «тихий» Дон и на Украину — и на север — на Сибирь; но ни юг ни север не оправдали надежд.

Тогда взоры большинства российских граждан обратились с мольбой к нашим врагам — немцам и австрийцам, а меньшинства — к союзникам.

Большинство думало, да, я думаю, и теперь надеется, что все спасение в немце и он придет, наведет порядок, даст относительную свободу, относительное благосостояние, относительное спокойствие за судьбу России и предоставит нам зализывать наши многочисленные раны.

Эти надежды, я думаю, за последнее время сильно поколебались даже у самых ярых поклонников немецкой культуры.

Граждане Малороссии и Белоруссии смогут многое порассказать о способе немецкого управления и о той «большой заботливости» немцев к их благосостоянию. Они впоследствии также

---

[1] В тексте ошибочио напнсано «Лукалова».

[2] Речь иа коифереиции партни кадетов, состоявшейся в Москве в конце мая 1918 года. По докладу А. А. Кизеветтера конфереиция приняла резолюцню об усленнн борьбы с Советской властью, о верности союзннкам — странам Антанты.

расскажут нам, чем отплатили новые союзники этим свободным республикам за то, что они дали им хлеб и таким образом не дали умереть с голоду.

Таким образом, ждать помощи неоткуда, да и немецкая помощь, по-моему, будет похуже большевистской анархии, а большевики все сидят и сидят. Сколько они времени просидят? Одни говорят месяц, другие — год. Шесть месяцев русские граждане, не сочувствующие большевизму, были зрителями того, что проделывали над Россией Ленин и Троцкий.

Вначале большевики не смогли захватить все в свои руки, многие учреждения работали совершенно самостоятельно. С течением времени большевики все больше и больше раздвигали свои щупальца, все больше и больше учреждений захватывали в свои руки, и теперь нет ни одного учреждения, которым большевики если не фактически управляют, то имеют своих контролеров.

И значит, в данный момент все в руках большевиков, то есть той партии, которая фактически полгода управляет Россией. Полгода мы, по выражению большевиков, саботировали.

Саботаж интеллигенции сыграл громадную роль.

Но саботаж, продолжающийся полгода, обречен на смерть по той простой причине, что большинство доживает последние крохи. А истратив последний рубль, каждый из нас, саботирующих, принужден будет искать какой-нибудь работы, пойти куда-нибудь служить, а так как я только что сказал, что все захватили большевики, то ясно, что нам придется пойти на службу к большевикам, служить с большевиками.

А другого выхода из создавшегося положения я не вижу.

И мне кажется, наша партия должна санкционировать вопрос о работе с большевиками, так как в противном случае многие из нашей партии, чтобы не умереть с голоду, пойдут служить к большевикам, но будут делать это тайно, как что-то позорное и недостойное.

Из доклада Ал. Ал. я вынес впечатление, что наша партия уже решила этот вопрос в положительном смысле.

Ал. Ал. сказал, что в тех учреждениях, где уже служили члены нашей партии и куда пришли большевики, наши должны оставаться и бороться с большевистскими лозунгами в этих учреждениях.

Но таких учреждений сейчас, по-моему, мало осталось.

Большинство учреждений таких, из которых члены нашей партии уходили, как только их захватывали большевики, и учреждений, образованных при большевиках.

Идя служить в такие учреждения, члены нашей партии, сказал Ал. Ал., должны ставить известные условия, должны требовать карт-бланш в выборе себе сотрудников и в проведении известной программы.

Но это касается крупных общественных деятелей нашей партии, с которыми большевики будут считаться, если будут их звать на совместную работу. А как же должны поступать средние и рядовые члены нашей партии? С ними большевики особенно церемониться не будут и никаких гарантий не дадут.

Вот тут-то мы должны помнить приведенную в докладе Ал. Ал. выдержку из священного писания, что мы должны быть чисты, как голуби, и мудры, как змеи.

Идя служить с большевиками, мы не должны скрывать, что мы кадеты, и всю нашу работу вести в духе Партии народной свободы.

Тем более за последнее время большевики все время твердят, что в деловом общении они аполитичны.

Занимать должности так называемые управительские, которые связаны с проведением в жизнь большевистских декретов, мы, конечно, не можем, мы должны идти на должности исполнительные. Вот, по-моему, первая причина, благодаря которой мы должны будем идти работать вместе с большевиками.

Вторая же причина, еще более важная, заключается в следующем.

Каждому из вас, господа, известно то положение, в котором сейчас находится Россия.

Каждый из вас знает, что почти все учреждения и предприятия с каждым днем все более и более замирают. Благодаря неумелому и преступному способу управления весь государственный аппарат России все более и более разрушается.

В особенности это ярко видно на железных дорогах, где каждый месяц выбывает из строя известное количество подвижного состава, заменить который большевики не в силах; итак, все медленно разрушается, все медленно умирает.

Это общее разрушение влечет за собою смерть не только большевикам, а всей России, всему русскому народу.

И мы, Партия народной свободы, должны прийти в такой критический момент на помощь России.

Мы должны своими знаниями, своим опытом приостановить это общее разрушение.

Я твердо верю, что при их образе управления большевики погибнут, но, когда это произойдет — через месяц или через шесть месяцев,— сказать об этом никто не сможет.

И если они просидят еще несколько месяцев, то с большевиками погибнем и мы, так как, мне кажется, не найдется ни одной партии, которая могла бы взять в свои руки управление Россией.

Итак, мое глубокое убеждение, что мы должны идти сейчас и работать с большевиками, постараться приостановить разрушение России во имя спасения России и народа, за свободу которого наша партия так долго боролась.

О ближайшей деятельности партии в стране.

Исходя из бесспорных положений, что без проникновения в демократические слои населения, в рабочую и крестьянскую среду партия никогда не станет народной и при всеобщем избирательном праве не получит более или менее значительного представительства, что пропаганда идей партии, то есть медленное и длительное внедрение этих идей в демократические слои населения, в крестьянскую и рабочую среду, может произойти только путем длительной повседневной работы во вневыборные периоды, путем постоянного тесного общения с этими слоями, их политическим воспитанием и просвещением и что намечающийся перелом в настроении демократических слоев, рабочих и крестьян, разочаровавшихся в том, во что они поверили, и не получивших того, что им обещали, но пока еще не нашедших нового определенного содержания для своей будущей веры, является моментом наиболее благоприятным для начала работы в этой среде.

Считаю необходимым сосредоточить теперь все внимание членов конференции и поставить в центр обмена мнениями вопрос о том, что же можно практически выполнить немедленно? А именно: через кого следует проникать в демократические слои? Наилучшим способом следует признать тот, когда пропаганду ведет лицо, которое по своим профессиональным обязанностям соприкасается с демократическими слоями населения. Таковыми являются народные учителя, фельдшеры, акушерки, духовенство, врачи, земские страховые агенты, служащие городских и земских самоуправлений, кооператоры, агрономы, служащие в имениях, железнодорожники, чиновники и т. д.

По мере развития пропаганды могут и должны вести дальнейшую работу местные люди, специально к тому подготовленные из тех же демократических слоев. Там же, где нет ни того, ни другого, завязывать связи с местной сельской интеллигенцией могут специально с этой целью командированные отделом партии лица, объезжающие уезд как партийные пропагандисты и организаторы. Куда именно следует направить первые шаги, то есть на какие слои населения надо обратить внимание?

Так как все наши сельские ячейки организуются из уездных городов, а из горожан больше всего связей с деревней имеют демократические слои населения, то необходимо обратить внимание на городскую демократию, как-то: на торгово-промышленных служащих, мещан, ремесленников, прислугу, духовенство, рабочих и пр. В деревне же прежде всего подойти к сельской интеллигенции вышеперечисленной, к мелким земельным собственникам, кооператорам и пр. Какова должна быть работа в демократических слоях, с чем нужно к ним идти и как идти?

В те деревни и села, где нет партийных уполномоченных и аген-

тов, можно идти для предварительной разведки настроения населения. Там же, где ячейки или агентуры существуют, можно приниматься за определенную партийную работу; наконец, если разведка покажет, что в данном месте партийная работа невозможна, следует заняться работой характера общественно необходимого, просветительного и профессионального.

Остается вопрос о том, что может и должен сделать город для подготовки и облегчения работы в демократических слоях как у себя, так и в деревне. Ему придется заняться:

1) изучением города и уезда, их географией,

2) изучением состава партийной группы города и уезда,

3) изучением результатов избирательных кампаний и, наконец,

4) произвести определенную подготовительную работу, причем главное внимание в этой последней должно быть направлено на создание технического аппарата, пригодного для пропаганды идей партии и без которого эта пропаганда невозможна в демократических слоях населения. Этот технический аппарат должен состоять из кадра особых лекторов, пропагандистов и организаторов. Наконец, что также очень важно, необходимо сделать учет культурных сил на местах. Собрать и объединить обломки культуры, на страже которой партия всегда стояла. Надо собрать остатки городских и земских самоуправлений и других общественных организаций и выяснить их жизнедеятельность и работоспособность для будущего».

Для характеристики подлинного лица организации «Союз защиты родины и свободы» мы приводим письмо Герцена из Казани к Московскому штабу.

«Хороший Николай Сергеевич
и глубокоуважаемый Борис Алексеевич!

Истекает третий месяц со дня нашего свидания у Марии Владимировны, но у меня еще до сих пор стоят в ушах ваши слова: «Доверие прежде всего. Я отправляю вас в Казань не в ссылку, а на работу в местном штабе. Не бойтесь, что вы встретитесь с с.-р. и вам придется работать вместе с ними,— помните одно, что мы должны доверять друг другу, это прежде всего. Мы посылаем вас и с целью подсматривания или контроля, но будем рады иметь весточки от вас». И вот поэтому-то я обращаюсь уже в четвертый раз к вам, и только к вам одним.

Вы одни прочтите раньше это письмо, спросите о письме у Николая Сергеевича, спросите подателя сего и лишь потом делайте его достоянием всех.

Начну издалека. Вы говорили о доверии — вы! — за это время для меня стало почти ясным, что местным людям — Иосифу Александровичу и Калинину — доверять всего нельзя.

Немедленно по приезде Калинина и моем в Алатырь (на Страстной) нас встретил местный начальник боевой дружины П. С.-Р. [1] с Иосиф. Александр. Он передал, что из Москвы везут 23 милл., и у Виктора Ивановича немедленно созрел план о взятии их. Я и еще один были немедленно отправлены обратно, для разведки, причем мне было сказано: ни ползвука в Москве, особенно в организации, иначе у нас вырвут кусок из-под носа. Лишь в крайнем случае обращайтесь туда. Конечно, мы с ними поделимся и т. д. В первый раз я услыхал, что кто-то будет «вырывать у кого-то» и не давать, и здесь я в первый раз вспомнил ваши слова. Благодаря моему компаньону не только в организации, но, вероятно, половина Москвы знала о целях нашего приезда, но это неважно.

Утром Виктор Иванович отправил меня в распоряжение Иосифа Александровича. Тщетно я заикался о работе в организации. Мне говорили, что меня берут для других целей, что там и без того много людей, но ни одного из членов ее я не видал. Мне удалось войти в сношение с местной организацией Попова [2], командира полка, и первое, что я услышал: «Берегитесь Винокурова». Дальше я осведомился об И. А. и Вик. Ив. Увы, совет — мы им не доверяем. Сам Иосиф Александрович, когда я ему намекнул, сказал: «Да, я это знаю, ведь когда В. Ив. был здесь комиссаром, то он много им насолил, его имя здесь одиозно» и т. д. Тут почти наладилось подчинение алексеевцев, но тут помешал какой-то штатский, впрочем, это безразлично, в любой момент поповцы будут у нас.

По делам контрразведки понадобилось, чтобы меня рекомендовал алексеевцам один местный полковник Вейтман, состоящий во главе одной из очень серьезных организаций, якобы начальник местного штаба. Мне было обещано свидание с ним, назначен час, но в последний момент последовал отказ: у Вейтмана была инструкция от В. Ив., согласно которой он не мог оказывать подобные содействия, так мне было объяснено; кстати, когда моего товарища хотел И. А. пристроить к Вейтману, то товарищу дали только понять, что ему не доверяют. Почему — неизвестно. Мне случайно удалось встретиться с одним из вейтманцев и услышать о весьма малом доверии к И. А. и Вик. Иванов.

Приехал Розанов [3]. Его все время изолировали от меня, говоря ему, что я недостоин доверия и т. д. Мне говорили о нем приблизи-

[1] Партии социал-революционеров.

[2] Военная монархическая организация генерала И. И. Попова в Казани, связанная с командованием Добровольческой армии.

[3] Л. И. Розенфельд (Розанов) — бывший офицер, участник «Союза защиты родины и свободы». Был направлен из Москвы в Казань для подыскивания квартир прибывающим туда членам организации.

тельно то же самое. Сказав о цели его приезда (этого невозможно было скрыть), мы могли встретиться и переговорить, меня предупредили, чтобы я, боже меня сохрани, не передал это ни Попову, ни кому другому, но особенно Попову, и на мой немой вопрос была сказана целая нравоучительная речь с окончанием: такова инструкция В. Ив. Я все время старался держаться в стороне от Розаноза и его товарища, подумывая вместе с тем: люди одного и того же лагеря и... Что это значит? Молодежь... говорят сильно левые... Бог их знает... раз говорят о неверии, ясно, имеют основание.

Приехали командиры полков, случайно они попали ко мне. Тут я точно узнал, что Розанов из одной и той же организации, и услыхал, что ему обо мне говорят как о лице, не заслуживающем доверия, то же, что мне о нем. И я встал в тупик. Стали вспоминаться мелочи, отдельные угрозы, и стал вырисовываться облик И. Ал.

Это до этого у И. Ал. была возможность (по его словам) поставить людей в местный броневой отряд; предназначены были я и еще несколько алексеевцев, но потом дело было замято — видимо, этот отряд хотят всецело скрутить в руках П. С.-Р.

У Розанова встал вопрос о размещении. Он доложил И. Ал., как обстоит это дело. Согласно инструкции из Москвы ему надлежало войти в связь с местными организациями, согласно не показызаемой никому инструкции. В. Ив. ему в этом отказывает. Мне говорят: «Таких пешек нельзя вводить в организацию». Пешками называются и командиры полков, и все офицеры, и я боюсь, как бы в числе пешек не оказался и весь штаб. Об отъезде из Москвы, ссылаясь на чудную местную организацию, настаивал В. Ив.

Местный штаб... Мне вспоминаются и слова алексеевцев, и слова владимирцев, и, наконец, это непонятное, совершенное конспирирование штаба в ущерб делу и спешности, эта таинственность. «Штаб» — это какие-то невидимки. Да существует ли он? К чему тогда такие таинственности и это странное желание, чтобы Московский штаб оставался на месте?!

И потом обещают свести людей со штабом, говорят «завтра», и имеется телеграмма, по смыслу которой можно предполагать, что В. Ив. придет завтра; увы, он и не приехал, и переносится день встречи. Да не состоит ли этот штаб исключительно из И. Ал. и В. Ив., уж слишком он невидим. Много передумал я за эти дни. Вспоминал другое. Всего не передать, и, видя эту какую-то странную, чтобы не сказать больше, игру, я осмеливаюсь невольно нарушить ваш запрет и завет о «полном доверии» и сказать, что И. Ал.— лицо, которое сильно нуждается в вещественном подтверждении доверия к нему. Ему, видимо, понравилась роль Керенского, ему хочется власти, он все время говорит о будущей власти с.-р., мы для него только «пешки». Для дополнения этой

власти и с нами со всеми здесь в Казани ведется очевидная игра. Он уже чувствует, что ему перестали верить, и он невольно изменил поведение, пытаясь все свалить на В. Ив. У меня нет прямых данных, чтоб обвинить его в этом, но есть данные, есть теперь уже твердо сложившееся убеждение, что ведется нечистая игра, и вот от этого-то я и хочу предостеречь. Например: это письмо к вам уже 4, а вы сколько получили? Я вызывал из штаба сюда кого-нибудь уже три недели тому назад. Письмо передавалось через И. Ал., и он меня на другой день спросил: «Вы вызывали кого-нибудь?» Что это? Вскрывалось письмо и из него прочитывалось или, может быть, и вовсе выкидывалось донесение к вам, оставались лишь пустяки к Марии Владимировне?

Я кончаю все это предположение. Повторяю еще раз: нет точных данных, нет определенных, могущих безусловно говорить о полном недоверии к И. Ал. фактов, но есть нити, чуть видные нити, кончики этих нитей. Я думаю надо: 1) чтобы сюда приехало лицо, обладающее доверием Моск. штаба, 2) здесь сорганизовать свой штаб из московских с.-р., людям партии и потому имеющим секретные инструкции от партии нам верить во всем нельзя, 3) здешнему штабу (если таковой есть), то есть штабу И. Ал. и В. Ив., верить трудно, ибо он состоит исключительно из партийных людей (с.-р.— *Лацис)*, 4) надо проверить самим и возможность обладания оружием здесь и особенно броневым дивизионом, 5) лицо это должно приехать немедленно и не должно посещать ни И. Ал. и ни В. Ив. о возникших у всех у нас здесь подозрениях и проверить очень осторожно, 6) оно должно войти в контакт с местными алексеевцами, помимо И. Ал. и В. Ив., то есть должно иметь письменные полномочия из Москвы.

Если вы затрудняетесь немедленно послать такое лицо, пришлите человека с полномочиями мне и Розанову на официальное вхождение в связь с местными алексеевцами, и тогда, обратившись к ним официально и помимо В. Ив. и И. Ал., уже сможем сообщить.

Вот все, что я хочу и считаю своим долгом сообщить вам. О, как бы я хотел ошибиться в своих подозрениях, я был бы безумно рад. Ваш *Герцен*».

А вот еще другая заметка, заполняющая письмо. Она найдена у Розенфельда 3 июня 1918 года [1].

«Многоуважаемый Николай Сергеевич!

Виктор. Иван. нет как нет! О полном доверии Иос. Алекс. не приходится говорить. Квартирьер делает все возможное к быст-

[1] В тексте книги ошибочно написано «3(21) июия».

рому приисканию помещения. Необходимы наши руководители — штаб. Много подозрений и сильных фактов на кадет и с.-р. Осторожно политику.

Розенфельд».

Ко всему сказанному считаю необходимым присовокупить, что с несомненностью установлено и участие анархистов. Об их участии говорит в своих показаниях Герцен.

«Адрес Б. Дмитровка [1], № 24. Бирзе или Мурза. Мирза получен мною от Бориса Алексеевича для ночевки. Бирзе — это кличка какого-то анархиста. Я ему должен был показать значок А (в этом роде)»[2].

Об этом показывает и Иванов, он же князь Мешков.

«Только за день до ареста он (Парфенов) объяснил мне свою организацию, что называется она «Союзом защиты родины и революции»[3], что организуется она четверками, десятками и девятками и что в состав ее входят правые с.-рев., кадеты и анархисты. Указал он из анархистов на Мещерского. Фамилии остальных не знаю».

5. БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «СОЮЗ ЗАЩИТЫ РОДИНЫ И СВОБОДЫ»

Ниже приводится копия подлинника начальника Восточного отряда Добровольческой армии Сахарова. Этот подлинник был обнаружен в его бумагах в городе Муроме после ликвидации восстания. Он писан его же рукой.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ВОИНСКОГО УСТАВА СЕВЕРНОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Каждый человек, добровольно вступающий в ряды армии, берущей на себя священную задачу защиты родины и свободы, должен ясно сознавать, что требования воинской дисциплины являются основой для достижения успеха. Поэтому, как мелочны ни казались бы на первый взгляд требования военной службы и дисциплины, они имеют глубокий смысл и обязательны для доб-

---

[1] Ныне Пушкинская улица.

[2] Документ цитируется неточно, см. с. 103.

[3] Речь идет о «Союзе защиты родины и свободы». В дальнейшем иногда его ошибочно называют «Союзом защиты (спасения) родины и революции».

росовестного выполнения каждым искренне желающим отдать себя на служение родине.

Поэтому:

1) Всякое приказание начальника должно быть точно и беспрекословно исполнено. За все последствия отвечает только отдавший приказание, если исполнивший не превысил и не изменил данных ему полномочий.

2) Начальник, отдавший незаконное приказание, несет строжайшую ответственность, независимо от его чина и должности, за все вредные последствия незаконного распоряжения.

3) Всякий подчиненный, не исполнивший приказания начальника, подвергается ответственности по суду.

4) Суды учреждаются в том составе и с тем кругом подсудности, какие указаны в Своде В. П. [1], но с введением в состав суда добровольной защиты по выбору подсудимого, если только вызов выбранного защитника может быть совершен в сроки, установленные для судопроизводства. В случае неимения добровольных защитников должны быть защитники по назначению суда.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

1) Во всех случаях жизни младшие и подчиненные, обращаясь к начальству или старшему, называют его по чину, прибавляя «господин» (господин прапорщик, господин капитан и т. д.).

Все генеральские чины титулуются «Ваше Превосходительство».

2) Начальники старшие, обращаясь к подчиненным и младшим, называют их по чину или званию с прибавлением фамилии (поручик Иванов, унтер-офицер Степанов и т. п.).

3) При обращении обязательно говорить всем «вы».

4) Как внешний признак единения и принадлежности к русской армии устанавливается вне службы обязательное взаимное приветствие прикладыванием руки к головному убору по правилам, указанным в строевых уставах. Остановка во фронт отменяется. Первым приветствует младший или подчиненный. Ответное приветствие со стороны старшего или начальника обязательно.

Примечания:

1) Для приветствия сидящий должен встать, кроме тех случаев, когда он сидит в экипаже, подводе, трамвае.

2) Без головного убора приветствие выражается поворачиванием головы в сторону начальника.

[1] По-видимому, автор устава имеет в виду Сборник узаконений Временного правительства, восстановившего мировые суды.

3) При входе в частные помещения (рестораны, трамваи и т. п.), где находятся военнослужащие, каждый новый входящий, независимо от чина и должности, приветствует находящихся общим поклоном при входе или же приложением руки к головному убору. После этого никаких дополнительных обращений за разрешением сесть, закурить и т. п. не требуется, кроме тех случаев, когда приходится занимать место в непосредственной близости от начальника или старшого (ближе 5 шагов). В последнем случае выражением взаимного уважения и воспитанности является обращение к ближайшему из находящихся начальников или старших за разрешением сесть, закурить и т. п.

5) В строю и вообще при исполнении служебных обязанностей отдание чести в порядке, предусмотренном строевыми уставами.

6) Неисполнение перечисленных правил рассматривается как умышленное невнимание и неуважение к законам армии, взявшей на себя защиту родины и свободы.

7) Лица, нарушающие эти требования, подвергаются дисциплинарным взысканиям:

а) замечанию или выговору (имеют право сделать все начальники и старшие, заметившие нарушение);

б) воспрещению отлучки из помещений и лишению права на отпуск;

в) арест до 5 суток.

Примечание. Взыскания в пп. «б» и «в» могут накладывать только начальники, начиная от командира роты.

ВНУТРЕННЯЯ СЛУЖБА

1) Вечерняя и утренняя поверка обязательны.

2) После поверки общая молитва.

3) Во время нахождения части на отдыхе могут быть ежедневно увольняемы со двора во внеслужебные часы до вечерней переклички треть наличного состава. На ночь не больше $^1/_4$ состава.

4) Учет могущих быть уволенными со двора ведут взводные командиры и их заместители. Уходящий заявляет дежурному о своем уходе. На ночь может уволить только командир роты.

5) На начальнике части лежит обязанность следить за тем, чтобы в тревожное время увольнялось из помещений такое число людей, которое не может вредно отразиться на боевой готов-

ности части. Он имеет право временно, в зависимости от обстановки, прекратить увольнение вовсе.

6) Продолжительные отпуска разрешаются командиром части по представлению командиров рот в пределах действительной возможности, сообразно с обстановкой, но во всяком случае не более 2-х человек на каждую сотню наличного состава.

7) В остальном, в смысле порядка и чистоты в помещениях и вообще внутренней жизни, руководствоваться правилами применительно к изложенным в уставе внутренней службы.

ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ УСТАВ

1) Взыскания, полагаемые за нарушения порядка службы властью начальников без придания суду следующие.

НА СОЛДАТ:

1) Замечание и выговоры (словесные, письменные, в приказах, как отдельно, так и перед строем).

2) Воспрещение отлучки со двора до 1 месяца и увольнения в отпуск. Наряд не в очередь на службу — до 8 нарядов.

3) Арест простой и строгий (первый до 9 суток, второй — до 20 суток).

4) Денежный штраф не свыше стоимости причиненного ущерба при вычетах из денежного довольствия не свыше $^1/_2$ ежемесячно.

5) Смещение на низшие должности и низшие оклады.

6) Лишение звания офицера, унтер-офицера, прапорщика.

СТЕПЕНЬ ВЛАСТИ.

Отделенные — выговоры и замечания.

Взводные — наряд не в очередь на службу 1 раз.

Ротные — воспрещение отлучки со двора на 7 суток, наряд на службу — до 4 нарядов, арест простой до 4 суток.

Батальонные — воспрещение отлучки со двора до 2 недель, арест простой до 3 суток, арест строгий до 10 суток, денежный штраф до 25 рублей, смещение фельдфебелей на должность и оклад взводных унтер-офицеров и взводных унтер-офицеров на должность и оклад младших унтер-офицеров.

Командиры полков — воспрещение отлучки до 30 суток, арест простой до 9 суток, арест строгий до 20 суток, денежный штраф до 100 рублей, лишение звания ефрейтора.

Начальник дивизии — полная власть.

Выговоры и замечания — все.

Смещение на низшие должности — начальники дивизий.

Денежные штрафы — командир роты, полка до 100 рублей, начальник дивизии — до 200 рублей.

Отличные знаки состояния в частях «Союза защиты родины и свободы» — нашивки на левом рукаве в виде угла из узкой георгиевской ленты (шеврон).

Такого же цвета, но соответствующих размеров должны быть флаги и знамена. На знамена могут быть нашиты иконы святого, избранного для данной части.

Погоны надеваются только защитного цвета и только после специального разрешения штаба.

Начальник штаба Северной Добровольческой армии полковник *А. Перхуров*.

Уполномоченный от штаба при Восточном отряде, временно исполняющий обязанности уполномоченного от правительства *Н. Григорьев*.

Начальник Восточного отряда *Н. Сахаров*

ОТ ШТАБА ВОСТОЧНОГО ОТРЯДА СЕВЕРНОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

§ 1

Верховное командование Российской Добровольческой армией принадлежит бывшему Верховному главнокомандующему генералу М. В. Алексееву, командующему в настоящее время Южной армией. Командующим Северной Добровольческой армией, в состав которой входит наш Восточный отряд, является бывший управляющий военным министерством Б. В. Савинков.

§ 2

УСЛОВИЯ СЛУЖБЫ

Все бывшие офицеры и военные техники обязаны явиться в ряды армии. Добровольцами могут быть все граждане России, владеющие оружием, в возрасте от 18 лет, и подданные союзных нам стран (в том числе и чехословаки).

§ 3

Условия службы в рядах армии одинаковы как для военнообязанных, так и добровольцев. Все обязаны подчиняться усло-

виям воинской дисциплины, устав которой прилагается всем для прочтения и подписи при поступлении в армию.

Впредь до изменения оклад содержания в рядах Восточного отряда следующий:

рядовому	300	рублей	в месяц
отделенному	325	»	»
взводному командиру .	350	»	»
ротному командиру . . .	400	»	»
батальонному командиру	500	»	»
командиру полка . . .	600	»	»

Пособие семьям (впредь до изменения):

содержащему	1 человека	нетрудоспособного . .	150	рублей
	2 человек	» . .	200	»
»	3 »	» . .	250	»
»	4 » и более	» .	300	»

Первый месяц ввиду неполного оборудования отряда все члены его находятся на своем коште, получая бесплатно продукты, обмундирование и прочее только в том случае, если штаб отряда успеет сорганизовать хозяйственную часть.

В дальнейшем все борцы за свободу и родину, равно и их семьи, будут поставлены в условия, обеспечивающие их существование в эти тяжелые дни экономического кризиса. Раненым и семьям убитых будет выдаваться пособие, размер которого будет опубликован особо.

Уполномоченный Центрального штаба *Н. Григорьев*
Командир Восточного отряда подполковник *Н. Сахаров*

ПРИКАЗ № 1 КОМАНДУЮЩЕГО ВОСТОЧНЫМ ОТРЯДОМ СЕВЕРНОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

1

Войсками Северной Добровольческой армии командует бывший военный министр Временного правительства Б. В. Савинков.

Верховное командование всеми армиями принадлежит бывшему Верховному главнокомандующему генералу Алексееву.

2

Города Муром, Арзамас и прочие пункты, занятые в ночь с 8 на 9 сего июля н. ст., объявляются на военном положении.

Все гражданские учреждения продолжают свою работу, за исключением закрытых, распоряжением уполномоченного национального правительства.

3

Все офицера, юнкера и вольноопределяющиеся, а также военные техники в течение вторника 9 июля обязаны явиться в штабы отрядов в Муроме (реальное училище) для принятия на учет и для зачисления в ряды Северной Добровольческой армии (распоряжение это касается также чинов Высшего военного совета [1]).

4

Все граждане Российского государства, достигшие 18-летнего возраста, приглашаются вступать в ряды Добровольческой армии на общих основаниях с военнообязанными, равно как и подданные союзных стран, в том числе и чехословаки.

5

Все лица, оказавшие сопротивление войскам Северной Добровольческой армии, укрывающие у себя представителей Советской власти, скрывающие оружие и агитирующие против Северной Добровольческой армии и Временного национального правительства, будут преследоваться военно-полевым судом.

6

Все лица, уличенные в грабежах, разбоях и прочих уголовных деяниях, будут расстреливаться на месте преступления.

Командующий Восточным отрядом
Северной Добровольческой армии
Н. Сахаров

И. о. уполномоченного правительства *Н. Григорьев*

9 июля 1918 года
город Муром

[1] Высший военный совет — орган стратегического руководства Вооруженными Силами Советской республики, образован в начале марта 1918 года для организации обороны государства и формирования кадровой Красной Армии. Упразднен в начале сентября 1918 года, а его штаб переформирован в штаб Реввоенсовета республики. В Высшем военном совете служили на добровольных началах главным образом офицеры бывшей Ставки верховного главнокомандующего.

Из текста неясно, об этом ли высшем совете идет речь.

6. УЧАСТИЕ СОЮЗНИКОВ И ФИНАНСЫ

Уже из показаний Пинки о том, что «Союз защиты родины и свободы» придерживается союзнической ориентации, явствует, что рука союзников поддерживает эту организацию.

На их участие указывает целый ряд показаний. Так, тот же штабс-капитан Пинка говорит: «Сильное пособие мы получили от союзников. Пособие мы получали в деньгах, но обещана и реальная сила. Союзники ожидали, чтобы мы создали правительство, от лица которого бы их пригласили официально. Отряды союзников составлялись смешанные, чтобы ни одна сторона не имела перевеса. Участие должны были принимать и американцы».

Итак, союзники пока оказывали денежную помощь. Реальную же силу они обещали только тогда, когда эта организация себя проявит как силу и, создав свое правительство, закрепится. Тогда, уступая просьбам диктатора Савинкова, они придут и установят порядок на Руси.

Но помощь союзников состояла не только в снабжении деньгами. Пользуясь своим иммунитетом, консульства давали приют контрреволюционерам. Так, например, Савинков одно время укрывался в английском консульстве у Красных Ворот [1].

Начальник кавалерийских частей и казначей «Союза защиты родины и свободы» Виленкин состоял юрисконсультом английского правительства. Через него и снабжалась деньгами военная организация. Источник, очевидно, английский.

Другой источник средств и реальной силы — это чехословаки; об этом свидетельствуют сами белогвардейцы в лице присяжного писаки Деренталя:

«В это время были получены определенные сведения о готовящемся в Архангельске и на Мурмане союзническом десанте. За время своего подпольного существования организация успела уже оказать союзникам несколько важных военных услуг, в известной степени долженствовавших доказать, что не все русские покорно склонили свои шеи перед рабским и позорным ярмом Брестского мира. Союзом был организован планомерный и непрерывный саботаж некоторых украинских железных дорог с целью затруднить вывоз германцами хлеба из Украины, была произведена длительная разведка в тылу германских войск на Восточном фронте, в оккупированных местностях и, кроме того, многое другое, о чем сейчас покамест еще не представляется возможным говорить открыто.

Одновременно со сведениями о десанте стало известным, что часть чехословаков возвращается из Сибири в Европейскую Рос-

[1] Ныне Лермонтовская площадь.

сию на предмет отправки на французский фронт Северным морским путем через Архангельск. «Союзом» был послан к чехам один из офицеров для того, чтобы вступить с ними в сношения и попытаться привлечь их на сторону общерусского и общесоюзнического дела — свержения Советской власти. С чехами вообще у «Союза» были раньше определенно дружеские отношения, и лишь исключительно благодаря крупной денежной помощи со стороны уезжавшего тогда из России профессора Масарика «Союз» смог окрепнуть и стать на ноги в одну из трудных минут своего существования» (Деренталь. «Отечественные ведомости»).

Что средства черпались именно у союзников, об этом говорят все подсудимые, которые по роду своей службы об этом могли знать. Так, Иванов, он же князь Мешков, показывает (см. с. 50)[1]: «Работали они (Оленин, Парфенов, Сидоров, Литвиненко и др.— *Лацис*) на средства французов, англичан и американцев».

«Деньги, вероятно, получались от союзников, такие намеки делал Пинка»,— говорит Сидоров-Аваев.

Один только Попов говорит, что деньги получал от спекулянтов. Но этому верить не приходится; так, царствование учредиловцев в Казани показало, что купцы являются самыми скромными жертвователями, из которых приходилось выжимать силой.

Самая реальная поддержка нашим контрреволюционерам, конечно, была оказана чехословаками. Но это уже не столько относится к «Союзу защиты родины и свободы», сколько к вновь нарождающимся и более сильным контрреволюционным организациям.

7. ЛИКВИДАЦИЯ МОСКОВСКОЙ И КАЗАНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЙ «СОЮЗА ЗАЩИТЫ РОДИНЫ И СВОБОДЫ»

Московская организация и тем самым весь «Союз защиты родины и свободы» был раскрыт как раз в момент эвакуации центра организации в Казань. Об этом переезде организации белогвардейские источники показывают следующее.

«Момент наибольшего организационного успеха «Союза», как уже было указано, совпал с тем неизбежным психологическим моментом в жизни каждого тайного сообщества, когда необходимо или выявить себя в открытом действии, или же начать внутренне разлагаться из-за отсутствия этого действия. Печальный пример правой военной организации генерала Х. был перед глазами. Там сперва были силы, были средства, был энтузиазм. Но слишком долгое подпольное пребывание на «мирном положении» сперва стало

[1] В данном издании с. 97

сказываться в начавшихся политических колебаниях его вождей, что не замедлило отразиться на упадке настроения остальных членов организации. Затем пошли обычные в подобных случаях внутренние разногласия, и в конце концов организация умерла естественной смертью. Часть офицеров распылилась, отошла в сторону, часть примкнула к «Союзу защиты родины и свободы».

«Союз» к этому времени обладал достаточными силами для того, чтобы неожиданным выступлением захватить Москву. Но после зрелых размышлений этот план был отвергнут.

Выступать в Москве значило заранее обречь все предприятие на неудачу. Захватить наиболее важные стратегические пункты страны, арестовать Совет Народных Комиссаров и т. д. не представляло особых трудностей именно в тот момент. Но, захватив город, нужно еще было в нем суметь продержаться; сделавшись хозяевами положения в центре с миллионным населением, нужно было взять на себя обязательство прокормить все эти сотни тысяч голодающих ртов. Первое было чрезвычайно трудно ввиду присутствия в Москве значительного числа организованных и вооруженных германских военнопленных, негласно находящихся под командой германских офицеров, и особенно ввиду возможности немедленного движения на Москву регулярных германских войск с германско-большевистского фронта. Второе представлялось почти невозможным благодаря полному развалу транспорта и предварительному разгрому большевиками всех продовольственных и общественных организаций. Новая власть не смогла бы, таким образом, удовлетворить связанные с нею надежды населения на улучшение жизни и тем самым неизбежно должна была бы опорочить то дело, во имя которого был бы произведен переворот.

Вместо московского плана штабом организации был разработан и принят план захвата Казани. К выполнению этого плана и свелась работа организации: были намечены воинские части для эвакуации, определены пункты предварительной незаметной их концентрации, посланы квартирьеры и т. д. Но в самый разгар подготовительной работы произошло то, что очень часто разрушает во всякого рода тайных сообществах самые строго и тщательно обдуманные планы: на квартире у командира одного из полков, благодаря его собственной неосторожности, внезапно был произведен обыск. Были найдены документы, указывающие на существование «Союза» и его цели, и, что всего важнее, был найден план эвакуации этого штаба [1] в Казань, открывший советским властям не только подготовлявшийся против них заговор, но и место его выполнения» (Деренталь. «Отечественные ведомости», № 13 от 24 ноября 1918 года).

[1] В тексте книги ошибочно «плана».

Эти сведения Деренталя подтвердились данными следствия. Так, у арестованного Герцена (Ольгина) были обнаружены нижеследующие документы, говорящие о том же.

ИНСТРУКЦИЯ КВАРТИРЬЕРАМ

1. От каждого полка направляются в указанный город два квартирьера. Один из них — командир полка. По выполнении заданий командир полка возвращается обратно (к 6 июня) и готовит свой полк к отправке. Второй квартирьер остается на месте и заканчивает работу по приемке должного количества людей.

2. Квартирьеру полагается на расходы:

командиру полка личные по поездке 400 рублей и на наем помещений пропорционально числу людей, задаток за помещение в размере $^1/_2$ месячной платы. Оставшийся в городе второй квартирьер удовлетворяется содержанием по штату, утвержденному 27 мая 1918 года, получает 400 рублей на детей, если таковых имеет, подъемные 150 рублей, обмундировочные 100 рублей и за $^1/_2$ месячного жалованья вперед — 175 рублей. Пользуется квартирным довольствием.

3. Командир полка обращается по указанному адресу за необходимыми сведениями и устанавливает связь со штабом отряда и местной организацией.

4. Командир полка знакомится с районом предполагаемых действий. Выезжает обратно к полку только тогда, когда имеет для полка достаточное число помещений. Но не позднее 4/IV, чтобы к 6/VI быть на месте (то есть к 6 июня).

5. Вся ответственность за размещение полка возлагается на командира полка.

6. Помощниками по размещению полка являются штабные квартирьеры (по одному на полк). Они должны в свою очередь принимать все меры скрытного размещения людей.

7. Полковые квартирьеры находятся в распоряжении начальника иногороднего отдела или его заместителя, на ответственности которого лежит размещение всего отряда.

8. Связь со штабом отряда, с местной организацией поддерживается через оставшегося в городе квартирьера; он же держит связь (телеграфную) с полком и встречает прибывающих.

9. Прибывающие в город должны быть разделены на квартиры не в одном районе, но чтобы быть вблизи друг к другу.

10. Справки и указания квартирьеры могут получать в штабе отряда.

Примечание. Данная инструкция является дополнением к первой, выданной командирам полков 27 мая с. г.

ПАМЯТКА ДЛЯ ЕДУЩЕГО РАЗВЕДЧИКА

Твердо надлежит помнить, что успех удара по противнику зависит главным образом от внезапности нанесения удара и, следовательно, от того, насколько намечены всякие приготовления к этому удару, поэтому всюду самая сугубая скрытность.

Общая задача разведки: выяснить всевозможные условия при поражении, способ встречи, способ размещения дивизии.

Во исполнение общей задачи

1) По каким железным дорогам и водным путям (передаточные станции, пароходы) надлежит следовать эвакуирующимся.

2) Где контролируют документы, где наиболее внимательно наблюдение за проезжающими, какие документы наиболее действительны для беспрепятственного проезда.

3) Какая форма группового передвижения более приемлема: группа рабочих, грузчиков, артистов, мешочников...

4) Сколько дней езды к месту назначения, имеет ли при себе провиант, на сколько дней.

5) Подыскать годное для размещения помещение, по возможности для большего числа, дабы не распылять людей (комиссионные контакты, помещения для трудовых артелей и т. п.).

6) Выработать на месте технику прибытия о приемке постепенно прибывающих групп, памятуя, что план техники должен быть незаметен (куда обращаться по прибытии, куда идти, где ночевать, где быть квартирьерам, где, например, в какой церкви встретиться, в какой газете и как напечатать объявление о месте пребывания штадива [1], какие места могут служить для прибывающих явками).

Важным условием является внешний вид передвигающихся. Не должно быть никаких внешних признаков (галифе, френчи).

Все должны быть одеты возможно проще и даже неряшливо.

Никаких политических разговоров не вести. По прибытии на место соблюдать строгую конспирацию и продолжать разыгрывать прежнюю роль (крючник, артист, мешочник).

Как регистрируют приезжающих. С богом в добрый путь...

РАСКВАРТИРОВАНИЕ БЕЛЫХ ВОЙСК В КАЗАНИ. ЗАПИСКИ ОЛЬГИНА [2]

Квартира Винокурова, Поперечная 2-й горы, дом Вишневских. 6 человек, от 7 утра до 8 часов утра. Видя офицеров, идущих во 2-й флигель, спросить, не знают ли Виктора Ивановича.

---

[1] Штадив — штаб дивизии.

[2] Восстановлено по оригиналу.

Северные номера — 2 человека, от 7 до 12 дня, от 4 до 8 вечера, от 2 до 5 утра. 2 человека.

Увид. у Кузнецова. Посадская, дом Трефилова. 4 человека.

За Иосифом Александровичем 4 человека, «Земля и воля» — 2 человека.

[Всего] 20 человек.

Адрес Кузнецова: Булак, против реального училища, собственный дом Кузнецова.

На пристани — 2 [человека], от 8 до 1. На вокзале — 1 [человек], от 1 до 4 утра и с [неразборчиво], всего 16 человек.

Посадка в Москве на скорый поезд. Садится народу порядочно в вагоны: товарные, 3-й класс, 2-й и 1-й. Мы оба [неразборчиво] едем в третьем классе.

Путь. Без всяких затруднений. До Арзамаса — садятся. Станция Тимирязева — значительно свободнее.

Время в пути от $1^1/_2$ до 2 суток.

Состав едущих. Различный: рабочие на заработок, много мешочников. По одежде: чисто одетые, офицерского вида. Преимущественно крестьяне, в своей одежде, в солдатской одежде, в сборной; рабочие городские.

Прибытие в Казань. Ночью свободный проход. Извозчиков почти нет, носильщиков мало. Билеты отбираются не доезжая Казани.

Проверка билетов в пути. Контроль проходит несколько раз. Бывает от милиции на ст. Арзамас.

Квартиры в К[азани]. Места явки и прибытия лишь терпимы, но неудобны. Кроме того, что хозяева страшно трусят. Слишком «старое» место.

Площадь застройки города Казани. Около 20 кв. верст (4×5).

Вокзал в городе (окраина западн.).

Пристани. По линии трамвая около 7 верст (через слободу Адмиралтейскую). Прямой путь (по Новой дамбе) 4 версты.

Трамвай ходит плохо. Клади на переезд 1 час.

Слобода Адмиралтейская. Является тоже как бы пригородом, находится на расстоянии около 3 верст от города [1]. Площадь застройки — около $1^1/_2$—2 кв. верст.

Новый У[слон] [2] по ту сторону Волги. Дачное место. Существует перевоз. Ходит один паром. Кажется, от 6 часов утра до 8 часов вечера. Отходит с каждой пристани через 1 час 15 минут. Переезд продолжается около 30 минут.

Топогр. данные относительно Казани. Город расположен на горах. Есть крутые подъемы. К западу от Волги — болотистые места

---

[1] Расстояние указано от центра города.

[2] По-видимому, имеется в виду Верхний Услон.

и заливные луга. С севера протекает река Казанка. В городе — гнилая река Булак из озера Нижний Кабан (большое). Через реку Казанку — мостов. (2). Через реку Булак — мостов (6).

Данные о городе: улицы мощеные, есть островками асфальт. Тротуары — средние. Грязь порядочная. Трамваи ходят не быстро — до 9 часов вечера.

Продовольствие достаточно хорошее:

Хлеба сколько угодно	1 руб. 80 коп. фунт черного	
» »	3 руб.	» белого
Яйца »	2 руб. 20 коп.	
Колбаса вареная »	от 3 руб. 60 коп. фунт.	

Крупы почти нет. Сахар [у]спекулянтов 15 руб. фунт. Масло сливочное — 12 руб. фунт, русское — 9 руб. фунт.

Квартирный вопрос. Квартирное бюро. Комнаты можно получить сразу (подается заявление). Квартир две недели ждать через знакомых. Гостиницы в городе сильно заняты. Меблированные комнаты на Устье (пристань) можно получить [неразборчиво] 150 до 250 руб. №, на 2—3 дня от 3 до 12 руб.

А вот еще письмо того же характера:

«Глубокоуважаемый Николай Сергеевич!

Прибыв сюда, мы обратились к Иосифу Александровичу согласно инструкций, утвержденных Вами.

Исключительно ему во всей полноте изложили дело и просили связи с местными организациями, как нам было поручено, для подготовительного размещения. Нам было указано вступать в связь с другими через него. Но он ни с кем нас не знакомил, говоря, что одно лицо уехало (примечание: по полученным нами сведениям, это лицо — полковник, находится здесь), а с другими находя, видимо, ненужным. Все сведения получали мы от него и по его указанию и по собственному почину. Подыскивали помещение всей массе. По его сообщению, проверить которое он не дал возможности, отдельные лица местной организации могут разместить значительное количество, то есть число лиц, которое Вами нам было указано, частью в городе, частью на окраине и по близости города (дачи). Лично мы сами осматривали в двух пунктах по его указанию, где нужно разместить 300—400 людей; причем в это число входят меблированные комнаты на Устье. По словам Иосифа Александровича, связи и объединению с местными организациями препятствует отсутствие более компетентного лица от города Москвы, имеющего право эвакуации, решающего голоса в вопросах эвакуации и боевых действий, так что мы с нетерпением ждали его приезда. По прибытии квартирантов мы просили немедленно приступить к указанию помещений. На это он ответил, что до приезда Виктора Ивановича или лица, вполне компетентного в вышеуказанных вопросах (эвакуация и боевые действия, они под этим,

видимо, подозревают здешний штаб), не могут размещать. Своего содействия они оказать не могут, тем более что сегодня должен будет приехать Виктор Иванович, что они решили на основании вчера полученной от Вас телеграммы на имя «Роза» (тетя и т. д.). Ответственность за промедление «они» берут на себя — так он сегодня нам заявил. Без Виктора Ивановича он ничего не может сделать, так как в письме Виктор Иванович распорядился не вводить нас в организацию, которая имеет большое значение и будто непосредственно связана с московской. Впечатление, лично наше,— недоверие, желание все держать в своих руках, отчужденность от московской организации, партийность. Наше мнение: необходимо возможно скорее наших руководителей. Есть подозрение, что с.-р. тенденция может испортить дело, но у них в руках есть связи, лично наше действие ограниченно, находясь в полном контакте с Иосифом [Александровичем], действуя через него согласно инструкций.

Б. Ярцев, Розанов».

Московская организация была раскрыта 29 мая, арестом местного штаба в квартире Сидорова по Малому Левшинскому переулку. Попавшие в руки ВЧК вышеприведенные документы дали возможность развернуть дело широко, вплоть до казанской организации. Ниже мы предоставляем [возможность] говорить самим арестованным, приводя важнейшие из их показаний.

ПОКАЗАНИЕ ИВАНОВА (МЕШКОВА)

ПРОТОКОЛ 29 ИЮНЯ

«До сих пор я на допросах не говорил правду, так как я не знал большевиков и судил о них только на основании оговоров, что Ленин и Троцкий и вообще большевики — немецкие шпионы. Сейчас в больнице после разговоров с тт. Трепаловым и Полукаровым [1] понял, что был введен в заблуждение, и желаю сказать всю правду.

Называюсь я не Иванов, а Мешков Виктор Львович (дома называли по настоящему отцу Александровичем, а не Львовичем,

[1] Трепалов А. М. (1887—1937) — член КПСС с 1908 года. За революционную деятельность подвергался репрессиям царизма. В 1918—1920 годах работал в ВЧК, МЧК, Всеукраинской ЧК. В октябре 1922 года — марте 1923 года — заместитель начальника Экономического управлеиия ГПУ. С 1925 года на хозяйствениой работе. В 1937 году незаконно репрессироваи. Реабилитирован.

Полукаров И. Н. (1895—1919) — члеи КПСС с 1917 года. Участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, член ВРК. В декабре 1917 года— ноябре 1918 года — член коллегии ВЧК. С ноября 1918 года — слушатель Академии Генштаба, с весны 1919 года — на военной работе. Умер от тифа в декабре 1919 года.

по фамилии фон Кавер, убитый 5 мая 15 г. в Персии, в городе Исфахане). Родился я в 1902 году, 25 марта в Петрограде; большую часть жизни прожил в Персии, до 1910 года, затем до 1912 года — в Варшаве, с 1907 до 1910 — в Екатеринодаре, в 1912 году отец взял к себе в Персию, в 1915 году уехал с матерью в Петроград, где мать легла в больницу и 15 мая умерла. Тетка Горская устроила меня в кадетский корпус, где пробыл до рождества 1916 года, когда бежал на фронт под Стоходом в Варшавск. Уланский полк. Вернулся после контузии в июле 1916 года. Тетка с сестрой моей жила в Крыму в Коктебеле, где я пробыл до декабря, в январе 1918 года приехал в Петроград, остановился у тетки Даниловой. Поехал в Москву, лег в Иверскую общину, здесь встретил поручика Никитина. Он меня устроил в общину, переменив мне до этого мою фамилию, не объяснив мне, почему он это заставляет меня делать. Одно время он предлагал мне вступить в продовольственную милицию, где служил Парфенов, но я отказался, будучи болен. Потом раз Никитин послал меня с письмом на М(алый) Левшинский к Парфенову. Тот разговорился и предложил мне быть его ординарцем, то есть курьером, но сущность дела он скрывал от меня, только за день до ареста он объяснил мнё свою организацию: что называется она «Союз защиты родины и революции», что организуется она четверками, десятками и девятками и что в состав ее входят правые с.-р., кадеты и анархисты. Указал он на анархистов, на Мещерского, фамилии остальных я не знаю. Фамилии офицеров мне известны: Парфенов, Сидоров, Пинка, Висчинский, Никитин, Литвиненко, Виленкин, Оленин (рука на перевязи) с отцом (его я видел раз в штатском). Фамилии эти я часто слышал на М(алом) Левшинском. Был там некий Коротнев и Шингарев. Литвиненко я видел. Он штаб-ротмистр Гродненского полка, лежал в госпитале Кредитного о-ва, адрес его у меня был записан в книжечке. Письма я носил Литвиненко и Оленину. Парфенов был, кажется, командиром конного полка, Сидоров — второго пехотного полка, Никитин — начальник команды телефонной связи, Литвиненко относился к кавалерии, но кем там [был], не знаю. Работали они на средства французов, англичан и американцев.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАНИЯ ИВАНОВА

Парфенова знаю недели три, то есть числа с 20/V; меня с ним познакомил Сергей Ласся, вольноопределяющийся, сказав, что Парфенов может дать денег и место. После разговора Парфенов сказал, что существует организация, в которую могу тебя устроить, говоря, что он формирует свой полк, и предложил остаться у него ординарцем, на что я изъявил согласие. Деньги я получал от Парфенова; получено 200 рублей частями. Парфенов формировал ка-

валерийский полк. О Сидорове я знал, что он командир пехотного полка, слышал от него. Как фамилии приходивших офицеров, я не знаю. По предъявлении карточек (фотографических) могу указать командиров полка Сидорова.

Бабасинова я знаю как старшего врача по госпиталю. В квартире Сидорова его не встречал.

Покровский хотел послать меня к Коротневу. Какое положение занимал Коротнев в организации, не знаю, полагаю, что командир полка.

Иванов

ПОКАЗАНИЯ ГЕОРГИЯ ПЕТРОВИЧА СИДОРОВА (ОН ЖЕ АВАЕВ)

ВТОРОЙ ДОПРОС

В Москву приехал около 22 марта; находился без работы. Мне кто-то предложил обедать в столовой «Курляндия» (Большая Полянка, 24), где давали дешевые обеды. В одно из таких посещений столовой я познакомился с Пинкой, Арнольдом. В разговоре он начал зондировать почву, могу ли я сформировать воинскую часть и т. п., и по ознакомлении с моим военным авторитетом и политической физиономией предложил мне формировать роту, причем указал, что формировать только из бывших офицеров. Через несколько дней, когда мною уже были сформированы два взвода, Пинка мне предложил формировать батальон; спустя недели две мне было предложено формировать кадр полка. На вопрос к Пинке, почему только кадр и откуда будет пополняться рядовой состав полка, Пинка давал уклончивые ответы. Таким образом, откуда бы должно быть пополнение состава полка рядовыми, мне осталось неизвестно. Жалование платилось:

Командиру	батальона	обеспеч.	200 руб.,	необеспеч.	400 руб.
»	роты	»	175 »	»	375 »
»	взвода	»	150 »	»	350 »

Командир батальона представлял мне ведомость с обозначением количества людей, я составлял общую сумму и представлял Пинке, который выдавал деньги согласно смете. Было ли злоупотребление со стороны батальонного командира в смысле увеличения количества людей, мне неизвестно; проверить было невозможно. Деньги, вероятно, получались от союзников, такие намеки делал Пинка. Я думаю, что была связь с соц.-рев. Стал об этом подозревать с того момента, когда я от офицеров слышал, что в Москве есть организация во главе с Савинковым, и, не зная в Москве других организаций, предполагал, что говорят про нашу. Было ли действительно так, я не знаю.

Начальника дивизии и всех командиров полков должны были увидать 1/VI в Молочном переулке. В день ареста у меня в квартире собрались офицеры по случаю дня рождения моей сестры; были ли кто из организации, я не знаю, но думаю, что были. Голикова в нашей организации участия не принимала.

Предъявленная Сидорову записка Ильвовского есть денежный расчет. Сидоров намекает, что это ведомость батальонного командира организации. Сидоров. 6/VI. 1918 года.

ТРЕТИЙ ДОПРОС

Допрос Георгия Петровича Аваева (Алексея Илларионовича Сидорова), 21 года, из Тамбовской губернии города Елатьмы, окончил 6 классов гимназии. Окончил Виленское военное училище в 1915 году и достиг на войне чина штабс-капитана. 28 мая 1918 года показал:

«В Елатьме была арестована «Елатьминская дружина» численностью в 80 человек. Арестовано 37 человек. В Таганке 29 человек, в числе которых находятся мой брат Борис Петрович и дядя Иван Аполлонович Граве. Мой брат тоже бывший офицер и служил в том полку, что и я, а мой дядя тоже бывший офицер. Дружина была организована для защиты города от пожаров. Начальником этой дружины был я. Во время арестов мне удалось бежать. В ночь с 3 на 4 марта или со 2 на 3, точно не помню, вся дружина с оружием в руках вышла из города и направилась к местечку «Гут». У местечка «Гут» мы все разбрелись в разные стороны, по разным направлениям. Причиной нашего бегства из города были сведения, полученные от окрестных крестьян, о том, что против нас движутся советские войска. На военном положении город был объявлен приказом городской управы на мое имя. Я признаюсь в том, что имел сношение со многими офицерами, устроившими товарищество. Я хотел организовать артель 5 офицеров; для чего, и сам не знаю. В военном заговоре против существующей власти я принимал участие. Названные мною фамилии принадлежат офицерам, находившимся со мной в организационной и боевой связи. Я не отрицаю тот факт, что люди, состоявшие в организации, вместе со мною должны совершить передвижение под видом мешочников либо паломников и во всяком случае таким образом, чтобы массовые передвижения должны совершаться маскированно. Арнольд Пинка уехал, я догадываюсь об этом, в Самару.

План организации мятежа таков. В Москве организовалась дивизия как из безработных офицеров, так и ее состава советской службы. Четыре полка, из которых состояла дивизия, имели командиров полка, в числе которых был и я. В каждом полку было четыре батальонных командира. Об отправлении дивизии из пределов Москвы мне было определенно заявлено, что мы должны будем

выехать. Я полагал, что в Самару. Инструкции предоставились мне, как командиру полка, по начальству упомянутым выше Арнольдом Пинкой. Арнольд Пинка (иначе Арнольдов), как я полагаю, был либо начальником штаба, либо обер-офицером для поручений. Неделю тому назад говорилось, что если союзники высадят десант на Мурман, то мы пойдем им на помощь. Но потом задания у нас подверглись изменению. Нас должны были отправить на восток для дальнейшего формирования. Арнольдов (Пинка) говорил, что само собой наступит момент падения Советской власти и тут мы должны были приступить к набору рядовых и продолжению войны с Германией. Пинка говорил, что до осени мы едва ли успеем сорганизоваться.

Схема формирования полка рисуется таким образом: я, как командир полка, должен был набрать четырех батальонных командиров, каждый из которых в свою очередь набирал четырех взводных, на этом формирование полка приостанавливается, и по наступлении благоприятных обстоятельств предстоял набор солдат. Арнольд (Пинка) говорил, что мы сами не будем активно выступать против Советской власти, но что это должно было быть проделано, по всей вероятности, рабочими города Москвы, а нами была бы использована создавшаяся обстановка».

ПИСЬМО СИДОРОВА ИЗ ТЮРЬМЫ

«Будьте любезны, зайдите по следующему адресу: Пречистенка [1], Дурнов [2] переулок, 6, кв. 17, Ольга Константиновна Смольянинова, и спросите для меня, нужен ли адрес Замуховского; если да, то зачем. Кроме того, если это не затрудняет, то попросите ее зайти по адресу: Зубовская площадь, Теплый переулок [3], 18, кв. 5, Михаил Сергеевич Лопухин, и если он не скрылся, то передать ему, что его адрес в чрезвычайке известен и уже есть ордер об его аресте, а также Коротнев арестован, сидит в Таганке, никаких документов у него не нашли. Об организации Довгерта имеются довольно смутные понятия. Все офицеры моего корпуса (не арестованные) уехали к Деникину и Дроздовскому. Предал всех командир 1 батальона 2 полка Бенедиктов (Барон Бек) и кадет Иванов (князь Мешков). Остальные держатся крепко, ничего не говорят и ничего не выдают. Настроение очень хорошее».

ПОКАЗАНИЕ ГЕОРГИЯ ПЕТРОВИЧА АВАЕВА (СИДОРОВА)

В первом батальоне, командир Барон Бек, было человек от 15 до 20, за половину мая деньги за 1 месяц батальон получил.

[1] Ныне Кропоткинская улица.
[2] Ныне Барыковский переулок.
[3] Ныне площадь Шолохова, улица Тимура Фрунзе.

Во втором было 4 ротных; были ли взводные, не помню. Денег не получили.

Третий батальон Сашко, 6 человек; из них три ротных и три взводных. Деньги получили за вторую половину мая.

Четвертый батальон Коленко; было два ротных, денег не получали.

Команда Кольта — два человека.
» Максима — три человека.
» связи — четыре человека.

ПОКАЗАНИЯ ПОПОВА

ПЕРВЫЙ ДОПРОС

В начале января текущего года организовалось общество взаимопомощи бывших офицеров, врачей, чиновников и их семейств. Войдя в это общество, я сразу увидел, в какой материальной нужде находится большинство бывших офицеров. Негодуя еще во время войны на возрождающуюся спекуляцию и на людей, жаждущих только одной наживы, я полагал, что нажившиеся люди обязаны поддержать тех в нужде, кто, охраняя их шкурные интересы, бились с врагом, не щадя ни здоровья, ни самой жизни. Просить милостыню офицерам не подобало, надо было требовать, но путей для требования не было. Поэтому под видом сочувствия и содействия генералу Алексееву я решил сформировать якобы особую казанскую организацию, дабы с ее помощью потребовать от коммерсантов поддержки материальными средствами. Маневр отчасти удался, но для того, чтобы выцарапывать от них деньги, обязан был известным отчетом и фактически должен был организовать покупку оружия, хотя и не в значительном количестве. Насколько скудна была поддержка денежная, оказываемая организации, и, следовательно, насколько мало было доверия к ее серьезности со стороны коммерсантов, можно судить по тому, что за 5 месяцев было получено всего на все несколько более 50 000 рублей, когда в организации состояло около 450—460 лиц. Конечно, и сам я нисколько не заблуждался в серьезности организации, и других мотивов, кроме указанных мною выше (то есть исключительно денежной помощи буквально голодающим офицерам), для ее создания у меня не было. Для отчета я был обязан все же разбить организацию на взводы и роты и плату сообразовал с появившимся в Казани объявлением от генерала Алексеева, то есть рядовой офицер получает 150 рублей, взводному 200 и ротному 300. Таким образом, в месячной выдаче на взвод приходилось выдавать не более 1500 рублей, и не хватало не только всем, но очень малой части. Что касается оружия, то его, по докладу мне лиц, получивших разновременно деньги на покупку 5—6 штук (больше

нельзя было доставать),— этого оружия собралось всего 180 винтовок и один ящик ручных гранат.

По местным условиям проверять наличность оружия я не имел возможности, да и вообще не придавал никакого боевого значения своей организации и мало интересовался как самим оружием, так и его помещением. Когда я сообщил обо всем изложенном производящему следствие следователю Владимирову и он командировал людей для привоза этого оружия, то оказалось, что в складе было всего лишь 55 винтовок, а гранат совсем не оказалось. Это для меня было такой же неожиданностью, как и для производящего следствие, и объяснить это обстоятельство я могу лишь тем, что лица, получавшие деньги на непосредственную покупку таковой, в действительности не выполняли, а делали мне ложные доклады, которые я принимал к учету. Других никаких складов у меня нет. Таким образом, я еще раз повторяю, что я в своей организации и никаких боевых или переворотных задач не преследовал, а лишь желал косвенно помочь офицерам в большой материальной нужде. Когда их начали арестовывать за принадлежность к алексеевской организации, я не счел себя вправе молчать о действительном положении дела.

И. Попов [7 июня 1918 года] [1]

ВТОРОЙ ДОПРОС

Я, гражданин Иван Иванович Попов, 52-х лет, нигде не служу. Проживаю в Казани, на Горной улице, в доме бывшего Ягенко, кв. № 5. Ни в какой партии не состою и не состоял. Я создавал организацию для помощи бедным офицерам, и оружие покупалось для отвода глаз, просто для того, чтобы получить денег от мародеров. От кого деньги я получал, не могу сказать. С Винокуровым я познакомился при аресте, его лично я не знаю и не знал. Я лично никаких других организаций не знаю и не слышал, что существуют разные организации с.-р., черные точки. Все восстания семеновцев и калединцев я считаю авантюрой. Я лично борьбу террором считаю не достигающей своей цели. Валентину Никитину я лично не знаю. Наша организация ни с какими другими организациями не имела и не стремилась даже создать связь.

Гражданин И. Попов [13 июня 1918 года] [2]

---

[1] В тексте книги первый допрос ошибочно назван третьим и датирован 25 июня.
[2] Второй допрос составителями книги ошибочно назван первым.

ТРЕТИЙ ДОПРОС [1]

Допрошенный 29 июня Ф. Дзержинским И. И. Попов показал: снова повторяю, что ни с какими другими организациями в связи я не состоял и не искал с ними связи. Ни в какой связи ни со штабом Алексеева, ни с его агентами не состоял. Я узнал из газет о размерах жалованья, положенных Алексеевым, и в таких же размерах и сам назначил жалованье. Организовал я бывших офицеров только с целью помочь им. Я думаю, что большинство их знало об этих моих целях и побуждениях. От штаба Алексеева денег я не получал, исключительно собирал среди казанских жителей, главным образом спекулянтов. С Ольгиным до ареста я знаком не был и не знал о нем. Последний раз я получил от спекулянтов деньги в начале мая месяца, я должен был перед ними отчитываться в каждом рубле, и потому мне пришлось организовать покупку оружия, чтобы оправдать получение денег. Сам я лично не нуждался. На складе с закупаемым оружием я никогда не был, знал только, на какой улице находился этот склад.

Гражданин И. Попов

ПОКАЗАНИЯ ГЕРЦЕНА (ОЛЬГИНА)

ПЕРВЫЙ ДОПРОС

Василий Александрович Герцен (он же Ольгин) на допросе 13 июня с. г. показал следующее:

«Я бывший офицер 197 Лесного полка 5 Сибирского корпуса состоял в чине поручика. Был уволен в отпуск из полка с ноября месяца. С тех пор проживал в разных местностях России — в Киеве, Мышеловке, Двинске и суток 10 в Москве.

В Москву приехал около декабря и пробыл двое суток, потом поехал в Двинск (неразбор.): искал одного знакомого. В середине января снова вернулся в Москву и снова уехал на этот раз в Верхнеудинск: пытался пробраться в Сибирь, но туда уже не пускали. Вернулся снова в Москву, а оттуда в Тверь и Торжок. Там я пробыл несколько дней. Около середины марта я снова приехал в Москву и остановился в разных гостиницах. Указать гостиницы я не могу, ибо не прописывался.

Не прописывался я потому, что мои документы были просрочены. В организацию «Союз защиты родины и свободы» я вступил по рекомендации Бориса Алексеевича. Фамилию его не знаю. Знаю только, по его словам, что он бывший полковник пехоты. Где он живет, тоже не знаю. В Москве в организации я не работал.

[1] Третий допрос в книге ошибочно назван вторым.

Борис Алексеевич мне сейчас же предложил ехать в Казань. Перед страстной я поехал в Казань вместе с Виктором Ивановичем (это, кажется, Калинин). В Казани я попал к Иосифу Александровичу, его фамилия или Спринговч или Сплейнговч, который меня поселил у Винокурова, там я и жил. Винокуров арестован в Казани. Деньги по 20 рублей каждые 2-е суток мне давал Иосиф Александрович.

В конце мая и начале июня приехал Розанов, о котором Иосиф Александрович предупредил как о лице, не заслуживающем доверия.

С Розановым я не познакомился в Казани. Он должен был подыскать квартиры для приезжающих из Москвы. Он был квартирьер.

Через Иосифа мы связаны с правыми с.-р.; что мы будем работать вместе с правыми с.-р., мне уже говорил Борис Алексеевич.

Какую, собственно, должность я занимал в этой организации, мне самому было неясно, но меня командировал член штаба Борис Алексеевич. Письмо Николаю Сергеевичу и Борису Алексеевичу мое. Деньги 23 миллиона, которые мы собрались экспроприировать, и я поехал в Москву узнать, живет ли в Москве лицо, которое должно привезти деньги. Кто-то из казанских должен был в Казань привезти эти деньги. Этот план строил Виктор Иванович Калинин, который жил в Москве под фамилией Кудрявцева. Деньги эти мы не поспели захватить.

13 июня т. г. Василий Александрович Ольгин [1].

Герцен».

ВТОРОЙ ДОПРОС

В организацию «Союз защиты родины и свободы» вступил в середине марта с. г. по рекомендации Бориса Алексеевича, с которым познакомился в ресторане в Леонтьевском переулке.

Как фамилия Бориса Алексеевича, мне неизвестно, и какое он занимает положение в организации, мне тоже неизвестно, но думаю, что он находился в близком отношении к штабу организации.

В Казань от московской организации приходили полковники, командиры, Михаил Михайлович Войнин, другого не помню. С Марией Владимировной познакомился в кафе «Бристоль», куда был послан Борисом Алексеевичем сказать, что согласен поступить в организацию (сказать должен был Марии Владимировне). Николая Ильвовского знаю. Состоит ли в организации, не знаю.

Василий Алексеевич Герцен, 15.VI. с. г.

[1] В тексте ошибочно «Оленин».

ТРЕТИЙ ДОПРОС

Допрошенный 29 июня 1918 года Ф. Дзержинским, Василий Ал. Герцен (Ольгин) показал: на военную службу я поступил 1 января 1916 года добровольцем. Сам я был студентом естественного факультета, не окончил по семейным обстоятельствам. Мария Владимировна была кличка какой-то дамы, которая приходила в «Бристоль» на свидание для связи. Адрес: «Б. Дмитровка, № 24, Бирзе или Мурза-Мирза» — получен мною от Бориса Алексеевича, для ночевки я должен был им показать значок А (в этом роде), Бирзе — это кличка какого-то анархиста. Варвара Николаевна — это жена Калинина.

Василий Александрович Герцен

ПОКАЗАНИЯ ПОКРОВСКОГО

ПЕРВЫЙ ДОПРОС

1918 года, мая 28 дня, Покровский Борис Евгеньевич (он же Парфенов), служащий в продовольственной милиции, показал следующее:

«В Елатьме был начальником штаба отдельной дружины, которой командовал Аваев (Сидоров). Дружина состояла из 80 человек приблизительно. Арестован был по подозрению в связи с выступлением Корнилова. Комиссия нашла, что документы у меня не в порядке. Листок с заголовком «Основные задачи» принесен кем-то и положен в квартиру на стол. Очевидно, провокатор носил для того, чтобы попасть им в руки. К организации «Союза защиты родины и свободы» не принадлежал. Пока только с нею знакомился и возможно бы вступил в нее. Листовку со списком провокаторов я взял у Аваева. Я служу в продовольственной милиции, главное правление ее помещается в Английском клубе. Сколько ее всей, я не знаю.

Покровский».

ВТОРОЙ ДОПРОС

Я, 22 лет, Тамбовской губернии, Елатьминского уезда, деревни Михайловки, проживаю по Малому Левшинскому переулку, в доме № 3, кв. 9, корнет 13 Драгунского полка, служу в Московской продовольственной милиции около двух месяцев, поступил на службу в продовольственную милицию без рекомендации кого бы то ни было. В «Союз спасения родины и революции» вступил около полутора месяцев тому назад.

Определенных рекомендаций у меня не было. Меня знал член «Союза» Виленкин. Слышал фамилию фон дер Лауниц. Все сведения об организации я получил от Виленкина. Основные задачи нашей организации были изложены и заключались в следующем: восстановить боевую способность армии, восстановить полный порядок в стране и продолжение войны с немцами.

Мы все стояли на учете у штаба. Состав штаба мне неизвестен.

Жалованье я получал у Виленкина на квартире по Скатертному переулку. Получал несколько раз по 200 рублей. О средствах к достижению в осуществлении намеченных «Союзом» задач Виленкин определенно не отвечал. На случай оккупации Москвы и возможности активного выступления «Союза» Виленкин полагал давать инструкции и назначения только в момент действий предполагаемого активного выступления. О связях главного штаба с Дутовым и Деникиным ничего не знаю, и этот вопрос меня мало интересовал, так как Корнилову я совершенно не сочувствую. О том, что Виленкин состоял заведующим кавалерийскими частями, я знал, но знаю, что штатов определенных не было. Письмо от 25/IV было прислано Ремизовым Леонидом Леонидовичем из города Бежецка. Заявление от имени гражданина Парфенова о предоставлении места в железнодорожной милиции писал я. Рекомендовал меня член Московского областного Совета. Познакомился я с ним в областном прод.комитете, где он служил.

Записка на имя корнета Покровского была напечатана на память мне. В Елатьме я состоял помощником начальника дружины, начальником был штабс-капитан Аваев Георгий Петрович. Дружина состояла из 80 человек приблизительно и была разоружена советскими властями. Карточки Шамешаева, Светлова и Матвеева были присланы с просьбой о деньгах. В «Союзе защиты родины и свободы» они не состояли.

Удостоверение на имя Парфенова я достал в городе Елатьме. Удостоверение № 424732 Туркестанского полка достал в Елатьме. Удостоверение ВЦИК было дано вследствие задержания меня в Петрограде за неисправность документов.

Удостоверение главной конторы «Известий» было выдано мне Ремизовым. Удостоверение это я предъявлял при прописке, но мне сказали, что недействительно.

Блокнот № 29 не мой. Попал он ко мне, как видно, случайно, при обыске. Имея документы на новую фамилию, я хотел ликвидировать свое прошлое, достаточно дискредитированное историей в городе Елатьме. Фамилии, указанные в записной книжке,— Аваев и др., есть фамилии арестованных в Елатьме и доставленных в Москву. С отметкой «Х» есть фамилии убитых в Елатьме.

Подпись: *Борис Евгеньевич Покровский*, 31.V.

1 июня 1918 года. Таганская тюрьма

ПОКАЗАНИЯ ВИЛЕНКИНА АЛЕКСАНДРА АБРАМОВИЧА

ПЕРВЫЙ ДОПРОС

Виленкин Александр Абрамович, 35 лет, уроженец Петроградской губернии Царского Села, проживает в городе Москве, по Скатертному переулку, в доме № 5, в кв. 1. Со времени октябрьского переворота работал преимущественно в национальных еврейских организациях, в частности в «Московском союзе евреев-воинов»[1], и по организации Всероссийского съезда союзов евреев-воинов, был председателем съезда — все резолюции представил в комиссариат по еврейским делам. До октябрьского переворота был членом ЦИК Советов и председателем армейского комитета 5-й армии до 19 октября, когда на съезде армии не было выражено одобрение деятельности армейскома и весь армейском сложил с себя полномочия. Я принимал участие в Трудовой народной социалистической партии [2], был председателем армейской группы 5-й армии названной партии. В настоящий момент я твердо считаю, что спасение и родины, и революции заключается не в работе отдельной организации или партии, а в единении всех демократических живых сил страны. Корнета Покровского под собственной его фамилией, если это его настоящая фамилия, едва ли знаю, может быть, знаю его под другой фамилией. Знаю очень многих офицеров-кавалеристов и постоянно проповедовал необходимость воссоздания армии для спасения России от немцев. Особенно после отпадения Украины и Дона. О том, что существует организация, именующаяся савинковской, я часто слышал, слышал о том, что есть и другие организации еще более правые, чем я особенно интересовался в связи с неизбежными, на мой взгляд, погромами.

Мне известно, что есть организация Михаила Архангела [3], ведущая почти исключительно погромную агитацию, но добраться до корня этой организации при всем желании я не мог; агитация ведется преимущественно около церквей и явно ориентируется в сторону немцев. Слышал я и про существование «Брусиловской организации», тоже немецкой ориентации, но думаю, что именем

[1] «Московский союз евреев-воинов» — националистическая организация оборонческого типа, выступавшая за продолжение войны с Германией.

[2] Трудовая народно-социалистическая партия (народные социалисты, энесы) — мелкобуржуазная партия в России, выделившаяся в 1906 году из правого крыла эсеров. Выступала за установление в России буржуазной республики, отчуждение у помещиков земли за выкуп. С 1907 года перестала существовать, в июне 1917 года возродилась, объединившись с трудовиками. Энесы участвовали в антисоветских организациях, контрреволюционных заговорах и мятежах.

[3] «Союз Михаила Архангела» — черносотенная организация, существовавшая в России в 1907—1918 годах. «Союз» был запрещен после Февральской революции, однако продолжал нелегально действовать в 1917—1918 годах.

Брусилова [1] злоупотребляют, так как слышал, что Брусилов политикой ввиду болезни не занимается. Слыхал и о существовании якобы кадетской военной организации, но лично сомневаюсь, чтобы кадеты годились на что-либо, кроме слов. Слышал и об эсеровской военной организации, но найти таковой не мог и думаю, что, кроме комитетов, у эсеров ничего нет. Вообще со всех сторон бесконечное количество организаций и ничего определенного.

В савинковской организации, в качестве члена таковой, участия не принимал. Кавалерийских отрядов не организовывал. Полагаю, что среди кавалерийских офицеров Савинков популярностью не может пользоваться.

Из командиров кавалерийских полков, находящихся в данное время в городе Москве, никого не знаю.

Письмо, адресованное Николаю Николаевичу Неелову, было прислано моему бывшему командиру кавалерийского полка, ныне расформированного, на мой адрес ввиду того, что по приезде он должен был ко мне зайти за доверенным мне пакетом с процентными бумагами, принадлежащими расформированному Сумскому полку.

Неелов находится в штабе рязанского военного руководителя в Рязани, когда приедет в Москву, не знаю. Литеры неиспользованные остались у меня — одна с октября месяца 17 года, другая оставлена проезжавшим моим бывшим товарищем по дивизии и по армейскому комитету Н. Н. Пораделовым, ныне ревизующим советские учреждения в составе Чрезвычайной комиссии тов. Кедрова [2]. Ему же адресовано и письмо, начинающееся: «Дорогой Коля». Послужной список Пораделов оставил у меня на сохранение.

Ал-др Виленкин

ПИСЬМО К НЕЕЛОВУ

«Хочется верить, что это четвертое по счету письмо, напоминающее о существовании людей, помнящих Вас, наконец достигнет цели.

[1] Брусилов А. А. (1853—1926) — генерал от кавалерии, видный военный деятель России. В 1916 году — командующий Юго-Западным фронтом, в мае — июле 1917 года — Верховный главнокомандующий. После Октябрьской революции занял нейтральную позицию по отношению к Советской власти. В 1920 году вступил в Красную Армию, занимал в ней ряд крупных постов.

[2] Кедров М. С. (1878—1941) — советский партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1901 года. В революционном движении с 1899 года. Подвергался репрессиям царизма. Активный участник Октябрьской революции. После Октября — член коллегии Наркомата по военным делам. В мае 1918 года был направлен на Север для организации обороны края, командовал Северо-Восточным участком отрядов завесы. С декабря 1918 года — заведующий Военным отделом ВЧК, с января 1919 года — начальник Особого отдела ВЧК, с марта 1919 года — член коллегии ВЧК. С 1921 года работал в Наркомпросе. В 1939 году незаконно репрессирован. Посмертно реабилитирован.

Разве не следовало верить тому, что написали Вы в своем первом и единственном письме.

...А у меня масса хороших, хороших планов на конец мая (ст. ст.) осуществляются.

Мария Ф. Рыбинск. 17.V.1918».

ВТОРОЙ ДОПРОС ВИЛЕНКИНА

Я устраивал у себя для себя же встречи с представителями различных общественных групп. Главный предмет собеседования — информация, в основе коей лежала твердая уверенность моя в несвоевременности выступления против Советской власти и боязнь еврейских погромов в случае переворота.

Членом «Союза евреев-воинов» состою. Представитель «Союза» входит в советские организации, в частности в демобилизационный отдел Комиссариата по военным делам. Состою председателем «Московского союза евреев-воинов». Преимущественно работал по финансовой комиссии.

Подпись: *Александр Виленкин*

ОЧНАЯ СТАВКА С ПАРФЕНОВЫМ

Парфенов-Покровский. Виленкина знаю. Получал несколько раз деньги. Получал в виде субсидии. Определенного жалования не было положено. Получал у него на квартире. Что Виленкин состоял в «Союзе защиты родины и свободы», знал. Показание свое, подписанное перед этим, подтверждаю.

Виленкин. Под какой фамилией явились вы ко мне?

Парфенов. Под фамилией Парфенов.

Виленкин. Под этой фамилией я вас знал.

Следователь. Посвящали ли вы, Парфенов, г. Виленкина, почему пришлось вам приехать в Москву?

Парфенов. Нет.

Следователь. Не говорили, что вы намерены делать в Москве?

Парфенов. Нет.

Виленкин. Рассказывали ли вы о печальном положении елатьминских арестованных по делу елатьминской белой гвардии ваших коллег?

Парфенов. Говорил.

Следователь. Как вы нашли Виленкина?

Парфенов. Где-то с ним познакомился. Где — не помню.

Следователь. Как вам рекомендовали г. Виленкина?

Парфенов. Как присяжного поверенного.

Виленкин. Когда я вам давал деньги, для кого: для вас лично или для ваших товарищей?

Парфенов. Я брал лично для себя, но давал и товарищам.

Виленкин. Откуда вы знали, что я член «Союза защиты родины и свободы», я вам говорил, или говорили другие, или это ваше убеждение?

Парфенов. Это мое убеждение.

Оглашается показание Парфенова

На предложенные вопросы Виленкина о том, знал ли наверное Покровский, что Виленкин состоял в «Союзе защиты свободы и родины», Покровский ответил: «Я был слишком маленькой величиной в «Союзе защиты родины и свободы» и потому наверное этого знать не мог. Я так думал».

Виленкин. Те деньги, которые я вам передавал, могли ли идти на организацию каких-либо частей или предполагались для помощи лично вам и вашим арестованным товарищам?

Парфенов. Конечно, все деньги шли на меня и моих товарищей.

Против слова «жалованье» Парфенов возражал.

О Покровском Виленкин показал следующее: «Не считая себя более связанным сохранением адвокатской тайны, сообщаю, что познакомился с Покровским, пришедшим ко мне под фамилией Парфенова Александра Ивановича, с указанием, что он направлен ко мне как к присяжному поверенному, причем намекал на то, что ему известны мои взгляды на существующий строй. Он также рассказывал мне об елатьминском деле, причем я обратил внимание на то, что он был вооружен. Он объяснил мне, что служит где-то в милиции не под своей фамилией, и назвал свою настоящую фамилию. Из беседы с ним я понял, что он работает в организации, но в какой именно, он не определял. Я считал эту организацию чисто офицерской, а посему определенно правой, и при встрече он постоянно наводил разговор на эту тему. Я не считал Покровского серьезным человеком, но полагал, что через него могу получить сведения о выступлении, если таковое произойдет в Москве.

Александр Виленкин».

ПОКАЗАНИЯ ВИТАЛИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА КОЛЕНКО

Сидорова знаю. Познакомился в Красной Армии в конце мая. По предложению Сидорова вступил в организацию, занял пост

батальонного командира 4-го батальона. Мною подысканы командиры рот: 13-й — Церпицкий, Барнек и 14-й роты — Горский (псевдоним Игорь Викторович, Пятницкая ул., 20). Мною было подыскано только два офицера. В квартире Сидорова ни разу не был. Церпицкий до моего предложения знал организацию «Союза», денег от Сидорова не получал. Вступая в организацию, я знал назначение в совершенно ином смысле, а именно: что пока формируются трудовые артели, каковые затем в случае объявления войны Россией Германии должны вступить на защиту России против Германии. Упомянутым офицерам Церпицкому и Горскому цели организации я объявлял точно так же. Приблизительно 24—26 мая я на вопрос Сидорова, согласен ли я уехать из Москвы в другие города, заявил, что из Москвы никуда не уеду, а потому из организации ухожу. Больше ни с кем с тех пор не виделся и никакими делами не занимался.

ПОКАЗАНИЯ ДУШАКА

Спрошенный сего числа Иван Георгиевич Душак, 23 лет, показал: «В середине мая я был в театре, где познакомился с двумя офицерами (фамилии не знаю; один из них выглядел кавалеристом). Узнав от меня, что я без работы, предложили мне пойти в Левшинов переулок [1] к Сидорову, который даст место. Сидоров сказал, что им, офицерам, надо сорганизоваться, чтобы добиться своего прежнего положения. Назначил меня командиром батальона, сказав, что я должен подыскать себе четыре человека, от чего я отказался ввиду отсутствия знакомства среди офицеров в Москве. Спустя дня три-четыре Сидоров ко мне прислал троих офицеров, которые назвались командирами рот 1, 2 и 3 — поручик Чанов, прапорщик Филаретов и прапорщик Румянцев. Я им сказал, чтобы они подыскали себе четыре человека, и после этого больше их не видел; где они живут, мне неизвестно. Кто входил в организацию еще, мне неизвестно. В Москву прибыл 8/V из города Дорогобужа.

Душак. 9.VI. 1918 ».

ПОКАЗАНИЯ КОРОТНЕВА

1918 год. Май. Я Николай Николаевич Коротнев. В квартиру Покровского я попал потому, что там жила моя старая знакомая г-жа Голикова, к которой я иногда заходил. В заговорщической

[1] Правильно: Малый Левшинский переулок.

организации я не состоял и ничего не знаю. Правда, когда в декабре я приехал в Москву с фронта, то здесь были офицерские организации и было дело поставлено очень просто: брали прямо незнакомого офицера из кафе и тащили в организацию. В квартире, где нас арестовали, мы сидели, говорили о разных новостях.

Я даю честное офицерское слово, что ни в какой противоправительственной организации не состою. Деньги, выложенные на столе, не мои, а Сидорова, что он, наверное, и подтвердит. Я откровенно говорю, что в январе я в организации одной состоял, но теперь она распалась давно, и считаю вступление в такую организацию бесполезным.

Николай Николаевич Коротнев

ПОКАЗАНИЯ ЛЕОНИДА ИВАНОВИЧА РОЗЕНФЕЛЬДА-РОЗАНОВА

ПЕРВЫЙ ДОПРОС

Паспорт я получил перед отъездом в Казань от Николая Сергеевича. В Казани через Иосифа Александровича должен подыскивать помещения для размещения 500—700 человек. Виктора Ивановича перед отъездом в Казань встретил у Николая Сергеевича, от которого, то есть Виктора Ивановича, я получил письмо в Казань к Иосифу Александровичу. Какое положение занимает в организации Иосиф Александрович, мне неизвестно. Ярцев послан в Казань со мною вместе с той же целью.

Л. И. Розенфельд

ВТОРОЙ ДОПРОС

Леонид Иванович Розанов, арестованный в Казани, по Пушкинской улице, в доме Попова, показал следующее: «Моя настоящая фамилия — Розенфельд Леонид Иванович; в Москве я проживал на Большой Пресне [1], в д. № 28, кв. 28, там живут мои родители. Отец мой, бывший чиновник, служил как ревизор по рыбным промыслам. Уволен в 1916 году при старом режиме за политическую неблагонадежность. Я бывший офицер, прапорщик 1-го железнодорожного полка. Уволился со службы с января месяца по болезни. По окончании службы приехал в Москву, остановился

[1] Ныне улица Красная Пресня.

у родителей. Уезжал из Москвы только на Луку [1], а так все время жил у родителей.

Около 20 мая я пошел к доктору в Молочный переулок, и там в разговоре с доктором последний мне предложил вступить в организацию «Спасения родины и революции». Я на это согласился, и он мне предложил немедленно переехать в Казань и там работать для подыскания квартиры. Мой непосредственный начальник был Николай Сергеевич.

В Казани ко мне явились на квартиру с нашими значками, то есть треугольниками, по которым мы их узнавали.

Леонид Иванович Розенфельд. 13 июня 1918 года».

ТРЕТИЙ ДОПРОС

В организацию вступил около 20 мая с. г. Предложил мне вступить в организацию Николай Сергеевич, по профессии врач.

Встретился с Николаем Сергеевичем в Москве, в лечебнице для приходящих больных в Молочном переулке, недалеко от храма Христа Спасителя. Вступая в организацию, мы вели борьбу с немцами для спасения России. В этой лечебнице я встретился с Виктором Ивановичем. От последнего я получал письма на имя Иосифа Александровича. Виктор Иванович мне сказал, что остановиться я могу у Винокурова и там можно будет встретить Иосифа Александровича. На другой день, кажется, Иосиф Александрович пришел к нам в комнату. Когда я явился в дом Винокурова, я не знал об Ольгине и Голубеве, а познакомился с ними через Иосифа Александровича.

С Ярцевым я встречался в день отъезда из Москвы в Молочном переулке. В нашу задачу входило разузнать, можно ли разместить 500—700 человек в городе Казани. Мы успели осмотреть дачи Верхнего Услона и меблированные комнаты на Устье. Нам были даны инструкции действовать через Иосифа Александровича. Иосиф Александрович приходил к нам несколько раз. В телеграмме, которую я получил на свое имя по адресу Винокурова, было указано, что «тетя Варя придет в субботу. Будьте осторожны на приемку товару». Последнее относится, вероятно, к квартирам. Валентина Владимировна нам сообщила, что в Москве арестованы некоторые лица. Основные задачи за № 17, и остальные сведения о провокаторах за № 15 я получил от Николая Сергеевича. От него же перед отъездом я получил 600 рублей. Больше ничего показывать не имею.

Розенфельд

---

[1] Праздник апостола Луки отмечается 22 апреля (5 мая нового стиля).

1-я партия приехала сюда.......... 2-я партия — не помню.

То, что Валентина Владимировна сказала, что она от Центрального штаба,— не помню. Какое количество лиц, враждебных Советской власти находится в городе Казани, мне неизвестно.

Розенфельд

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА БРЕДИСА

Допрошенный 24 июля с. г. Фридрих Андреевич Бредис, проживающий по Ермолаевскому переулку [1], № 4, кв. 7, служащий в продовольственном комитете, бывший офицер, 30 лет, семейный, Витебской губернии, показал:

«С Пинкой я был знаком уже на фронте. В Москве я с ним встретился случайно. Он предложил мне вести контрразведку, направленную всецело на борьбу против немцев. В Казань и Пермь я ездил в начале июня с. г. для подыскания немецких агентов. Документы на проезд дал мне Бирзе. Сведения, добываемые моей контрразведкой, я давал Пинке, и Ткаченко, и Бирзе. Пинка приходил ко мне раза три-четыре, я у него не был ни разу. К Ткаченко я ходил. Рубиса и Кевешана я знаю также с фронта. С Рубисом в Москве встретился случайно. После этого Рубис ко мне заходил. Кевешан знал мой адрес с полка, и зашел он ко мне навести некоторые справки насчет Прибалтийского края.

О том, что Пинка состоит в организации, преследующей чисто политические цели контрреволюционного характера, я не знал, иначе я бы не остался с ним работать. После моего приезда из Казани, когда я по газетам узнал, что это за организация, в которой я работал, и какие цели она преследует, то я бросил эту работу.

С кем Пинка имел организационные связи, я не знаю. Фамилии каких-нибудь участников организации, кроме общеизвестных, назвать не могу.

Работал против немцев исключительно. Мною были даны тов. Бирзе фамилии Зборомирского, Римского-Корсакова, Аркадьева и Белорукова как участников германской организации.

Бредис».

СТАТЬЯ БРЕДИСА

В течение трех месяцев я, как латыш, боялся коснуться в печати той страшной болезни, что переживают сейчас латышские стрелковые полки. Но язва с каждым днем росла, углублялась, ширилась и наконец достигла последней своей стадии. Дальше уже неминуема гибель латышских полков. То, что заработано дра-

[1] Ныне улица Жолтовского.

гоценной кровью в июльских, декабрьских боях на берегах Двины, то теперь забыто, оплевано. Всему латышскому народу, всем латышским стрелкам навесили один позорный ярлык: «Латыши — изменники и предатели». Нет, народ в этом не повинен, простые стрелки и латышские офицеры еще не раз помогут России, родной нашей армии. В эту тяжелую минуту, чтобы спасти столицу, Вре-

Ф. А. Бредис

менное правительство должно оглянуться на северные берега Двины и твердой, решительной рукой разрубить гордиев узел, разрезать проклятый нарыв, пока еще не поздно.

Жалкая кучка провокаторов и германских наймитов, засевшая в исполнительном комитете латышских стрелковых полков (Искомстрел), продает латышский народ. Это отсюда 17 мая вынесена резолюция о поддержке братания в самых широких размерах и об отказе от наступления. Латышский народ, пресса, интеллигенция, офицерство и отдельные команды ответили тысячами резолюций протеста, полных скорби и гнева. А провокаторы образовали специальную немецкую секцию при исполнительном комитете. И началась подлая и темная работа во славу Германии.

Пропаганда нашла себе, к великому стыду латышей, благодатную почву среди темной массы. С одной стороны — крупные потери латышей в декабрьских и январских боях и сведение на нет блестящего прорыва в родную Курляндию, с другой стороны — в латыш-

[1] В тексте книги «наметили».

ские полки влился пришлый элемент. За два года войны потери латышей были настолько значительны, что от старой добровольческой гвардии не осталось ничего. Масса стрелков ушла по болезни. Пришлый элемент с боевым прошлым ничего общего не имел, напротив, дал полкам ряд провокаторов — большевиков. Все лучшее старое, видя злую, демагогическую пропаганду предателей, стало массами уходить или в ударные батальоны, или в русские полки. Чем дальше, тем глубже болезнь захватывала латышей. Сначала еще офицерство и более сознательные элементы боролись, и дело уже налаживалось, уже создавались крепкие демократические организации, но в этот момент чья-то злая рука швырнула латышские полки в Ригу. Здесь появились большевики Данишевский и Риббе [1], их пропаганде поддался исполнительный комитет. Целый ряд большевистских резолюций посыпался, как из рога изобилия, на полковые латышские комитеты. Серая масса заволновалась. Начались массовые эксцессы латышских стрелков, избиение «батальонов смерти», столкновения, отказ идти в окопы на смену русским полкам... Это были только первые ласточки. Развал и предательство достигли своего апогея после июльского разгрома Юго-Западного фронта [2]. Латыши-большевики шли и идут сознательно на разгром Рижского фронта. Братание продолжается в течение даже этой недели. Сами члены исполнительного комитета латышских стрелковых полков идут брататься в германские окопы. Товарищ председателя съезда латышских стрелковых полков большевик-прапорщик Риббе говорил германским офицерам: «Мы будем приветствовать тот день, когда Англия будет сметена с лица земли. Вы должны дать нам снаряды и орудия против Японии. Мы посмотрим, кто из наших офицеров посмеет отдать приказ о наступлении против Германии». И этот предатель осмелился

[1] Данишевский К. Х. (1884—1938) — член Коммунистической партии с 1900 года, один из руководителей борьбы за Советскую власть в Латвии. В 1917 году один из редакторов газеты «Циия» («Борьба») — центрального органа Латышской социал-демократической партии, а также сотрудник большевистской газеты «Окопная правда». Проводил большую агитационную и организаторскую работу в латышских частях. После Октябрьской революции — члеи Реввоенсовета Республики, председатель Верховного трибуиала при ВЦИК, член Времеииого советского правительства Латвии, помощник военного комиссара, затем комиссар Полевого штаба РККА. С 1921 года — на партийной и хозяйственной работе. Кандидат в члены ЦК РКП(б) в 1919—1920 годах, член ВЦИК и ЦИК СССР. В 1938 году незаконно репрессирован. Посмертно реабилитирован.

Риббе А.— член агитационной комиссии Исколастрела (Исполнительного комитета объединенного Совета латышских стрелковых полков).

[2] Имеется в виду провал июньского наступления на русско-германском фронте, организованного Временным правительством с целью усилить оборончские настроения и удовлетворить требования Антанты об активизации военных действий. В июле австро-германские войска прорвали фронт под Тарнополем, ианесли крупное поражение русской армии. Русские войска оставили Галицию. В боях они потеряли свыше 150 тысяч человек.

выступить перед представителем демократии тов. Войтинским [1] с заявлением: «Только через наши трупы войдут германцы в Ригу». Большевики в боях под Ригой никогда не участвовали: не славой, а позором покрыли они свой народ [2]. И сейчас, когда только пробиваются первые зародыши возрождения нашей армии, большевики снова подняли свою голову. Вокруг латышских большевиков объединилось 23 латышских полка. Они снова выносят свою резолюцию, снова ведут армию на край пропасти. Помогите, пока не поздно. Вожаки исполнительного комитета латышских стрелковых полков довели темных товарищей до измены и расстрела, а сами трусливо спрятались. В одном из латышских полков вчера приговорен стрелок к расстрелу за братание. При этом обнаружено 39 германских шинелей, адресованных во все концы России. Обнаружена идеальная организация почты между Россией и Германией. Он ушел с передового поста, и теперь его расстреляют. По его словам, он исполнил поручение одного из членов полкового комитета. Те, кто обманули этого стрелка, научили его брататься, благословили его, те сидят спокойно в Риге в исполнительном комитете латышских стрелковых полков. Они еще не расстреляны.

ВТОРОЙ ДОПРОС БРЕДИСА

Я, бывший полковник, Фридрих Андреевич Бредис, 30 лет, Витебской губернии, Полоцкого уезда, Ловоржской волости. Женат, имею одного ребенка. Имею мать Юлию Григорьевну, она живет в моей волости.

С военной службы я ушел в половине ноября или, правильнее говоря, был уволен комитетом 1-го полка потому, что во время моего отпуска полковым командиром был назначен другой. Это было до октябрьского переворота.

Примерно в конце ноября я приехал в Москву и начал лечить раненую руку. 20 января я был в комиссии Генерального госпиталя и был уволен из военной службы без зачисления в ополчение второго разряда. Пенсию я не получал. 26 или 28 февраля я начал работать в продовольственном комитете. Туда я попал через заве-

[1] Войтинский В. С. (1885—1960) — в 1905—1917 годах большевик, затем с апреля 1917 года — меньшевик-оборонец. С июня 1917 года — помощник комиссара Временного правительства на Северном фронте, а после разгрома корниловщины — комиссар того же фронта. Один из организаторов мятежа Керенского — Краснова. Эмигрант.

[2] Бредис намеренно пытается оклеветать большевиков. В действительности в боях за Ригу (август 1917 года) наибольший героизм и стойкость проявили шедшие за большевиками латышские стрелки, а также другие революционные части 12-й армии. Организация РСДРП(б) 12-й армии потеряла в сражении около 2 тысяч членов партии.

дующего реквизиционным отделом Селовра. Жалованье я получал в продовольственном комитете 500 рублей. Из этих денег я поддерживал жену, которая живет в Вигольме. В мае месяце я ей послал 800 рублей. Потом я около месяца тому назад послал жене 500 рублей. В конце мая я оставил службу в продовольственном комитете. Оставил потому, что чувствовал не по силам, а кроме того, предвиделась работа в контрразведке.

Пинку я встретил около 20 апреля, и он мне предложил работать в разведке против немцев. Пинка мне сказал, что существует какая-то организация; названия он мне не сказал, но говорил, что главная цель этой организации есть борьба против немцев. Я согласился работать в этой организации и вступил в нее, не зная ее политических целей. Название этой организации узнал после ареста Пинки и других членов «Союза спасения родины и революции». Я получил 2000 рублей на организацию разведки на Украине и в Прибалтийском крае. Жалованье я не получал потому, что я находился на службе. В Москве организовать разведку было очень трудно. Мы хотели своих разведчиков посадить в трех гостиницах, в которых по разговору публики явствовало, что там находятся немцы. В «Национале» я должен был справиться, чтобы нанять номер для разведки немецких штабов. В начале мая там был слышен только немецкий разговор, и номера были дороги, и их совсем не было, так что я решил разведку в городе не вести.

Около начала июня я поехал в Казань, чтобы организовать разведчиков из немецких и австрийских пленных. В Казань я прибыл около 8 июня и остановился в гостинице «Биржа». Пробыл я там около 5 дней, потом поехал в Пермь и оттуда назад в Москву.

С Бирзе я вошел в связь около мая месяца. Я ему рассказал, что я веду разведку против немцев.

Бредис

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ФЛЕРОВА 31 МАЯ

Георгий Евлампиевич Флеров, 25 лет, секретарь транспортного отдела при Московском областном комитете по военным делам (Пречистенка, 11), живет в Дурном переулке, 6, кв. 10. По делу показал Ф. Дзержинскому следующее:

«Петра Михайловича лично не знаю, и фамилии его никто мне не называл. Пришел я в лечебницу как больной по рекомендации некоего Павла Ильича, которого тоже не знаю. С Павлом Ильичем (как мне думается, бывшим офицером) я случайно познакомился после пасхи на Пречистенском бульваре [1]. Вчера я случайно

[1] Ныне Гоголевский бульвар.

с ним встретился на Страстном бульваре, рассказал ему, что я назначен председателем комиссии по проверке документов и что назначили меня, рассчитывая на мою некомпетентность, и что таким образом 600 рублей, взятых в долг заведующим Оглоблиным, будут не отмечены. Сказал я ему также, что Оглоблин с какой-то

Г. Е. Флеров

делегацией по распоряжению Троцкого уехал, кажется, в Ряжск. Когда я ему сказал о своей болезни, Павел Ильич послал меня в лечебницу на Молочный переулок, объяснив, чтобы я спросил Петра Михайловича. По телефону я в лечебницу не говорил. Рассчитавшись с Павлом Ильичом, я зашел в фотограф. магазин за принадлежностями, откуда, не дождавшись трамвая, взял извозчика и поехал на Молочную — уплатил 20 рублей. Там, на Молочной [1], я был арестован. Межаков, мой товарищ по средней школе, бывший офицер, звал меня в записке к девушкам, с которыми мы условились встретиться в саду. Забрал у меня и фотографический аппарат. Межаков служит в хозяйстве морского ведомства. Звать его Михаил Михайлович, живет где-то по Малой Бронной, наверное не знаю. Я беспартийный, мои личные убеждения, что необходимо объединение всех социалистических партий. Я бывший прапорщик. Кончил одесские курсы. Был студентом Технологического института. Мобилизован в 1916 году.

Флеров».

[1] Имеется в виду Молочный переулок.

Здесь приведена только часть обвинительного материала. Осень 1918 года была самым бурным периодом в работе Всероссийской чрезвычайной комиссии. Сотрудники не успевали справляться с чисткой городов и деревень от явно контрреволюционного элемента, поднявшего голову и приступившего к активным действиям. Это было время, когда приходилось «рубить сплеча» и не считать ни своих жертв, ни трофеев. Не мудрено, что при таком положении вещей растерялись многие ценные документы, показания арестованных и даже целые дела.

Здесь приведено все, что уцелело из более или менее ценного материала. Не приведены только подчас ученические писания белогвардейских авторов и воззвания, имеющие общий характер.

Но и из этого приведенного материала составляется довольно яркая картина всей организации.

Исходя из совершенно правильного расчета, что вне советских учреждений немыслимо создать серьезную боевую организацию, они начинают устраиваться в советские учреждения.

Во-первых, они приобретают осведомителя в Кремле, в кругу Совнаркома, из близко ему стоящих лиц.

Во-вторых, они захватывают в свои руки всю военную разведку Военконтроля [1], во главе которой становится Бирзе, анархист, потом скрывшийся неизвестно куда. Контрразведка переходит к Бредису, явному монархисту, с союзнической ориентацией. Он раскидывает эту сеть по Украине и Прибалтийскому краю.

Далее они начинают устраиваться в московской продовольственной милиции, чтобы таким образом иметь легальное существование боевой организации, да еще при оружии.

Намечается уже и тенденция втесаться на командные должности, дабы иметь возможность повлиять на Красную Армию и располагать ею. Определенные указания имелись относительно ТАОН [2] и броневых частей. Но большинство участников организации все же еще или нигде не работают, или работают в других советских учреждениях.

Ставится разведка среди немецкого представительства и войск, исходя из расчета, что весьма скоро предстоит оккупация Москвы немцами и что с этого момента начинается война «верных сынов

[1] Составитель М. Я. Лацис ошибочно преувеличивает влияние контрреволюционных элементов в Военном контроле Полевого штаба РВСР. В действительности этот орган, являвшийся первой формой советской военной контрразведки, работал под руководством коммунистов, хотя в нем имелись и враждебно относившиеся к рабоче-крестьянской власти старые военные специалисты. Военный контроль возглавлял видный деятель большевистской партии М. Г. Тракман. В начале 1919 года органы Военного контроля были объединены с армейскими чрезвычайными комиссиями в особые отделы ВЧК.

[2] Тяжелая артиллерия особого назначения.

родины» из «Союза защиты родины и свободы» совместно с союзниками, с немецким империализмом. Для этого устанавливается диктаторство во главе с Савинковым и привлекаются в «Союз» все социалистические и даже монархические партии.

Размеры организации не позволяют дольше оставаться в подполье. Поэтому необходимо устроить восстание. Оно уже намечается к 1 или 2 июня 1919 года. Но поступают тревожные сведения о немецкой оккупации, и восстание в Москве откладывается. Штаб переносится в Казань, оттуда и думают начинать.

Но тут ВЧК их предупредила и расстроила все прежние планы. Часть московского и казанского штабов попадают в квартиры ВЧК; уцелел только Центральный штаб, который переносится в Ярославль.

На основании всего вышеизложенного материала были подвергнуты наказанию нижеследующие лица.

Расстреляны:

1) Попов Ив. Иванович.
2) Виленкин Александр В.
3) Ольгин (Герцен) Вас. Ал.
4) Коленко Вит. Алекс.
5) Душак Иван Георг.
6) Ильвовский Алекс. Сергеев.
7) Флеров Георг. Ев.
8) Парфенов (Покровский) Б. Е.
9) Рубис К. П.
10) Никитин Ник. Иванович.
11) Жданов Сергей Алексеев.
12) Висчинский Гавр. Митроф.
13) Полетаев Влад. Николаев.
14) Лопухин М.
15) Розенфельд (Розанов) Л. И.
16) Шингарев Дмитрий Ник.
17) Сидоров-Аваев.
18) Оленин Георг. А.

Заключены в концентрационный лагерь:

1) Соколов Иван Леонтьевич
2) Ильвовский Лев Сергеевич
3) Беляев Ник. Дмитриевич
4) Мусселиус Борис Алек.
5) Ковалько Бор. Влад.

Бежал Кострюков и не разыскан.
» Пинка Альфред — тоже не разыскан [1].

---

[1] Впоследствии Пинка (Пинкус) служил в белой армии, затем эмигрировал в буржуазную Латвию.

Кострюков

Все остальные арестованные освобождены — кто под поручительство, кто за недоказанностью обвинения, как, например, Кропоткин.

8. ВОССТАНИЯ, ОРГАНИЗОВАННЫЕ «СОЮЗОМ ЗАЩИТЫ РОДИНЫ И СВОБОДЫ»

Намеченное восстание в Москве, а потом в Казани было предупреждено и пресечено действиями ВЧК, но центр организации уцелел и продолжал работать ускоренным темпом по восстановлению организации и созданию нового плана восстания.

Время для этого было самое выгодное. Чехословаки подняли мятеж и под руководством правых эсеров обосновались в Самаре и стали распространяться на восток и вверх по Волге.

На Мурмане началось наступление союзников.

Поднявшие восстание не очутились бы в одиночестве: и с Приволжья, и с Севера им протягивалась бы союзническая рука помощи.

Рассчитывая на это, они рискнули и подняли целый ряд восстаний в Муроме, Рыбинске, Елатьме и Ярославле.

Об этом периоде организации «Союз защиты родины и свободы» Деренталь пишет следующее:

«Как только выяснилось, что по отношению организации советский гром грянул не из тучи, немедленно было приступлено к вы-

работке нового плана действия. Казань пришлось оставить, ибо на нее теперь было устремлено все внимание большевистских властей.

В связи с ожидаемым десантом союзников в Архангельске и для непосредственного его облегчения решено было поднять восстание на верхней Волге, в Рыбинске и Ярославле и одновременно во Владимире, Муроме, где помещалась большевистская ставка, и в Арзамасе. Во всех этих пунктах уже имелись местные организации «Союза». Оставалось только прислать туда подкрепление из Москвы и некоторых других городов, не входящих в зону предполагаемого восстания.

Полученные не только определенные сведения о времени высадки десанта, но и просьбы — именно: приурочить к нему начало открытых действий против большевиков из политических соображений — заставили назначить 6 июля днем выступления во всех вышеуказанных местах.

В ночь с 5 на 6 город Ярославль бы захвачен отрядом полковника Перхурова, начальника штаба «Союза защиты родины и свободы».

Героическая защита им города в течение 17 дней против безгранично прибывающих сил противника общеизвестна. Здесь придется только объяснить, почему Ярославль не получил ниоткуда помощи и был предоставлен своей собственной судьбе. Весь план восстания был основан на захвате Рыбинска и находящихся в нем огромных артиллерийских запасов. Ярославское и рыбинское выступление организационно были тесно связаны одно с другим и одно без другого теряли самостоятельное значение. Но выступление в Рыбинске потерпело неудачу. Один из членов местной организации выдал план восстания большевикам, пришедшие ночью к артиллерийским складам отряды попали в засаду. Часть складов была все-таки захвачена, но воспользоваться ею не удалось. После нескольких часов упорного, ожесточенного боя пришлось отступить. Рыбинск остался в руках большевиков, и тем предрешена была судьба не имевшего ни снарядов, ни артиллерии Ярославля».

ЕЛАТЬМИНСКОЕ ВОССТАНИЕ

Восстание в городе Елатьме, в Тамбовской губернии, произошло в начале 1918 года [1]. Оно относится еще к числу тех многочисленных, организованно не связанных вспышек, которые были так часты в то время, которые являлись результатом бешеной, бессильной злобы против рабочей и крестьянской власти и которые

[1] В тексте книги ошибочно указана дата «1919 года».

устраивались «безумством храбрых» из белого лагеря. Но в то же время главные участники елатьминского восстания уже связаны с «Союзом защиты родины и свободы», в котором они потом занимают ответственное место. К их числу относятся: Парфенов (Покровский), Сидоров (Аваев) и др. Дело об этом восстании еще не извлечено из архива, но мы для полноты картины все же даем для настоящего обзора имеющийся на руках материал. Такого материала у нас всего два документа: показания Сидорова, помещ. в отд. 33, и заключение следственной части, которые мы и излагаем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ДЕЛУ ЕЛАТЬМИНСКИХ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ

Дружина, сорганизовавшаяся в городе Елатьме в конце сентября 1917 года исключительно для охраны порядка в городе, с декабря 1917 года становится благодаря разгрому арсенала вооруженной организацией и начинает действовать во вред только что образовавшейся уездной Советской власти. К этому времени в город переехали на постоянное жительство уездные помещики. Помещики, действуя именем и авторитетом дружины, ведут телефонные переговоры с представителями уездной Советской власти, совершают экспедиции в уезд, грабят заводы, вывозят с имений инвентарь и т. п. (взгляните на отчет земельного комитета). Город в лице городской думы не принимает никаких мер к обузданию геройских подвигов помещиков; более того, город распределяет между гражданами вывезенной с завода Девишева весь сухой крахмал, зная определенно, что этот крахмал взят на учет местным земельным комитетом. На ультимативное требование Советской власти выдать бывших помещиков и начальника районной милиции Кошкарева городская дума отвечает отказом; под предлогом различных формальностей городская дума не принимает участия в продовольственном съезде земельных комитетов с. Потапьева, где был ясно и определенно поставлен вопрос о признании в уезде Советской власти; в выборах уездного Совета город опять-таки из-за пустой формальности отказывается принимать участие. Городская дума не выступила бы так открыто против уездной Советской власти, если бы не чувствовала, что за ней стоит определенная вооруженная реальная сила в лице городской дружины. Отчаянное сопротивление, оказанное дружинниками советским войскам, достаточно констатирует, что город мог смело рассчитывать на реальную помощь со стороны дружины. В общем в городе Елатьме в миниатюре повторилась та же великая провокация со стороны городской думы, которая имела место по вине гг. Судневых и Шрейдеров в памятные дни в Петрограде и Москве.

На основании фактов можно формулировать следующее заключение: привлечь дружинников-белогвардейцев к суду револю-

ционного трибунала, предъявив им обвинение в организации вооруженного сопротивления советским войскам: судебный приговор юридической комиссии Елатьминского уездного Совдепа пересмотреть, разделить всех заключенных дружинников по степени виновности на несколько групп, приняв во внимание социальное положение каждого в обществе и участие в дружине, возраст и т. п.; привлечь к ответственности весь состав Елатьминской городской думы, предъявив ему обвинение в провоцировании населения слухами о дезорганизованности советских войск и т. п., в вооружении дружины оружием склада воинского начальника, в разоружении гарнизона города Елатьмы; привлечь к ответственности городскую делегацию, посланную перед сражением для переговоров к советским войскам и сообщаемую неверные сведения, будто за городом стоят не советские отряды, а вооруженные тьмы крестьян.

Дело было передано в Ревтрибунал, и о дальнейшей его судьбе пока ничего не установлено. Московские участники, фигурировавшие в деле «Союза защиты родины и свободы»: Парфенов (Покровский), Сидоров (Аваев) и др., проходили по делу «Союза защиты родины и свободы» и были приговорены к расстрелу.

ВОССТАНИЕ В МУРОМЕ И МУРОМСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Тот же Дикгоф-Деренталь о муромском восстании пишет следующее:

«Муромское выступление, имевшее по планам характер диверсии, сперва было успешно. Город был захвачен. Большевистская ставка арестована. Но ввиду того что в смежном районе благодаря случайности одновременно выступить не удалось, пришлось покинуть город под давлением превосходящих сил противника. Командовавший муромской операцией полковник Сахаров во время отступления должен был слечь в больницу из-за повреждения руки и оттуда благополучно был вывезен за пределы большевистской досягаемости военным доктором Григорьевым, начальником иногороднего отдела «Союза».

По документам и свидетельским показаниям восстание представляется в следующем виде.

ОТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ВРЕМЕННОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА К НАСЕЛЕНИЮ

1) Все граждане, населяющие те пункты, на которые распространяется власть правительства или в районе которых происходят боевые операции войск правительства, обязаны подчиняться рас-

поряжениям представителей правительства и начальников отдельно действующих отрядов правительства.

2) Все мероприятия правительства направлены к защите прав и жизни всего населения от грубого произвола, царившего в дни правления опричников-большевиков, к защите родины от врагов, посягающих на ее свободу, и доведению страны до Учредительного собрания.

3) Самочинные аресты, а тем более убийства, столь поощряемые бывшей Советской властью, решительно и неуклонно преследуются всеми должностными чинами правительства. Виновные в неисполнении этого постановления предаются военному суду. Обыски и аресты производятся по ордерам, подписанным уполномоченными правительства или начальниками отдельно действующих частей.

4) Для упорядочения жизни в городах и селениях возобновляется работа в органах местного самоуправления. Городские и земские думы должны быть собраны в наикратчайший срок. До выбора новых представителей в думы к работе призываются члены дум и комиссары, находившиеся на своих постах при бывшем Временном правительстве.

5) Реквизиция имущества, денег и пищевых продуктов у гражданского населения не допускается ни в коем случае. Все сделки должны быть производимы за наличный расчет и по взаимному соглашению.

6) Ввиду полного расстройства железнодорожных путей и надвинувшегося на центральные губернии голода все ограничения Советской власти при продаже и покупке хлеба отменяются. Хлеб продается по вольной цене. Правительство в первую голову озаботится немедленной доставкой дешевого хлеба из Сибири и с юга России в голодающие губернии. Все граждане голодающих губерний могут беспрепятственно ездить за хлебом, беспрекословно подчиняясь правилам, выработанным управлениями железных дорог. Спекуляция пищевыми продуктами будет беспощадно преследоваться.

7) При первой возможности правительство будет стремиться к снятию военного положения в местностях, занятых его войсками, и к широкой амнистии всех, кто по недоразумению своему примкнул к изменникам родины — большевистским главарям.

8) Правительство ни в коем случае не стремится к ограничению прав народа. Правительство защищает родину и свободу от произвола и насилий, царивших в дни правления Советской власти. Все наветы и сплетни о походе правительства против народа, распространяемые агентами большевиков и немцев, правительство с презрением от себя отметает. Все основные законы даст нашей родине Учредительное собрание.

9) Правительство обращается с призывом ко всем слоям населения помочь ему в трудном деле защиты родины и свободы русского народа от врагов внешних и внутренних. Только при поддержке крестьян, рабочих и интеллигенции возможна борьба за светлое будущее России. Правительство напоминает всем, что защита родины и свободы есть прямая обязанность и долг каждого гражданина.

Временно исполняющий обязанности
уполномоченного правительства,
представитель Центрального штаба
при Восточном отряде *Н. Григорьев*

К РАБОЧИМ И КРЕСТЬЯНАМ

Граждане! События последних дней заставляют всех любящих родину и русский народ, всех истинных защитников свободы подняться с оружием в руках против Советской власти и свергнуть насильников, прикрывающих свои гнусные деяния именем народа.

Совет Народных Комиссаров довел Россию до гибели. Совет Народных Комиссаров вместо хлеба и мира дал голод и войну. Совет Народных Комиссаров из великой России сделал клочок земли, политый кровью мирных граждан и обреченный на муки голода. Именем народа самозванцы — комиссары отдали лучшие хлебородные земли врагу земли русской — австрийцам и германцам. У нас отторгнуты Украина, Прибалтийский и Привислинский край [1], Кубань, Дон и Кавказ, кормившие нас и снабжавшие нас хлебом. Этот хлеб идет сейчас в Германию. Этим хлебом питаются те, кто завоевывает нас шаг за шагом и с помощью большевиков отдает нас под власть германского царя. Этим хлебом пользуется немецкая армия, избивающая наш народ в городах и деревнях Украины, на берегах Дона, в горах Кавказа, на полях Великороссии.

Совет Народных Комиссаров — игрушка в руках германского посла графа Мирбаха.

Совет Народных Комиссаров предписывает декреты именем народа, но декреты эти пишет царь Вильгельм. Отвергая соглашения внутри страны с лучшими гражданами, Совет Комиссаров идет не только на соглашательство с германскими империалистами, но беспрекословно исполняет все их приказания и требования.

Совет Народных Комиссаров своей изменнической политикой, исполняя приказания графа Мирбаха, заставил подняться войска

[1] Привислинский край — так назывались в России в 1867—1917 годах 10 губерний, входивших в Царство Польское (Польское генерал-губернаторство).

чехословаков, которые шли на Западный фронт для борьбы с немцами. Граф Мирбах приказал разоружить 60-тысячный корпус чехословаков, и Совет Народных Комиссаров покорно подчинился его требованию.

Чехословаки, преданность которых России была неоднократно доказана, принуждены были восстать и не позволить себя разоружить. Они знали, что разоруженных их предадут Австрии, которая не будет церемониться с ними, как со своими бывшими подданными, поднявшими оружие против австрийского императора.

Чехословаки — истинные республиканцы и служат тому же святому делу, что и мы. Они идут войной против поработителей и не позволят задушить свободу. Народные комиссары, зная, что гнев народа страшен, ради спасения своей жизни и цепляясь за власть, опираются сейчас на штыки немцев и одураченных латышей, изменив давным-давно делу рабочего класса.

Народные комиссары вызвали вновь ужасную братоубийственную войну, посылая отряды Красной гвардии и латышей против крестьян отнимать у них хлеб. Народные комиссары арестовывают и расстреливают рабочих, не согласных с их политикой, подтасовывают выборы и душат все гражданские свободы.

Совет Народных Комиссаров судорожно ищет хлеба — но кто даст хлеб изменникам родины. Сибирь не даст им хлеба, а теперь только Сибирь и отчасти Дон смогут прокормить нас. Сибирская железная дорога в руках восставших против Советской власти, и только тогда мы получим по вольной цене дешевый хлеб, если сами свергнем насильников и изменников родины — Совет Народных Комиссаров — и присоединимся к восставшим.

К оружию все! Долой Совет Народных Комиссаров! Только свергнув их, мы получим хлеб, мир и свободу! Да здравствуют в России единение и порядок! Прогнав Советскую власть, мы прогоним вместе с ними и гражданскую войну и снова обретем былую силу и мощь.

А тогда не страшны нам будут враги нашей родины.

Долой опричников — народных комиссаров и их приспешников.

Да здравствует грядущее Учредительное собрание!

Да здравствует свободная великая родина!

«Союз защиты родины и свободы»

ПОКАЗАНИЯ ТАГУНОВА [1]

Допрошенный председатель уездного комитета партии коммунистов Никифор Николаевич Тагунов, 21 года, живет в городе Муроме, Полевая, д. 21, показал:

[1] В тексте книги ошибочно «Николаева». Николаев — следователь, допрашивавший Тагунова.

«В последних числах июня 1918 года я был уездным исполкомом назначен руководителем по организации уездной Чрезвычайной комиссии: мною был приглашен в качестве секретаря тов. Сосновский и сотрудником по организации тов. Кириллов, ныне член уездной Чека. Пятого или шестого июля я поехал в город Владимир за материалами по организации комиссии, где и пробыл я по 8 июля включительно, так что во время самого белогвардейского восстания в городе Муроме я не был, но о периоде, предшествовавшем восстанию, я могу дать некоторые сведения. За несколько дней до приглашения мною тов. Сосновского и тов. Кириллова коммунистом тов. Машченко Николаем, в настоящее время находящемся где-то на Южном фронте, было сообщено о подозрительном поведении Николая Павловича Сахарова, бывшего полковника или подполковника, хорошо не помню, часто наезжавшего в Муром к своим родителям, жившим в Спасском монастыре, а также что среди муромских обывателей ходят глухие слухи о связи Сахарова с руководителями чехословацкого движения на Востоке и в Сибири. На основании этих данных мною было поручено военному комиссару тов. Лашкову числа 3 или 4 июля произвести обыск в семье Сахаровых в Спасском монастыре, где при обыске были обнаружены у матери Сахарова — Антонины Васильевны Сахаровой около 130 000 рублей кредитками в ларе под иконами. Были ли они скрыты, мне неизвестно, об этом может подробно рассказать тов. Лашков, производивший этот обыск. По словам Лашкова, Сахарова заявила, что эти деньги достались ей якобы по наследству и несколько тысяч из этих денег увез в Нижний недавно уехавший туда сын ее Николай Павлович. Эти 130 000 рублей у Сахаровой отобраны. Сахарова была оштрафована с согласия уездного исполкома на 30 000 рублей, а остальные деньги было постановлено сдать на текущий счет Сахаровой в банк согласно бывшим декретам о хранении денег частными лицами. За болезнью Сахаровой в связи с обысками сведения о назначении денег Сахаровой и копию постановления о штрафе и судьбе денег получила гражданка Петрова — домашний врач Сахаровой. Она живет и теперь в Муроме, но где именно, не знаю. Считая этот результат обыска весьма показательным, решено было дождаться возвращения Николая Сахарова из Нижнего. Я же через дня два поехал в губчека во Владимир, где находились материалы по организации чрезвычайных комиссий и сведения о методах работы контрреволюционных организаций, которые можно было бы использовать для борьбы с местными контрреволюционными организациями и пролить свет на странное появление большой суммы денег в семье Сахаровых. Во время моего отсутствия работа по борьбе с контрреволюцией временно приостановилась. Во Владимире же достаточные сведения о возможности существования

контрреволюционных организаций в пределах губернии, и в частности в городе Муроме, получены не были; 8 июля вечером при посадке на поезд на станции Владимир я был остановлен тов. Голлером, ныне губернским военным комиссаром, который мне сообщил о занятии Мурома белогвардейцами. В этот же день я выехал из Владимира в качестве политического комиссара в Муром с отрядом в 250 человек, посланным губернским военным комиссариатом. 10-го мы утром были в Муроме, откуда белогвардейцы уже бежали, прогнанные местными силами, и порядок был снова восстановлен, и началось преследование еще не успевших скрыться членов белой гвардии. Я вступил в число членов чрезвычайного штаба по борьбе с контрреволюцией, сорганизовавшегося 10—11 июля. Удалось установить по оставшимся публикациям и приказам штаба белогвардейцев, что в Муроме действовал Восточный отряд Северной Добровольческой армии, командующим которой был генерал Алексеев и политическим руководителем член всероссийского Временного правительства Б. Савинков. Командиром Восточного (муромского) отряда был полковник Николай Сахаров и полковым комиссаром некто Григорьев Н., по многим предположениям, брат жившего в 1911—1912 годах доктора Григорьева, преподававшего гигиену в муромских средних школах и выбывшего неизвестно куда. Эти лица фигурировали на всех приказах, изданных белогвардейцами во время захвата города. Этими же материалами было установлено, что белогвардейцы принялись за мобилизацию всех годных сил: были призваны все офицеры, чехословаки, которые в приказах именовались «нашими друзьями», а также и добровольцы из среды населения. Сборный пункт был назначен в помещении бывшего воинского начальника по Ивановской улице. Жалованье сулилось рядовым 300 рублей, остальным больше. Были и воззвания к рабочим, крестьянам и гражданам, воззвания были составлены в чисто левоэсеровском духе и призывали к свержению Совета Народных Комиссаров, который объявлялся предавшим Россию Германии. Эти воззвания были за подписью «Союза защиты родины и свободы». Все приказы и воззвания были напечатаны в Муроме в типографии бывшей Миловановой, где белогвардейцы, захватив город, заставили силой рабочих эти приказы и воззвания отпечатать. В помещении бывшего воинского начальника помещался штаб белогвардейцев. В состав его входили Сахаров, Григорьев и в качестве казначея местный купец Алексей Федорович Жадин, скрывшийся неизвестно куда после восстания. Были, конечно, и еще другие лица, исполнявшие руководящую работу в штабе, но я лично не помню всех данных следствий и назвать их не могу. Удалось установить, что штабом этим посылались отряды. Первый — на станцию Навашино Казанской железной дороги, где он был разбит рабочими судострои-

тельной верфи Коломенских заводов (верст 12 от Мурома эта верфь). Станция Навашино верст 12 от Мурома. Ездили белогвардейцы на паровозе с платформой впереди и двумя вагонами. Второй отряд был ими отправлен по направлению в город Ковров. Разобрав путь в нескольких местах между станциями Селивановом и Муромом, отряд вернулся обратно. Этот отряд тоже ездил на паровозе с вагонами, и, как удалось установить из опросов задержанных и свидетелей, два раза 9 июля утром и 12 вечером и во время вечерней поездки на одно из разобранных мест столкнута с целью загромоздить путь платформа. Железнодорожников заставили работать силой, но кто из железнодорожной прислуги ездил с этими поездами по принуждению белогвардейцев, установить не удалось. Удалось установить из допросов участников восстания, что организация сил началась еще с мая месяца, когда Сахаров предлагал подпоручику Дубницкому, тоже участнику восстания, впоследствии расстрелянному, как говорил сам Дубницкий на допросе, вступить ему в «Союз защиты родины и свободы», куда Дубницкий согласился вступить лишь в июне или в первых числах июля 1918 года. Восстание было организовано как силами приезжими, так и местными; так, приезжали силы и из Владимира, хотя точно этого нам установить не удалось. Восстание началось вечером 8 июля. В этот вечер местное бывшее офицерство, а также приезжие пьянствовали на Окском бульваре, где они и распивали вино, с собою принесенное и полученное на месте. Приблизительно в полночь через посредство своих людей из среды инструкторов Красной Армии, военного комиссариата белогвардейцам удалось обезоружить караульную [1] роту Красной Армии, помещавшуюся в то время на Успенской улице, и вооружиться. В этот день вечером еще до разоружения роты по городу и Окскому бульвару ходили вооруженные винтовками пьяные офицеры и выстрелами в воздух разгоняли публику. Одновременно с этим происходили захваты квартир отдельных советских работников и учреждений, так что к 11 часам дня 9-го все советские работники сидели уже в тюрьмах, а город был захвачен, и по нему были расклеены воззвания и приказы, о которых я говорил уже выше. Как удалось установить, отношение буржуазии к захвату власти было очень сочувственное к белогвардейцам; так, торговцы снабжали их продуктом, пряниками и бутербродами. Так, например, снабжали белогвардейцев колбасой торговцы Яковлевы, ныне находящиеся на свободе и живущие здесь. Духовенство тоже отнеслось сочувственно к восстанию. Так, 9-го днем в соборе был молебен в присутствии всей буржуазии Мурома, где было благодарственное молебствие об освобождении города от большевиков. Прини-

[1] В тексте книги ошибочно «карательную».

мал ли участие в этом молебне епископ Митрофан Муромский и также кто именно из духовенства, сказать не могу. Из показаний же послушника епископа Митрофана Алексинского видно было, что Митрофан имел тесную связь с полковником Сахаровым и через Алексинского передал ему деньги и относился сочувственно к перевороту. Большинство белогвардейских добровольцев состояло из учащейся молодежи Мурома, пошедшей в ряды белой гвардии под влиянием своих родителей. Так, например, Василий Порфирьевич Рожков ловил на улице реалистов и направлял в штаб записываться в белую гвардию. Рожков ныне скрылся и, надо думать, находится на Украине. Он был преподавателем в реальном училище географии и космографии. Все белогвардейцы ходили с белыми повязками на рукавах. Из среды учителей реального училища с таковыми ходили Петр Васильевич Добролюбов, ныне скрывшийся, народный социалист, фигурировавший в списках по выборам в Учредительное собрание от Владимирской губернии, и Богоявленский, преподаватель математики, живущий в Муроме и ныне находящийся на свободе. Находящаяся в городе еврейская община, очевидно, из видов самосохранения от погромов, которыми угрожали белогвардейцы на тайном собрании 9-го числа, решила целиком записаться в белую гвардию, чтобы запастись для самообороны оружием, если будет погром. Группа правых местных с.-р. решила записаться в гвардию (и впоследствии мотивировала свое участие «необдуманностью»), чтобы с оружием в руках отстаивать интересы пролетариата и бедноты от слишком буржуазного состава белой гвардии. Такое заявление было сделано членом этой группы Николаем Андреевичем Зворыкиным, ныне находящимся на свободе и живущим по Нижегородской улице; он тоже зачислился и получил винтовку, а также исполнял поручения штаба по охране города. Меньшевики участия никакого не приняли в восстании. Широкие массы рабочих, сначала было поддавшиеся на призыв белогвардейцев против Брестского мира, после приказов, появившихся через несколько часов после этих призывов, в которых упоминались фамилии генерала Алексеева и Савинкова, опомнились и стали относиться к белой гвардии резко и враждебно. Из среды инструкторов Красной Армии, способствовавших восстанию, могу назвать Зимоглядова, бывшего офицера, ныне скрывшегося; Завулонова — расстрелянного, и из лиц, находящихся в Муроме, сейчас назвать никого не могу, да и остался ли кто из них в Муроме, не знаю. Скрылся также руководитель восстания бывший штабс-капитан Петров, откуда он и где он сейчас, мне неизвестно. То же могу сказать о бывшем офицере Гвоздеве. Вообще список лиц, так или иначе принимавших участие в восстании, имеется в Муромской чрезвычайной комиссии. Более я ничего показать не имею.

ПОКАЗАНИЯ КИРИЛЛОВА

Допрошенный заведующий спекулятивным отделом Муромской чрезвычайной комиссии Александр Ильич Кириллов, 28 лет, из муромских жителей родом, живущий в городе Муроме, по Овражной улице, дом 60, показал:

«Я прибыл в Муром из Петербурга в мае месяце 1918 года, а в июне был приглашен тов. Тагуновым в качестве сотрудника по организации уездной Муромской чрезвычайной комиссии. Еще при приезде в Муром мне стало казаться, что здесь не все благополучно; так, какие-то скрытые силы действовали против партии большевиков. Это было видно хотя бы из того, что на митингах, устраиваемых партией в разных местах, резолюции коммунистов не проходили в их целом, а некоторые лица, находившиеся на советской службе, тоже вели себя очень подозрительно; большинство из них были бывшие офицеры. Так, например, Кравченко, бывший штабс-капитан, занимавший должность начальника милиции, был вечно пьян и делами не занимался.

Его в силу этого за неделю до восстания отстранили от должности. То же можно сказать о бывшем офицере, кажется подпоручике Блескунове, занимавшем должность военного руководителя в Муромском уездном военном комиссариате. Блескунов крайне небрежно относился к своим обязанностям, его тоже недели за полторы до восстания отстранили от должности. Оба эти лица играли роль в последовавшем 8—9 июля восстании. Кравченко заведовал тюрьмой и по охране города играл большую роль, вообще был видным руководителем восстания. Он был задержан после восстановления Советской власти в городе Муроме пьяным и был расстрелян как активный участник восстания белогвардейцев. Блескунов тоже, как говорили, участвовал активно в восстании, но задержать его не удалось, и он скрылся неизвестно куда. Наконец я могу назвать еще бывшего офицера Мяздрикова, который был председателем Союза муромских инвалидов и который был замечен до восстания в том, что возбуждал недовольство среди них против власти Советов. О нем говорили как о лице, тоже принимавшем активное участие в восстании и после восстания скрывшемся неизвестно куда. За отъездом тов. Тагунова я остался за него, причем на мою задачу выпало следить за приездом полковника Сахарова, у матери которого была найдена при обыске подозрительно большая сумма денег. Тов. Тагунов уехал, кажется, 6 июля; 8 июля вечером, часов в восемь, я был на Окском бульваре, где гуляло много публики. Мне бросилось в глаза, что публика была крайне нервно настроена, и в особенности молодые купчики и мелкая буржуазия; говорили об убийстве в Москве германского посла и критиковали Советскую власть, но активных призывов

к свержению власти Советов я не слышал; пьяных в толпе я тоже не заметил. После этого я побывал на Нижегородском бульваре, но здесь было все спокойно, и я ушел домой. Придя домой, я залег спать, но около 10 часов вечера меня разбудила жена и сообщила, что в городе идет стрельба; действительно, я, прислушавшись, услышал сначала отдельные винтовочные выстрелы, затем несколько залпов. Я тогда пошел со своим братом по направлению к Касимовской улице, к уездному Совдепу, но по дороге встретил тов. Шорина и Храмова с Станкевичем, служивших в то время в милиции и живущих теперь в городе Муроме. Они сообщили, что творится что-то непонятное и что к зданию милиции, что на Московской улице, пройти нельзя. Какие-то вооруженные люди не пропускают. Мы все вместе пошли к военному комиссару тов. Лашкову, живущему по Старой Банковской улице, и тут увидели, что дом его окружен вооруженными людьми, хлопавшими затворами ружей. Кто был среди этих людей, разобрать не удалось из-за темноты. Мы ушли в комитет партии, что в доме Русакова по Касимовской улице. Придя туда, я позвонил в Совет, желая узнать, в чем там дело, но на мой вопрос ответили, что когда вас всех перережут, то вы и не узнаете «кто», и спросили мою фамилию, я им ответил, кто я, и повесил трубку, сообразив, что Совет кем-то уже захвачен. После этого мне позвонили со станции Навашино, желая поговорить со мною, но кто — неизвестно, так как разговор в самом начале прервался, и передать мне о случившемся туда не удалось. Часу в первом ночи мимо здания фракции проехал автомобиль грузовой с пулеметом, с вооруженными людьми. Было на нем человек восемь, стрельбу они не производили. Автомобиль ехал быстро, и поэтому и также благодаря темноте разобрать, кто в нем был, не представлялось возможности. На автомобиле был белый флаг. Часам к двум ночи стрельба в городе стала затихать. Часов в пять утра 9-го мимо проехало еще несколько автомобилей, тоже с белыми флагами и несколькими вооруженными людьми, лиц которых разобрать не удалось. Часов в пять я брата Бориса отправил в мастерские Казанской железной дороги организовать защиту, а я еще остался, поджидая его возвращения. Около 6 часов подъехал к зданию фракции автомобиль и окружили люди, в нем бывшие, с целью захвата нас. Я хотел было стрелять по подходившему к дому фракции гражданину Сажину, сыну местного фотографа, Сажин был вооружен револьвером. Бывший со мною тов. Лепехин — это редактор местной газеты «Муромские известия», он и сейчас живет в Муроме. Я перелез через забор в Полевую улицу, причем при перелезании какой-то человек, мне неизвестный, дал по мне выстрелы, на которые я отвечал. Но за мною погнался автомобиль, открывший по мне стрельбу. Я, отстреливаясь, убегал, и мне удалось от его преследования спрятаться и садами

выбраться на Касимовскую улицу, откуда пробрался домой. Дома я вооружился бывшей у меня бомбой, карабином и затем отправился прочь из города в Мельники с целью оттуда привести отряд. Мельники отсюда в 40 верстах; 9-го вечером я был уже в Мельниках, где и собрал отряд, но ввиду его малочисленности он не мог выступить и стал только охранять Мельники от какого бы то ни было пришлого из Мурома элемента. Вернулся в Муром 11-го, когда пришло известие, что порядок в Муроме восстановлен и все спокойно. Брат мой был захвачен белогвардейцами в плен и также редактор газеты товарищ Лепехин. О роли разных классов общества я могу сказать, что местное купечество, интеллигенция и духовенство отнеслись очень сочувственно к белогвардейцам и помогали им подарками, хлебом, пряниками. Духовенство же служило и молебен благодарственный о падении власти большевиков в Муроме; так, по крайней мере, передавали в народе после восстания. Учащиеся под влиянием учителей записывались в белогвардейцы. О роли епископа Митрофана сказать ничего не могу, кроме того, что он хорошо был знаком с руководителем восстания Сахаровым и его семейством. О том, кто именно в восстании принимал участие, я могу сослаться на списки этих лиц, имеющиеся в Чрезвычайной комиссии, где они все названы поименно, а так я припоминать не в состоянии. После я показать ничего не имею. Добавляю, что Сажин в настоящее время скрылся и, где находится, мне неизвестно.

ПОКАЗАНИЯ ЛЕПЕХИНА

5 февраля 1918 года допрошенный Виктор Иванович Лепехин, редактор газеты «Известия Муромского Совдепа», 38 лет, Петербургской губернии, завод Бикдиярнский, Осинского уезда, живу в Муроме. Член комитета партии коммунистов.

«Я состою редактором газеты «Известия Муромского Совдепа» приблизительно более года, то есть, иными словами, с самого ее основания. Приехал в Муром 7 июля 1918 года из двухмесячного отпуска и поэтому не был в городе Муроме до 7 июля. Какие настроения были у разных классов общества до восстания, я сказать не могу. 8-го, когда начался самый переворот, я был часов до 8 вечера на Окском бульваре, где ввиду местного праздника гуляло много публики, главным образом из среды буржуазии, интеллигенции и учащихся. Толпа вела себя шумно, но каких-либо выпадов против Советов, каких-либо призывов к свержению власти Советов я лично не слышал. Также не видел, чтобы в толпе раздавались какие-то летучки. Погуляв, я вернулся домой в помещение редакции, помещавшейся в доме Русакова по Касимовской

улице, здесь же было и фракционное бюро партии коммунистов. В часу одиннадцатом я услыхал одиночные выстрелы, но не придал им значения, полагая, что в городе где-либо «пошаливают». Часов в одиннадцать приблизительно пришли ко мне товарищи Кириллов Александр и брат его Борис и кто-то из служивших в милиции, фамилии которого я не помню. Они спросили меня, что происходит, я ответил, что не знаю. Стали звонить в милицию. Звонил я, но со станции ответили, что провод порван и соединить нельзя. Товарищ Кириллов Александр позвонил в Совдеп, но и туда было звонить поздно, так как нас не соединили, но Совдеп оказался уже занятым белогвардейцами; мы тогда решили дожидаться рассвета в доме, где находились. Часа в четыре утра 9-го товарищ Борис Кириллов задумал пробраться в помещение железнодорожных мастерских Казанской железной дороги, где он служил слесарем, а мы все остались. В начале пяти часов утра приблизительно я увидел сновавшие мимо автомобили-грузовики с людьми, частью вооруженными, а частью — нет. В автомобилях сидело человек 5—6, у некоторых были белые повязки на рукавах. На некоторых автомобилях были белые флаги; пулеметов я на автомобиле не заметил. Таких автомобилей проехало мимо несколько штук. По большей части лица находившиеся были знакомы мне в лицо. Это были главным образом служащие советские — бывшие офицеры; фамилий их я не знаю; как я слышал, большинство из них было после восстановления порядка расстреляно. Около четырех или пяти часов, хорошенько я теперь не помню, но до заутрени, к дому нашему подъехал грузовик-автомобиль с шестью лицами, из них один шофер, трое сошли и направились к дверям дома и дали звонок и стучали, по-видимому, прикладами. В это время товарищ Александр Кириллов из дому ушел, намереваясь скрыться через сад, сзади дома. Я остался и, решив, что сопротивление бесполезно, пошел открывать дверь, а товарищ милиционер (кажется, его фамилия Станкевич) еще спал в комнате. Вошедшие к нам офицеры, двое — учащиеся реального училища, фамилий коих не знаю, скомандовали «Руки вверх!», отобрали бывшее у нас оружие и, захватив меня, милиционера и сторожа Данилова, ныне умершего, посадили нас на автомобиль и увезли в помещение военного комиссариата (бывшего воинского начальника) по Ивановской улице, где, как оказалось потом, был штаб белой гвардии. По дороге в штаб автомобиль останавливался около помещения пулеметной команды по Касимовской улице, д. № 25, и забрали оттуда две пулеметных ленты. Сопротивления бывшие здесь два красноармейца не оказали и были также взяты в плен. Когда нас везли по Московской, из дома Яковлева, где жил обычно только домовладелец, из открытой фортки, наш автомобиль приветствовали — махали белым платком. Кто махал,

разобрать было нельзя, но рука была женская. То же самое было, когда мы ехали по Ивановской улице, но из какого дома, я не помню. По приезде к штабу я заметил несколько грузовиков-автомобилей (кажется, три штуки) и пулемет, стоящий на улице. Перед домом стояла группа лиц из бывшего офицерства, часть из них была с погонами и вооружена; офицерство было больше молодежь. Главную роль играл какой-то незнакомый мне офицер, лет 35—40, одетый в шинель внакидку с целой колодкой орденов, медалей на груди. На голове у него была фуражка защитного цвета, погоны же были полковничьи. У этого офицера была большая окладистая борода рыжеватого цвета. Кто он и как его фамилия, я не знаю. Нас, по его распоряжению, отвели в помещение комиссариата, где нас охранял с винтовкой бывший офицер с черной повязкой на глазу, как его фамилия, я сейчас не вспомню, он и сейчас живет в Муроме. Кроме того, я заметил в автомобиле у дома студентов Гундобина и Сергея Белонина с винтовками. Оба они сейчас живут в Муроме. В шестом часу утра 9 июня нас отвели в тюрьму. Конвой состоял из незнакомых мне учащихся, и начальником караула — бывший офицер Завулонов, ныне расстрелянный. Должен сообщить еще, что в помещении комиссариата, где мы сидели минут 40, было человек с нами сорок пять, большинство—красноармейцы и милиционеры. Всех нас поместили в тюрьму, где мы и просидели до шести часов утра 10 июня, когда нас освободили пришедшие товарищи. В тюрьме мы мало обменивались впечатлениями дня. Пищу нам давали. К вечеру 9-го нам передали в тюрьму, что придет помощь из Владимира и Коврова. Более я ничего не знаю. Об отношениях местных кругов к перевороту можно сказать, что сочувственно к нему отнеслись лишь крупная и средняя буржуазия, духовенство и местная интеллигенция; рабочие же — резко отрицательно. О роли духовенства, и в частности епископа Митрофана, во время захвата власти белогвардейцами я сказать не могу, но полагаю, что они здесь сыграли роль как возбудители масс против народной власти — власти Советов. Хорошо характеризует, по-моему, отношение духовенства и епископа Митрофана к Советской власти то собрание, которое было устроено духовенством еще 2 февраля 1918 года, в праздник Сретения в церкви Ивана Предтечи на Советской площади. Собрание это было часов в семь вечера, и я на нем был совершенно случайно. Еще подходя к церкви, я заметил экипажей семь собственных, принадлежащих буржуазии, а в церкви 600 приблизительно человек народа. Народ был всех сословий и классов. В церкви стояли столы, покрытые красным сукном, и вокруг них сидели духовенство и купечество. Около толпились дамы и более интеллигентная публика. До моего прихода говорились, очевидно, речи, и начала я не застал. Епископ Митрофан был здесь и благословлял народ, стоя на амвоне. Быв-

ший офицер Мяздриков, впоследствии принимавший видное участие в восстании 8—9 июля, читал послание патриарха Тихона [1], где говорилось, что Советская власть посягает на церковь и ее достояние. По прочтении послания Мяздриков говорил речь, где призывал народ сплотиться на защиту церкви, на которую посягают большевики. Говорили и другие ораторы о том, что большевики хотят обобрать церкви, притеснять веру христианскую, что власть захватили евреи и что надо твердо стать на оборону церкви. Епископ, стоя на амвоне, при мне речей не говорил, а лишь, по-видимому, сочувственно слушал и время от времени благословлял народ и ораторов. Я тоже попросил слова и с трудом его добился. Я стал говорить, что вы сами здесь оскорбляете церковь, говоря в храме молитвы слова, дышащие злобой и ненавистью к людям; мне тогда не дали говорить, и возбужденная толпа стащила меня с места, где я стоял, и чуть не избила. Я их усовестил лишь тем, что, обратясь к епископу, закричал: «Надеюсь, что в церкви-то у вас не будут драться». Меня отпустили, и я ушел в Красную гвардию, где сообщил о происходящем в церкви, но, когда в церковь пришли красногвардейцы, никого уже не было и она была заперта. Отсюда видно, что духовенство и епископ Митрофан давно были враждебно настроены к власти Советов и настраивали толпу против этой народной власти рабоче-крестьянского правительства. Добавляю, что фамилия офицера, караулившего нас в помещении комиссариата, с повязкой на глазу,— Коняхин. Более я ничего показать не имею.

Лепехин».

ПОКАЗАНИЯ АЙЗИКА ЛИБСТЕРА

Айзик Самуилович Либстер, 36 лет, гражданин Могилева, Могилевской губернии, живу в городе Муроме по Московской улице, д. № 21, часовой мастер, председатель местной еврейской общины. Во время переворота я находился в городе Муроме и после него был арестован советскими властями и в течение месяца просидел в тюрьме по подозрению, что участвовал в белогвардейском восстании, но затем меня сейчас же освободили как лицо совершенно непричастное и лишь случайно по недоразумению

---

[1] Имеется в внду послаине патриарха Тихона к верующим от 19 января 1918 года с иападкамн иа Советскую власть, большевиков, которых он называл «безбожнымн властелннами тьмы века сего». Тнхон предавал нх церковному проклятню (аиафеме). Он прнзывал верующнх не вступать в какое-лнбо общеине «с нзвергами рода человеческого» и «если нужно будет н пострадать за дело Христово» (см.: Церковные ведомости. 1918. № 2. С. 11—12).

попавшее в число арестованных. Мой арест был вызван следующим обстоятельством. 9-го числа, когда уже совершился переворот, ко мне днем, вернее, в шестом часу вечера, забежала сильно взволнованная жена еврея — агента уголовной милиции Горбарского — и просила меня, как председателя общины еврейской, пойти в штаб... говорят, что в помещении бывшего воинского начальника, и посодействовать освобождению ее мужа, арестованного белой гвардией как советского служащего. Я, конечно, в этой просьбе ей отказать не мог, в шесть приблизительно часов, несмотря на то что был болен, отправился в штаб белой гвардии хлопотать о Горбарском. По дороге мне встретились автомобили с белыми флагами и вооруженными людьми, быстро ездящие по городу, отдельные группы вооруженных людей, а у самого штаба — толпы народа, главным образом учащейся молодежи с винтовками, которых обучали военным приемам инструктора белой гвардии, по-видимому бывшие офицеры. Войдя во двор, я заметил группу, по-видимому, начальства, среди которой были местный купец Жадин, бывший офицер Петров и др., фамилии коих я не знаю. Все они были сильно навеселе, и многие так и прямо пьяны. Я обратился к Жадину, которого знал раньше, и стал просить его о Горбарском; он после уговоров согласился отпустить последнего, если я за него поручусь; я сказал, что поручусь, и собрался уходить. В это время пришли представители от еврейской молодежи Союза сионистов во главе с Кругликовым, председателем Союза сионистской молодежи, которые обратились к названному уже Петрову, прося дать им оружие для защиты еврейских кварталов, так как в городе ходят упорные слухи о готовящемся погроме евреев. Сначала Петров не согласился, говоря, что они-де, белогвардейцы, сами охранят порядок, но затем дал 20 винтовок и немного патронов. Я вместе с этими представителями в числе пяти человек вышел и даже помог им нести винтовки, но, дойдя до своего местожительства, передал винтовки и пошел домой, чувствуя себя больным и разбитым еще нервными переживаниями дня, и более до восстановления власти Советов на улице не был. Должен сообщить, что, действительно, едва власть захватили белогвардейцы, как местные черносотенные чины зашевелились, и сначала понеслись среди евреев слухи, что готовится еврейский погром, а затем на улице все время открыто черносотенные элементы стали угрожать, что расправятся с нами — евреями. Эти угрозы я слышал, проходя улицами и лично. Конечно, среди нас — евреев — поднялась паника, а более энергичная молодежь, состоявшая главным образом из беженцев, решила принять меры к защите. Результатом этого решения и была делегация в штаб белой гвардии. Беженцам угрожала более всех опасность, ибо они жили на окраинах города — на Овражной, Фабричной и Никольской ули-

цах и др. В настоящее время большинство беженцев уже разъехалось на родину к себе, в Ковенскую, в Виленскую и другие губернии.

Айзик Самуилов Либстер

ПОКАЗАНИЯ ВЛАДИМИРА РОЗАНОВА

Розанов Владимир Николаевич, [житель] г. Мурома, Козмодемид. пер., д. № 11. Безработный. Живет на жалованье сестры. На военной службе не был. Был в белой гвардии. Раньше об организации не знал и с 8-го на 9-е был дома, записался 9-го утром, был на посту на мосту, потом на дворе, у воинского, потом ходил домой, ночью пришел опять туда, но увидел, что публика разбегается, бросил винтовку и пошел вдоль Оки. Пришел в Поздняково к товарищам Прол. Уезжая от Прол., был арестован в Монастырке.

В белую гвардию пошел, побуждаемый тяжким материальным положением.

Показания дал *Вл. Розанов*

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДОПРОС ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА АЛЕКСИНСКОГО

Был на Выксе, где принимал участие и стрелял. Винтовку оставил в волсовете [1], у гражданина Андрея Кольдинова, там же винтовка Лебедева и Соколова. Сахаров жил у нас в монастыре. Сахаров часто ходил к архиерею. Сахаров с архиереем были в хороших отношениях. Накануне восстания Сахаров был у архиерея. Сахаров разговаривал и со мной; говорили, как хорошо жилось при царе и все было дешево, а сейчас мы проживаем все последнее. Большевики Россию довели до гибели и что их нужно прогнать от власти, тогда будет нам лучше жить, они довели до того, что хлеба нет и народ голодает, и все это из-за большевиков. Сахаров просил меня, чтобы во время восстания ему пособить, за что Сахаров обещал мне дать денег две тысячи. После разговора со мной Сахаров пошел к архиерею посоветоваться насчет большевиков. Архиерей сказал Сахарову, что большевиков нужно уничтожить, чтобы их не было; говорили при мне, так как меня архиерей любил и он мне родной дядя. Сахаров говорил, что завтра сделаем восстание, и говорил, что приехало много белогвардейцев, которые помогут сделать восстание и прогнать большевиков. Потом Сахаров ушел от архиерея, и я его провожал до дому и входил с ним в его

[1] Волостной Совет.

квартиру, где он меня приглашал пить чай. Я принимал участие в восстании только утром. Когда была стрельба, архиерей проснулся, но он знал, что белогвардейцы прогоняют большевиков.

Утром архиерей меня послал к Сахарову на квартиру — он жил все еще в монастыре — с словесным поручением, которое заключалось в том, чтобы передать Сахарову посылку, которая была завернута в обертку, в которой были деньги; на квартире Сахарова не оказалось; меня архиерей послал в город по Ивановской улице, в дом бывшего воинского начальника, и там эти деньги были мною переданы Сахарову, за это Сахаров очень меня благодарил и даже приглашал кушать чай, но я отказался и спешил на свою службу; когда вернулся, то доложил архиерею, что деньги сдал Сахарову; тогда архиерей меня задержал на полчаса и сказал: «Иди, Володя, помогать Сахарову». После слов архиерея я пошел к Сахарову в дом бывшего воинского начальника. Когда пришел к Сахарову, он дал мне винтовку, и я пошел на 5 минут в монастырь взять припасы, то есть продукты, и пошли к станции, наняли лошадей и поехали на Выксу вместе с Сахаровым и др. Когда заходил в монастырь за продуктами, то заходил к архиерею попрощаться и сказал, что я еду на Выксу с Сахаровым. Архиерей меня благословил и сказал: «С богом, Володя».

Владимир Алексинский,
послушник у архиерея.
9 августа 1918 года.
Город Муром, Спасский монастырь.
Дознания снимал
член чрезвычайного штаба Николаев.

ПОКАЗАНИЯ МИХАИЛА КРЯКОВА

Я, Кряков, являюсь в Чрезвычайную комиссию добровольно с повинной и чистосердечно признаюсь.

9 июля сего года, дня, я принял участие в белогвардейском восстании в городе Муроме. Это произошло таким образом: утром этого дня я узнал от своих рабочих о совершившемся в Муроме перевороте и, возбужденный этим, пошел на двор управления воинского начальника. Придя туда часов в 10 утра, застал на дворе много народа. Вошел на двор, но уйти со двора уже не удалось, так как там было много народа. Некоторые из знакомых там посоветовали и мне записаться в белую гвардию. Знакомые — Зиновьев, Алексей Жадин, Гладков, Короткий, и я записался. Записывал меня какой-то незнакомый мне прапорщик, и после этого в цейхгаузе на дворе мне выдали оружие, винтовку и патроны. Тут же

белым платком я обвязал рукав, и вышел на улицу, и отправился сначала домой, где напился чаю, затем переоделся в солдатскую форму (которая у меня раньше имелась) и с Гладковым пошел опять к воинскому начальнику. Придя туда, мы застали, как неизвестный какой-то прапорщик производил набор отряда для посылки в Ковров. Мне предложено было войти в этот отряд. Я отказался. Вскоре был произведен новый набор в отряд для посылки в Ковров. Я тоже отказался. Затем троим нам — мне, Гладкову и еще товарищу, неизвестному мне со штаба,— предложено было идти в тюрьму и арестовать начальника. Приведя его в штаб белой гвардии (это было уже около 4 часов пополудни), я решил уйти домой и пошел со двора с винтовкой, но, дойдя до церкви Вознесения, раздумал, вернулся обратно, положил винтовку в помещении воинского начальника и уже вторично и окончательно ушел домой. Еще припоминаю, что меня и Гладкова посылали арестовать Большакова, но этот Большаков попался нам на улице, и мы его не арестовали, а пошли к нему на квартиру, произвели обыск и взяли там бомбу, которую Гладков унес в штаб белой гвардии и сдал там, а я отправился домой, пообедал там, а потом ходил опять в штаб, но, пробыв там недолго, ушел около 5 часов снова домой и больше туда не возвращался. Ночь ночевал дома. Часа в 3 ночи кто-то с улицы постучал в окно и крикнул: «Михаил Михайлович дома? Скажите ему, чтобы спасался». Меня разбудили, я поднял своего сына Бориса и рабочего Василия Евграфова Акимова, собрались и поехали на рыбную ловлю, верст 11 по Оке — на Гладкий яр. Там я пробыл на ловле семь суток, затем простудился и решил вернуться, но, дойдя до Якиманской слободы, остановился, слез и пришел к знакомому Ивану Яковлевичу Ратунину и жил у него 17 дней, не выходя из его квартиры никуда. О причине моего пребывания у него он не знал, а я мотивировал свою остановку в его доме болезнью. По истечении 17 дней он меня свез на лошади в Муром, в свой дом, и вот все время с тех пор до сих я тайно проживал дома.

Дополнительно показываю: днем 9 июля я ходил также вооруженный помимо винтовки револьвером системы «Маузер», 4-зарядным. Этот револьвер мой собственный, он был вскоре после того, как я скрылся, отобран у моей жены при обыске. Петр Иванович Синицын — прапорщик, заведующий типографией, мне родственник по жене. Где он скрывается сейчас и какую роль играл в восстании, я не знаю, но слышал, что недели две тому назад [был] в Ряжске Рязанской губернии. Это я услышал из разговора моей жены с его женой Марией Михайловной (живет в доме Нехорошева против реального училища). Я беспартийный. Состоял в обществе «хоругвеносцев», но теперь не состою. Свою вину сознаю, раскаиваюсь в ней и отдаю себя добровольно

революционному правосудию. Револьвер мне был разрешен на хранение при мне военным комиссаром, и у меня на то есть удостоверение.

Михаил Кряков [1]

Следователь (подпись)
Член комиссии (подпись)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ПРЕДАНИИ СУДУ

1919 года февраля 8 дня следственная комиссия при Владимирском губернском революционном трибунале в городе Муроме, рассмотрев следственное производство, произведенное ею о белогвардейском выступлении в городе Муроме, имевшем место 8—9 июля 1918 года, нашла, что в ночь с 8 на 9 июля 1918 года в городе Муроме Владимирской губернии произошло вооруженное выступление белой гвардии, состоявшей как из местных, так и приезжих сил. Это выступление имело своим последствием свержение Советской власти и захват города белогвардейцами, продолжавшееся ночь с 8 на 9 июля 1918 года. Это выступление белой гвардии, имевшее столь серьезные последствия, произошло, как оно рисуется данными произведенного предварительного следствия, при следующих обстоятельствах.

В городе Муроме давно уже среди местной буржуазии и интеллигенции, главным образом бывшего офицерства, существовало глухое недовольство переходом власти в России, и в частности в городе Муроме, в руки рабоче-крестьянского правительства, и эти враждебно настроенные силы давно уже вели агитацию в пользу свержения этой народной власти. Так, например, 2 февраля 1918 года, как то видно из показаний свидетеля Лепехина и объяснений епископа Митрофана с местным духовенством во главе с епископом муромским Митрофаном в церкви Ивана Предтечи, что на Советской площади, было совместно с представителями буржуазии и бывшего офицерства устроено собрание, где критиковали декрет об отделении церкви от государства, читалось послание патриарха Тихона о посягательстве Советской власти на церковь и ее достояние, причем говорились контрреволюционные речи, призывающие к выступлению на защиту церкви. Ораторами выступали представители буржуазии, и, между прочим, игравший видную роль как один из руководителей выступления 8—9 июля бывший офицер Мяздриков. С тою же целью духовенством устраивались крестные ходы (свидетель Ердыкин). Попутно с агитацией

[1] В тексте «Кранов».

шла подготовка к вооруженному выступлению. Так, при обыске в феврале же месяце в квартире, где жила семья Сахаровых, один из членов которой Николай Сахаров, бывший офицер, оказался впоследствии душой выступления белогвардейцев 8—9 июля 1918 года (свидетель Фаворский), было найдено 6 шашек, 2 рапиры, 5 штыков, 8 тесаков, 5 кобур, 40 пар офицерских погон разных чинов.

Весною 1918 года было установлено (свидетель Фаворский), что в общественном клубе происходят какие-то собрания бывших офицеров и буржуазии. При произведенном внезапном обыске в клубе были найдены 3 револьвера на крыше, 2 — на лестнице и 4 — в самом помещении клуба. На начальника милиции Бильдина при обыске было произведено покушение. У представителя же крупной буржуазии Жадина в его квартире при обыске было найдено современное оружие, спрятанное под старинным. Приблизительно же за месяц (свидетель Бочкарев) до выступления белогвардейцев некоторые стали замечать, что общество футболистов тоже ведет себя подозрительно, и так под видом увлечения спортом создаются сплоченные ячейки из бывшего офицерства и буржуазной молодежи. Наконец в июне месяце (свидетель Горбарский) стали до местных советских органов доходить определенные сведения о том, что в Муроме существует белогвардейская организация и готовится ее выступление. Означенной организацией, как удалось установить, устраивались собрания тайные в разных местах; между прочим, такое собрание было в Карачевском овраге (графини Уваровой) 5 июня. На собрании этом присутствовали из местных буржуа, между прочим, Жадин, из бывших офицеров Мяздриков и инструктора Красной Армии из бывших же офицеров. Тут в речах призывали к свержению Советской власти, восстановлению власти Учредительного собрания и расправе с красноармейцами, коммунистами и советскими работниками. Выступление в Муроме белых предполагалось 6—7 июня, но благодаря своевременно принятым мерам тогда состояться не могло.

Такое выступление, закончившееся захватом на некоторое время власти белогвардейцами, произошло, как сказано уже выше, в ночь с 8 на 9 июля 1919 года.

Незадолго до этого выступления (свидетель Тагунов) были получены сведения, что поведение одного из жителей, уже раньше бывшего на подозрении, а именно бывшего полковника Николая Сахарова, очень странно и что он находится в связи с руководителями чехо-славянского [1] движения. У семьи его, жившей в Спасском монастыре, военным комиссаром Лашковым был произведен

[1] Так в тексте.

обыск, причем была найдена спрятанная под иконами подозрительно большая сумма денег, а именно 130 000 рублей.

Николая Сахарова задержать не удалось, так как он уехал, по заявлению домашних, в город Нижний. Спустя несколько дней после этого и произошло белогвардейское выступление, во главе которого и стал Николай Сахаров совместно с контрреволюционно настроенным бывшим офицерством. Еще 3-го вечером во время гулянья на Окском бульваре бросалось в глаза какое-то приподнятое, нервное настроение гулявшей там буржуазной публики, среди которой много было выпивших, преимущественно из среды бывшего офицерства (свидетель Кириллов), Лашков и Прохин. В толпе гулявших много говорили о Советской власти, критикуя ее. Вообще в этот день бульвар служил сборным пунктом для белогвардейских сил, причем отсюда и началось выступление белогвардейцев (свидетель Лашков) 8 июля.

Поздно вечером, в 10—11 (свидетель Кириллов), совершенно неожиданно в разных концах города, главным образом по Московской и Касимовской улицам (свидетель Ярлыкин), началась стрельба из ружей. Как выяснилось, белогвардейцы напали врасплох на караульную роту, в помещение которой [их] предательски ввели советские служащие, инструктора роты, бывшие офицеры, ранили 3 красноармейцев, одного смертельно, захватив оружие. Одновременно был захвачен военный комиссариат и Высший военный совет и местный Совдеп, и к ночи город Муром оказался захваченным белогвардейцами, которые тотчас же принялись за аресты советских работников и членов партии коммунистов, а также организовавших вербовку из среды населения в члены белой гвардии. 9 июля по городу были за подписью «Союз защиты родины и свободы» расклеены воззвания с призывами к свержению Советской власти, а также приказ Николая Сахарова, начальника Восточного отряда (Муромской) Северной Добровольческой армии, о явке для регистрации офицеров в штаб белой гвардии. Штабом этим, состоявшим из Сахарова, бывшего офицера Григорьева, купца Жадина Алексея и др., посылались вооруженные отряды; первый — на станцию Селиваново под начальством бывшего офицера Гольберга, второй — на станцию Климово во главе с бывшим офицером Пестряковым (оба отряда — для порчи железнодорожного полотна), третий отряд — на станцию Навашино для боя с выступавшими на защиту Советской власти рабочими. Буржуазия (свидетель Бочкарев), когда власть была захвачена белогвардейцами, у здания тюрьмы, почуяв свою силу, грозила приводимым в тюрьму сторонникам Советской власти жестокой расправой, и радовались в городе, пожимая друг другу руки, поздравляя друг друга с освобождением от большевистской власти. Однако, кроме буржуазии, духовенства и интеллигенции, никто

не пошел на сторону белогвардейцев, несмотря на то что (свидетель Кириллов Борис) последние делали даже попытку подкупить как бы рабочих, для чего из города отправлены были грузовые автомобили с мукою и хлебом для рабочих Московско-Казанской железной дороги с целью побудить последних выступить на сторону белой гвардии. Широкие массы населения отнеслись к выступлению белогвардейцев резко отрицательно (свидетель Тагунов). Местным коммунистическим силам, рабочим железнодорожных мастерских и заводов (Навашино, Выксы, Коврова) и других окрестных сел и деревень (свидетель Лашков) удалось организовать защиту, и к утру 10 июля выступление белой гвардии было ликвидировано собственными местными силами; белогвардейцы бежали из города, успев захватить, однако, с собой около 700 000 тысяч рублей денег из местного Совдепа, уездного военного комиссариата и некоторых других учреждений (свидетели Лашков и Травин), и власть Советов в городе Муроме была снова восстановлена. Отряд из красноармейцев и рабочих под начальством Ярлыкина 10-го к вечеру нагнал белых у станции Домики, разбил их и прогнал дальше. Остатки белогвардейской банды были снова настигнуты красным отрядом у Ново-Дмитриевского, в ночь на 11 июля были разбиты наголову и бежали мимо Выксы к Ардатову, где следы их затерялись. Надо полагать, что беглецы рассеялись в разные стороны, причем, по последним сведениям, большая часть их села на пароход и отплыла по направлению к Нижнему Новгороду.

На основании данных, добытых Муромской чрезвычайной комиссией и комиссией Владимирского губернского трибунала, мятежников по характеру их преступной деятельности и по степени участия, злой воли и ответственности надлежит разделить на четыре группы.

В первую группу необходимо выделить главных виновников преступления: инициаторов, зачинщиков, организаторов и распорядителей мятежа — бывших офицеров Николая Сахарова, Н. Григорьева, издавших приказы и стоявших во главе белогвардейского штаба, Симонова Владимира, вербовавшего белогвардейцев, Николая Петрова и Николая Гвоздева, вооружавших их, Алексея Жадина, казначея штаба, учителя Василия Рожкова, склонявшего учеников к вступлению в белую гвардию, Николая Карпинского-Гноринского, бывшего начальника пулеметной команды, Гальберга и бывшего офицера Пестрякова, командовавших посылаемыми белогвардейским штабом отрядами для порчи железнодорожного полотна и в бой с рабочими, выступившими на защиту Советской власти; сюда же входят начальствующие лица белогвардейцев Николай Коняхин, Борис Дубницкий, Георгий Кравченко, бывший офицер Мителев, Алексей Мяздриков,

Петр Дергунов, Алексей Деев, Павел Страхов, Борис Способин, Алексей Макаров, Виктор Крыловский, Григорий Поликарпов, Николай Лебедев, Константин Пестряков, Всеволод Робустов, Константин Лебедев, Карпов Григорий. В эту же группу следует отнести приступивших первыми к мятежу советских военнослужащих и инструкторов караульной роты бывших офицеров, предательски ворвавшихся во главе банды белых ночью в помещение караульной роты, открывших огонь, которым было ранено четыре красноармейца (один из них смертельно) и захвативших оружие, использованное затем при занятии других учреждений города. Это, по показанию свидетелей Лашкова и Занозина,— бывшие офицеры Василий Генисаретский, Николай Завулонов (он же был начальником конвоя при арестовываемых), Зимоглядов, Блескунов и Борис Русаков. Участие всех лиц в мятеже с полным сознанием его последствий вполне и с точностью установлено как данными дела, так и тем обстоятельством, что большинство из них, сознавая тяжелую ответственность перед народом, скрылись и остались не разысканными; это — Николай Сахаров, Николай Григорьев, Алексей Жадин, Василий Рожков, Петр Добролюбов, Зимоглядов, Николай Петров, Николай Гвоздев, Алексей Мяздриков, Борис Русаков, Константин Лебедев, Николай Гайкович, Вениамин Моисеев, Сергей Орлов, бывший капитан Зотов, Николай Фадеев. Четырнадцать человек расстреляно по постановлению ВЧК и то в схватке с рабочими; это — Павел Страхов, Борис Способин, Владимир Симонов, Георгий Кравченко, Всеволод Робустов, Гирш Перкус, Николай Лебедев, Анатолий Леман, Николай Завулонов, Антон Жадин, Борис Дубницкий, Василий Генисаретский, Александр Архипов и Алексей Захаров; находящийся на свободе Гальберг проживает, по сведениям, в Москве.

Преступление этих лиц является тем более тяжелым, что большинство, как бывшие офицеры, являются людьми образованными, а следовательно, мыслящими и вполне сознательными, к тому же некоторые из них состояли на советской службе.

Ко второй группе, по заключению комиссии, относятся все те лица, принимающие активное участие в мятеже. Эти лица зарегистрировались в белогвардейском штабе и, вооружившись, исполняли различные поручения и приказания командного состава белогвардейцев, причем одних видели разъезжавшими с оружием на автомобиле и выполнявшими различные поручения белогвардейского штаба. Это Гундобин (скрылся), Сергей Белонин, Иван Ямщиков, Абрам Эпельбаум (скрылся), Николай Плескачев (скрылся), Иван Филиппов, Николай и Аркадий Рудаковы, Гладков, Сергей Сухарьков, Борис Бородулин, Вениамин Моисеев, Иван и Михаил Тагуновы (ездили на станцию Навашино с пулеметом), Константин Барсуков, почтовый чиновник Иван Квасов,

Дмитрий Балашов (участвовал в захвате почты), мясники Горшуновы (они же склоняли к вступлению в белую гвардию), Александр Новоселов. Другие арестовывали советских служащих: Николай Сажин (скрылся), Петелин-Шелудяков, Николай Гайкович, Алексей Захаров, Суздальцов, Ратков, Михаил Гайкович, Василий Ершов. Третьи стояли на постах, неся караульную службу: Николай Зворыкин, Кольчугин Василий, реалист сын священника Федор Добровольский (стоял у орудия), Федор Филиппов, Иван Барсуков, Михаил Булычев (был патрулем), Николай Галанин, Николай Яковлев. Наконец, остальные, находясь в составе отдельных отрядов, разрушали железнодорожный путь, разбирали рельсы и шпалы, дабы воспрепятствовать подвозу советских войск, и принимали участие в бою с выступившими на защиту Советской власти рабочими и красноармейцами. Это были послушник Владимир Алексинский, студент ветеринарного института Николай Новиков, сын сторожа Иван Зайцев, реалист Робустов, сын слесаря Михаил Тагунов, реалист Борис Новоселов, реалист Александр Рождественский, Михаил Галанин, Николай Ивановский, Петр Перлов, Николай Машков, Константин Булгаков, Владимир Розанов, Сергей Филиппов, Александр Благонравов. Все эти лица действовали сообща и по одному плану с главными виновниками мятежа, и, какова бы ни была их роль и объем личной деятельности каждого из них, они поведением своим обнаружили вполне определенный умысел — низвергнуть Советскую власть, и этот умысел не встретил у них морального противовеса и был осуществлен.

В третью группу входят все вооруженные участники мятежа, хотя и зарегистрировавшиеся в белогвардейском штабе и получившие оружие, но не принявшие участия в боевых действиях против Советской власти (не выполнявшие никаких поручений командного состава белых). Их видели главным образом в белогвардейском штабе с белыми повязками на рукавах, вооруженных револьверами и винтовками. Это Михаил Кряков, Александр Айнов, Сергей Александров, Георгий и Николай Левитские, Николай, Василий и Тихон Григорины-Григорьевы, Смольянинов, Василий, Николай и Евгений Зворыкины, Василий Корышов, Бронислав Юрковский, Алексей Корабельников, Николай Алякринский, Сергей Орлов, Сергей Меркутов, Степан Гладков, Александр Золотарский, Владимир Самарин, Николай Киселев, Константин Суздальцев, Василий Фомин, Борис Нехорошев, Василий Ершов, Петр Константинов, Николай Васильев, Михаил Коротков, Иван Масютин, Николай Гладков, Николай Зубов, Петр Бандин, Иван Шишко, Николай Яковлев, Юрий Бычков, Петр Перлов, Пантелеймон Первов, Петр Форсов, Матвей Горшунов и Андрей Зыбин.

Факт регистрации этих лиц и вооружения характеризует сам по себе высшую степень их преступной решимости и угрозу перейти

к кровопролитию, а потому они нуждаются в достаточном карательном воздействии, хотя и в меньшей степени, чем участники первых групп. Комиссия считает необходимым отметить ряд участников из двух последних групп, кои действовали отчасти под давлением и принуждением захватчиков, отчасти будучи введены ими в заблуждение, по неразумию и легкомыслию, ввиду своей молодости или невежественности. Это Николай Гайкович, Владимир Гапонов (скрылся), Николай Новиков, Иван Зайцев, Михаил Тагунов, Борис Новоселов, Алекс. Рождественский, Александр Галанин и реалист Кольчугин. Лица не вполне сознавали преступность своего поведения и не предвидели его результата, находясь, однако, в таких обстоятельствах, могли, а как получившие образование, и должны были его предвидеть. Большинство их при возложении на них белыми ответственных поручений добровольно уклонялись и отступали от дальнейших действий и, оставив всякое преступное намерение, расходились, побросав оружие. Все эти лица также нуждаются, по мнению комиссии, в карательном воздействии с целью внушить им мысль в будущем внимательно следить за собой и за своими поступками, давая отчет о своих действиях, быть более осмотрительными и внимательными и не поддаваться на хитрую удочку врагов Советской власти. Нравственный облик таких участников и мотив их деятельности ясно вырисовывается из объяснений Кольчугина, который, узнав о перевороте, «почувствовал какой-то подъем духа», что часто случается с молодежью при всяких переменах, выскочил на улицу из любопытства, бежал туда, куда бежали другие, и делал то, что делали другие (даже стоял часовым), но когда увидел, что его хотят послать в бой с рабочими, то понял преступность своих действий, ушел к себе домой и более участия в мятеже не принимал. Комиссия находит необходимым считать таких лиц участниками в мятеже по неосторожности.

Наконец, в четвертую группу привлеченных по этому делу к ответственности следует отнести пособников при выступлении белых; такие лица, не приняв прямого участия в самом мятеже, заведомо оказали какую-либо помощь белогвардейцам. В эту группу входят епископ Митрофан, переславший руководителю Сахарову с монахом Алексинским посылку с деньгами, купец Николай Яковлев, кормивший даром белогвардейцев колбасой, Александр Яковлев, Алексей Мазуров, Иван Сыромятников и Андрей Зыбин. К этой же группе комиссия причисляет лиц, хотя и не оказавших помощи белогвардейцам, но в знак признания их власти либо надевших белые повязки, либо иными поступками, например руганью и угрозами, обращенными к сторонникам Советской власти, удостоверивших свою полную солидарность с захватчиками и, следовательно, настроение, опасное для советского прав. порядка. Это Петр До-

бролюбов, Николай Гундобин, Аркадий Самойлов, Петр Синицын, Сергей Никитин, Галкин, Башкиров и Федор Веревушкин (надел погоны вольноопределяющегося). Большинство опрошенных из всех привлекаемых к ответственности мятежников уличаются своими собственными объяснениями, показаниями других лиц и данными дела.

Производство настоящего дела в части, касающейся расстрелянных виновников мятежа, должно подлежать прекращению. Что же касается всех перечисленных участников его, в том числе скрывшихся и неразысканных, то комиссия приходит к заключению, что они должны подлежать обвинению в том, что 8 и 9 июля 1918 года в городе Муроме с целью насильственно низвергнуть власть Советов Российской Федеративной Республики и установить образ правления согласно видам высшего командования чехословацкой банды, именовавшей себя национально-добровольческой армией, участвовали в вооруженном белогвардейском мятеже, причем белогвардейцы разграбили склад оружия и имущество советских учреждений, расхитив при этом около семисот тысяч денег, захватили власть в городе Муроме в свои руки, разрушили железнодорожный путь, арестовали многих ответственных работников и сторонников Советской власти, нарушили правильное течение работы во всех учреждениях, государственных и общественных, что ввиду отсутствия [у] Советской власти в то время в наличности достаточных вооруженных сил вызвало для подавления мятежа и восстановления Советов и вместе с тем нарушенного порядка и спокойствия принятие особых мер.

Означенное обвинение отягчается еще тем, что насильственное посягательство белых на целость и безопасность государства не только поставило в опасность общественный порядок и произвело перерыв правильного течения советской работы, направленной всеми своими силами на дальнейшее течение революции в интересах трудящихся масс, но это выступление контрреволюционных сил произошло именно в тот момент, когда Советская власть, бросив на фронт в бой с чехословацкими бандами за хлеб для голодающих и пролетарские интересы почти все свои вооруженные силы, не имела под рукой войск, чтобы сразу же рассеять мятежников. И когда на фронте, почти лишенные командного состава, редеющие от потерь, отряды рабочих и крестьян, истекая кровью в борьбе с чехословаками за хлеб и всеобщий мир, протянули руку, ища помощи, мятежники, главным образом бывшие офицеры, действуя заодно с теми же чехословацкими бандами, ответили гнусным предательским ударом в спину.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика во имя блага трудящихся масс должна оградить себя в будущем от потрясений и насильственных посягательств на ее

организации со стороны предателей и изменников. На основании изложенного следственная комиссия постановила всех вышепоименованных лиц предать суду Владимирского губернского революционного трибунала, предъявив им обвинение в участии в белогвардейском мятеже; в отношении же расстрелянных мятежников дело за их смертью направить к прекращению.

Председатель комиссии (подпись)
Члены (две подписи)
. Копия

ВЛАДИМИРСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТРИБУНАЛ

ПРИГОВОР

Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

1919 года февраля 22—26 дня Владимирский губернский революционный трибунал в публичном судебном заседании открыт в городе Владимире в составе председателя Г. К. Туркина, очередных заседателей Спирякова, Пукалова, Данилова, Воронина, Иванова и Аревьева, при секретаре Г. Н. Крюковском, рассмотрев дело о белогвардейском восстании 8—9 июля 1918 года в городе Муроме, приговорил:

1) Из скрывшихся обвиняемых: Николая Сахарова, Николая Григорьева, Алексея Жадина, Василия Рожкова, Петра Добролюбова, Зимоглядова, Николая Петрова, Николая Гвоздева, Алексея Мяздрикова, Бориса Русакова, Николая Гайковича, Валентина Моисеева, Сергея Орлова, бывшего капитана Зотова и Николая Фиворского — объявить врагами народа и по обнаружении их места нахождения расстрелять, а в отношении остальных постановить дополнительный приговор, который и объявить 1 марта 1919 года.

2) Наличных обвиняемых: [а)] Первова Пантелеймона, Глазкова Дмитрия, Добровольского Федора, Рудакова Николая, Бородулина Бориса, Крякова Михаила, Григорьевых Василия и Николая Михайловичей, Перлова Петра Ивановича, Деева Алексея Михайловича, Лебедева Константина Васильевича, Рудакова Аркадия, Новоселова Александра и Булгакова Константина — заключить в военно-концентрационный лагерь до окончательного прекращения гражданской войны, а при невозможности сего [1]—

[1] В тексте книги ошибочно написано «при возможности сего».

лишить их свободы и заключить под стражу с обязательными общественными работами: Рудакова Аркадия — на пять лет, Новоселова Александра — на пять лет, Булгакова Константина — на шесть месяцев, остальных же обвиняемых на два года;

б) Шишко Степана — объявить врагом народа и расстрелять в течение 24-х часов от момента объявления сего приговора;

в) епископа Митрофана признать виновным, но за старостью от наказания освободить, лишив, однако, права проживания в Муроме и Муромском уезде. Монастырь же, как очаг контрреволюционных сил, закрыть.

г) Ивановского-Новоселова Бориса, Благонравова, Розанова и Айнова Александра признать виновными, но от наказания освободить — последнего ввиду наличности у него туберкулеза, а остальных — как учащихся;

д) Алексинского, Васильева Николая Павловича, Быкова Юрия, Зыбина, Мазурова и Самойлова — оправдать;

е) Горшуновых Николая и Матвея — оштрафовать по семь тысяч пятьсот рублей, Бандина Петра, Иванова — на десять тысяч рублей, Яковлева Михаила Павлова — на пятьдесят тысяч рублей, Яковлева Николая Васильевича — на двадцать тысяч рублей, Яковлева Александра Васильевича — на двадцать тысяч рублей и Сыромятникова — на тридцать тысяч рублей; назначить на уплату недельный срок, а при неуплате лишить их свободы на два года каждого. До уплаты штрафа заключить их под стражу;

ж) всех присужденных к личному наказанию, не содержащихся до сего времени под стражей, немедленно арестовать.

з) Взыскать с осужденных за круговою ответственностью издержек производства дела десять тысяч рублей.

Приговор окончателен, но может быть обжалован в двухнедельный срок кассационному отделу при ВЦИК.

Главных участников восстания изловить не удалось, так как в то время все внимание Чрезвычайной комиссии было направлено на чехословацкий фронт и на Ярославль.

Часть из них перебралась к чехословакам и Колчаку, как, например, Сахаров и Григорьев, часть разъехалась по другим городам, а большинство осталось на месте и начало создавать новую организацию. Эта организация была раскрыта ровно через год, летом 1919 года, через шпионку этой организации Морозову. По показаниям Морозовой, эта организация представляется в следующем виде.

ПРОТОКОЛ ДОЗНАНИЯ
МОРОЗОВОЙ

Я, помощник заведующего пунктом особого отдела 26 дивизии, 5 [1], Иван Моисеевич, по поручению заведующего пунктом составил настоящий протокол. Опрошенная гражданка Морозова показала следующее:

«17 апреля 1919 года я выехала из города Мурома через Симбирск; мне хотелось прожить в Уфе до того времени, пока красные займут Златоуст, так как в Златоусте живет мой отец и там остались мои вещи. Те вещи, которые были у меня, я позакладывала в ломбард в городе Владимире, мне больше нечем стало жить, вот причина, которая заставила меня из Мурома выехать и пробираться к Златоусту. 23 мая я приехала на станцию Ютаза, здесь была задержана помощником пункта особого отдела 26 дивизии, который, узнав, что я еду в Златоуст, предложил коменданту станции Ютаза [2] дать мне пропуск до города Самары; пропуск до Самары мне был дан, но я обратно в Самару не возвратилась, несмотря на предупреждение коменданта станции Ютаза о том, что если я не возвращусь, то буду расстреляна.

Если вы подозреваете меня в шпионаже, то вы ошибаетесь, я не идейная шпионка и Советской власти никакого вреда не делала.

Я знаю много белогвардейцев в городах Муроме, Казани, Москве. В городе Муроме я знаю следующих белогвардейцев:

1) Анатолий Засухин, Сретенка, д. 20, прапорщик,
2) Владимир Иванов, Рождественка, № 7, прапорщик,
3) Константин Кузнецов, адреса не знаю, прапорщик,
4) Федор Васильев, на Мурманской ул., № [дома] не знаю, прапорщик,
5) Александр Захаров, Набережная, № 72, подпоручик,
6) Николай Васильевич Шихов, в слободе Икиманское,
7) Иван Александрович Иванов, Вознесенская, подпрапорщик,
8) Федор Иванович Павлов, живет в городе, сам деревенский, деревни Петровка (Александровка), рядовой солдат,
9) Владимир Васильевич Александров, Воздвиженка, 11, поручик,
10) Александр Иванович Данилов, мест., рядовой солдат,
11) Александр Иванович Васильев, Фабричная улица, около фабрики, подпрапорщик,

---

[1] Речь идет о 26-й дивизии 5-й армии Восточного фроита.

[2] Ютаза — железиодорожиая станция на территории Татарской АССР в 52 километрах к востоку от Бугульмы.

12) Владимир Иванович Клюгин, Касимовская улица, около винного склада, поручик,

13) Иван Николаевич Мельцов, адреса не знаю, прапорщик,

14) Константин Павлович Засухин, Нижегородская, 5, студент,

15) Афанасий Николаевич Морозов, Набережная улица, около острога, прапорщик,

16) Михаил Васильевич Волков, город Ковров, Вознесенская, 5, техник,

17) Федор Федорович Тобольский, в Муроме, адреса не знаю, студент.

У всех перечисленных лиц без исключения есть револьверы, а у многих из них есть винтовки, и даже по две. У кого именно есть винтовки, я не знаю. Также есть динамит, хранящийся у Клюгина Афанасия Александровича, живущего в мест. Штам. О том, что означенные лица белогвардейцы, я знаю потому, что они принимали участие в юнкерском восстании в Москве в феврале месяце, а многие участвовали в убийстве комиссара в городе Муроме на тракту, около Нижегородского вокзала. О том, что я знаю имена и фамилии белогвардейцев, так нет ничего удивительного, так как мои родственники — белогвардейцы и все остальные часто приходили к ним в гости, где говорили о восстании против Советской власти. Также я слышала, что они хотят взорвать мост через реку Оку в том случае, когда белые будут продвигаться вперед, чтобы расстроить советский транспорт. Когда я уезжала из Мурома, то означенные здесь Васильев, Мельцов, Иванов, Захаров просили меня, чтобы я узнала, когда буду ехать обратно из города Златоуста, какие успехи у белых, как подвигаются они вперед. Если успехи хорошие, то они постараются подобрать здесь организацию; крестьяне всего уезда в большинстве своем безусловно не пойдут за ними. Денег никаких они мне не давали, поручений к белым в Златоуст также; еще добавляю, что они в непродолжительном времени собирались устроить какую-то забастовку. В Москве из белых я знаю Владимира Васильевича Клюгина, Тверская, 37, пятый подъезд № 25; в Казани — Константина Васильевича Александрова, около крепости, возле школы прапорщиков, Василий Васильевич Борисов, около психиатрической больницы, на Арском поле. Зная всех этих белогвардейцев, я не заявляла Советской власти потому, что боялась, чтобы белые мне не отомстили, да и меня это не касалось. Теперь же, когда дело коснулось меня, я их выдала.

Елизавета Ивановна Морозова. 27 июля 1919 года».

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
КОНЮХИНА НИКОЛАЯ НИКИФОРОВИЧА

В 1918 году я участвовал в восстании бессознательно (примкнул случайно уже днем).

В этом восстании участвовал бывший штабс-капитан Петров Николай Михайлович, проживавший в городе Муроме. По-видимому, он был организатор этого восстания. На меня были возложены разведочные задачи (ездил я в Арзамас, ездил со мной Железнинов, Алексей или Александр, солдат и какой-то студент).

Цель разведки — узнать, нет ли чехословаков в Арзамасе. Восстание было для меня непонятным (заявляли, что было от Временного правительства и Учредительного собрания [1]).

Кроме Петрова участвовали бывший полковник Сахаров, проживавший здесь, в Муроме, Крыловский, бывший офицер, Способин, бывший офицер, Рудаков, офицер, и Николай, бывший капитан, Гвоздев Николай в Муроме (сын Егора Ивановича), из местного населения — Жадин Алексей Федорович.

Прошу считать мое дезертирство не полугодием, а целым годом.

Конюхин Николай Никифорович

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДОПРОС КОНЮХИНА

Стулова Алексея я знаю, бывший офицер, где в настоящее время проживает, не знаю. Морозову Елизавету Ивановну не знаю. Период от восстания до ареста я жил на средства сестры, которая служит писцом в отделе снабжения, и матери, которая шьет белье для красноармейцев, и продажею вещей.

Я сочувствовал эсерам и увлекался народовольческой литературой. В партии же никогда я не состоял и не состою, только в 1906 или 1907 году принимал участие по сокрытию литературы эсеров.

Протокол читал и написан с моих слов верно.

Такая общая картина. Большинство из перечисленных лиц скрыто и, по разъяснениям Конюхина и других, сидят в концентрационном лагере.

ЯРОСЛАВСКОЕ ВОССТАНИЕ

События в Ярославле развернулись следующим образом (см. «Известия», № 156—157, 1918 г.). 6 июля, около двух часов утра, совершенно неожиданно для советских кругов в городе начали

[1] Так в тексте книги.

появляться небольшие группы подозрительных лиц. Одна из этих групп обезоружила милицию, другие же приступили к захвату важнейших учреждений: банка, почты и телеграфа, советских учреждений. Выяснивши из документов, найденных в Совете, адреса активных советских работников, белогвардейцы начали обход квартир и арест советских деятелей. Арестованных немедленно расстреляли. Так погиб председатель уездного исполкома Закгейм, бывший председатель губисполкома Доброхотов, губернский военный комиссар, левый эсер Душин, военный комиссар округа Нахимсон и др.

Вскоре началась перестрелка. Все инструкторы, бывшие офицеры, перешли на сторону белой гвардии, передав ей пулеметы и броневой автомобиль. Во главе белогвардейцев встал полковник Перхуров, действовавший от имени генерала Алексеева. Центром заговора было окружное артиллерийское управление, которое было объявлено сборным пунктом мобилизуемых офицеров. В руках мятежников оказался еще другой броневик, неизвестно откуда полученный, так как до сих пор в городе был только один броневик — автопулеметного отряда. Обладание двумя броневыми машинами и послужило причиной столь быстрого захвата города. В подавлении мятежа вместе с советскими войсками участие принимал интернациональный отряд и левоэсеровская дружина.

Начался артиллерийский обстрел важнейших пунктов, как-то: монастыря, в котором были вооружены все монахи, Демидовского лицея, где расположился белогвардейский штаб, городского театра и других мест. Обстрел вызвал сильный пожар.

Во время боя в городе был совершен крестный ход с молебствием о даровании победы белой гвардии. С прибытием из Москвы броневого поезда обстрел усилился. Большая часть города оказалась охваченной морем огня. Наши войска местами начали успешно подвигаться вперед.

К 14 июля положение у Ярославля представлялось в следующем виде. Окраины города были почти совершенно выжжены. Советских частей в это время было далеко не достаточно для того, чтобы можно было вести более или менее активную борьбу с мятежниками. Отряды наших войск, помимо своей малочисленности, были слабо вооружены и действовали разрозненно, не будучи объединены в едином центре, который руководил бы военными операциями во всем их объеме, во всю ширину фронта.

Напротив, положение противника к этому времени сложилось благоприятно. За предшествующие девять дней он успел прекрасно сорганизоваться в хорошо дисциплинированную воинскую массу. Во главе контрреволюционных отрядов находились опытные военные руководители, которые действовали по плану и указаниям белогвардейского штаба. Кроме того, положение противника уси-

Окопы белогвардейцев

ливалось еще тем, что ему удалось захватить арсенал, в котором среди прочего снаряжения имелось большое количество пулеметов. Этим объясняется то, что действия наших частей вначале не могли быть успешны. У нас было не только мало руководителей, но ощущался недостаток даже в опытных рядовых работниках, в результате чего наши отряды страдали отсутствием сплоченности и организационной спайки.

Таким образом, задача осложнялась, ибо предварительно необходимо было энергично поработать над организацией и приведением в стройный боевой порядок находящихся перед Ярославлем отрядов. Хромала несколько в первое время также и техническая часть, чего нельзя сказать о противнике, который, укрепившись на превосходных позициях, придал войне характер позиционный, имея вдобавок в своих руках ряд зданий, из коих каждое представляло для полевой артиллерии как бы особую крепость.

Притом белогвардейцы распространились далеко по левому берегу Волги; в Волжском монастыре (в 13 верстах от Ярославля) они обосновали свой тыловой штаб и базу для орудий и продовольствия.

Нам пришлось приспособиться к обстоятельствам и, со своей стороны, перейти к правильной осадной борьбе.

К этому времени подошел с отрядами архангельский окружной военный комиссар товарищ Геккер, бывший выборный командир в 8-й армии, человек с большой энергией и очень сведущий в воен-

ном деле, обладающий широкими военными познаниями. Он немедленно, по прибытии на фронт, стал зажимать вокруг мятежников кольцо с севера, постепенно взяв станцию Филино и пригородную слободку Урочь, а затем Тверцу.

В ночь на 18 июля нашей артиллерией обстреливались важные укрепленные пункты противника.

Мельница Вахромеева загорелась, укрепившиеся там части белых выбиты и в панике разбежались. По ним открыт сильный пулеметный и шрапнельный огонь.

С 7 часов утра ведется артиллерийская подготовка при поддержке артиллерии Геккера, с которой наши оперативные действия согласованы.

На фронте свирепствуют сильная буря и проливной дождь.

Замкнутые в кольцо, белые пытаются делать вылазки, но последние отражаются огнем.

Прибыла баржа с нашими пленными из центральной части Ярославля, бежавшими путем снятия с якоря.

ВОЗДУШНАЯ БОМБАРДИРОВКА ГОРОДА

Летчиками, прилетевшими из Москвы согласно предписанию чрезвычайного штаба, были совершены два полета над городом для подготовки наступления наших войск. Для этой цели за два полета было сброшено более 12 пудов динамитных бомб, большая часть которых, по полученным сведениям, попала в район расположения штаба противника (около бывшего губернаторского дома).

Летчиками замечены сильные повреждения зданий и возникшие пожары. Было насчитано большое число пулеметов и их гнезд, из которых производили обстрелы по аэроплану и, очевидно, по городу. Несмотря на значительную высоту (тысяча двести, тысяча шестьсот метров), около аэроплана был слышен свист пуль и замечено одно пробитие аппарата.

Артиллерийский огонь противник не открывал, ограничась одним или двумя выстрелами из мелкокалиберных орудий, повидимому с броневиков.

Ввиду упорства противника решено было усилить бомбардировку, применяя для этой цели наиболее разрушительной силы бомбы. Одновременно по Волге нами были расставлены вооруженные сторожевые пароходы, имевшие связь с небольшими пехотными отрядами. В результате всех этих мер, проведенных быстро и решительно, кольцо наших войск вокруг Ярославля тесно сомкнулось. Такова была первая боевая задача, успешное выполнение которой уже позволяло перейти к наступательным действиям, каковые нами и были вслед за тем предприняты. Однако наши

наступательные операции несколько затормозились рядом несчастных случаев с одним из наших броневиков и нашими броневыми платформами с пулеметами, которые сползли под откос и на некоторое время загромоздили собою путь. На время вследствие этого была прервана связь между обоими берегами, а тем самым понизилась необходимая подвижность наших войск.

Окопы белогвардейцев у Спасского монастыря

Все эти неблагоприятные обстоятельства вынудили наше командование перенести центр тяжести на действие артиллерии, которая начала серьезную подготовку. Особенно отличились при этом батареи одного из бронированных поездов под командой товарища Ремизюка, который работал самоотверженно, неутомимо, выдвигаясь на самые опасные места. Наступившая после этого пехотная атака позволила нам овладеть всеми подступами к цитадели белогвардейских мятежников, но ввиду усталости частей довести в тот же день дело до конца не удалось. Однако впечатление от этого нашего наступления было столь внушительно, что белогвардейцы сознали неизбежность близкого падения, и на следующий день с утра, лишь только наши части двинулись с окраины города, они решили ликвидироваться. При этом они решили прибегнуть к провокационному шагу, который мог бы быть чреват неисправимым вредом для нас. Но эта их попытка потерпела пол-

ный крах. Дело в том, что белогвардейцы, чувствуя полное свое бессилие, объявили, что находятся в состоянии войны с Германией и, так как для них ясна безуспешность дальнейшей борьбы, то они-де сдаются германской армии в лице председателя комиссии военнопленных лейтенанта Балка.

В результате Балк согласился и выпустил к населению нижеследующий приказ.

ГРАЖДАНСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ

1

Допущенная на основании Брестского договора правительством Русской Федеративной Советской Республики и уполномоченная тем же правительством германская комиссия № 4 в Ярославле имеет честь оповестить следующее:

Штаб Ярославского отряда Северной Добровольческой армии объявил 8-го сего июля германской комиссии № 4, что Добровольческая армия находится с Германской империей в состоянии войны.

Так как военные операции не привели к желательным результатам и дабы избегнуть дальнейших разрушений города и избавить жителей от неисчислимых бедствий, Ярославский отряд Северной Добровольческой армии 21 июля 1918 года предложил германской комиссии № 4 сдаться ей и выдать свое оружие.

Германская комиссия № 4 приняла предложение.

2

Комиссия передаст штаб в качестве военнопленных Германской империи своему непосредственному начальству в Москве, где дано будет все дальнейшее.

Германская комиссия № 4 располагает сильной боевой частью, образованной из вооруженных военнопленных, и займет для поддержания спокойствия в городе Ярославля до получения решения из Москвы положение вооруженного нейтралитета.

Для соблюдения порядка и восстановления нормального течения жизни комиссия окажет по возможности мирному населению должную поддержку.

Да займутся обыватели многострадального города вновь своими делами и заживут с полной надеждой на лучшее будущее.

Ярославль, 21 июля 1918 года.

Председатель германской комиссии № 4 лейтенант Балк

Тут же наспех были вооружены германские пленные, которые заперли сдавшийся штаб белогвардейцев в здании театра и окружили последний своим караулом. Вступившие в этот участок советские войска не встретили уже никакого сопротивления. Конечно, положение, создавшееся вследствие провокационного шага белогвардейцев, пожелавших втянуть нас в конфликт с германцами, как недопустимое с точки зрения международных отношений, не могло долго продолжаться, и после недолгих переговоров

Проволочные заграждения белогвардейцев

по требованию советской военной власти австро-германские пленные сложили оружие, и театр со штабом белогвардейцев очутился в наших руках.

Таков ход событий с внешней стороны. В городе же за это время творилось невообразимое. Чтобы положить конец сомнению обывателей, нашим чрезвычайным штабом был издан следующий приказ.

ПРИКАЗ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ШТАБА ЯРОСЛАВСКОГО ФРОНТА

Чрезвычайный штаб Ярославского фронта объявляет населению города Ярославля:

6 Заказ 500

Всем, кому дорога жизнь, предлагается в течение 24 часов, со дня объявления сего, оставить город и выйти к Американскому мосту. Оставшиеся после указанного срока в городе будут считаться сторонниками мятежников. По истечению 24 часов пощады никому не будет, по городу будет открыт самый беспощадный, ураганный артиллерийский огонь из тяжелых орудий, а также химическими снарядами. Все оставшиеся погибнут под развалинами города вместе с мятежниками, с предателями, врагами революции рабочих и беднейших крестьян.

ЗВЕРСТВА БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ В ЯРОСЛАВЛЕ

(по рассказам бежавших из плена)

Непосредственно после захвата центра города белогвардейцы усиленно стали разыскивать членов губернского и городского исполнительных комитетов и выдающихся советских работников, причем арестовали они всех, имеющих то или иное отношение к Советам.

Аресты производились на квартирах и на улицах, и, таким образом, в их лапы попали свыше 200 человек советских служащих, красноармейцев и интернационалистов из австрийских и германских военнопленных.

Белогвардейцы разбили всех арестованных на группы и одну из таких групп в количестве 109 человек посадили на баржу с дровами на Волге. Этой-то группе и удалось третьего дня бежать из белогвардейского плена, и то, что передают бежавшие товарищи о «прелестях» белогвардейского режима и насилия, затмевает и затушевывает все то, что мы слышали о зверствах в германском и чехословацком плену.

За недостатком места мы передаем некоторые наиболее характерные проявления офицерской и буржуазной жестокости, издевательства и явно черносотенного и контрреволюционного террора.

УБИЙСТВО ТОВАРИЩА НАХИМСОНА

По рассказам товарищей, бывших очевидцами гнусного убийства военно-окружного комиссара Нахимсона, товарищ Нахимсон был захвачен белогвардейцами в номере гостиницы «Бристоль», где он жил, и препровожден совместно с другими арестованными в 1-й участок милиции, в каземат. Сюда спустя некоторое время явился здоровый курчавый парень в белой рубахе, с открытым воротом и засученными рукавами (по показанию некоторых товарищей, сыщик Греков) и спросил Закгейма и Нахимсона, не зная, очевидно, что первый уже убит.

Торговые ряды в Ярославле

Товарищ Нахимсон назвал себя. «Ступай за мной!» — крикнул этот тип и повел товарища Нахимсона во двор 1-го участка. Здесь уже ожидали несколько вооруженных белогвардейцев, один из которых, толстый офицер, крикнул: «Сбрось пиджак». Товарищ Нахимсон скинул пиджак и швырнул его в сторону командовавшего белогвардейца.

«Пли!» — скомандовал последний, и товарищ Нахимсон упал, пронзенный разрывными пулями.

Толстый офицер подошел к умирающему товарищу и выпустил в него из браунинга еще две пули. Затем убитого положили на извозчика и возили по Ильинской площади и прилегающим улицам для обозрения и удовольствия всей белогвардейской своры.

Убит ими и комиссар труда товарищ Работнов и товарищ Суворов, старый социал-демократ, большевик, посланный парламентером.

УБИЙСТВО ТОВАРИЩА ЗАКГЕЙМА

Почти одновременно с захватом Дома народа вооруженная кучка белогвардейцев по готовому уже списку направилась прежде всего на квартиру председателя городского исполкома товарища Закгейма, проживавшего на Большой Рождественской улице. Они вызвали его во двор и спросили: «Ты Закгейм?» — «Да, я»,—

ответил товарищ. Не удовлетворившись этим ответом, они стали будить соседей для удостоверения, что это именно Закгейм. Окончательно убедившись в этом, предводитель банды выстрелил из револьвера в грудь товарища Закгейма, и последний упал. Другой из этой банды разбойников проколол его штыком. Труп убитого товарища они выволокли на улицу и выбросили у ворот.

Труп его в течение нескольких дней валялся на улице и служил предметом посмешища и издевательства проходивших хулиганов и черносотенцев.

Сытые, толстопузые буржуи, маклаки с толкучего рынка, отставные штаб и обер-офицеры и ярославские кацауровцы, черносотенцы, проходя мимо, останавливались и злобно издевались над бездыханным трупом, плевали в лицо и, пользуясь еврейским происхождением товарища, ругали жидов и открыто призывали к погромам. Когда труп окончательно разложился, его сбросили в канаву и только затем зарыли.

Арестованные белогвардейцами товарищи подвергались всевозможным издевательствам; из квартир они захватывались в чем попало: без шапок, без верхней одежды, иной раз в одном нижнем белье. Брошенные на баржу с дровами, наполненную на дне водой, они были обречены в буквальном смысле слова на голодную смерть.

С субботы 6 июля и до четверга 18 июля, за двенадцать дней, им не давали никакой пищи. Два раза за это время им приносили в баржу по два фунта хлеба на 109 человек, причем приносившие этот хлеб — милиционер и какая-то барышня под видом сестры милосердия — ломали этот хлеб на кусочки и, как собакам, бросали с лодки на баржу.

Когда начался обстрел города артиллерией, белогвардейцы перевозили баржу на места, наиболее подвергающиеся обстрелу. Благодаря этому было убито три товарища и несколько товарищей ранено.

Стоявший на берегу караул не допускал подняться с баржи даже за водой, и несколько человек, приносивших воду, были ранены. Трупы убитых товарищей и скончавшихся от ран оставались тут же (вынести их было невозможно под постоянной угрозой стрельбы) и, разлагаясь, заражали атмосферу.

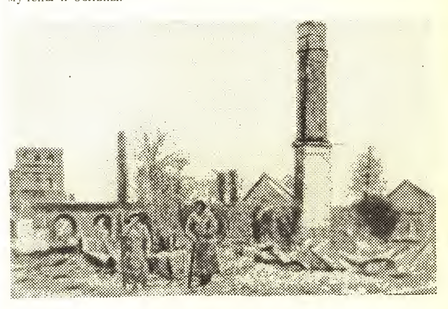
Сидевшим товарищам оставалось одно из двух: или умереть голодной смертью, или пойти на риск и пробраться к своим. Они решились на последнее и, улучив момент, когда патруль почему-то скрылся, спустили цепь, оборвали веревки и пустили баржу по течению.

Заметив плывшую баржу, как белогвардейцы, так и наши части подвергли ее ожесточенному обстрелу: баржа трещала от ружейных и пулеметных выстрелов, быстро наполнялась водой, и только

быстрое течение и самоотверженность тт. Петрова, Пудкова и других выскочивших на верх баржи и призывавших наши части прекратить стрельбу, спасли их от гибели.

Наши части прекратили огонь, и баржа благополучно пристала к берегу Коровников.

Спасшиеся товарищи были истощены до неузнаваемости, измучены и больны.

Спичечная фабрика Дунаева

Дня за два до побега из их среды были вызваны по списку 22 человека из членов исполнительного комитета и ответственных советских служащих и с ругательством, пинками и т. п. увезены неизвестно куда. В это число вошли тт. Большаков, Гарновский, Душин, доктор Контовт, доктор Троицкий, Попов, Курякин и другие.

В результате ярославского мятежа от города Ярославля, этой красы и гордости Поволжья, особенно богатого историческими памятниками, почти ничего не осталось. Вся деревянная часть города сплошь выгорела, почти все памятники старины разрушены или изувечены. От Демидовского лицея остались буквально одни стены. Находящийся против него собор полуразрушен. Большая часть старинных церквей, памятников XV и XVI веков, или разрушена совсем, или полуразрушена. Особенно сильно пострадала

церковь Николы Мокрого, хорошо известная всем любителям старины. В самом городе не осталось ни одной не поврежденной снарядами колокольни. Выгорела почти вся торговая часть города, старый гостиный двор, торговые ряды, большая мельница Вахромеева. Снарядами разрушено много общественных зданий и частных домов. Редкий дом так или иначе не пострадал от снарядов. Сильно повреждено здание почтово-телеграфной конторы, здание реального училища, депо вольнопожарного общества и пр. Всего не перечтешь...

Оставшееся без крова, имущества и пищи население выгоревшей половины города ютилось в течение всей осады по уцелевшим каменным домам и подвалам. Пока была возможность, очень многие убегали за город. По всем улицам валялось много неубранных трупов людей и животных. Убито много мирных жителей, вынужденных появляться на беспрестанно обстреливаемых улицах за пропитанием.

Штаб добровольческого отряда Северной армии [1] ежедневно выпускал победные, полные лжи листки для обмана населения. Белогвардейцы действовали втайне от всех. В их планы посвящены были лишь некоторые эсеровские группы, примкнувшие к приехавшим со стороны белогвардейцам.

ОБРАЗЧИК ТВОРЧЕСТВА ЯРОСЛАВСКИХ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ

Граждане!

Власть большевиков в Ярославской губернии свергнута. Те, кто несколько месяцев тому назад обманом захватили власть и затем путем неслыханных насилий и издевательства над здоровой волей народа держали ее в своих руках, те, кто привели народ к голоду и безработице, восстановили брата на брата, рассеяли по карманам народную казну, теперь сидят в тюрьме и ждут возмездия. Люди, свергнувшие эту власть, имеют своею целью установление форм широкого государственного народоправства. Народное собрание, законно, в нормальных условиях избранное, должно создать основы государственного строя, установить политическую и гражданскую свободу и на точном основании закона закрепить за трудовым крестьянством всю землю в его собственность.

Как самая первая мера будет водворен строгий законный порядок и все покушения на личность и частную собственность

[1] Имеется в виду штаб Ярославского отряда Северной Добровольческой армии.

граждан, в какой бы форме это ни проявлялось, будут беспощадно караться.

Вместе с этим будут отменены все запрещения и ограничения, мешающие каждому по мере сил работать на общую пользу.

Все препятствия торговле и передвижению будут устранены, и к делу снабжения населения предметами продовольствия будет привлечен частный торговый капитал.

Долгая война и владычество хулиганов истощили народные богатства, но и до сих пор у нас еще много хлеба и по Волге и в Сибири. Чтобы получить этот хлеб, чтобы победить голод, нужен только порядок, спокойствие и трудовая дисциплина. Новая власть твердо будет требовать беспрекословного выполнения всех своих распоряжений и будет беспощадно преследовать всех нарушителей правильного хода работ во всех учреждениях и предприятиях.

То, что произошло в Ярославле, произошло в тот же день и час по всему Поволжью. Мы действуем вместе с Сибирским [1] и Самарским [2] правительствами и подчиняемся общему главнокомандующему, старому генералу Алексееву. Северной армией командует старый революционер Борис Савинков. Москва окружена теперь тесным кольцом. Еще немного усилий, и предатели, засевшие в Кремле, разорившие страну и морящие народ голодом, будут сметены с лица русской земли. Все, кто способен носить оружие, пусть идет в Добровольческую армию. Как триста лет тому назад наши предки в высоком патриотическом подъеме сумели залечить раны растерзанной родины, так и мы в дружном порыве спасем нашу родину и наш народ от позора, рабства и голода.

Главноначальствующий, командующий Северной Добровольческой армией Ярославского района полковник *Перхуров*.

Заместитель, помощник главноначальствующего по гражданской части, член управления *И. Савенков*.

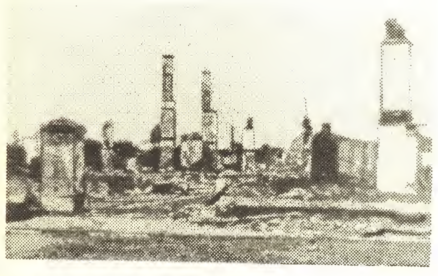
---

[1] Имеется в виду пришедшее к власти в Томске в июне 1918 года контрреволюционное «Временное сибирское правительство» во главе с П. В. Вологодским, бывшим кадетом, примкнувшим к правым эсерам. «Правительство» аннулировало декреты Советской власти, распустило советские организации, ввело смертную казнь. В начале ноября 1918 года передало свои полномочия Уфимской директории.

[2] Речь идет о Комитете членов Учредительного собрания (Комуч, «Самарская учредилка») — антисоветском эсеровском «правительстве», образованном в Самаре 8 июня 1918 года после захвата ее белочехами. Власть Комуча распространялась на Самарскую, Симбирскую, Казанскую, Уфимскую губернии и часть Саратовской. Комуч признавали в качестве «правительства» оренбургское и уральское казачество. После образования в сентябре 1918 года Уфимской директории Комуч был преобразован в «Съезд членов Учредительного собрания». В декабре 1918 года был распущен Колчаком.

ПРЕДАТЕЛИ-ИЗМЕННИКИ

В рядах советских работников оказались форменные предатели и провокаторы. Работая под флагом поборников Советской власти, они тайно подготовляли почву для прихода белой гвардии. Тотчас же по вступлении ее в город эти подлые людишки открыто перешли на их сторону и приняли горячее участие в водворении белогвардейского режима.

После пожара

Комиссар губернской гражданской милиции бывший прапорщик Фалалеев стал у них начальником одного из отрядов и принимал активное участие в действиях против советских войск.

Командир советского летучего конного отряда бывший прапорщик Баранов точно так же моментально присоединился к белогвардейской швали и лично обезоруживал свой же конный отряд, который раньше водил против врагов Советской республики.

Наибольшее усердие и зверство проявил начальник команды мотоциклистов бывший юнкер.-матрос Ермаков, предательским выстрелом убивший товарища Лютова, которого на автомобиле с несколькими красноармейцами сначала вызвали по телефону к гостинице Кокуева под предлогом поимки преступников.

Этот Ермаков как угорелый метался по всем советским войсковым частям и указывал белой гвардии, кого нужно взять и кто «неблагонадежен».

Не уступал ему в этом инспектор уголовной сыскной милиции Греков и меньшевик Мусатов, производившие обыски в квартирах советских служащих и разыскивавшие их по советским учреждениям.

Про сыщика Грекова рассказывают, что он не останавливался перед расстрелами женщин и детей.

В лагерь контрреволюции и белой гвардии перешли некоторые участковые комиссары милиции, командир автопулеметной роты Супонин с большинством пулеметчиков, а также выдающиеся правые эсеры и меньшевики.

В штабе белой гвардии работали: меньшевик Дюшен, бывший губернским комиссаром при правлении Керенского, член Государственной думы Савинов (меньшевик), правый эсер Кизнер, заведующий кассой мелкого кредита, сверхправый эсер Мамырин и др.

Секретарь профсоюза печатников меньшевик Богданов в первый день мятежа явился было на собрание железнодорожников, приветствовал их с падением власти большевиков и предлагал присоединиться и послать своих дружинников будто бы для охраны города; но когда его спросили, какая же будет новая власть, он уклонился от ответа и, едва набрав 100 человек, отправился с ними в город. Остальная масса железнодорожников, как и вся Корзинкинская фабрика, сразу же поняли, к чему все это клонится, и отшатнулись от провокаторских речей прислужников буржуазии и контрреволюции.

ПОЛКОВНИК-РАЗВЕДЧИК

В военный комиссариат Ярославского военного округа за несколько недель до контрреволюции поступил на службу бывший начальник 12 запасной бригады полковник Лебедев.

Этот полковник, перешедший в лагерь контрреволюционеров, надев на себя солдатские лохмотья, пробирался к нашим позициям как разведчик. На вопрос патруля: «Кто идет?» — солдат скромно ответил: «Бывший полковник». Препровожденный в штаб Красной Армии, этот полковник был опознан, и все его предательские проделки раскрыты.

СУД НАД АКТИВНЫМИ УЧАСТНИКАМИ ЯРОСЛАВСКОГО ВОССТАНИЯ

Для расследования дел о мятеже в Ярославле была образована особоследственная комиссия.

Путем тщательных допросов и всестороннего расследования комиссия выделила из массы арестованных 350 человек, в боль-

шинстве бывших офицеров, контрреволюционеров и белогвардейцев.

Расследование доказало, что все эти лица являлись активными участниками и организаторами мятежа. Они стояли во главе заговора и имели связь с чехословаками.

Вся эта банда в количестве 350 человек по постановлению комиссии расстреляна.

Но еще до этого, вскоре после занятия города и задержания в театре вожаков мятежа, в состав которых входили почти исключительно бывшие офицеры, 57 человек было расстреляно на месте. Сами главари — полковник Перхуров, а за ним и генерал Карпов и капитан Альшамовский — скрылись бегством, удрав на пароходе вверх по Волге.

РЕЗУЛЬТАТЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Часть участников ярославского восстания пробралась на Мурман, часть — к чехословакам, но немало из них разбрелось по окружающим городам и селам. Мало-помалу многие из них стали возвращаться обратно, предполагая остаться незамеченными. Но не всем это удавалось, ВЧК сосредоточила свое внимание на Ярославском округе, и скоро добрая половина из скрывающихся здесь белогвардейцев попала в руки Чрезвычайной комиссии.

Протоколы допросов этих участников восстания проливают некоторый свет на события в Ярославле, поэтому мы здесь приводим несколько показаний самих арестованных.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА РАБОТНОВА

«Во время начала мятежа я был в городе Ярославле, и когда начался мятеж, то я записался в белую гвардию по протекции Некрасова, полковника, который меня записал и взял к себе в отряд особого назначения, или, как он еще назывался, «Летучий отряд». Я работал в этом отряде до последнего дня мятежа. Я один раз получал жалованье в комендантском управлении белых и получил триста рублей. На обыски мне приходилось ездить с капитаном Будзило [1] и летчиком Кутейщиком; ездил я на Романовскую улицу, угол Романовской и Любимской улиц (белый дом), и по Власьевской улице, дом против номеров «Париж».

[1] В тексте книги «Будзи...». Сверено по архивным материалам.

Винтовки, которые у меня нашли в количестве 5 штук, я не знаю, откуда они появились в доме просвещения, почему они не были внесены в книги. Всех винтовок было 9 штук, но 4 из них взяли в «Поезд Карла Либкнехта», взял их комиссар Никитин, заведующий поездом. Расписок на взятые винтовки в делах тоже не имеется.

Владимирская улица
после подавления восстания

Здесь, в городе Ярославле, сейчас находятся и служат белогвардейцы в конторе кооператива «Единение» — Юхотников Авенир Александрович (во время мятежа я его видел с винтовкой на Странецкой улице, и он мне говорил, что был на фронте возле почты); затем Горохов Алексей Михайлович, тоже служит в конторе кооператива «Единение», он говорил мне лично, что был на фронте и сражался возле Волжского моста у завода Жакова. В губернском военном комиссариате сейчас служит некто Анбронов Николай, отчества не знаю; он занимается в комиссариате на должности помощника делопроизводителя в финансовом отделе. В горуездпродкоме служит некто Шкарников Николай, живет он в какой-то деревне за Волгой; но я его не видел и не знаю, участвовал ли он в мятеже или нет, но думаю, что да, так как он был в школе прапорщиков».

Дополнительно опрошенный Николай Николаевич Работнов показал: «Я знаю, в кооперативе в конторе есть еще один белогвардеец Волков Сергей Николаевич, бывший поручик, он участвовал в мятеже, я его видел с винтовкой в руках, и он мне говорил, что был даже назначен начальником милиции 4-го участка. Затем есть белогвардеец, бывший прапорщик Новиков Борис, он участвовал в мятеже, я его видел. Теперь он уехал на фронт, но его отец живет здесь, в городе Ярославле, и служит управляющим фабрики Вахромеева, проживает при фабрике. Его адрес может дать рабочий комитет. Затем я видел не очень давно Жукова Михаила, участника мятежа; сейчас он, кажется, скрывается, но семья его живет по Рождественской улице в том доме, где кондитерская фабрика Кузнецова. Живут во дворе, в верхнем этаже (в 3-м и 4-м). Жукова этого я недавно видел в Ярославле. Отец его знает, где он живет. Больше пока показать ничего не могу. Показание читал и верно.

Н. Работнов

Опрос производил заведующий активной частью *Губский*».

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ГЕРМАНА ИВАНОВИЧА КОМИНА

Во время мятежа в городе Ярославле в июле месяце 1918 года я был в городе Ярославле, проживал все время в здании банка, но категорически заявляю, что никакого решительно участия в мятеже не принимал, несмотря на то что ко мне несколько раз подходили с предложениями участвовать в мятеже и даже угрожали оружием, но я все же сумел избежать этого. Добавляю только, что у белых, в бывшей нашей комнате, был продовольственный отдел, куда я и другие служащие ходили просить пищи, и нас заставляли выгружать подвозимые продукты. Я знал участников мятежа: Барковскую, поручика Майорова, Азанчеева, артиста Интимного театра, полковника Николаева, затем были какие-то женщины, которые были в продовольственном отделе, но я их не знал и не знаю, где они.

Более показать ничего не могу, показание читал и верно.

Герман Иванович Комин

Дополнительно показываю, что во время мятежа я служил в штабе Перхурова в продовольственном отделе на должности приемщика продуктов; поступил я на эту должность добровольно и был там до последнего дня мятежа; расписка, имеющаяся в делах

ярославского мятежа, была подписана действительно мною, по этой записке я получил три ящика махорки из кладовой, которая находилась в конюшне, то есть под навесом, где раньше стояли лошади.

Уборка трупов

В Ярославле я знаю белогвардейца Беляева Константина (Пошехонская улица, лавка б. Сальникова, флигель во дворе), он был на фронте у белых; он сейчас в Красной Армии на фронте, был он раньше в 7-м советском полку; затем знаю Муратова Александра Михайловича, который приходил несколько раз в штаб с винтовкой. Он служит в обществе потребителей «Единение», в конторе. Затем Хватов Леонид (наверное, не знаю имени), он служит в губвоенкоме, дом просвещения (бывший Интимный театр); его я лично не видел во время мятежа, но слыхал от Александра Михайловича Муратова; затем Работнов Николай Николаевич, заведующий домом просвещения при губвоенкоме, об этом говорил тоже А. М. Муратов; Мушников (имени не знаю), он скрылся, и не знаю, где он; затем знаю Холмовского Евгения, бывший кадет; где находится на службе, не знаю, но несколько раз видел в городе недавно; Александровича, бывший ученик; затем знаю Слежинскую (ее же фамилия Гнилокмикина), служит она в кинотеатре «Аквилия», контролершей у белых, служила в продовольственном отделе при штабе Перхурова; затем я знаю бывшего офицера, прапорщика

Зарытие трупов

Константина Киселкина, он заведовал в штабе Перхурова выдачей обмундирования и снаряжения и служил в кожевенном комитете; затем знаю, что в штабе Перхурова занимались по гражданской части домовладельцы Лопатин Адольф (по сведениям, в Рязанской губернии), Мешковский.

Более пока показать ничего не имею, показание читал и верно, но только добавляю, что получил у белых жалованье один раз — двести сорок рублей. *Герман Иванович Комин*».

Дополнительно опрошенный гражданин Герман Иванович Комин показал: «Я знаю еще одного участника мятежа, прапорщика Сменцовского Полиена, который участвовал в организации белых с января месяца 1918 года и был во время ярославского мятежа командиром отряда; семья его живет в ограде церкви Варвары Великомученицы, отец Сменцовского поет в хоре архиерейском; самого Сменцовского я видел после мятежа, проживавшего дома у отца, но последнее время я его не видел. Затем я знаю двух братьев Добровольских — одного Сергея и другого «Адю»; во время мятежа они оба приходили в штаб Перхурова за справками и поручениями, что повторялось ежедневно в продолжение 14 дней мятежа; проживают Добровольские у отца по Всехсвятской улице (дома не знаю); Андрей Добровольский служит в Красной Армии, ранен и собирается на Украинский фронт в качестве помощника... Сергей

Добровольский служит в отделе по восстановлению города Ярославля. Затем знаю двух прапорщиков Симахиных: одного из них зовут Николаем, другого не знаю; у них есть брат гимназист, младший их брат; у них есть родители, проживают, не знаю где, они участвовали в мятеже, за исключением младшего гимназиста, и сражались на фронте. Одного из прапорщиков Симахиных — Николая — я видел здесь, в городе Ярославле, с месяц тому назад. Знаю также прапорщика Никольского, который у белых был командиром какого-то артиллерийского взвода; я его видел тоже с месяц тому назад, и он уехал на фронт артиллеристом (на какой фронт, не знаю, но где-то служит начальником артиллерии). Затем знаю Марию Константиновну Дунаеву, она развозила продукты для белогвардейцев на участки (боевые), живет она где, не знаю, но служит в конторе кооператива «Единение»; возила она продукты на грузовом автомобиле и возвращалась обратно. Бывала часто в штабе Перхурова. Затем знаю еще Павла Николаевича Добротина — штабс-капитана, который командовал участком белых у завода Жакова; он скрылся, куда — не знаю, и служил раньше в отделении государственного банка. Затем был еще некто прапорщик Котомин, имени я его не знаю; я его видел с винтовкой в руках, ходившего по улицам. Где он в настоящее время, я тоже не знаю. Затем должен сказать, что здесь, в Ярославле, проживает некий Александрович Александр, он бывший реалист, у белых он был караульным при воротах в штабе Перхурова.

Более показать ничего не имею. Читал и верно: *Герман Иванович Комин.*

К показанному мною выше добавляю: мне известно, что в Конском запасе служит бывший фабрикант Жаков, сын которого был участник мятежа в городе Ярославле, офицер, он находится в настоящее время на Украине в белогвардейских рядах. Потом знаю, что в гублесе служит Сакин, бывший купец, владелец мануфактурного магазина.

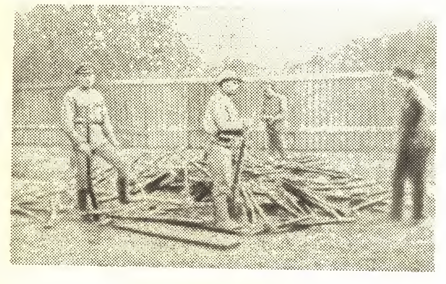
Показания читал:

Герман Иванович Комин, 22 сентября 1918 года»

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ВЛАДИМИРА ДМИТРИЕВИЧА МОРОЗОВА, 18 ЛЕТ

«Приблизительно в ноябре 1917 года зашел на квартиру к своему товарищу Виталию Шестову (юнкер, в октябре дрался против революционных войск в Москве), проживает по Татаринскому переулку, дом Тогилевского, который и предложил мне вступить в конспиративную организацию, причем сказал, что организация задается целью свержения большевизма; я изъявил согласие и был

Шестовым записан. Во главе организации стоял Александр Александрович Кологривов; организация была разбита на пятерки, таким образом, каждый знал только пять человек; в нашем «пятке» состояли: Морозов, Плотицкий Иван, Васюнкин Алексей (семинарист), Несогижский Николай (юнкер) и командир Шестов. Занятия у нас происходили за рекой Окой, в сарае. Числа 3—4 июля в Калуге на улице я встретил Ивана Плотицкого, который предло-

Винтовки, брошенные белогвардейцами

жил мне поехать в Ярославль, говоря, что на днях там должно быть восстание. Я согласился и получил от него же 750 рублей. Вечером того же дня отправился вместе с Иваном Плотицким в Ярославль. По приезде в Ярославль я встретил знакомых мне по Калуге офицеров — Гейровского, полковника, Ивановского, Кошкарева (офицер), Афончикова (офицер), братьев Клонатских. Я и Гейровский остановились в гостинице на Власьевской улице и на следующий день пошли на бульвар. На бульваре Гейровский меня на некоторое время оставил одного, а по возвращении сообщил, что сегодня в ночь будет выступление, для чего нужно пойти на кладбище.

Ночью, придя на кладбище, мы застали там человек 30, где к нам подошел какой-то человек и сказал: «Подождите, сегодня, может быть, начнется». С кладбища мы скоро ушли на пристань и уехали на Колбу в монастырь, где и пробыли до воскресенья, и, когда приезжающие пассажиры нам сообщили, что в Ярославле

переворот, я, Плотицкий и Гейровский поехали в Ярославль. В Ярославле я все время мятежа был в охране на пристани и ходил часто в штаб за продуктами. Гейровский находился в карауле окружного суда. Какую должность занимал Плотицкий, мне неизвестно. Кто из находящихся в Коровниках принимал участие в мятеже, я не знаю. Подписал: *Морозов*.

В Ярославле получил жалованье триста пятьдесят рублей от командира охраны (полковника). Подписал: *Морозов*».

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА НИКИТИНА

Я, нижеподписавшийся, прапорщик Никитин Виктор Васильевич, участвовал в отряде поручика Соколова рядовым бойцом, между мельницей Вахромеева и Американским мостом, получил авансом 100 рублей. В субботу вечером в Урочских железнодорожных мастерских был митинг, на котором выступали правые эсеры и меньшевики, и [в] главных Яр[ославских] и Урочских мастерских, на котором призывали к выступлению для свержения Советской власти. В воскресенье вызвали меня из квартиры пришедшие два офицера и велели явиться в штаб Северной Добровольческой армии, куда я и явился после обеда и был направлен в вышеупомянутый район, в котором я и находился до последнего момента.

25 июля 1918 года. *Виктор Васильевич Никитин*

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ ПУТКОВА ПО ДЕЛУ КОНСТАНТИНА НИКИТИНА

10 марта 1919 года, г. Ярославль.

Член следственной коллегии при губчрезвычкоме допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля.

Путков Петр Филиппов показал:

«Я повторяю, что предъявленный мне вами сегодня, называемый Константином Константиновым Никитиным есть действительно та самая личность, которая в первый день мятежа в городе Ярославле, когда я был арестован при каземате управления милиции 1-го участка, привел сюда Нахимсона, и затем вскоре при мне, обратившись к Нахимсону со словами: «Выходи, еврейская морда», вывели его во двор, держа наготове револьвер. Через 5 минут после этого раздались 2—3 выстрела. Из окошка каземата, выходящего во двор, мне было видно, как его здесь расстреляли и затем оттащили в расположенный рядом со двором садик. Я не могу ошибиться, что называемый вами Константином Никитиным и предъ-

явленный сегодня мне есть то лицо, которое принимало такое деятельное участие в расстреле Нахимсона. Только ранее он был без бороды и более бодрый, чем теперь. Более объяснить ничего не могу. Кто были соучастники Никитина при расстреле Нахимсона и кто из них расстреливал его, не видал, но только распорядителем в данном случае был Никитин.

Петр Филиппович Путков».

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА МУРАТОВА

Во время мятежа я находился в городе Ярославле все время и в первый же день был остановлен белогвардейцами, которые доставили меня на квартиру, где я живу и сейчас; на квартире я находился до понедельника, то есть 3-го дня мятежа, когда начались в городе Ярославле пожары и в то время образовались питательные пункты, где я и работал с самого первого дня до конца мятежа; я развозил продукты по питательным пунктам и спасал товары, которым угрожала опасность от пожара. Я был вооружен винтовкой, которую получил в штабе Перхурова; в первый раз, когда я ездил с продуктами, их расхищали, и вот заведующая продовольствием белых Барковская предложила взять мне винтовку, которую я и получил в штабе по записке Барковской, все остальное время я и ездил с этой винтовкой на грузовом автомобиле с продуктами. В штабе я имел дело с Барковской, которая давала удостоверения на право вывоза товаров и продуктов.

Здесь в настоящее время, в городе Ярославле, я знаю белогвардейцев Работнова Николая Николаевича, который служит заведующим домом просвещения при губвоенкоме, он был с винтовкой, я его видел на улице ежедневно, даже ехавшего на автомобиле. Заходил он в кооператив «Единение». Он был в команде особого назначения белогвардейцев, на его обязанности было производить обыски и аресты у граждан и большевиков; лично он мне говорил, как он делал обыски у граждан в разных местах. Командиром этого особого отряда был полковник или подполковник Некрасов, который расстрелян. Затем я знаю еще Хватова Леонида Андреевича, который тоже служит в доме просвещения при губвоенкоме. Он, Хватов, был одно время на службе вместе с Работновым в особом отряде. Затем охранял какое-то имущество белых в Екатерининской гимназии; его я видел с винтовкой неоднократно с Работновым, разъезжающими на автомобиле. Дальнейшей его службы не знаю, так как мало с ними знаком. Комкотин (Колкотин) Павел участвовал тоже в мятеже, был вооружен винтовкой, где он служит

сейчас — не знаю, но недавно его видел в Ярославле с красноармейской звездой. Маркелов Николай тоже был в белой гвардии, гулял с винтовкой, служит он сейчас в коллегии по устройству города Ярославля. Добржинский, сын домовладельца, дом его по Власьевской улице, дом 55 или 53, его я видел в штабе Перхурова, вооруженного винтовкой, он бывший гимназист, находится в Ярославле. Ему лет 20, брюнет, полный, ходит в гимнастерке защитного цвета и таких же шароварах защитного цвета, в фуражке и в ботфортах.

Более показать пока ничего не имею, показание читал

А. Муратов.

[ПРИГОВОР ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЧЕКА]

Дополнительное следствие, произведенное Ярославской губернской чрезвычайной комиссией, дало материал для привлечения к ответственности 65 лиц.

Из них, сообразно роли каждого из них в ярославском восстании, приговорены:

К расстрелу:

1) Колчанов Николай Павлович
2) Мякин Владимир Николаевич
3) Морозов Владимир Дмитриевич
4) Шувалов Константин Андреевич
5) Шувалов Александр Константинович
6) Павлов Александр Александрович
7) Фисун Филипп Кириллович
8) Никитин Виктор Васильевич
9) Никитин Константин
10) Добротин Леонид Николаевич.

К концентрационному лагерю на разные сроки:

1) Шувалов Константин Константинович
2) Работнов Александр
3) Кулер Оглы
4) Нехотников Ав. Алекс.
5) Беляев Константин Александрович
6) Беляев Леонид Александрович
7) Старков Евгений Ил.
8) Зозульский Федор Ефимович
9) Курочкин Владимир Васильевич

10) Киселкин Константин Алекс.
11) Мельников Константин Иванович
12) Муратов Алекс. Михайлович
13) Дунаева Мария Константиновна
14) Соломонов Иван Макарович
15) Апраксин Егор
16) Соколов Николай Николаевич
17) Хватов Леонид Андреевич
18) Байбородин Анатолий
19) Слежинский Ал. Владимирович
20) Ломтев Алекс. Константинович
21) Трейлиб Генрих Иванович.

Высланы из пределов Ярославля под надзор:

1) Кролин Николай Николаевич.

Применена амнистия:

1) Ядров Михаил Иванович
2) Смольский Алекс. Адамович
3) Кисляков Михаил Семенович
4) Кузьмин Николай Алекс.
5) Степанов Мар. Александр.

Освобождены как несовершеннолетние:

1) Ковальский И. Влад.
2) Колышкин Ив. Евграфович
3) Соловьев Марк Иванович
4) Крылов Сергей Дмитриевич.

Все остальные за недоказанностью обвинения освобождены.

Лацис (Судрабс)

ПРИГОВОР

Именем РСФСР Революционный трибунал при Всероссийском ЦИК Советов в заседании своем от 27 ноября 1918 года, заслушав и рассмотрев дело Марии Александровны Спиридоновой, Саблина, Попова, Прошьяна, Камкова, Карелина, Трутовского, Магеровского, Голубовского, Черепанова, Блюмкина, Андреева, Майорова и Фишмана по обвинению их в контрреволюционном заговоре Центрального комитета партии левых социалистов-революционеров против Советской власти и революции, признал предъявленные им: Спиридоновой, Саблину, Попову, Прошьяну, Камкову, Карелину, Трутовскому, Магеровскому, Голубовскому, Черепанову, Блюмкину, Андрееву, Майорову и Фишману – обвинения в заключении обвинительной коллегии при Революционном трибунале ВЦИК доказанными и постановил:

Попова объявить врагом трудящихся, стоящим вне закона, и как такового при поимке и установлении личности расстрелять. Прошьяна, Камкова, Карелина, Трутов-

ОТ РЕДАКТОРА

Мы воздержались от предисловия к «Мятежу левых эсеров», во-первых, потому, что документы сами по себе достаточно красноречивы, во-вторых, в Заключении центральной обвинительной коллегии Верховного революционного трибунала при ВЦИК (см. с. 275—295) сделана обстоятельная сводка всего материала по этому делу. При чтении с него и следует начинать.

Богатейший материал по делу левых эсеров, хранящийся в архиве Следственной комиссии при ВЦИК, нами полностью не использован, да и на суде фигурировала лишь незначительная по количеству, зато самая существенная часть, заключенная в двух объемистых томах.

При выборке документов, памятуя о бумажном кризисе, мы руководствовались тем соображением, насколько важен тот или иной документ для выяснения общей картины мятежа: как он подготовлялся, в каких формах протекал, какова была политическая ситуация и каким образом он был ликвидирован. Наоборот, все, что в этом смысле оказывалось непоказательным, нами опущено. Так, например, мы вовсе не поместили показаний Зайцева, ввиду того что свидетель говорит исключительно о личности Якова Блюмкина, причем факты, компрометирующие личность Блюмкина, проверке не поддаются. Опущено несколько строк из показаний товарища Ф. Э. Дзержинского, в которых он передает рассказы третьих лиц о том же Блюмкине, также не поддающиеся проверке [1]. Наконец, мы старались освободиться от излишних повторений.

Чтобы облегчить читателю разобраться, мы весь материал под соответствующими заголовками и подзаголовками расположили во временной последовательности событий, что, конечно, по характеру самих документов выдержать вполне невозможно. Не располагать же было документы в том случайном порядке, в котором они пришиты к делам!

Остается указать на литературу, имеющуюся по вопросу о мятеже левых эсеров. Из периодических изданий укажем на «Правду», «Известия» и «Волю труда» — орган отколовшейся сейчас же после 6—7 июля группы левых эсеров-интернационалистов.

1) Стенографические отчеты четвертого и пятого съездов Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов.— Издание ВЦИК.

Примечание. Речи лидеров партии левых эсеров как четвертого, так и пятого съездов приложены к делу о мятеже левых эсеров.

[1] Эта часть показаний Ф. Э. Дзержинского в настоящем издании воспроизведена в подстрочном примечании на с. 257.

Четвертый съезд содержит теоретические предпосылки восстания, пятый съезд совпадает с восстанием.

2) *Лев Троцкий* и *Г. Зиновьев*. «Мятеж левых эсеров». Издание Петроградского Совета. 1918. Петроград.

3) *Г. Устинов*. «Крушение партии л. с.-р.». Издание ВЦИК. 1918 г. Москва.

4) *К. П. Новицкий* (К. Петровин). «От самодержавия к диктатуре пролетариата». Государственное издательство. 1920 г. Москва.

5) *М. Лацис*. «Два года борьбы на внутреннем фронте». Государственное издательство. 1920 г. Москва.

6) *Ю. Стеклов*. «Год борьбы за социалистическую революцию». Ч. II. Издание ВЦИК. 1919 г. Москва.

7) *Е. Ярославский*. «Трехсвятительская богородица Мария». Издание ВЦИК. Москва. 1919 г.

8) *К. Радек*. «Международное положение и внешняя политика Советской власти». Издание ВЦИК. 1918 г.

9) *Его же* статья в сборнике «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата». Государственное издательство. Москва. 1919 г.

На этом можно бы закончить список, но для полноты мы приведем также левоэсеровские источники:

1) «Социалистическая Россия» («La Russie socialiste»), издана в Женеве на французском, немецком и английском языках в 1918 году.

2 и 3) Резолюции третьего и четвертого съездов партии левых эсеров.

Первая книга вышла нелегально, вторая — издание «Революционный социализм». Москва. 1918 г.

4) *М. А. Спиридонова*. «Письмо к Центральному Комитету большевиков». Издано нелегально.

5) Сборник «Вокруг московских июльских событий», издание «Революционный социализм». Саратов. 1918 г.

Июльские дни не остались без отклика и в белогвардейском стане. Вот книга *Д. Сидорова* «Организованные расстрелы общественных деятелей в московской Бутырской тюрьме» (рассказ спасшегося от расстрела поручика Д. А. Сидорова), Ростов-на-Дону. Типография Товарищества Обновление 1919 г.

В этой книге любопытно указание на связь левоэсеровских лидеров с белогвардейской организацией «Спасение России».

П. М.[1]

[1] П. Макинциан.

1. ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ВЫСТУПЛЕНИЮ

I

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ ЦК [ПЛСР] 24 ИЮНЯ [1918 ГОДА]

В своем заседании от 24 июня ЦК ПЛСР [1]— интернационалистов, обсудив настоящее политическое положение Республики, нашел, что в интересах русской и международной революции необходимо в самый короткий срок положить конец так называемой передышке, создавшейся благодаря ратификации большевистским правительством Брестского мира. В этих целях Центральный Комитет партии считает возможным и целесообразным организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма; одновременно с этим ЦК партии постановил организовать для проведения своего решения мобилизацию надежных военных сил и приложить все меры к тому, чтобы трудовое крестьянство и рабочий класс примкнули к восстанию и активно поддержали партию в этом выступлении. С этой целью к террористическим актам приурочить объявление в газетах участие нашей партии в украинских событиях последнего времени, как-то: агитацию крушений и взрыв оружейных арсеналов.

Время проведения в жизнь намеченных первых двух постановлений предполагается установить на следующем заседании ЦК партии.

Кроме того, постановлено подготовить к настоящей тактике партии все местные организации, призывая их к решительным действиям против настоящей политики СНК.

Что касается формы осуществления настоящей линии поведения в первый момент, то постановлено, что осуществление террора должно произойти по сигналу из Москвы. Сигналом таким может быть и террористический акт, хотя это может быть заменено и другой формой.

Для учета и распределения всех партийных сил при проведении этого плана ЦК партии организует Бюро из трех лиц (Спиридонова, Голубовский и Майоров).

---

[1] Партия левых социалистов-революциоиеров.

Ввиду того что настоящая политика партии может привести ее, помимо собственного желания, к столкновению с партией большевиков, ЦК партии, обсудив это, постановил следующее:

Мы рассматриваем свои действия как борьбу против настоящей политики Совета Народных Комиссаров и ни в коем случае как борьбу против большевиков.

М. А. Спиридонова, член ЦК партии левых эсеров

Однако, ввиду того что со стороны последних возможны агрессивные действия против нашей партии, постановлено в таком случае прибегнуть к вооруженной обороне занятых позиций.

А чтобы в этой схватке партия не была использована контрреволюционными элементами, постановлено немедленно приступить к выявлению позиции партии, к широкой пропаганде необходимости твердой, последовательной интернациональной и революционно-социалистической политики в Советской России.

В частности, предлагается Комиссия из 4-х товарищей: Камкова, Трутовского, Карелина...[1] выработать лозунги нашей тактики и очередной политики и поместить статьи в центральном органе партии.

Голосование было в некоторых пунктах единогласное, в некоторых против 1 или при 1 воздержавшемся.

М. Спиридонова

---

[1] Пропуск в оригинале протокола.

2

Командир Отряда
Особого Назначения Дружины
Всероссийской Боевой Организации
партии левых социалистов-революц.
(интернационал.)
При Московском Областном Военном
Комиссариате.

3-го июля 1918 г.

№ 25

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано настоящее удостоверение Штабом Отряда Особого Назначения при Московском Областном Военном Комиссариате члену Боевой Дружины тов. Петру Овсянкину в том, что он командируется означенным Штабом в г. Витебск для приемки, отправки, погрузки и сопровождения дружинников (400 чел.) в гор. Москву в распоряжение Штаба отряда.

Все железнодорожные, государственные и общественные организации и учреждения просим оказывать ему (Овсянкину) всяческое содействие.

Командир Отряда
Делопроизводитель

Печать

3

Российская Федеративная
Советская Республика

Союз Коммун Северной Области

Отдел Наружной Охраны
Комиссариата по Внутренним Делам

4 июля 1918 г.

№ 1086

Петроград

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Отдел Наружной Охраны срочно командирует Отряд дружины в 80 чел. под начальством тов. Терентьева в Москву в распоряжение Главного Штаба боевой охраны левых с.-рев.

Комиссар по Внутренним делам
Союза Коммун:
Северной области (подпись неразборчива)
Заведующий Отделом (подпись неразборчива)
Секретарь (подпись неразборчива)

Печать

4

ПРОЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ БОЕВЫХ ДРУЖИН [1]

Все члены должны состоять в одной из боевых дружин армии по своему выбору и желанию или по месту жительства.

Вся армия членов делится на боевые дружины, число их не ограничено.

Дружина есть основная боевая тактическая революционная единица, спаянная солидарностью мысли, общностью достижения цели, товарищеской честью и дисциплиной.

В основу соединения и организации дружины положено звено из семи человек, друг друга знающих и по духу родственных товарищей членов партии.

Дружина для лучшего управления и действия делится на 4 взвода.

Взвод составляется из двух отделений.

Отделение составляется из двух звеньев.

Звенья, отделения, взводы и вся дружина управляются выборными начальниками, избранными общим составом дружины.

Дружина из своей среды общим постановлением повзводно выбирает и формирует:

1) Отделение пулеметчиков,
2) » гранатчиков-подрывников,
3) » разведки и связи,
4) административно-хозяйственных исполнителей и руководителей дел дружины.

Штаб боевой дружины

Боевой состав		Вооружение	
1) командир дружины...	1,	револьв.,	35 револьв. патрон
2) командиров взводов...	4,	»	140 » »
3) » отделений	8,	винтовки	по 120 патронов
4) старших звеньев...	16,	»	» 120 »
5) членов дружинников	96,	»	» 120 »

125, 5 револьв., 175 револьв. патрон

120 винтовок, 14 400 ружейных патронов

[1] В 1918 году при центральных и местных комитетах большевиков и левых эсеров существовали боевые партийные дружины. Они участвовали в подавлении открытых контрреволюционных выступлений, аресте контрреволюционеров, спекулянтов и т. д. Боевая дружина партии левых эсеров 6—7 июля 1918 года приняла участие в мятеже против Советской власти.

Пулеметное отделение

1) командир отделения	1,	револьвер,	35	патрон.
2) начальников пулеметов	2,	»	70	»
3) наводчиков	4,	карабин, по	60	»
4) подносчиков	4,	» »	60	»
5) помощников наводчиков	4,	» »	60	»

15 человек, 3 револьвера, 105 револьв. патр.

12 карабинов, 720 ружейных патронов

Боевое пулеметное имущество

Пулеметов Максима	2
Коробок с лентами	20
Патронов для лент запасных	500 000
Принадлежности и приборы полностью и запасные части и Принадлежности и приборы и полностью запасн. части на каждый	
Двуколок дышловых	1
» патронных	2
Лошадей	5 (1 верховая)

Отделение гранатчиков

1 командир отделения	1	револьвер,	35	патронов
Старших звеньев	2	»	по 35	»
Гренадеров-подрывников	12	»	» 35	»

15 человек, 15 револьверов, 315 патронов

Все гранатчики вооружены, кроме того, бомбами по восьми штук и подрывное имущество имеют по особой табели.

Отделение разведки и связи

1 командир отделения	1	револьвер,	35	патронов	револьв.
Старших разведчиков	1	карабин,	60	»	ружейных
Разведчиков	6	» по	60	»	»
Старший телефонист	1	револьв.,	35	»	револьверн.
Телефонистов	6	» по	35	»	»
Старший посыльный	1	» »	35	»	»

Самокатчиков	10	»	» 35	»	»
Мотоциклистов	2	»	» 35	»	»

28 человек, 21 револьвер, 736 револьв. патронов

7 карабинов, 420 ружейных патронов

Кроме карабинов разведчики вооружены 4 гранатами.

Административно-хозяйственные члены

Оружейные мастера:	старший	1	револьв.,	35	патрон.	револьв.
	помощник	1	»	35	»	»

Артельщиков

По вещевому довольствию	1	револьвер,	35	патронов	револьв.
» продовольствию	1	»	35	»	»
Кашеваров	2	»	по 35	»	»

Канцелярия

Секретарь, делопроизводитель	1	револьвер,	35	патронов	рев.
Писарей	2	»	по 35	»	»
Литографщиков	1	»	35	»	»

10 человек, 10 револьверов, 350 патронов револьверных

Всего членов 193, 54 револьвера, 1680 патронов револьверных

139 винтовок, 15 540 ружейных патронов

Дружина формируется по следующему способу. Главный боевой штаб получает сведения от политического штаба (Центрального Комитета, районных комитетов или партийного коллектива) о числе партийных работников района, месте нахождения и другие важные политические и стратегические данные. Высшая коллегия совета боевого штаба постановляет о формировании дружины и делает распоряжение о созыве собрания членов вновь мобилизуемых. Со дня первого собрания, в течение трех недель, дружина или ее основание — кадр должен быть сформирован и вполне обучен.

Дружина может только формироваться, если число членов не менее 35 человек. Члены менее данного числа штабом приписываются и вводятся в корпорацию ближайшей дружины целой или ее части. Причисление к дружине возможно только с общего согласия заинтересованных двух сторон и должно быть засвидетельствовано их протоколами.

Основание (кадр) дружины штабом считается и принимается как тактическая единица, вполне готовая вести самостоятельный бой,— это взвод.

После сформирования взвода объявляется о сформировании, утверждается, принимается на учет, получает свой номер, свое знамя и в дальнейшем своем развертывании действует самостоятельно, уведомляя только штаб об успешности и о количестве своего пополнения каждовременно.

Члены района числом в 35 человек по вызову штаба и под руководством его созывают общее собрание, на котором должны принять единогласно штат дружины, устав, условие службы, и тогда только приступают к выборам своих руководителей: 1) одного взводного и 2) двух отделенных — путем голосования, причем за каждого руководителя должно быть подано не менее двух третей голосов; тогда таковой считается избранным и советом штаба утверждается.

Оставшиеся члены группируются в звенья по 7 человек. Группирование должно происходить только по обоюдному соглашению и желанию совместного служения в звене. Лица должны быть знакомы друг с другом, верить и надеяться друг на друга и действительно [должны] были бы [быть] товарищами в полном значении этого слова.

Выделившиеся звенья, каждое самостоятельно, из своей среды выдвигают и ставят над собой руководителя (старшего звена). Разбивка на звенья и назначение старших помимо самого звена ни в коем случае не допускается ни с чьей стороны. В дальнейшем звенья группируются по обоюдному соглашению, сговору и желанию в отделения. Каждое отделение принимает и ставит во главе себя для руководства одного или двух отделенных, выбранных перед тем общим голосованием. Приглашение и желание работать с избранными отделением, двумя звеньями, должно быть явно выражено и запротоколено всеми членами отделения. С этого момента отделение находится в полнейшем подчинении у своего командира в делах и интересах партии.

После принятия руководства отделением командиры запротоколивают полное свое и всех членов своих отделений принятие руководительства, дисциплины и полнейшего подчинения в целях партии своему избранному взводному командиру.

5

ПРОЕКТ ШТАТОВ * ОТРЯДА НАЗНАЧЕНИЯ ДРУЖИНЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИИ ЛЕВЫХ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ (ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ) ПРИ МОСКОВСКОМ ВОЕННОМ ОБЛАСТНОМ КОМИССАРИАТЕ

Наименование должностей и предметов	Количество лиц и предметов	Примечание
Штаб и канцелярия отряда		
командир отряда	1	
помощник его	1	
делопроизводитель	2	
заведующий хозяйствен(ным) отделом	1	
помощник его	2	
казначей	1	
заведующий оружием	1	
помощник его	1	
писарей	8	
машинистов	2	
вестовых и канцелярской прислуги	7	
Пехота (2 роты)		
командиров роты	2	
» полуроты	4	
» взводов	8	
» отделений	16	
дружинников	370	
Эскадрон кавалерии		
командиров эскадрона	1	
» взвода	2	
дружинников конных	60	
пулеметчиков и коноводов	20	
лошадей	65	
пулеметов вьючных (Кольта)	2	
Пулеметная команда		
командиров пулеметной команды	1	
помощников его	2	

* Временно утверждено 22/VI 1918 года Московским областным комиссариатом по военным делам.

Продолжение

Наименование должностей и предметов	Количество лиц и предметов	Примечание
пулеметчиков	56	
пулеметов	8	
лошадей вьючных	24	
» верховых	3	
Артиллерия (2 орудия)		
командиров взвода	1	
начальников орудия	2	
орудийной прислуги	24	
для связи, наблюдений и разведки	4	
фуражиров	1	
коноводов	3	
лошадей орудийных	12	
» для зарядных ящиков	21	
» командному составу	3	
ящиков зарядных	4	
Броневой отряд (2 броневика)		
броневик с орудиями и пулеметом	1	
» с пулеметом	1	
шоферов	2	
помощников шоферов	2	
артиллеристов	2	
пулеметчиков	8	
Служба связи		
начальников связи	1	
телефонистов	15	
конюхов	1	
аппаратов	5	
кабель на верст	15	
катушек	5	
двуколок телефонных	1	
лошадей	1	
Санитарный отряд		
докторов	1	
фельдшеров	1	
сестер милосердия	2	
санитаров	8	
санитарных двуколок	2	
лошадей	6	
Отрядный обоз		
заведующий обозом	1	
конюхов	21	
шоферов	3	

Продолжение

Наименование должностей и предметов	Количество лиц и предметов	Примечание
помощников шоферов	3	
парных патронных двуколок	6	
фургонов парных (немецкого образца)	6	
ротных двуколок	3	
хозяйственных двуколок парных	4	
лошадей	44	
автомобилей легковых	1	
» грузовых	2	
кухонь походных двухкотловых	4	
кипятильников	3	

Пояснительная записка

людей	675
лошадей	198
орудий	2
ящиков зарядных	4
пулеметов	10
аппаратов телефонных	5
кабеля на верст	15
катушек	5
двуколок телефонных	1
» санитарных	2
» патронных парных	6
» хозяйственных парных	5
» ротных	3
фургонов парных (немецкого образца)	6
автомобилей грузовых	2
кухонь походных двухкотловых	4
кипятильников	3

Подписал: Военный комиссар Московского военного округа
Н. Муралов

Скрепил: Управляющий делами *Бурдуков*
С подлинным сверял и верно:
Член Главного штаба Всероссийской боевой организации партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов)

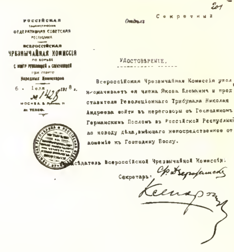
Подпись неразборчива.

II. МЯТЕЖ

1.

УБИЙСТВО ГРАФА МИРБАХА.

а) Документы, с которыми Блюмкин явился в Германское посольство:

201

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

Всероссийская Чрезвычайная Комиссія по борьбе с контр революцией и спекуляцией при совете Народных Комиссаров

6. Іюля 1918 г.

№ 1428

Москва, Б. Лубянка, 11

№ телеф.

Отдълъ Секретный

Удостовѣреніе.

Всероссійская Чрезвычайная Комиссія уполномачиваетъ ея члена Якова Блюмкина и представителя Революціоннаго Трибунала Николая Андреева войти въ переговоры съ Господиномъ Германскимъ Посломъ въ Россійской Республикѣ по поводу дѣла, имѣющаго непосредственное отношеніе къ Господину Послу.

Предсѣдатель Всероссійской Чрезвычайной Комиссіи. Ф. Дзержинский

Секретарь: Ксенофонтов

1

Российская
Социалистическая Федеративиая
Советская республика

Всероссийская чрезвычайиая комиссия
по борьбе
с контрреволюцией и спекуляцией
при Совете
Народиых Комиссаров

6 июля 1918 г.

№ 1428

Москва, Б. Лубяика, 11

№ телеф.

Отдел Секретный

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Всероссийская чрезвычайная комиссия уполномочивает ее члена Якова Блюмкина и представителя Революционного трибунала Николая Андреева войти в переговоры с господином Германским послом в Российской Республике по поводу дела, имеющего непосредственное отношение к господину послу.

Председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии: *Ф. Дзержинский* *)

Печать

Секретарь: *Ксенофонтов* **)

* Подпись тов. Дзержииского подделаиа, см. с. 191 и 227. [В настоящем издаиии с. 257 и 299.]

** 31-го сего июля члеиом Особой сл. комиссии по делу левых эсеров В. Киигн-

Я. Г. Блюмкни, заведующнй секретным отделеинем отдела по борьбе с контрреволюцией ВЧК

сеппом мие предъявлено удостовереине ВЧК от 6 июля 1918 г. за № 1428, уполномочивающее Якова Блюмкина н Ннколая Андреева войтн в переговоры с Германским послом в Росс. Республнке; заявляю, что подпись секретаря иа сем удостоверенни подложна: я такого удостовереиия не подписывал [1].
31.VII 1918 г.

Ксенофонтов [2]

[1] 23 августа 1918 года Особая следствениая комнссня провела экспертизу подписей на маидате Блюмкина и Андреева. Эксперт С. И. Фролов прншел к одиозначному выводу, что подпнсь на удостоверенни сделана ие Дзержинским н что нельзя с безусловиой увереииостью утверждать, что подпнсь секретаря ВЧК Ксеиофонтова является подлнииой. Блюмкнн на допросе в Кневской губчека в апреле 1919 года показал: «Подпнсь секретаря (т. Ксенофонтова) подделал я, подпись председателя (Дзержинского) — один нз члеиов ЦК» (см. иаст. том, с. 299).

[2] Ксеиофоитов И. К. (1884—1926) — советский государственный и партийиый деятель. Член партин с 1903 года. Подвергался репрессням царскнх властей. Активиый участинк Октябрьской революцин иа Западиом фроите. С декабря 1917 года — член коллегии и секретарь ВЧК, с марта 1919 года по апрель 1921 года — заместнтель председателя ВЧК. Одновремеино работал в Верховиом ревтрибуиале прн ВЦИК. Члеи ВЦИК ряда созывов. С лета 1921 года — управляющнй делами ЦК РКП(б), в 1925—1926 годах — заместитель иаркома социального обеспечения РСФСР.

Det Kongelige Danske Generalkonsulat i Moskva	Королевское Датское Генеральное Консульство въ Москвѣ

№ 33529 Moskva, Москва, 17 іюня 1918.

Въ ВСЕРОССІЙСКУЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНУЮ КОМИССІЮ
по борбѣ съ контръ-революціей, саботажемъ и спекуляціей

здѣсь.

Настоящимъ Королевское Датское Генеральное Консульство доводитъ до свѣдѣнія Всероссійской Чрезвычайной Комиссіи, что арестованный офицеръ австро-венгерской арміи графъ РОБЕРТЪ МИРБАХЪ согласно письменному сообщенію Германскаго Дипломатическаго Представительства въ Москвѣ, адресованному на имя Датскаго Генеральнаго Консульства, въ дѣйствительности состоитъ членомъ семьи родственной Германскому Послу графу МИРБАХУ поселившейся въ Австріи.

(подпись)

КОРОЛЕВСКІЙ ДАТСКІЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОНСУЛЪ

2

Аналогичный заголовок на датском языке	КОРОЛЕВСКОЕ ДАТСКОЕ ГЕНЕРАЛЬНОЕ КОНСУЛЬСТВО в Москве
№ 33529	Москва, 17 июня 1918 Малый Харитоньевский пер., д. № 12

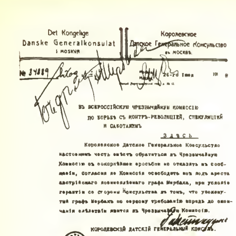
В ВСЕРОССИЙСКУЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНУЮ КОМИССИЮ
ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ, САБОТАЖЕМ И СПЕКУЛЯЦИЕЙ

Здесь

Настоящим Королевское Датское генеральное консульство доводит до сведения Всероссийской чрезвычайной комиссии, что арестованный офицер австро-венгерской армии граф Роберт Мирбах, согласно письменному сообщению Германского дипломатического представительства в Москве, адресованному на имя Датского генерального консульства, в действительности состоит членом семьи, родственной германскому послу графу Мирбаху, поселившейся в Австрии.

(Подпись)
Королевский Датский генеральный консул

Печать

Det Kongelige
Danske Generalkonsulat
i Moskva

Королевское
Датское Генеральное Консульство
въ Москвѣ

№ 34389 — 26-го Іюня 191 г.

Въ Всероссійскую Чрезвычайную Комиссію
по борьбѣ съ контръ-революціей, спекуляціей
и саботажемъ

Здѣсь

Королевское Датское Генеральное Консульство настоящимъ честь имѣетъ обратиться въ Чрезвычайную Комиссію съ покорнѣйшею просьбою не отказать въ сообщеніи, согласна ли Комиссія освободить изъ подъ ареста австрійскаго военноплѣннаго графа Мирбаха, при условіи гарантіи со стороны Консульства въ томъ, что упомянутый графъ Мирбахъ по первому требованію впредь до окончанія слѣдствія явится въ Чрезвычайную Комиссію.

Королевскій Датскій Генеральный Консулъ.

3

Королевское
Датское генеральное консульство
в Москве

Москва, 26 июня 1918

Малый Харитоньевский пер., д. № 12

№ 34389

В Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем

Здесь

Королевское Датское генеральное консульство настоящим честь имеет обратиться в Чрезвычайную комиссию с покорнейшею просьбою не отказать в сообщении, согласна ли комиссия освободить из-под ареста австрийского военнопленного графа Мирбаха при условии гарантии со стороны консульства в том, что упомянутый граф Мирбах по первому требованию впредь до окончания следствия явится в Чрезвычайную комиссию.

Королевский Датский генеральный консул
Подпись: *Гакстгаузен*

Печать

Det Kongelige
Danske Generalkonsulat
i MOSKVA

Королевское
Датское Генеральное Консульство
въ МОСКВѢ

№ 33441

Moskva
Москва 15-го Іюня 1918

УДОСТОВѢРЕНІЕ

Королевское Датское Генеральное Консульство симъ удостовѣряетъ, что оно уполномочило предъявителя сего представителя Консульства господина Евгенія ЯНЕЙКА вести переговоры съ Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіей по дѣлу арестованнаго офицера австрійской арміи графа Мирбаха.

Гакстгаузен

КОРОЛЕВСКІЙ ДАТСКІЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОНСУЛЪ.

4

Москва, 15 июня 1918 года № 33441

КОРОЛЕВСКОЕ ДАТСКОЕ ГЕНЕРАЛЬНОЕ КОНСУЛЬСТВО
В МОСКВЕ

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Королевское Датское генеральное консульство сим удостоверяет, что оно уполномочило предъявителя сего представителя консульства господина Евгения Янейка вести переговоры с Чрезвычайной следственной комиссией по делу арестованного офицера австрийской армии графа Мирбаха.

Королевский Датский генеральный консул
Печать Подпись: *Гакстгаузен*

Обязательство

Я нижеподписавшийся, венгерск
подданный, военнопленный
офицер австрийской армии
граф Роберт Мирбах
обязуюсь добровольно
по личному желанию
доставить Всероссийской
Чрезвычайной Комиссии
по борьбе с контрреволю-
цией секретные сведения
о Германии и о Германском
посольстве в России.

[illegible]

Graf Robert Mirbach

[illegible]

10 Jun. 1918 Moskau

[illegible]

5

Копия

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

Я, нижеподписавшийся, венгерский [1] подданный, военнопленный офицер австрийской армии Роберт Мирбах, обязуюсь добровольно, по личному желанию доставить Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией секретные сведения о Германии и о Германском посольстве в России.

Все написанное здесь подтверждаю и добровольно (обязуюсь) исполнять.

Граф *Роберт Мирбах*

На подлинном есть аналогичная надпись на немецком языке.

Подлинник хранится в несгораемом ящике при Всероссийской чрезвычайной комиссии.

---

[1] В книге ошибочно написано «германский».

2
ОПИСАНИЯ АКТА

1

[ПОКАЗАНИЯ Л. Г. МЮЛЛЕРА]

1918 года июля 7 дня я, инспектор Московской уголовно-розыскной милиции Ксаверьев, собирая сведения по делу убийства посла Германского правительства графа Вильгельма Мирбаха, сего числа явился в посольство, что в доме № 5 по Денежному переулку[1], где опрашивал адъютанта военного агента лейтенанта Леонгарта Мюллера, который по настоящему делу мне объяснил следующее:

«Вчерашнего числа, около 3-х часов пополудни, меня пригласил первый советник посольства доктор Рицлер присутствовать в приемной при приеме двух членов из Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. При этом у доктора Рицлера имелась в руках бумага от председателя этой комиссии Дзержинского, которой двое лиц уполномочивались для переговоров по личному делу с графом Мирбахом. Войдя в вестибюль с доктором, я увидел двух лиц, которых доктор Рицлер пригласил в одну из приемных (малинового цвета) на правую сторону особняка. Один из них, смуглый брюнет с бородой и усами, большой шевелюрой, одет был в черный пиджачный костюм. С виду лет 30—35, с бледным отпечатком на лице, тип анархиста. Он отрекомендовался Блюмкиным. Другой — рыжеватый, без бороды, с маленькими усами, худощавый, с горбинкой на носу. С виду также лет 30. Одет был в коричневатый костюм и, кажется, в косоворотку цветную. Назвался Андреевым, а по словам Блюмкина, является председателем революционного трибунала. Когда все мы четверо уселись возле стола, Блюмкин заявил доктору Рицлеру, что ему необходимо переговорить с графом по его личному делу! Требование свое Блюмкин повторил несколько раз и, несмотря на заявление доктора Рицлера, что он уполномочен и на секретные переговоры, оставался при своем первоначальном требовании. Имея в виду сведения о покушении на жизнь графа, о чем нам было известно от Гинча, доктор Рицлер отправился к графу и в скором времени вернулся с графом. В данном случае доктором Рицлером руководило, по-видимому, предположение, что приезд двух членов из Чрезвычайной комиссии связан непосредственно с дознанием о возможности покушения на жизнь графа Мирбаха. Уже в малой приемной для меня стало известно, со слов Блюмкина, что визит их связан с процессом одного венгерского офицера, графа Роберта Мирбаха, и, когда на

[1] Ныне улица Веснина.

слова Блюмкина посол ответил, что он ничего не имеет общего с упомянутым офицером, что это для него совершенно чуждо и в чем именно заключается суть дела, Блюмкин ответил, что через день будет это дело поставлено на рассмотрение трибунала. Посол и при этих словах оставался пассивен; тогда сзади сидевший рыжеватый мужчина обратился к брюнету с замечанием: по-видимому, послу угодно знать меры, которые могут быть приняты против него. По-видимому, эти слова являлись условным знаком, так как брюнет,

Н. А. Андреев, фотограф в секретном отделеннн отдела по борьбе с контрреволюцией ВЧК

повторив слова рыжеватого мужчины, вскочил со стула, выхватил из портфеля револьвер и произвел по нескольку выстрелов в нас троих, начиная с графа Мирбаха, но промахнулся. Граф выбежал в соседний зал и в этот момент получил выстрел — напролет пулю в затылок. Тут же он упал. Брюнет продолжал стрелять в меня и доктора Рицлера. Я инстинктивно опустился на пол, и когда приподнялся, то тотчас же раздался оглушительный взрыв от брошенной бомбы. Посыпались осколки бомбы, куски штукатурки. Я вновь бросился на пол и, приподнявшись, увидел стоявшего доктора, с которым кинулись в залу и увидели лежавшего на полу в луже крови без движений графа. Тут же вблизи на полу лежала вторая неразорвавшаяся бомба и в расстоянии примерно 2—3 шагов в полу большое отверстие — следы взорвавшейся бомбы. Оба преступника успели скрыться через окно и уехать на поджидавшем их автомобиле. Выбежавшие из дверей подъезда слуги крикнули страже стрелять, но последняя стала стрелять слишком поздно и этим дала возможность скрыться безнаказанно убийцам. Скрываясь от пре-

следования, злоумышленники забыли свой портфель с бумагами по делу графа Мирбаха и другими документами, бомбу в том же портфеле, портпапиросник с несколькими папиросами, револьвер и свои две шляпы. Теперь скажу относительно Гинча. Это лицо, занимающееся в каком-то кинематографическом деле. Недели 4—5 тому назад, а может быть, и больше, утвердительно сказать затрудняюсь, в посольство наше явился этот Гинч и передал заведующему канцелярией господину Вухерфенику, что на графа Мирбаха партией «Союз Союзов» готовится покушение на убийство. Об этом доктором Рицлером было сообщено в Комиссариат по иностранным делам, который в свою очередь уведомил Чрезвычайную комиссию. Также не придали этим заявлениям никакого значения. Прошло некоторое время, и Гинч вновь явился в посольство с однородными сведениями. Я и Гинч ездили в «Метрополь» для переговоров с председателем Чрезвычайной комиссии Дзержинским, который отнесся с недоверием к заявлению Гинча, хотя тот прямо говорил ему, что в этом деле замешаны и члены комиссии. Не далее как вчера, 6 июля, доктор Рицлер ездил в Комиссариат по иностранным делам и просил Карахана обратить особенное внимание на непрестающие циркулировать слухи о покушении на убийство графа Мирбаха. Это тем более являлось настоятельным в глазах чинов посольства, что дней 10 тому назад являлся тот же Гинч и говорил определенно, что между 5 и 6 июля может случиться покушение.

Лейтенант *Л. Г. Мюллер*

Инспектор: подпись неразборчива.

Перевод.
Москва, 7/VII, 1918 г.»

2

ОПИСАНИЕ ПОКУШЕНИЯ 6/7 ИЮЛЯ 1918 ГОДА В ГЕРМАНСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ В МОСКВЕ

«Около $^1/_2$ 3 ч.[1] после обеда зашел ко мне советник посольства гр. Бассевитц и сообщил, что пришли двое членов Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, которых намерен принять тайный советник доктор Рицлер, и чтобы я при этом присутствовал. Когда я встретился с доктором Рицлером, у него в руках было удостоверение этих лиц, подписанное председателем комиссии всемогущим Дзержинским, которое гласило, что член

[1] Следует читать: «около половины третьего».

этой комиссии Блюмкин и член суда трибунала Андреев уполномочены вести переговоры с посланником по чисто личному делу.

Доктор Рицлер и я вышли в приемную, где оба лица сидели, и провели их через вестибюль и зал в приемную, где мы уселись. Блюмкин засим объяснил, что получил от Дзержинского строгое предписание говорить по этому чисто личному делу с графом лично.

Доктор Рицлер ответил, что он в качестве первого советника посольства уполномочен вести все переговоры вместо графа, в том числе и личного свойства. Блюмкин ответил, что он обязан придерживаться определенного своего поручения, но на вопрос доктора Рицлера, удовлетворится ли он письменным уполномочием графа, он ответил утвердительно. После этого доктор Рицлер покинул приемную и вскоре вернулся в сопровождении посла. Блюмкин после этого вынул из своего портфеля большое количество подлинных документов и объяснил, что он должен с послом переговорить по поводу дела некоего графа Роберта Мирбаха, лично графу незнакомого члена отдаленной венгерской ветви его семьи, за которого якобы уже ходатайствовали граф Мирбах и датский генеральный консул. Этот Роберт Мирбах будто бы замешан в каком-то деле о шпионаже. Разговор, касающийся этого дела, продолжается около пяти минут, причем были представлены документы, подписи коих посольству были хорошо известны, как, например, подпись датского генерального консула Гакстгаузена. Когда доктор Рицлер предложил графу Мирбаху прекратить переговоры и дать письменный ответ через комиссара Карахана, второй посетитель, до сих пор только слушавший и сидевший в стороне, сказал, что мы, повидимому, хотим узнать, какие меры будут приняты со стороны трибунала по делу графа Роберта Мирбаха, на каковой вопрос, при его повторении со стороны Блюмкина, граф Мирбах ответил утвердительно.

У меня теперь такое чувство, что этот вопрос явился условленным знаком для начала действия.

Со словами «это я вам сейчас покажу» стоящий за большим тяжелым столом Блюмкин опустил руку в портфель, выхватил револьвер и выстрелил через стол сперва в графа, а потом в меня и доктора Рицлера. Мы были так поражены, что остались сидеть в своих глубоких креслах. Мы все были без оружия.

Граф Мирбах вскочил и бросился в зал, причем его взял на прицел другой спутник; второй, направленный в меня выстрел я парировал [тем], что я внезапно нагнулся. Первый посетитель продолжал стрелять и за прикрытием тяжелой мебели бросился также в зал. Один момент после этого — последовал взрыв первой бомбы, брошенной в зал со стороны окон (приемная соединена залом большим отверстием без дверей). Оглушительный грохот раздался вследствие падения штукатурки стен и осколков разгромлен-

ных оконных стекол. Вероятно, отчасти вследствие давления воздуха, отчасти инстинктивно доктор Рицлер и я бросились на пол. После нескольких секунд мы бросились в зал, где граф Мирбах, обливаясь кровью из головной раны, лежал на полу; в некотором отдалении от него лежала невзорвавшаяся бомба. Оказалось, что злоумышленники тем временем выскочили в окно и вскочили в ранее заготовленный и находящийся в движении автомобиль.

Мюллер»

Лейтенант запаса, прикомандированный в качестве военного атташе при немецком дипломатическом корпусе в Москве.

Перевод.

3

[ПОКАЗАНИЯ РИЦЛЕРА]

«В субботу, приблизительно в $3^1/_2$ час.[1] после обеда, двое уполномоченных г. Дзержинского просили о личном свидании с графом Мирбахом по личному делу. Оба были снабжены удостоверениями г. Дзержинского для их поручения. Я принял обоих в присутствии лейтенанта Мюллера в качестве переводчика. Первый из них объяснил, что ему непременно поручено об этом деле переговорить с графом Мирбахом, так как это дело личное и [он] не может уклоняться от этого приказания. Я ему ответил, что граф не принимает. Но я, как старший чин посольства, уполномочен принимать и личные сообщения. Если он требует для этого письменного уполномочия графа, то я могу ему таковое доставить. Докладчик заявил, что он согласен, еще раз получив от лейтенанта Мюллера уверение, что я и есть доктор Рицлер. Я пошел к графу и попросил его о таковом письме. Но граф решился сам выйти к ним. Мы уселись, и докладчик разложил на мраморном столе свое производство. Граф Мирбах, я и лейтенант Мюллер уселись напротив его, другой пришедший сел несколько подальше, у дверей. Докладчик на основании некоторых документов из дел комиссии по борьбе с контрреволюцией изложил дело графа Роберта Мирбаха, арестованного несколько недель до того означенной комиссией; арестован, по нашим сведениям, по ничтожным совершенно причинам. Хотя граф Роберт Мирбах лично неизвестен послу графу Мирбаху и является только очень отдаленным родственником его, посол граф Мирбах еще до того делал со своей стороны представления об его деле. Так как мне объяснения докладчика Чрезвы-

[1] В действительности приблизительно в 2 часа 30 минут.

чайной комиссии показались крайне неясными, то я заявил графу Мирбаху, что лучше всего будет дать ответ по этому делу через Карахана. После краткого замечания на русском языке сидящего позади спутника докладчик быстро вынул, стоя за столом, большой револьвер и дал выстрел в графа Мирбаха и немедленно засим несколько выстрелов в меня и Мюллера. Граф Мирбах вскочил, бросился в большой зал, куда за ним последовал спутник делегата, между тем как тот[1] под прикрытием мебели продолжал стрелять в нас, а потом кинулся за графом. Один момент после этого — взорвалась бомба в зале, которая, оказалось, совершенно разгромила зал. Мы бросились на пол, а через несколько секунд последовали за графом и нашли его лежащим на полу. Граф был поражен смертельно.

Рицлер»

3

ЛЕВОЭСЕРОВСКАЯ АГИТАЦИЯ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ

1

[ВОЗЗВАНИЕ ЦК ПЛСР]

В борьбе обретешь ты право свое.

ПАРТИЯ ЛЕВЫХ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Ко всем рабочим и красноармейцам.

Палач трудового русского народа, друг и ставленник Вильгельма граф Мирбах убит карающей рукой революционера по постановлению Центрального Комитета партии левых социалистов-революционеров.

Как раз в этот день и час, когда окончательно подписывался смертный приговор трудящимся, когда германским помещикам и капиталистам отдавалась в виде дани земля, золото, леса и все богатства трудового народа, когда петля затянулась окончательно на шее пролетариата и трудового крестьянства,— убит палач Мирбах.

Немецкие шпионы и провокаторы, которые наводнили Москву и частью вооружены, требуют смерти левым социалистам-революционерам.

Властвующая часть большевиков, испугавшись возможных последствий, как и до сих пор, исполняют приказы германских палачей.

---

[1] В тексте книги «тогда».

Все на защиту революции.

Все против международных хищников-империалистов.

Все на защиту борцов против германских насильников.

Вперед, работницы, рабочие и красноармейцы, на защиту трудового народа, против всех палачей, против всех шпионов и провокационного империализма.

1. ... 2. Сирота, секретарь ЦК ПЛСР,
3. Чернявский, левый эсер, ответственный партийный работник,
4. Голубовский, член ЦК ПЛСР, член президиума ВЦИК 4-го созыва,
5. Бойченко, член ЦК Украинской ПЛСР, 6. Б. Д. Камков, член ЦК ПЛСР.
7. И. З. Штейнберг, член ЦК ПЛСР, наркомюст. 8. Карелин,
член ЦК ПЛСР. 9. Фишман, член ЦК Украинской ПЛСР.

Вперед к свержению германского империализма, морящего нас голодом.

Смерть всем насильникам и палачам империализма.

Позор всем, кто вместе с немецкими шпионами идут на подавление восставших против Вильгельма рабочих и крестьян.

Да здравствует восстание против палачей.

Смерть империалистам.

Да здравствует мировая социалистическая революция.

Центральный Комитет партии
левых социалистов-революционеров.

2

ТОВАРИЩИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ

По постановлению ЦК партии левых социалистов-революционеров убит палач русского народа германский посол Мирбах и его сотрудники. Большая часть советских войск на стороне революции с нами.

Левые социалисты-революционеры продолжают линию Октябрьской социалистической революции, борясь за свободные, независимые от цепей международного империализма Советы крестьянских и рабочих депутатов.

Лидеры большевистской партии, подпав под влияние германских капиталистов, продолжают свою преступную по отношению к трудящимся России политику.

По предписанию Ленина и Троцкого в Москве стягиваются военные отряды, для того чтобы расстрелять всех левых социалистов-революционеров.

У нас есть сведения, что против нас вооружаются германские военнопленные во всей Московской области [1]. Может быть сделана попытка провести отряды немцев из Орши и других мест для борьбы с нами. Будьте настороже.

Арестована товарищ М. Спиридонова и вся фракция съезда левых социалистов-революционеров.

Мы не хотим пролития братской крови.

Мы зовем товарищей большевиков идти вновь вместе с нами по пути социалистической революции. ЦК левых с.-р. обращается к вам, товарищи железнодорожники, с призывом не пропускать военных отрядов, вызванных Советом Народных Комиссаров. Вспомните, что десятки миллионов украинских крестьян, уничтожаемых беспощадно черной сотней и бандитами из Берлина и Вены, с трепетом прислушиваются к событиям Великороссии.

За них, за их страдания убит был Мирбах.

Настал самый грозный, решительный час для революции. Будьте с нами, товарищи железнодорожники.

Да здравствует власть Советов, власть рабочих и крестьян. Смертельная беспощадная борьба с международными империалистами!

ЦК левых социалистов-революционеров.

---

[1] Московская область летом 1918 года включала в себя 13 губерний центра России. Утверждение о «вооружении» германских военнопленных во всей области против левых эсеров не соответствует действительности. В подавлении мятежа в Москве участвовал небольшой отряд интернационалистов во главе с Бела Куном

3

В борьбе обретешь ты право свое.

БЮЛЛЕТЕНЬ № 1
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ ЛЕВЫХ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

В 3 часа дня 6 июля летучим боевым отрядом партии левых социалистов-революционеров был убит посланник германского империализма граф Мирбах и два его ближайших помощника в здании германского посольства.

При выполнении своего революционного долга ранен один товарищ; никто из посторонних не пострадал.

Председатель Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией Дзержинский, явившийся производить следствие по делу Мирбаха, объявил арестованными двух членов ЦК ПЛСР — Прошьяна и Карелина, причем заявил, что один из членов ЦК должен быть искупительной жертвой за Мирбаха. По постановлению Центрального Комитета Дзержинский задержан.

По постановлению ЦК ПЛСР на время заседания Всероссийского съезда Советов для руководства фракцией левых социалистов-революционеров и для защиты наших революционных позиций делегированы товарищи Спиридонова и Голубовский.

Центральный Комитет уверен, что ни одна рука рабочего и крестьянина не поднимется на личность наших товарищей.

ЦК ПЛСР берет под свою защиту неприкосновенность всякого члена фракции левых социалистов-революционеров V съезда Советов.

ЦК ПЛСР предупреждает население города Москвы, что всякие попытки темных и контрреволюционных сил, белогвардейцев, германских и союзных провокаторов и шпионов, направленных к низвержению Советской власти, будут подавляться беспощадным образом.

Центральный Комитет партии левых социалистов-революционеров имеет в своем распоряжении данные, что граф Мирбах пытался вооружить в Москве и провинции контрреволюционные элементы и сосредоточил в Москве и Московском округе склады оружия, которым хотел вооружить военнопленных и белогвардейцев; далее граф Мирбах пытался провести своих шпионов в советские учреждения и, когда его племянник Мирбах был арестован Чрезвычайной комиссией и увидал, что ему грозит расстрел, он предложил Чрезвычайной комиссии свои услуги как шпиона между Советской властью и лагерем Мирбаха. Советская власть отклонила это предложение; в распоряжение Мирбаха был прислан из Германии известный русский провокатор Азеф для организации шпио-

нажа, опознанный нашими партийными товарищами в Петрограде и Москве [1]; под покровительством графа Мирбаха находились украинские провокаторы и шпионы, присланные для выслеживания наших товарищей, отправляющихся для нелегальной работы на Украину.

Эти шпионы, пользуясь полной безнаказанностью, не только систематически выслеживали все наши шаги по оказанию помощи украинским рабочим и крестьянам, но иногда и убивали наших товарищей в южных прифронтовых городах.

Советская власть оказывалась совершенно беспомощной перед шайкой Мирбаха, и ЦК принужден был устранить пользовавшегося безнаказанностью агента иностранного империализма, явного контрреволюционера.

ЦК уверен, что коммунисты, ведущие энергичную борьбу по борьбе с контрреволюционерами, не станут защищать явного контрреволюционера.

Спиридонова, делегированная на съезд Советов, захвачена со всей фракцией съезда как заложница, и с ней многие видные члены партии левых с.-р.

Боевым штабом левых социалистов-революционеров арестованы вооруженные германские военнопленные, при допросе показавшие, что вооружение происходит в Кремле по приказанию Ленина большевиком Бела Куном.

4

ВОЗЗВАНИЕ МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ ЛЕВЫХ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Фракция левых социалистов-революционеров и сочувствующих Всероссийского съезда Советов и ВЦИК имеет 450 человек, заявляет о своей солидарности с ЦК ПЛСР в его решении не давать агентам всякого империализма свить гнезда контрреволюции в пределах Советской России, в его решении бороться против осуществления германского мирного договора, который, как мертвый хват, душит русскую социалистическую революцию.

---

[1] Даииых, подтверждающих приезд в Россию Азефа, иет.

Азеф Е. Ф. (1869—1918) — одии из организаторов партии эсеров, руководитель ее боевой террористической оргаиизации. Провокатор царской охраики (с 1892 года). Разоблачеи в 1908 году, приговореи ЦК ПСР к смерти, ио сумел скрыться. Умер в Берлииской тюрьме.

Фракция ЛСР, состоящая из представителей с мест и представителей, избранных уездными и губернскими съездами Советов, целиком опирается на поддержку пославших их рабочих и трудового крестьянства и знает, что всякое посягательство на членов высшего органа Советской власти, стоящих за защиту социалистической революции, есть посягательство на власть рабочих и крестьян; фракция л. с.-р. съезда Советов, мало заботясь о личной судьбе, с точки зрения принципиальной считает нужным заявить, что такое посягательство уже совершено: фракция взята заложником за убитого германского посла Мирбаха, арестована, находится в жандармской грубо оскорбительной обстановке — и что правительство будет за это перед трудовым народом отвечать.

Фракция л. с.-р. заявляет, что борьба со всяким империализмом, с военным, экономическим, политическим насилием и засилием со стороны германских, английских, французских и американских капиталистов и помещиков была и есть основной революционной задачей партии л. с.-р. и никакими репрессиями и казнями ее на этом пути не удержать. Сквозь строй штыков, виселицу и расстрелы проложит она свою дорогу. Теперь ПЛСР вновь подняла разящий меч террора, но уже крепко опираясъ на революционные массы — уже делая террор, вместе с классовой организацией, средством массовой борьбы, и призывает к восстанию против всех насильников народных. Соглашательская политика большевистского правительства, с кем бы в союзе оно ни состояло: с капиталистами германскими, французскими, английскими, отечественными и другими, будет встречать активное противодействие. Защита большевистским правительством Советов германского империализма — Мирбаха и других, защита с оружием в руках против партии л. с.-р., убивающей этих Мирбахов, является роковым последствием соглашательской политики Советского правительства за последний месяц. Фракция заявляет, что братоубийственная вооруженная борьба большевиков и л. с.-р. лишь на руку международной и внутренней контрреволюции, предлагает сделать возможное, чтобы обрушить все удары на общего всем революционным социалистам врага — помещиков, капиталистов, кулаков.

Крестьяне и рабочие! Ваша революция гибнет, хищники и насильники всего мира протянули руки к вашим лесным, водным и земельным богатствам и к вашей свободе. Германия, Франция, Англия, сибиряки-капиталисты, Скоропадский, русские помещики и фабриканты — все кинулись на вас, схватив за горло. Союз с ними — петля для вас. Защита их и помощь им — смерть вам.

Трудовое крестьянство и рабочие! Ваше правительство запуталось в сетях международных империалистов. Оно выполняет договор с Германией, что значит уплата громадных денег, отдала на разработку капиталистам: землю, нефтяные источники и другие

богатства земли; отдача железных дорог на постройку — это значит оставление Украины и Финляндии без помощи, оставление тамошнего трудового народа на вырезыванье, это значит рабство от помещиков, от купца и капиталиста. Мира нет. Идет война со всех сторон; защищайтесь все, братья, крестьяне и рабочие, не давайте себя хлестать по глазам. Выдавайте, гоните отовсюду немецких, русских и всяких других капиталистов со всех мест. Помогите украинским крестьянам и рабочим, не отдавайте ни своего народного богатства, ни своей воли — воли трудящихся.

Мы не хотим быть рабом ни одного из международных империалистических хищников, и за это мы пойдем на распятие, откуда бы оно ни исходило — от капиталистов или от большевиков. И всякому покушению на Советскую власть в России мы противопоставили могущественное сопротивление пролетарско-крестьянской трудовой массы. Желтому интернационалу биржи труда и насилия мы противопоставляем красный интернационал труда, борьбы и социализма. Да здравствует Советская Федеративная Социалистическая Республика. Да здравствует Интернационал! Да здравствует международное объединение всех трудящихся! Да здравствует партия л. с.-р.!

5

ВОЗЗВАНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕКЦИИ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦИК КО ВСЕМУ ТРУДОВОМУ КРЕСТЬЯНСТВУ

Небывало тяжелое время переживает русская революция.

Окруженная железным кольцом германского торжествующего империализма, задыхается Советская Россия.

Великие завоевания революции находятся в смертельной опасности.

Благодаря Брестскому миру и поистине правительственной партии большевиков, поддерживающих этот грабительский мир, трудовое крестьянство оказалось накануне возвращения всего в крепостное состояние, накануне нашего хозяйственного и политического порабощения германским империализмом.

При сохранении Брестского мира фактически отменяем «закон о социализации земли», так как громадное количество десятин земли оказалось фиктивно перепроданным помещикам немцам, которые требуют за возвращение земли крестьянам многомиллиардную сумму денег в качестве выкупа.

Наши природные богатства, ценою кровавых жертв отвоеванные у буржуазии, почти целиком переходят в германское владение.

Русский народ превращается в народ-нищий, народ-раб.

В самой Москве представители германской буржуазии обосновали свой контрреволюционный штаб во главе с графом Мирбахом.

Этот штаб германской буржуазии поставил своею гнусною целью удушение рабоче-крестьянской революции при помощи петли Брестского мира.

Наглые ноты торжествующей германской буржуазии, предъявленные графом Мирбахом, содержат в себе категорический приказ об ограблении трудящихся, о превращении их из свободных граждан в толпу рабов.

Пылающая огнем восстания, завоеванная, но не побежденная Украина, истекающая кровью лучших своих сынов, зовет нас на борьбу за свержение самодержавного ига.

Германский империализм решил во что бы то ни стало воспользоваться своим временным превосходством и отнять у крестьян богатый урожай, который ожидается в текущем году.

Оно поможет германским насильникам собраться с силами и укрепиться для новой борьбы.

Партия крестьянства, партия левых социалистов-революционеров решила открыто выступить на защиту угнетаемых крестьян.

Партия левых социалистов-революционеров применила акт террора по отношению к представителю германских насильников, как делала это и раньше по отношению к отечественным насильникам.

Граф Мирбах был по поручению Центрального Комитета убит.

Представители Коммунистической партии, не смогшие еще и до сих пор сбросить с себя давление тяжелой руки германского империализма, уничтожения себя перед его призрачной силой, дабы покарать защитницу прав трудового народа — партию левых эсеров, не остановились перед нарушением революционных завоеваний. Они нарушили Конституцию Советской Республики и осмелились арестовать часть 5-го Всероссийского съезда, представлявшую от себя делегатов трудового народа — представителей высшей власти в республике.

Их в количестве 450 человек уже второй день держат в тесном помещении, на полу, без единого стула, в грязи, при отсутствии всякого удобства, при отсутствии достаточного количества пищи.

Представителей народа как арестантов держали окруженными латышской стражей, грозящей насилием за каждый неверный шаг.

Крестьянская секция заявляет всему трудовому крестьянству — революция в опасности.

Трудовое крестьянство должно встать на защиту своих прав от нарушения германской, английской и французской буржуазии, ныне собирающейся напасть на трудовую Россию, и защищать своих представителей от насилий и оскорблений со стороны представителей правительственной партии.

Крестьянская секция ВЦИК.

7 июля 1918 года

4

НА УЛИЦАХ МОСКВЫ 6—8 ИЮЛЯ

Секретаря
Организационного Отдела
Московского Окружного
Комиссариата
по военным делам

Сигизмунда РУТКОВСКОГО.

« » июля 1918 г.

№
г. Москва

ВОЕННОМУ КОМИССАРУ ТОВ. МУРАЛОВУ.

РАПОРТ

Доношу, что 7 сего июля, около 9-ти часов утра, выходя из дому и не зная о том, что в городе произошел случай восстания группы, именующей себя левыми эсерами, и узнав лишь о происшедшем из рассказов лиц, стоящих у выхода на улицу, о том, что «в городе произошли якобы эксцессы» и что якобы в городе захвачена власть этой группой и идет гражданская война, я тотчас же отправился в город с намерением узнать о происшедшем, направляясь прямо в штаб.

Выйдя на угол Покровки и Земляного вала [1], я увидел, что трамваи ходят только до Земляного вала (со стороны Лефортова); тогда я отправился пешком по Покровке, по направлению к Покровским воротам; не доходя Лялина переулка, встретил вооруженных солдат и матросов, шедших цепью по обеим сторонам улицы, предводительствуемых каким-то вооруженным штатским. Будучи вполне уверенным, что это патруль советских войск, я обратился к ним с вопросом: «Можно ли мне пройти в штаб?» Тогда один из матросов задал мне вопрос: «Какой штаб?» и большевик ли я, о чем спрашивал меня и другой матрос, бывший с ними. Ответив утвердительно, первый велел меня обыскать и предъявить ему документы, а также спросил, нет ли у меня оружия. Предъявив ему удостоверение, выданное мне комиссариатом, а также разрешение на ношение оружия от 8 июня с. г. за № ...., заявил ему, что оружия при мне нет, но что таковое имеется у меня дома. После чего задержавшая меня группа названных вооруженных лиц объявила меня арестованным и велела указать им мою квартиру. Подчиняясь их требованию, я под охраной че-

---

[1] Ныне улицы Чернышевского и Чкалова.

тырех из них, в том числе одного матроса, последовал на свою квартиру. Подойдя к дому, двое из вооруженных солдат остановились у парадного улицы, а матрос с одним солдатом взял револьвер на изготовку, вошел в мою квартиру, где я и отдал имеющийся у меня револьвер системы Кольта за №...; обыска в квартире они не производили. Когда же я спросил у них мандат на право отбирания оружия или указания их фамилии, то матрос ответил: «Там узнаешь» и спросил, для какой надобности у меня оружие. Я ответил ему, что, раз мне разрешено, значит, оно мне необходимо, тем более что я имею иногда казенные деньги; тогда последний вложил мне в карман брюк левую руку, держа правой угрожающе револьвер, вынул находящийся у меня кошелек с деньгами в сумме около 5 200 рублей только казенных и около 400 собственных, спрятал его в свой карман, велел мне следовать с ними (вся эта сцена произошла на глазах моей жены и ребенка).

Выйдя на улицу, названные лица повели меня по направлению к Покровским казармам. На углу Введенского [1] и Лялина переулков двое из солдат, стоявших ранее у входа в дом моей квартиры, остановились около стоявшего на углу этих переулков патруля, а матрос с другим солдатом повели меня дальше, и только в конце Введенского переулка, выходя на Покровку, матрос задал мне вопрос о том, знаю ли я, куда меня ведут; ответив ему отрицательно, он сказал, что ведут меня «в штаб левых эсеров», и тогда лишь я понял, в чем дело; последнее заявление матроса подтвердил и сопровождавший меня солдат, причем матрос предупредил меня вскользь, что оттуда уже никто не возвращается. На что я им ответил: «Что же я такое сделал?»; ведь его предупреждение о том, что оттуда никто не возвращается, равно предупреждению о предстоящей мне смерти, и я вступил с ними в пререкание, доказывая им всю неосновательность их поступка ко мне. Дойдя до Покровских ворот, матрос остановился и, вынув из моего револьвера 9 патронов, оставив 10-й в нем, предложил мне отправиться вперед, говоря: «Ну, иди к товарищу Муралову, ну, пройди шага четыре», толкал меня в плечо. Угадывая цель матроса, я, не отходя от него

[1] Ныне Подсосенский переулок.

все время, доказывал ему, что он поступает несправедливо и нечестно, что, обезоружив меня и забрав все до копейки деньги, издевается надо мной. После чего матрос, оторвав от моего удостоверения о личности разрешение на право ношения оружия, отошел от меня на мостовую, подошел к группе вооруженных лиц и от них направился с несколькими другими в чайную, находящуюся у Покровских ворот. Стоявшая на улице вблизи нас группа прохожих лиц, не принимая никакого участия в моем положении, после ухода лишь только рассказала мне, что данный район находится во власти восставших левоэсеровских банд. Пытаясь дать знать о случившемся по телефону в комиссариат, я выяснил, что телефон не действует; тогда я немедленно, возвратясь домой и успокоив свою семью, отправился в комиссариат, где и заявил о случившемся заведующему организационным отделом товарищу Алексееву и помощнику управляющего делами комиссариата товарищу Добровольскому.

Донося о вышеизложенном на зависящее распоряжение об обнаружении грабителей, также прошу о разрешении мне посетить места заключения задержанных лиц, принимавших участие в восстании, для опознания бандитов, ограбивших меня, так как личности их мною хорошо запомнены, и опознать я их могу в любое время.

Причем присовокупляю, что на фуражке матроса значилось «Бобр», худощавый брюнет, среднего роста, другой же — солдат полный, коренастый, шатен. Запомнил я лицо другого матроса, оставшегося на Покровке при первой моей встрече с ними.

Секретарь *Рутковский*

Заведующий
Учетным Отделом
Московского Губернского Комиссариата.
8 июля 1918 г.
№ 103
г Москва

ВОЕННОМУ КОМИССАРУ
РАПОРТ

7 июля, с. г., в 3 часа ночи, я был послан в главный почтамт для подачи телеграммы в уездные военные комиссариаты; по дороге к главному почтамту я с автомобилем был задержан отрядом красноармейцев, как потом оказалось, из отряда левых эсеров Попо-

ва. Последний спросил мой мандат, сказав, что мы Советской власти не признаем, и потребовали оружие, которое при мне имелось согласно разрешению военного комиссариата: револьвер системы Кольта за № 71 579 и десять патронов; все это они от меня отобрали и повезли в штаб отряда Попова в Покровские казармы. Там от меня отобрали все документы и деньги, данные мне на телеграммы управляющим делами тов. Стира, 1000 рублей и своих 5 рублей 30 копеек, кошелек и все бумаги. За телеграмму меня выругали. Автомобиль тоже арестовали, и в получении денег комендант Попов выдал мне расписку за подписью Гончарука-матроса, после всего этого меня арестовали и посадили в комнату, где уже было несколько арестованных. Когда начался бой и с нашей стороны был открыт артиллерийский огонь, то вся эта свора разбежалась, побросав пулеметы и ружья. Мы, арестованные, увидели в этом свое спасение. Я увидел коменданта отряда Попова, спросил деньги и документы, но последний отделался молчанием. Во время боя мы старались среди караульных дать разъяснение данного момента, с которым последние согласились. Когда свора стала разбегаться, мы им громко крикнули: «Трусы, что вы наделали!» Раньше этого, когда мы громко рассуждали, один из командного состава отряда Попова пришел и сказал: «Довольно вам, митинговщики, митинговать» и пригрозил расстрелом. Все мы помещались в комнате при отхожем месте. Пищу нам дали утром, чай без сахара, банку консервов на двоих, по куску хлеба. Когда прибыли латышские стрелки, мы сразу почувствовали себя на свободе; я пошел туда, где отобрали деньги и документы; денег не нашел, из документов не нашел телеграммы, билет на 4-й день съезда [1], мандат и некоторые мои бумажки частного характера; только нашел на полу удостоверение личности и партийный билет.

Приложение: расписка Гончарука.

Заведующий учетным отделом *С. Шимановский*

С подлинным верно:

Управляющий делами комиссариата (подпись). Печать.

---

[1] На четвертый день работы V Всероссийского съезда Советов.

5
НА ТЕЛЕГРАФЕ

1

6 июля, в 8 часов вечера, я получил приказание от тов. Подбельского прекратить передачу всех телеграмм во все города Российской Федеративной Советской Республики, за исключением телеграмм за подписью тов. Ленина, Троцкого и тов. Свердлова, что я сейчас же привел в исполнение. Потом пошел на Загородную телефонную станцию и велел сейчас же прекратить все переговоры со всеми городами, с которыми мы имеем телефонную связь, сказав, что если будут просить тов. Ленин, Троцкий или тов. Свердлов, то вы скажите, чтобы они звонили ко мне по телефону, а я уже вам буду говорить, что можно соединить или нельзя; я это сделал потому, что тов. Подбельский дал мне пароль и сказал, что если будут просить дать какой-нибудь город и скажут пароль, то можно предоставить. Тов. Подбельский спросил, сколько у меня находится солдат в карауле; я ему сказал, что 20 человек и что я затребовал еще 15 человек. Тов. Подбельский сказал, что этого мало, я сейчас сделаю распоряжение, чтобы вам прислали еще 40 человек. Спустя полчаса после этого распоряжения я вышел на парадный подъезд посмотреть, не идут ли солдаты, которых обещал прислать тов. Подбельский; когда я вышел к подъезду, то увидел, что около телеграфа разъезжают верхом на лошадях вооруженные матросы. Я постоял, посмотрел и только хотел идти, вдруг вижу: идут солдаты и прямо направились к телеграфу. Я решил подождать их и спросить, что им нужно; они как только подошли, то я сейчас же спросил, что нужно, куда посланы, кем и сколько человек. Их караульный начальник сейчас же ответил, что они присланы по просьбе комиссара для охраны телеграфа и что их 40 человек. Я предполагал, что это пришли по распоряжению тов. Подбельского, тогда я им сказал: «Идем, вы мне нужны для охраны». Отвел их в караульное помещение, сам пошел в аппаратную; только подхожу к своему столу, вдруг слышу — звонит телефон; я подошел и вдруг слышу тов. Подбельский мне говорит, что мне передали, что телеграф занят отрядом Попова в составе 40 человек. Я ему ответил, что пришли солдаты в составе 40 человек, но только они сказали, что они присланы по распоряжению комиссара для охраны телеграфа; тогда тов. Подбельский сказал: «Узнайте, откуда они присланы, и позвоните мне по телефону»; я сказал: «Хорошо, сейчас узнаю». Когда я спросил: «Откуда вас прислали», они сказали, что из отряда Попова; я еще раз спросил: «А для чего вас прислали?» Они ответили, что для охраны телеграфа. Я пошел сейчас же в аппаратную, чтобы позвонить тов. Подбельскому. Когда

я вошел в аппаратную, то увидел: у моего стола стояли тов. Маслов и тов. Ефретов, которым я сейчас же объяснил неприятную историю и стал звонить по телефону тов. Подбельскому. Когда я ему сказал, что верно, что 40 человек пришло поповцев, он сказал, что вы их посадите в отдельную комнату, а я сейчас пришлю вам солдат, при помощи которых вы их разоружите и арестуете; я сказал, что хорошо, жду помощи. Прошло не более как полчаса, как вдруг входят несколько солдат и матросов вооруженных, во главе которых был Прошьян, подходят ко мне и говорят: «Вы комиссар?» Я говорю: «Да, а что нужно?» Он говорит: «Соберите людей, я им объясню события сегодняшнего дня». В это время тов. Маслов и тов. Ефретов говорят мне: «Товарищ Тимаков, не собирайте». Я, конечно, не стал собирать, а стал говорить дежурным чинам, чтобы они сели на места и ждали бы от меня распоряжения. В это время, пока я усаживал телеграфистов, левые социалисты-революционеры арестовали тов. Маслова и тов. Ефретова, а также хотели арестовать и меня, но я был в это время в другой комнате. Прошьян собрал всех телеграфистов и сказал, что Центральный Комитет левых социалистов-революционеров решил убить графа Мирбаха и сегодня привел это в исполнение, граф Мирбах убит левыми эсерами. И после этого ушел, оставив Лихобадина, которому передал заранее составленные телеграммы для передачи во все города. Когда остался Лихобадин, то ему стали говорить, что комиссар в аппаратной и будет мешать работе, так как он самый ярый большевик, его надо арестовать. Тогда Лихобадин подходит ко мне и говорит, что это комиссар; ему ответили, что да, это комиссар; он подошел ближе ко мне и сказал: «Товарищ, вы должны удалиться с телеграфа, так как вы большевик-коммунист, будете мешать нашей работе, мы вам не доверяем, и я прошу сейчас же вас удалиться, а если вы не уйдете, то я вас арестую и препровожу туда, где находятся все наши арестованные». И после этого он взял меня за руку и проводил вниз, где я взял свою шапку и должен был удалиться. Когда я вышел с телеграфа, то два вооруженных солдата подошли ко мне и спросили: «Оружие есть?» Я ответил, что нет; тогда они спросили: «Покажите ваши документы, кто вы такой?» Документов у меня с собой не было, так как я, предвидя всю эту историю и боясь, что по моим документам они могут сделать какую-либо подлость, я их передал в телеграфе курьеру, а пароль разорвал. Когда я им сказал, что у меня документов нет, то они ответили мне, что «мы вас не пустим до выяснения вашей личности, кто вы такой есть», и попросили на Чистопрудный бульвар, где стоял их небольшой вооруженный отряд; и здесь мне пришлось пробыть под их арестом до прихода советских войск. Как только стали подходить советские войска, они стали отходить по направлению к Покровке, а также велели и мне следовать за ними. Я, дойдя до Покровки и видя, что

они стали расходиться в паническом страхе от преследующего их оружейного и пулеметного и артиллерийского огня, повернул влево по Покровке и ушел.

Часов в десять утра я подошел к телеграфу, где стояли латышские стрелки; я объяснил караульному начальнику, что я комиссар телеграфа, тогда он потребовал от меня документы, но документов я при себе не имел. Он сказал мне, что пропустить в телеграф без документов не может. Во время моего разговора с караульным начальником вышел механик Галкин, которого я спросил, есть ли дежурный комиссар, который должен сменить меня; он мне ответил, что все в порядке и комиссар сидит на своем месте. Я этим успокоился и пошел домой.

Комиссар телеграфа (подпись неразборчива)[1].
Москва июля 19 дня 1918 г.

2

ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЙ САМУИЛА ЛЬВОВИЧА ПУПКО

Состоял комиссаром Московской телефонной сети с октября по март с. г. С марта по сие время состою управляющим Московской телефонной сетью.

Принадлежу к (партии) союзу эсеров-максималистов.

В конце мая с. г. был снят караул 1-го Советского полка и из 23-х лиц оставлено только семь. По чьему распоряжению был снят караул, до сих пор не выяснено.

Я неоднократно об этом говорил т. Штродаху, члену коллегии Военного комиссариата г. Москвы, т. Муралову, т. Дзержинскому, т. Беленькому, что караула осталось только семь человек и что ответственность ляжет на них, если что-нибудь случится.

Приблизительно 1 июля т. Дзержинский говорил, что «вам на днях пришлют надежный караул». И действительно, через деньдва после разговора был прислан отряд из Чрезвычайной комиссии из матросов — 24 человека.

В первый же день обнаружилась безнадежность этого караула, так как в разговорах кое с кем и между собою ясно можно было понять, что они представляют собой явно реакционную массу, а посему в тот же день я был в Чрезвычайной комиссии и заявил т. Дзержинскому, что, нежели такой держать кара-

[1] Тимаков.

ул, лучше вовсе без такового обходиться. Он вызвал по телефону Попова и, переговоривши с ним, сказал мне, что сейчас со мной поедет один матрос, который выяснит на месте случай.

Действительно, через несколько минут явился молодой матрос, с которым я и уехал на станцию, и по выяснении всего указанного мною на месте матрос заявил, что он с более тяжелым сердцем уезжает со станции, как приехал, ибо он не полагал, насколько матросы действительно реакционны.

Этот караул, то есть из ВЧК, был заменен через сутки людьми из того же отряда, но фактически караул станции вербовался из того же отряда в том же количестве. О моральных и политических качествах последующих смен указать затрудняюсь, ибо никаких данных по этому вопросу у нас не было.

6 июля вечером, будучи на заседании съезда Советов, т. Подбельский, отыскав меня, попросил зайти в кабинет Аванесова. Тов. Аванесов, объяснив мне приблизительно сущность дела, сделал надпись на моем пропуске и просил отправиться на станцию. По приезде на станцию я зашел к своим сотрудникам; не успев с ними поговорить, явился один вооруженный и от имени Всероссийской чрезвычайной комиссии заявил: он здесь будет присутствовать, чтобы номера, обозначенные на поданной им записке, функционировали как следует быть. Когда потребовал у него мандат, на то он сказал: Дзержинский арестован, мандата никакого не имеет, а только личную записку свою. На что я ему категорически ответил, что без надлежащего мандата выполнить это требование я не могу. Тогда он хотел переговорить по телефону, но номера телефона не знал он. Его записка была унесена т. Герасимовым; тут же стояло еще несколько человек из их отряда, то есть из числа караула, которые указали: пойдем на низ, там есть телефон и один из товарищей знает номер телефона отряда. Из его слов нельзя было непосредственно вывести заключения о требовании выключения всех остальных телефонов, не обозначенных в списке. Это было в 10-м часу вечера.

В это время приехал т. Подбельский, который слыхал весь этот разговор. Переговоривши с т. Подбельским, мы уехали в Кремль для необходимости получения в срочном порядке смены караула, каковой после моего возвращения на станцию прибыл через 15 минут. Лично впустил латышей, поставив их в 2 ряда в подъезде, вызвал сейчас же всех несших караул и, распорядившись о разрядке оружий, отправил их со станции. Были расставлены караулы из латышей по местам, и т. Николаев, член Центральной коллегии почт и телеграфов, и я занялись на основании директив выключением кое-каких полученных линий. Тут же прибыл т. Волленберг и под руководством т. Николаева занялся также соответствующей работой.

На телефонной станции были 2 пулемета и 3 ящика патронов и 9 лент. Латышей пришло 75 человек, у них было, кажется, тоже 2 пулемета.

В полночь явились с мандатами от т. Подвойского еще 5 комиссаров. Станция была к тому времени почти атрофирована, потому не было никакой нужды в лишних людях, и, находя крайне неосновательным на распределение занятий между советскими работниками на станции в такой ответственный момент, несмотря на мои неоднократные просьбы и общения к т. Николаеву, я переговорил по телефону в присутствии т. Николаева с т. Подбельским, каковому и указал, что лично я нахожу для себя крайне невозможным в такой неопределенной обстановке работать, быть же слепым исполнителем не нахожу возможным, после чего я с разрешения т. Подбельского утром в воскресенье оставил станцию.

С. Пупко

3

Народный Комиссар
почт и телеграфов
Российской Республики
Канцелярия
27 июля 1918 года
№ 4882
гор. Москва

В ОСОБУЮ СЛЕДСТВЕННУЮ КОМИССИЮ

В ответ на Ваш запрос от 26 июля № 198 сообщаю:

1) Телеграф был занят первым отрядом поповцев не около часу ночи, а около 8 часов вечера при следующей обстановке: как только я освободился из-под ареста (что было недалеко от телеграфа), я прибежал на телеграф, чтобы взять десять солдат и попытаться отбить автомобиль и освободить шофера, но начальник караула телеграфа отказался мне дать солдат. Тогда я поспешил на телефонную станцию, откуда удалось отправить отряд латышей к месту моего ареста, но там уже автомобиля и шофера не оказалось — поповцы успели увезти автомобиль. Как раз в это время с телеграфа сообщили, что туда явил-

ся отряд в сорок человек и, заявив, что он прислан Подбельским, вошел в помещение телеграфа, не встретив со стороны начальника караула возражений. Я немедленно созвонился с начальником телеграфа Тимаковым, отправил его на разведку и выяснил, что отряд Попова явился без ответственного руководителя и находился совершенно не в курсе о цели своего назначения. Позондировав почву, комиссар Тимаков выяснил, что отряд считает, что он прислан для охраны телеграфа и, не понимая сущности борьбы, готов подчиняться распоряжениям нашего комиссара. Воспользовавшись этим, я предложил комиссару Тимакову постараться изолировать отряд, что Тимакову и удалось сделать путем введения отряда в караульное помещение, где при помощи небольшой воинской силы его можно было обезоружить. Немедленно же я сообщил о происшедшем т. Троцкому и попросил его прислать отряд хотя бы в 50 человек верных войск. Не знаю, по каким причинам, но отряд не был послан в течение нескольких часов, хотя я после этого добивался еще несколько часов присылки его. Между тем в этот промежуток времени на телеграф уже успел явиться второй отряд Попова уже во главе с Прошьяном, который и стал распоряжаться на телеграфе.

2) Караул на телеграфе состоял от первого Советского полка. Начальник караула мне неизвестен, почему прислать его к Вам не могу.

3) Точная фамилия члена Цикапотеля [1] — Лихобадин Василий Васильевич.

Народный комиссар почт и телеграфов

В. Подбельский

4

ПОКАЗАНИЯ АЛЕКСАНДРА ИЛЬИЧА ЕРМОЛЕНКО *

6 июля около 12 часов ночи нового времени [2] я узнал об убийстве Мирбаха и попытках небольшого вооруженного отряда арес-

[1] Центральный Комитет почтово-телеграфного союза.

* Показания Ермоленко подтверждаются показаниями Маслова, Ефретова и др.— *Прим. ред.*

[2] 31 мая 1918 года согласно декрету Совнаркома часовая стрелка на летнее время была переведена по всей республике на 2 часа вперед.

П. П. Прошьян, член ЦК партии левых эсеров

товать в бывшей гостинице «Прогресс» народного комиссара почт и телеграфов тов. Подбельского.

Кто убил германского посла и кто стремился к аресту Подбельского, тогда я еще не знал. Предполагая возможность крупных событий, я отправился в «Прогресс» и там узнал, что левые эсеры арестовывают всех видных советских работников, принадлежащих к партии коммунистов-большевиков. В «Прогрессе» в это время находился вооруженный отряд матросов — 4—5 человек. Я отправился на телеграф. В Центральном телеграфе я узнал, что туда введен вооруженный отряд до 40 человек, причем никто не знал, по чьему распоряжению явилась усиленная «охрана», как называли служащие вновь прибывший отряд. Отряд требовал себе ужина, которого администрация телеграфа не могла ему дать за отсутствием у нее продуктов. По этому поводу начальник отряда, вооруженный с ног до головы красноармеец, выражал свое неудовольствие, указывая, что они целый день ничего не ели и теперь приходится дежурить здесь голодным. На вопросы, по чьему распоряжению отряд явился на телеграф, начальник отряда заявил, что пришли они по распоряжению Центрального Комитета. Какой именно ЦК, он не указывал. Через четверть часа выяснилось, что явившиеся были из отряда Попова. В это время в аппаратную комнату вошли человек 30—40 вооруженных матросов

и красноармейцев. Впереди их был гражданин Прошьян. Подойдя к столу комиссара телеграфной конторы, он, ударив по столу рукой, заявил громко: «Мы убили Мирбаха, Совет Народных Комиссаров арестован»,— и, обращаясь к служащим, просил их собраться всем для выслушания его заявлений. О происходящем по телеграфу было сообщено в Кремль. В то же время я обратился к служащим, начавшим собираться около стола, где стоял Прошьян, и просил их разойтись работать, оставаясь на местах. Служащие охотно разошлись по своим местам. Желая прекратить переговоры по телефону, которые пытался вести член ЦК П-Т союза [1] т. Ефретов, гражданин Прошьян приказал арестовать Ефретова и комиссара Московского телеграфного узла т. Маслова, а также и меня как призывавшего служащих оставаться на местах и продолжать спокойно работать. Нас отправили в штаб отряда Попова, в доме Морозова, предварительно обыскав нас и отобрав оружие (револьверы). По пути всюду были расставлены патрули. В Покровских казармах горели огни, заметно было усиленное движение. Кто-то из сопровождавших сказал, что там идет митинг и что все войска, находящиеся в Покровских казармах, перешли на сторону восставших. В штабе левых эсеров нас переписали, заявили, что многие члены Совета Народных Комиссаров уже арестованы. На ироническое замечание одного из нас, что вот-де вам еще привели контрреволюционеров, сам Попов разразился бранью по адресу сказавшего, обозвав нас хулиганами. Затем нас поместили в подвал под охраной двух матросов. К утру арестованных в нашей комнате собралось около 30 человек.

Было заметно, что главные деятели отряда Попова, черноморские матросы, были не совсем в трезвом состоянии.

Главным мотивом восстания матросы указывали на сдачу и потопление Черноморского флота [2].

По их мнению, нужно было воевать с Германией и ни в каком случае не считаться ни с какими ее требованиями. Матросы убеждены почему-то, что сил для войны с немцами у России еще хватит. Указания на то, что у нас нет ни армии, ни хлеба, не считали важными. Они начинали колебаться только тогда, когда арестованные указывали, что их восстание идет против воли большинства Всероссийского съезда Советов.

Наши караульные сначала держались бодро и уверенно. Но с того времени, как началось наступление советских войск и на

---

[1] ЦК почтово-телеграфного союза.

[2] Черноморский флот был затоплен в июне 1918 года по распоряжению Совнаркома ввиду угрозы его захвата германскими войсками, оккупировавшими Крым.

улице послышались пулеметные и орудийные выстрелы, их настроение изменилось: стали молчаливее.

Около 2 часов дня 7 июля мы из своего подвала могли заметить, как штаб эсеров стал постепенно собираться. Мы не знали, в чем дело. Наша охрана тоже, по-видимому, не знала, куда собираются уходить поповцы. Наконец шум стих, охрана тоже куда-то ушла, не заявив нам ни слова. На поверхности слышались еще выстрелы наступавших войск и уходивших, как потом сказали, к Курскому вокзалу эсеров.

Только небольшая часть матросов, по-видимому, принимала решительное участие в восстании. Огромная же часть их и красноармейцев действовали крайне вяло и в большинстве случаев не знали, что им делать, зачем эти аресты и кому это все нужно. Поэтому, как только послышались первые выстрелы, красноармейцы покинули свои посты, матросы опустили руки. А сознательные повстанцы заявили: «Нет, рано мы начали».

Подписал член ЦИК Всероссийского П-Т союза *А. Ермоленко*

13/VII—18 г.

Вместе с гражданином Прошьяном и введенным им вооруженным отрядом в аппаратную комнату Центрального телеграфа явился член ЦИК Всероссийского П-Т союза т. Лиходабин.

Подписал *А. Ермоленко*

5

К СВЕДЕНИЮ тт. ТЕЛЕГРАФИСТОВ И ТЕЛЕГРАФИСТОК

Всякие депеши за подписью Ленина, Троцкого и Свердлова, а равно и депеши, направленные контрреволюционными партиями правых социалистов-революционеров и социал-демократов меньшевиков, ненавистников Советской власти, и белогвардейцев, кадетов и монархистов, провоцирующих левых социалистов-революционеров, задерживать, признавая их вредными для Советской власти вообще и правящей в настоящее время партии левых с.-р. в частности.

Все задержанные депеши направлять старшему по аппаратной.

Член Цикопотеля *Лиходабин*

6

ВСЕМ ГУБЕРНСКИМ, УЕЗДНЫМ, ВОЛОСТНЫМ И ГОРОДСКИМ СОВДЕПАМ

По постановлению ЦК партии левых социалистов-революционеров убит летучим боевым отрядом представитель германского империализма, и контрреволюционеры пытаются вести агитацию на фабриках и заводах и в воинских частях. Все эти попытки встречаются единодушным негодованием рабочих и красноармейцев, горячо приветствующих решительные действия защитницы трудящихся партии левых социалистов-революционеров.

ЦК левых социалистов-революционеров призывает всех левых эсеров и большевиков, всех трудящихся встать грудью на защиту Советов и социальной революции, на защиту украинских рабочих и крестьян, изнемогающих в героической борьбе против империалистов.

Да здравствует восстание против империалистов!

Да здравствует власть Советов!

7

БЮЛЛЕТЕНЬ № 1

В 3 часа дня 6 июля летучим боевым отрядом партии левых социалистов-революционеров был убит посланник германского империализма граф Мирбах и два его ближайших помощника в здании германского посольства.

При выполнении своего революционного долга ранен один товарищ; никто из посторонних не пострадал.

Председатель Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией Дзержинский, явившийся производить следствие по делу Мирбаха, объявил арестованными двух членов комитета ПЛСР — Прошьяна и Карелина, причем заявил, что один из членов ЦК должен быть искупительной жертвой за Мирбаха. По постановлению Центрального Комитета Дзержинский временно задержан.

По постановлению ЦК ПСР [1] на время заседаний Всероссийского съезда Советов для руководства фракцией ЛСР и для защиты наших революционных позиций делегированы тт. Спиридонова и Голубовский.

Центральный Комитет уверен, что ни одна рука рабочего и крестьянина не поднимется на личность наших товарищей.

[1] Партии (левых.— *Ред.*) социалистов-революционеров.

Временно задержан член Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией Лацис [1]; Центральный Комитет доводит до сведения трудящихся масс, что все товарищи коммунисты-большевики будут в ближайшее время освобождены.

ЦК ПЛСР берет под свою защиту неприкосновенность всякого члена фракции ЛСР 5-го съезда Советов.

ЦК ПЛСР предупреждает население города Москвы, что всякие попытки темных и контрреволюционных сил, белогвардейцев, германских и союзных провокаторов и шпионов, правых эсеров и меньшевиков, направленные к низвержению Советской власти, будут подавляться беспощадным образом.

По постановлению Центрального Комитета партии левых социалистов-революционеров убит летучим боевым отрядом представитель германского империализма граф Мирбах.

Агенты германского империализма и контрреволюционеры пытаются вести агитацию на фабриках, заводах и в воинских частях.

Все эти попытки встречаются единодушным негодованием рабочих и красноармейцев, горячо приветствующих решительные действия защитницы интересов трудящихся ПЛСР.

Центральный Комитет левых социалистов-революционеров призывает всех левых эсеров и большевиков, всех трудящихся вставать грудью на защиту Советов и социальной революции, на защиту украинских рабочих и крестьян, изнемогающих в героической борьбе против империалистов.

Да здравствует восстание против империалистов!

Да здравствует власть Советов!

Примечание особой следственной комиссии: утверждение, будто т. Ф. Дзержинский «заявил, что один из членов Центрального Комитета ПЛСР должен быть искупительной жертвой за Мирбаха», ложно.

8

В Тулу. Клуб «Земля и Воля», Пятницкая, Титову, № 3809.

Нами съезд покинут на один день. Ситуация грозит столкновением. И. П. и Б. О.[2] приводят в состояние готовности. Дмитрий.

Адрес отправителя. Москва, Националь, № 133.

[1] После ареста Ф. Э. Дзержинского Совнарком назначил М. Я. Лациса исполняющим обязанности председателя ВЧК. Вечером 6 июля он был арестован в здании ВЧК вооруженным отрядом поповцев, посланным заместителем председателя ВЧК левым эсером В. А. Александровичем.

[2] И. П. расшифровать не удалось. Б. О.— боевые отряды.

6

ЛЕВОЭСЕРОВСКАЯ АГИТАЦИЯ СРЕДИ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ

В СЛЕДСТВЕННУЮ КОМИССИЮ ПО ДЕЛУ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ

В ночь с 6—7 июля в 10-м часу вечера ко мне пришел командир 1-го Советского караульного полка и сообщил, что сейчас приедут в полк Черепанов и Спиридонова и будут выступать на митинге. Не прошло минут десяти, как за мной бежит красноармеец и говорит: «Товарищ Шоричев, скорей, там левые эсеры агитируют за присоединение к отряду Попова». Я пришел на собрание (собрание немногочисленное, около 200 человек) и слышал речь Черепанова следующего содержания: Центральный Комитет левых эсеров убил палача Мирбаха, тем самым Брестский договор не существует, и за это Советское правительство хочет нас, левых эсеров, арестовать, обезоружить, убийцу требуют выдать и все это хотят проделать с помощью германского корпуса, который сейчас находится в Москве под видом конной милиции; в конце своей речи провозгласил лозунги: «Долой соглашательскую мирбаховскую политику, да здравствует восстание, да здравствуют «независимые» крестьянские Советы!» Точно такого же содержания была и речь Фишмана; после их я обратился к собранию с призывом не поддаваться на провокационный призыв безответственных агитаторов и предложил Черепанова и Фишмана арестовать; тогда Черепанов с истерическим воплем обращается к собранию и подчеркивает отношение большевиков к левым эсерам. Тут произошло нечто хаотическое: крик, шум, кто за то, чтобы арестовать, кто против, и в результате мне задержать не удалось; в свою очередь я предложил красноармейцам исполнять приказания и распоряжения только лиц, ответственных перед Советским правительством,— в лице военных комиссаров, командиров полков, ротных, взводных; после моего выступления у собрания настроение начало падать, попытки Черепанова опять говорить встречены криками: «Долой, довольно!» Что касается поведения командного состава, хотя [он] был на месте в казармах, но влияния на красноармейцев не имел и не проявлял активности ни за, ни против. В полку 1 марта никакого командного состава в этот момент не было в казармах; солдаты отдельными группами по 5, 10 человек выбегали с винтовками из казарм; в это время разнесся слух, что в штабе Попова раздаются консервы, и публика заинтересовалась консервами, стала сновать взад и вперед из казарм, туда и обратно. К вышеизложенному имею добавить, что

все то, что произошло, не носило организованный сознательный характер, так как в вышеуказанных частях, включая сюда и отряд Попова, членов партии левых эсеров среди красноармейцев нет. На мой взгляд, в данном случае сыграли роль два следующих фактора: первый — это грязная демагогическая агитация, подействовавшая на лучшую часть красноармейцев, и второе — это элемент, который почуял нечто вроде погромчика, хотя всего-то их не более 100 человек было участников. В 1-м часу ночи я был в комиссариате, получал телефонограммы из центра, делал распоряжения, а в 2 часа ночи приходят матросы с ордером от Попова отобрать у меня оружие (маузер); я, конечно, не подчинился, оружие не выдал, тогда они пришли вторично с приказанием привести меня в штаб, где я находился до 2-х часов дня 7 июля; что в моем отсутствии происходило — сказать ничего не могу. 19/VI—18 года

Военный комиссар Городского района
Сергей Шоричев

В ВЫБОРНЫЕ КОМИТЕТЫ 2-го И 3-го ЛАТЫШСКИХ ПОЛКОВ *

Центральный Комитет партии левых социалистов-революционеров категорически заявляет, что ни к какому захвату власти он не стремится, а произвел убийство Мирбаха в целях прекратить в дальнейшем завоевание трудовой России германским капиталом. Партия коммунистов-большевиков будет играть в руку контрреволюции, если будет направлять против защищающих советский строй и Центральный Комитет партии левых с.-р. частей советских войск свои обманутые части, направленные для отомщения за Мирбаха.

Центральный Комитет партии лев. с.-р.

Печать партии
левых социалистов-
революционеров
интернационалистов

* Рукопись.

ПРОТОКОЛ 7 ИЮЛЯ 1918 ГОДА, ПОКАЗАНИЯ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА ТЕРЕНТЬЕВА

«Я — А. Терентьев, начальник боевого отряда левых эсеров, организовавшегося в Петрограде штабом левых эсеров, состоявшего из Колсу, Пушинского, Трубицына и других лиц, которых я не знаю.

В дружине я не знаю количество людей, а у нас в отряде 45 человек в составе левых эсеров и беспартийных, социальное положение которых не совсем известно. Организованы мы для борьбы с чехословаками. Прибыли сегодня в $6^1/_2$ часов утра из Петрограда. На самом фронте чехословаков я не был, а был в Ярославле 20 июня и за ним. В Ярославле был на съезде Советов. Ездил от Петроградского комитета по агитационным работам по деревням и заехал на съезд, где активно не выступал. Оттуда уехал в Петроград 25 июня, где получил отряд в свое командование. В партии социалистов-революционеров состою с 1913 года, но после раскола перешел в левые эсеры. Прямо с вокзала мы направились в Центральный Комитет партии и, проходя по Рождественскому бульвару, были задержаны встретившимся отрядом человек в 100 с пулеметом. На предложение отряда разоружиться я ответил: пойдемте выяснить в Совет. В Совете мне сказали, что происходят столкновения между левыми эсерами и коммунистами. О трениях, возникших теперь, ничего не знал. 1-го или 2-го мы готовились к отъезду на чехословацкий фронт, но за отсутствием людей и директив должны были ехать через Москву. На Николаевском вокзале нас никто не опрашивал и не задерживал. В Совете я был обыскан двумя лицами и сдал находившиеся при мне две пачки патронов. Каким образом очутилась в комнате, где я находился и 9 других арестованных, бомба на столе, я не знаю. Я отрицаю принадлежность бомбы мне. Из Петрограда выехал 5 июля пассажирским поездом. Разрешение от коменданта имел. Письменного документа у меня нет. Все имели билеты 3-го класса. При аресте к команде меня не допустили. Телеграмму от Центрального Комитета не получал. В Москву ехали без вызова Центрального Комитета».

Показание Петровского, члена партии коммунистов, № 283: «Я его обыскал и нашел 2 пачки патронов. Больше, по моему мнению, не оказалось. При обыске рукава не осматривал?» Резолюция: «Изолировать».

Верно: С. (подпись неразборчива).

В ЧРЕЗВЫЧАЙНУЮ СЛЕДСТВЕННУЮ
КОМИССИЮ тов. СТУЧКЕ

От тов. коммуниста Леонида Петровича
Наумана

ЗАЯВЛЕНИЕ

6 июля т. г. я, в 7 часов заступив на дежурство, увидел, что в районе 3-го Мясницкого комиссариата часов в 8 вечера стали бродить какие-то вооруженные с ног до головы люди; тогда я вышел из помещения и узнал, что это красноармейцы и матросы отряда Попова; когда я стал их спрашивать, по какому случаю это делается, то они ответили: «Потом увидите». Через несколько времени к нам в комиссариат явились два матроса (фамилии не знаю) и заявили, что они присланы из отряда Попова для получения от нас делегации милиционеров в их штаб; тогда я им сделал заявление, что милиция должна быть нейтральной, а потому в этом им я отказал; согласившись со мной, они удалились. После этого я позвонил по телефону тов. Борщевскому в Городской район рабочих депутатов, который одобрил мое распоряжение, подтвердив приказанием о невысылке делегации. Через несколько времени они вторично явились, требуя таковой, с предупреждением, что в противном случае «мы весь комиссариат разобьем и обезоружим». Я же, в свою очередь, спросил, от кого таковое приказание у них исходит, то мне ответили, что от тов. Камкова. Несмотря на все их угрозы, я делегацию не выслал и никто из нас к ним не пошел, за исключением посланного мною наблюдателя за их поведением. После этого я видел, что из особняка Морозова стали идти матросы, таща с собою пулемет, который и был ими поставлен в воротах нашего комиссариата; сами они, в числе около пятидесяти человек, заняли наш комиссариат, разместившись в комнате угловой, наружной и в канцелярии во втором этаже, производя из нашего двора стрельбу по направлению к Хитровской площади [1] и вытащив дополнительно из того же особняка орудие, из коего стрельба не производилась. Получив через несколько времени известие, что на них наступают латышские стрелки, они покинули помещение комиссариата, за исключением разместившихся в канцелярии, каковых я под видом скрыть их запер в одну из арестантских камер, после чего и сдал их латышскому отряду, то последний их и арестовал, отправив их на Театральную площадь. После разоружения их, присоединившись к латышским

[1] Ныне застроена, район переулка Максима Горького.

стрелкам, я стал наступать на матросов в Мало-Трехсвятительском переулке [1], отняв лично от них два пулемета, сданных впоследствии в Совет рабочих депутатов Городского района.

Помощник заведующего 3-го Мясницкого комиссариата
по наружной охране: *Науман*

ПОКАЗАНИЯ СТЕПАНА ПАВЛОВИЧА БАРИНОВА, СОСТОЯВШЕГО АРТЕЛЬЩИКОМ 1-го МАРТОВСКОГО ПОЛКА

6 июля, около 6 часов вечера, в наши казармы пришли 4 человека, в числе которых и был Александрович. Пришедшие устроили митинг среди солдат, размещающихся в Покровских казармах. На митинге было около 2000 человек. На митинге пришедшие призывали выступить против германского милитаризма и в защиту партии левых эсеров ввиду того, что партия совершила террористический акт и большевики потребуют выдачи преступников. Агитация возбудила солдат, и часть из них вышла для несения караульной службы.

Около 11 часов вечера пришли матросы и просили прийти в штаб Попова командира полка; комиссара и районного комиссара Шоричева арестовали. Пошли в штаб командира полка комиссар Румянцев и дежурный по полку, а также командир 3-й роты и я, Баринов, кроме того, пошли взводные командиры полка. Когда мы пришли, нас попросили на заседание, где присутствовал Центральный Комитет левых социалистов-революционеров, а также Александрович. Нам объяснили положение партии и сказали, что по приговору ЦК партии совершен акт убийства германского посла Мирбаха, и призывали помочь им против большевиков.

Наши делегаты к этому предложению отнеслись отрицательно, но все-таки обещали быть готовыми.

Возвращаясь в казармы, командир полка распорядился выдать по 50 патронов и по гранате и быть в боевой готовности.

Фактически Мартовский полк нес только караульную службу. В штабе Попова ночевал я, командир 3-й роты Мартовского полка и приходил дежурный по полку инструктор. Цель нашего присутствия была не допустить пролития крови наших людей. Принадлежу я к партии коммунистов. Арестован я на улице, когда встретил Александровича, сопровождаемого патрулем. Я подошел к

[1] Ныне Малый Вузовский переулок.

нему и спросил: «Как наша мирная делегация?» Патруль спросил меня, знаком ли я с Александровичем, на что я ответил: знаком, узнал у Попова.

Степан Баринов

7

ОТРЯД И ШТАБ ПОПОВА

1. СОСТАВ ОТРЯДА ПОПОВА

ПОКАЗАНИЯ НЕКОТОРЫХ СВИДЕТЕЛЕЙ

Нейман Эрнст. Поступил в отряд Попова в начале июня с. г. В субботу вечером арестовали, когда я предъявил документы о том, что состою в отряде Попова. 3—4 дня до субботы матросы стояли у ворот на карауле и никого не выпускали. У штаба все эти дни стояли пулеметы.

Тубли Яков, эстонец, кашевар отряда Попова с апреля. Ничего существенного показать не может.

Овечкин Иван Андреевич, 20 лет, из города Путивля, 2 июля поступил в отряд Попова. Я матрос Черноморского флота, получал 240 рублей. Всего прибыло нас около 500 человек матросов. К нам тогда явились от Попова пригласить к себе, так как в Москве много контрреволюционеров. Я был в обозе. Я считаюсь большевиком и против Советской власти не иду. Я бежал вместе с отрядом и сдался на заводе при ст. Обираловка. Я согласен поступить в армию.

Принцев Василий Семенович, 18 лет, из Красной Армии, финн. 13 мая с финнами поступил в отряд Попова. До службы работал в переплетной мастерской в Петрограде. С пятницы вечером закрыли ворота и никого не выпускали. В воскресенье, когда начали стрелять, нам сказали, что наступают австрийцы, чтобы мы спасались. Я сдался на заводе с другими. Я бежал без оружия.

Куркин Степан Николаевич. Я поступил в отряд 6 июля утром. Рекомендаций никаких я не представлял. Я беспартийный. В 6—7 вечера меня поставили дежурить к пулемету. Никто мне ничего не объяснил. Никаких приказов не давали. По отряду ходили слухи, что убит посол Мирбах и что немцы двигаются к нашему отряду разоружать нас.

Перегудов Федор Иосифович, рядовой из отряда Попова, б. матрос Черноморского флота. В отряд я поступил 2 июля с. г. По списку нас поступило в отряд Попова около 180 человек, а за-

тем часть ушла. Из обмундировки нам выдали 2 пары белья и сукно на брюки и гимнастерку. Задержали в Богородске.

В субботу, 6-го, в 6 часов дня вступил в караул в Всероссийской чрезвычайной комиссии. Стояли до половины шестого. Пришедши в казармы, лег спать, а утром, до того как началась пальба, убежал.

20 июля 1918 года.

Фоеберг Сигульт .... финн, 2 роты отряда Попова.
Валас Лаури .... финн, 2 роты.
Алдо Армас .... финн, 2 роты.

Все они были в совершенном неведении о смысле происходящего. Ни командир роты, ни командир батальона 6-го и 7-го полков к ним в роту не приходили.

19/VII 1918 года.

В отряд Попова поступил около 25 июня. Раньше служил в Финляндии в Красной гвардии; о восстании ничего не знал; когда отряд Попова занял телеграф, я находился в казармах; в отряд Попова меня отправил военный комиссариат города Пуйде, где находится много финских беженцев на Волге. Где находится Попов, не знаю; Попов и другое начальство виновато в восстании; Попов нам не говорил, что нужно будет идти против Советской власти; в субботу, когда отряд Попова начал наступать, я только узнал, что он идет против Советской власти, а все время ничего не знали, так как начальство нам ничего не говорило; в воскресенье до обеда мы ушли вместе с отрядом из города Москвы; мы отступали по Владимирскому шоссе [1]; верст 16 от города нас нагнали советские войска, и мы разбежались; в следственную часть Павловского Посада пришли вместе с Ноппе сегодня.

Матвей Тайнилайнен

9/VII 1918 года.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ
НЕКОТОРЫХ СВИДЕТЕЛЕЙ [2]

1. Задержанный отрядом поповцев заведующий учетным отделом Московского губернского комитета Т. Шимловский предъ-

[1] Ныне шоссе Энтузиастов.
[2] Пункты 5, 6 в книге опущены.

явил свои документы отряду, но был арестован, причем матросы ему заявили: «Мы Советской власти не признаем». Шимловскому запретили разговаривать с солдатами и грозили расстрелом.

2. Выдержка из письма дружинника левых эсеров от 4 июля: «В связи с 5-м Всероссийским съездом Советов мы уже третьи сутки стоим в полной боевой готовности, и, когда и чем кончится эта волынка, никто ничего не знает. Вечером нас никуда не пускают».

3. 4 июля отряд Попова, пользуясь Всероссийской комиссией по борьбе с контрреволюцией, где были представители партии левых эсеров, представил Всероссийскому союзу городов требование на большое количество санитарных предметов.

4. Уполномоченный Военного контроля, арестованный поповцами, показал, между прочим, следующее: «Попов был выпивши, и кроме него еще несколько человек, которых я не знал, были тоже заметно выпивши. Попов и другие руководители старались громко при своих солдатах говорить, что много новых частей примкнули к ним, что телеграф занят и по всей России отправлены уже инструкции. Какой-то отряд был приведен в штаб Попова под угрозой расстрела, если они не примкнут к поповцам».

7. Берзин К. И., член батальонного комитета: «В штабе нас окружили пьяные матросы. Нам говорили, что многие полки присоединились к левым эсерам. Нас убеждали, что т. Ленин и Троцкий продали Россию, и они, лев. эсеры, дескать, призывают теперь к восстанию против насильников».

8. Кауров С. И., слесарь, работавший при штабе Попова: «Я заметил пьянство среди членов штаба, я слышал речь Попова. Он утверждал, что Ленин и Троцкий распродали Россию и теперь отправляют в Германию мануфактуру, хлеб. Большевики продали Черноморский флот и т. д. Меня отправили в подвал. Охрана в моем присутствии распивала водку».

9. П. Майоров, секретарь крестьянской секции, доставил в следственную комиссию документы, указывающие, что левые эсеры без ведома секретаря крестьянской секции получали документы на получение оружия из Ярославля, куда они делегировали членов своей партии якобы за покупкой кожи и махорки.

13. Булочников М. М., делегат съезда от Козьмодемьянского уезда, Казанской губернии (левый эсер): «Все события 6 и 7 июля для меня были полной неожиданностью».

14. Кулагин Мих. Константинович (член фракции левых эсеров): «Сообщение об убийстве Мирбаха произвело на меня крайне гнетущее впечатление».

15. Звядевич, шофер. Арестован поповцами. В штабе ему солдаты говорили: «Сегодня будет крах большевистской власти, а потому тебе незачем ехать в Кремль. На Кремль уже наведена

артиллерия. Ты лучше оставайся у нас; мы дадим тебе жалованье, и ты будешь работать на своей машине».

16. Шилов К. И., шофер: «Я прибыл в город 7 июля в 11 часов утра на Курский вокзал. В первом часу к вокзалу подъехал отряд Попова. Знакомый шофер указал на меня как на шофера, и меня заставили ехать с человеком, которого называли Саблиным. На мои возражения Саблин пригрозил мне расстрелом. При этом он сказал, что мне бояться нечего, так как он, Саблин, по приказу т. Троцкого назначен комиссаром охраны города Москвы».

17. Швехгемер В. И., председатель полкового комитета 1-го Латышского стрелкового полка, был арестован и доставлен в штаб Попова, где Попов говорил, что по постановлению ЦК партии эсеров убит германский посол Мирбах и мы требуем немедленного выступления против германцев. «Мы не против Советской власти, но такой, как теперь, не хотим,— говорил Попов.— Теперешняя власть — соглашательская шайка во главе с Троцким и Лениным, которые довели народ до гибели и почти ежедневно производят расстрелы и аресты рабочих. Если теперешняя власть не способна, то мы сделаем, что можно будет выступить против германца». Далее указывает Попов, что все воинские части на стороне эсеров. Только латыши не сдаются. «В крайнем случае,— говорил Попов,— мы сметем артиллерийским огнем Кремль с лица земли».

2. В ШТАБЕ ПОПОВА

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ПО ВОЕННЫМ ДЕЛАМ тов. ТРОЦКОМУ

Комиссара Латышской стрелковой советской дивизии К. Петерсона

ДОКЛАД

Только что явился к комиссару дивизии стрелок 3-го Латышского стрелкового советского полка Вилис Вийтин, который во время разведки был захвачен «в плен» восставшим отрядом Попова. Тов. Вийтин передал следующее:

Около 10 часов утра его задержали и повезли в штаб Попова на улице Трехсвятителей, дом 362[1]. Его допрашивали Карелин, Камков и другие, которых товарищ не помнит. Вместе с другими арестованными там же содержался тов. Дзержинский и Лацис.

[1] Штаб отряда Попова размещался в Трехсвятительском переулке, дом 1.

Тов. Вийтина отпустили, чтобы он передал полковому комитету приложенные при сем листки «Ко всем рабочим и красноармейцам» и писанный рукою листок с печатью ЦК левых с.-р. Настроение среди стрелков хорошее, и ликвидация восстания подвигается успешно. Из отряда Попова к комиссару дивизии явились два делегата, по их словам — коммунисты, и заявили, что большинство отряда против этой авантюры, и просили, чтобы мы отправили своего делегата разъяснить им, из-за чего происходит обстрел. Мы им все объяснили и одного делегата отправили обратно, заявляя, что мы своих делегатов к ним не пошлем, а если они решили сдаться, то пусть присылают полномочных парламентеров, которых мы направим к тов. Подвойскому.

В районе штаба восставших свидетель Вийтин видел и французских солдат, но без оружия.

Приложения: Один печатный лист прокламации и писанный рукою листок, предназначенный для 3-го Латышского полка.

Комиссар Латышской дивизии *К. Петерсон*
Свидетель — стрелок 3-го Латышского полка *Вийтин*

ПОКАЗАНИЯ ОДИНОКОВА ПАВЛА ИВАНОВИЧА, ДЕЛЕГАТА ГЖАТСКОГО СОВДЕПА

Я с двумя товарищами поехал ночью 6—7 июня в 12 часов в Лефортовский район по поручению фракции коммунистов на извозчике. Около почтамта, на Мясницкой [1], нас остановил отряд вооруженный из 8 человек. Спросив нас, кто мы, и получив ответ, что делегаты, отряд отобрал у двоих из нас оружие и на ответ наш, что мы коммунисты, нас задержали и отвезли нас в штаб. В штабе Попов спросил отряд, кого он привел, а на ответ, что это коммунисты, распорядился отвести нас туда же, где и прочие арестованные коммунисты. Его остановил Карелин со словами, что раньше надо допросить. И действительно, он стал меня расспрашивать, что было на съезде, что думает предпринять фракция большевиков, а на мой ответ, что я не знаю, объяснил, что такие же отряды, как арестовавший нас, стоят по всей Москве, власть большевиков пала, Ленин и Троцкий арестованы, Карелин ответил: «За предательство России Германии». На наш вопрос, в чем это предательство, Карелин объяснил, что странно, если мы этого не знаем, ибо они отвезли 46 вагонов хлеба и на 3 мил-

[1] Ныне улица Кирова.

Д. И. Попов

лиарда мануфактуры в Германию и уплатили за социализацию земли Германии 30 миллиардов. В дальнейшем Карелин объяснил, что ЦК партии постановил убить Мирбаха, чтобы вызвать войну. А когда я объяснил, что мы сейчас ведь не можем воевать, ответил: «Ну что же, если и нас победят, мы вместе с Украиною будем бороться партизанскими отрядами». Еще Карелин прибавил, что он арестовал Ленина и Троцкого за приказ расстрелять левых с.-р. «Раньше, чем расстрелять наших, мы их расстреляем». Дал на руки листовки, одну печатную, как вы показываете (показана прокламация, начинающаяся словами «Палач трудового народа»), и 2 листовки на машинке печатаны. Когда у меня в кармане нашли еще два патрона, хотели расстрелять, и только Попов удержал словами, что «это наши, которые не были даже на фракционном собрании». Нас отпустили.

Подписал *П. И. Одиноков*

ПОКАЗАНИЕ АЛЕКСАНДРА ВОЙНОВСКОГО, КРАСНОАРМЕЙЦА, СОСТОЯЩЕГО В РАСПОРЯЖЕНИИ РЕВТРИБУНАЛА Г. МОСКВЫ, СОЛЯНКА, № 1

6 июня в 9-м часу вечера мы шли в Замоскворецкий партийный комитет на собрание. Недалеко от Устьинского моста меня задержал конный патруль — 4 человека, там же был вооруженный

грузовик. Потребовали предъявления документов. Я предъявил свой партийный билет члена большевистской партии. Один из патрульных сказал: «А, большевик, вас-то нам и надо!» Нас задержали и препроводили в штаб Попова. Там нас обезоружили, отняли револьвер. Расписки не дали. Под угрозой расстрела отняли и ремень. Меня посадили в подвал. Матросы, которые нас караулили, хвастались, что Кремль взят, Ленин в плену, все арестованы, латыши отказались драться с матросами. Нас было 27 человек в плену. Когда поповцы бежали, мы были освобождены.

Войновский

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

ВИТКОВСКОГО ФИЛИППА СИДОРОВИЧА, ПРОЖИВАЮЩЕГО НА СОЛЯНКЕ, Д. № 1, МОСКОВСКИМ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ТРИБУНАЛОМ ЗАДЕРЖАННОГО ВО ВРЕМЯ ЛЕВОЭСЕРОВСКОГО МЯТЕЖА ОТРЯДОМ ПОПОВА 6 ИЮЛЯ В 9 ЧАСОВ ВЕЧЕРА И ОСВОБОЖДЕННОГО СОВЕТСКИМИ ОТРЯДАМИ 7 ИЮЛЯ В 3 ЧАСА ДНЯ

6-го мы по поручению партийного комитета отправились в Замоскворецкий район на партийное собрание. На Солянке патруль из 12 человек нас пропустил. Нас было двое: я и т. Войновский. Около Устьинского моста патруль из 12 человек, пропустивший нас, снова нас догнал и задержал. На вопрос, куда идем, мы ответили: на партийное собрание. Они спросили нас, кто мы, и потребовали документы. Когда они просмотрели наши документы, то заявили: «Ага, большевики, вас-то нам и нужно!» Они потребовали оружие. Мы отказались отдать им на улице. Нас привели в штаб. В штабе сидели тт. Дзержинский, Лацис и секретарь Муралова. Попов, по нашем прибытии в штаб, потребовал оружие, угрожая в противном случае поставить к стенке. Револьвер отобрали. Квитанцию дать мне отказались. Документы я не отдал. После этого нас отвели в подвал, где нас было 24 человека. Матросы, когда нас привели в подвал, говорили нам: «Это ленинцы, которые целуются с Мирбахом. Троцкий, Ленин — продажные шкуры. Они продали всю Россию и Украину немцам». Когда мы пытались им возражать, то они отвечали нам: «Ладно, мы с вами расправимся». Они угрожали нам бомбами и обещали взорвать нас, когда им придется отступать. Утром 7 июля они утверждали, что дело левых эсеров подвигается вперед, а именно: к левым эсерам присоединились советские полки. Через 2 часа они заявили нам, что они разбиты. Матросы стали нам говорить, чтобы мы или

шли за ними, или уходили. Мы ответили отказом, указывая, что будем ждать своих товарищей. Нам пригрозили бомбами. Через несколько времени они побежали, и нас освободили наши товарищи латыши, с которыми прибыл начальник 16-го Летучего отряда Винглинский. В отряде Попова дисциплины никакой не замечалось: почти все были выпивши, постоянно ругались матерными словами и угрожали бомбами. Мы видели, что им раздавали баранки, сапоги и другое имущество. На шкафу я заметил бутылку спирта. Мы забрали винтовки и ушли на улицу.

Витковский

Мой револьвер за № 58294.

5

ПОКАЗАНИЯ ЧЛЕНА ВСЕРОССИЙСКОГО ЦИК
ИВАНА АБРАМОВИЧА ЗАВАДСКОГО

В ночь с 6 на 7 июля 1918 года по постановлению фракции коммунистов я был делегирован в Городской районный Совет вместе с другими товарищами делегатами 5-го Всероссийского съезда. Около 2-х часов ночи 7 июля Городской районный Совет получил сведения, что часть войск Покровских казарм под влиянием левоэсеровской агитации колеблется переходить на их сторону. Городской районный Совет в экстренном своем заседании решил послать в Покровские казармы ответственного политического комиссара, который бы и разъяснил солдатам сущность левоэсеровской авантюры.

Политическим комиссаром назначен был я. По дороге в Покровские казармы я был арестован поповским патрулем. Обстоятельства ареста были следующие. На вопрос встретившихся патрулей: «Куда мы идем и кто мы?» — я и двое товарищей, посланных со мною из Городского районного Совета, предъявили им свои мандаты, в том числе я предъявил свой мандат члена ВЦИК и делегатский билет Владимирского губернского Совета. Несмотря на предъявленные документы, патруль обыскал нас и отобрал имеющееся у нас оружие, объявил, что мы арестованы, повел нас в военный штаб отряда Попова.

По дороге в штаб (в Трехсвятительском переулке) нам удалось скрыться, благодаря замешательству патрулей от неожиданно открывшейся пулеметной стрельбы.

Кто стрелял и в кого, узнать не пришлось.

12 июля 1918 года.

Член ВЦИК *И. Завадский*

III. ЛИКВИДАЦИЯ МЯТЕЖА

1

ВЫПИСКА
ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ ВЧК 7.VII.1918 ГОДА

Слушали:	Постановили:
О мятежниках из отряда Попова.	Смертный приговор ВЧК, утвержденный ВЦИК о 1) М. А. Филонове, 2) Ф. Н. Кабанове, 3) С. П. Пинегине, 4) М. Д. Костюке, 5) И. А. Козине, 6) И. С. Букрине, 7) М. С. Засорине, 8) А. Д. Лопухине, 9) Вл. Немцове, 10) А. Е. Жарове, 11) Н. В. Воробьеве, 12) А. И. Юшманове и 13) Александровиче,— привести в исполнение [1].

2

Всем районным Советам рабочих депутатов.

Немецкий посол Мирбах убит членом партии левых социалистов-революционеров Блюмкиным, который явился в посольство с документом, с подделанной на нем подписью т. Дзержинского. Убийство Мирбаха является непосредственным продолжением политики левых эсеров и буржуазных партий — втянуть Россию в империалистическую войну. На предложение Совета Народных Комиссаров выдать убийцу левые эсеры, не отрицая того, что убийство совершено Блюмкиным, ответили отказом. Для убеждения их был послан представитель Совета Народных Комиссаров т. Дзержинский, который был по приходе к ним арестован вооруженными людьми. Левых эсеров поддерживали ничтожные части вооруженного отряда, состоявшего при Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Этими отрядами была сделана попытка занять почтамт и были арестованы тт. большевики Лацис и Беленький [2]. И, кроме того, левые эсеры предприняли и другие

---

[1] Фамилии уточнены по архивным материалам. В. А. Александрович — член ЦК партии левых эсеров, заместитель председателя ВЧК, один из руководителей мятежа; А. Е. Жаров — матрос, начальник отряда поповцев, арестовавший М. Я. Лациса; остальные — солдаты отряда, разоруженные в помещении ВЧК и арестованные как разведчики у здания Чрезвычайной комиссии.

[2] Беленький А. Я. (1883—1941) — член КПСС с 1902 года. С декабря 1917 года — в органах ВЧК. В 1919—1924 годах — начальник охраны В. И. Ленина. В последующие годы на оперативной и хозяйственной работе в органах ОГПУ — НКВД СССР. Незаконно осужден в 1938 году, в 1941 году расстрелян, посмертно реабилитирован.

меры для организации вооруженного сопротивления Советской власти и защиты своей политики немедленной войны с Германией.

Московский Совет рабочих депутатов предлагает всем районным Советам немедленно предпринять самые решительные меры к подавлению попыток левых эсеров к низвержению Советской власти, в чем бы эти попытки ни выражались. При осмотре патрулями на улицах и в подозрительных домах должны быть обезоружены все лица, которые не являются вполне надежной опорой в политике Совета Народных Комиссаров. При малейших попытках левоэсеровских кругов поднять рабочую массу на свою защиту со всей решительностью необходимо объяснить всем рабочим и гражданам Москвы, что нападение левых эсеров на Советскую власть объясняется исключительно тем, что они вопреки воле народа и постановлений съезда Советов поставили своей задачей спровоцировать новую войну с Германией. Необходимо призвать массы рабочих немедленно раздавить эту попытку восстания левых эсеров, в которой их могут поддерживать все буржуазные и белогвардейские группы. В распоряжение районов будут посланы группы товарищей с Всероссийского съезда Советов для агитации и содействия районам во всей их работе по борьбе с восстанием. Районы обязаны о всем происходящем немедленно извещать Центральный Совет рабочих депутатов по следующим телефонам: 64-20, добавочные: 18, 50, 29, 54 и по прямому 3-97-51.

Настоящее объявление не подлежит пока опубликованию, а предназначается исключительно для внутреннего употребления.

Все телеграммы и распоряжения Президиума должны проверяться по этим же телефонам.

Член Президиума.

3

В СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ДОКЛАД тт. ПОДВОЙСКОГО И МУРАЛОВА

Совнаркомом нам было поручено взять на себя непосредственную организацию и руководство операцией по подавлению восстания левых эсеров.

К организации операции мы приступили в 17 часов 6-го сего июля.

Немедленно же нами даны были следующие распоряжения:

1) районным военным комиссариатам — быть наготове всем вооруженным силам, выставить заставы в разных местах и занять мосты,

2) стянуть войска из лагерей.

После этого приступили к тщательному выяснению состояния

и количества наших сил и сил противника и их расположения. Мы считали необходимым выяснить характер наших сил по трем категориям (безусловно преданные части, неопределенно настроенные и ненадежные). Далее приступили к разработке плана операции (разбивка Москвы на боевые районы, разработка как общей операции, так и задач по отдельным районам). Для разработки общего плана операции, по предложению товарищей латышей — Пече и Козака — и после запроса т. Петерсона был приглашен начальник Латышской дивизии т. Вацетис, совместно с которым и был разработан план и программа военных действий. Для выполнения плана был вызван начальник латышской бригады т. Дудин, которому и было поручено непосредственное командование 1-й группой. Т. Чебышеву было поручено самым спешным порядком доформировать две запасные советские батареи, а тов. Элихову — батарею из слушателей 1-х Советских инструкторских курсов; т. Прозоров был послан в Люблино за кавалерийскими частями.

К 20-ти часам был выработан общий план сосредоточения наших сил: предположено было наши силы сосредоточить в двух исходных пунктах: 1) в районе Военного комиссариата и Храма Спасителя [1] и 2) в районе Страстной площади [2]. В первом районе сосредоточены были: 1-й Латышский стрелковый полк, образцовый Советский полк, батарея Латышской дивизии, рота 1-х инструкторских курсов и одна броневая машина; во втором районе — один батальон 2-го Латышского полка, батарея из 1-й Советской запасной бригады, батарея 1-х инструкторских Советских курсов и две броневые машины. Команда разведчиков 3-го Латышского полка в 42 человека и две броневые машины были оставлены на Арбатской площади. Кроме того, было предписано свести из состава 1-й Советской дивизии 2 роты, которые оставить в районе Арбатской площади в резерве. Численность наших сил к 4-м часам утра достигла следующих цифр: 720 штыков, 12 орудий 3-дюймовых, 4 броневика, команда конных разведчиков в 72 человека и пулеметная команда в 40 человек. Эти силы предположено было стянуть к району боевых действий к 2-м часам ночи. Командование первой группой, сосредоточенной у Храма Спасителя и военного комиссариата, было поручено, как выше указано, т. Дудину, 2-й группой, сосредоточенной у Страстного монастыря, командовал т. Рекст. Войска, сосредоточенные в районе Арбатской площади, оставались в резерве.

Но к двум часам ночи ни одна группа не была на указанном месте. Личный объезд тт. Вацетиса и Подвойского с 12-ти часов

[1] Народный комиссариат по военным делам (Оперативный отдел) находился на Пречистенке, дом 37.
[2] Ныне Пушкинская площадь.

ночи показал, что войсковые части сосредоточатся в указанных местах не ранее рассвета, что впоследствии и оказалось, и, таким образом, уже был проигран ночной характер операций и операции должны были принять характер дневного боя.

В течение ночи точно было установлено, что главные силы левых эсеров были сосредоточены в районе Трехсвятительского переулка, имея впереди на большом расстоянии отдельные заставы с пулеметами. Подступы к главным их силам были заграждены окопами (со стороны Покровской площади). Орудия их были наведены в разных направлениях подступов к штабу, а одно орудие — на Кремль. Общие силы противника состояли: от 6 до 8 орудий, 4 броневика, кавалерийский отряд в 80 человек, стрелков до 1800 штыков при 48-ми пулеметах и при большом количестве ручных бомб и других взрывчатых веществ.

Для проведения операций был дан каждой группе подробный план действий. Группе Дудина приказано было действовать с фронта: Устьинский мост — Красная площадь в общем направлении на Малый Трехсвятительский переулок. Группе командира 2-го полка т. Рекста приказано было действовать окружным путем по трамваю линии «А», по Чистым Прудам, к Покровским казармам и далее к Малому Трехсвятительскому переулку, держа связь с группой т. Дудина и оставив на Страстной площади прикрытие для артиллерии.

16-му летучему отряду т. Винглинского и Военному комиссариату железнодорожного района указано было оборонять подступ Курского вокзала против захвата подвижного состава и зданий вокзала отрядом Попова и для преграждения путей отступления.

Около 6-ти часов утра первая группа т. Дудина пошла в наступление, группа командира 2-го полка начала наступление около 4-х часов утра. К этому же времени одна батарея со Страстной площади была переведена к Храму Спасителя.

Первые наши действия сводились к выяснению группировки отрядов Попова, что приводило к столкновению наших отрядов с заставами противника на разных улицах всего фронта. Столкновения с противником выяснили, что отряд Попова занимает фронт от Чистых Прудов до Яузского бульвара. Передовые заставы противника под давлением наших сил постепенно стали отходить к Трехсвятительскому переулку, где были сгруппированы главные его силы. По выяснении решено было подвести артиллерию на руках на самое близкое и возможное для стрельбы расстояние и раздавить мятежников артиллерийским огнем. Эта задача была возложена на 1-ю латышскую батарею 1-х инструкторских Советских курсов. Крайне рискованная и тяжелая задача была выполнена с неподражаемой лихостью. На предложение о сдаче поповцы прислали своих парламентеров во главе с адъютантом Попова,

что они не сдадутся и будут сражаться до последнего. После этого указанные батареи, подведя скрытно орудия на 200 шагов, около половины двенадцатого дня начали обстрел гранатами. Прежде всего разгромлен был штаб Попова, а затем и еще 2 дома, где помещались силы постоянно квартировавшего в этих домах отряда Попова. Эти удачные в высшей степени действия артиллерии, разгромившей прежде всего штаб, вызвали суматоху во всем отряде и полное расстройство управления.

Захваченные противником наши пленные нам сообщили: когда разгромленный штаб, спасаясь бегством от артиллерийского огня, был замечен окружающими солдатами Попова, то последние со словами: «Что ж, штаб бежит, а мы будем оставаться» — частью обратились в бегство.

При дальнейших артиллерийских атаках и нашем пулеметном огне остатки мятежников не выдержали и стали, спасаясь поодиночке, бросая оружие, убегать. Группа их направилась Дегтярным переулком [1] с двумя орудиями на Курский вокзал, но там встретила отпор со стороны поставленного нами эскадрона конницы. Бросив артиллерию, она отправилась на станцию «Москва 2-я» и, захватив подвижной состав, стала нагружаться, но это им не удалось благодаря близости наших войск и благодаря тому, что путь был захвачен посланными нами латышскими стрелками на 2-х грузовиках. Видя окончательную неудачу и этого рискованного маневра, эта кучка, которая состояла из главарей и матросов, главным образом черноморцев, бросая свой багаж и своих соратников, направилась к северу — по направлению к Сокольникам. Она уже не представляла организованной силы, а лишь спасающихся от поимки.

Для преграждения пути было организовано преследование эскадроном конницы, стрелками латышского полка, инженерного батальона с пулеметами, группами железнодорожной охраны, отрядом Пресненского района, отрядом т. Эйдука и продовольственными отрядами т. Зусмановича.

Для объединения деятельности всех отрядов, преследующих бегущего противника, нами был назначен т. Антонов, который отправился на автомобиле сначала к Курскому вокзалу, а потом по пятам бегущего противника — по Владимирскому шоссе, по направлению к Богородску. Ему были отданы свободные грузовики для перевозки отрядов и один броневик.

В 18-м часу дня тов. Антонов с небольшим отрядом т. Эйдука и с подходящими частями Пресненского района подъехали к станции «Москва 2-я» Курской железной дороги. Получив сведения о направлении бегущих и о количестве их (до 300 человек), т. Ан-

[1] Ныне Казарменный переулок.

тонов двинулся по направлению Владимирского шоссе с отрядами Яшвили на 2-х грузовиках Эйдука; часть отрядов т. Зусмановича отправилась на станцию Перово. Т. Моисеев с 70 чел. занял ближайшие станции по Нижегородской дороге. Выяснилось, что поповцы двигаются по Владимирскому шоссе. На 12-й версте этого шоссе т. Антонов обнаружил взорванный броневик «Гарфорд» с орудиями. На 30-й версте Владимирского шоссе были настигнуты отряды противника, здесь было взято в плен свыше 10 человек, орудия, бомбы, винтовки и автомобили. Одновременно с преследованием по шоссе в город Богородск послан был броневой отряд под командой т. Ветошкина, для того чтобы не дать возможности бежавшим мятежникам прорваться через Богородск. Ранее этого были посланы комиссары в Богородск для принятия мер против отступающего противника.

На Владимирском шоссе и на флангах его, по предварительным сведениям, нами взято в плен около 300 человек. 8-го сего июля пленных взято свыше 400 человек, к сожалению рядовых членов партии, а из главарей арестован был только один Александрович (Пресненским районным Советом). Там же арестован весь районный комитет эсеров, у которых было отобрано двести пятьдесят винтовок и множество бомб.

Сведений определенных об убитых противниках не имеется. Сколько раненых и убитых с нашей стороны, еще не выяснено. Называют пока единичные случаи.

Подводя итоги нашей деятельности в боевой части по ликвидации мятежа, мы считаем необходимым указать, что почти все наши предположения не были осуществлены так планомерно и так быстро, как того требовали обстоятельства.

Причины этого таковы:

1) переформированное наше военное управление находится в стадии развертывания;

2) непосредственное управление войсками находится в не вполне подготовленных руках;

3) боевая подготовка воинских частей только что начата и не везде проходит планомерно, не говоря уже о том, что нигде еще она не доведена до должной высоты;

4) слабость дисциплины нашей молодой армии;

5) связь как в отдельных воинских частях, так и между воинскими соединениями недостаточна: отсутствие самокатов, автомобилей, мотоциклов, лошадей, неисправность телефонов и сплошь и рядом плохое состояние проводов.

К причинам случайного характера, сильно влиявших на операцию, следует отнести:

1) совпадение восстания с кануном большого праздника (Иванова дня), когда многие солдаты были отпущены по домам;

2) расположение большинства частей в лагерях на большом расстоянии от Москвы;

3) отсылка в тот же день в Ярославль некоторых частей для подавления мятежа, а накануне — в Тамбов тоже для той цели, не говоря уже о большом отливе наиболее подготовленных воинских сил на чехословацкий фронт.

Содействовали операциям:

1) Присланные ЦК нашей партии в распоряжение командования в значительном количестве наши партийные ответственные товарищи, которые были назначены нами комиссарами вокзалов, полков, рот, районных комиссаров, казарм и служили нашей связью как с районами, так и с действующими воинскими частями, и были лучшей нашей разведкой.

Наши упущения:

1) Нами не была своевременно достаточно усилена охрана телеграфа: караул телеграфа из 20-ти солдат был усилен нами только на 15 человек.

2) В тыл противника было послано малое количество партийных комиссаров, которые могли бы проверять и исполнять наши распоряжения по организации завесы на пути отступления противника.

3) Вполне объяснимая для нас нервность из Кремля, покоющаяся на желании самым быстрым путем подавить восстание, нервировала и нас и иногда выбивала нас из планомерной работы.

Подробный доклад будет представлен нами дополнительно.

Н. Подвойский
Н. Муралов

4

Сводному отряду Красной Армии под общим командованием начальника караульной команды Красной Армии Рогожско-Симоновского района т. Логофета, отправившемуся с согласия народного комиссара т. Антонова по линии Нижегородской железной дороги в целях перерезать путь отступления отрядам, взбунтовавшим Центральным Комитетом левых эсеров.

Вступать в бой с этими отрядами не пришлось, главным образом, потому, что, доходя до линии Нижегородской железной дороги, войска эти более не представляли из себя даже какого бы то ни было подобия воинских частей. Это были отдельные группы людей, объединенные лишь общим безумным ужасом перед преследующими их советскими частями. Это было паническое, безумное бегство. Грязные, многие без сапог для облегчения бега,

большинство без винтовок, некоторые бегущие левоэсеровские части бросали [винтовки] по дороге, в лесу, в канавах, часто отдавали встречавшимся обывателям. Некоторые из этих бывших красноармейцев были уже наполовину в штатском. Безумие паники бегства, боязнь потерять каждую лишнюю минуту были так велики, что встречались беглецы, скакавшие на артиллерийских лошадях из-под орудий и зарядных ящиков, некоторые так торопились, что теряли всякую способность соображать, и, вместо того чтобы снять хомут или хотя бы отвязать или обрубить постромки, они, боясь потерять на это время, оставляли их болтаться и тем задерживали ход лошадей, калечили их, резали постромками ноги. Беглецы сдавались без всякого сопротивления каждому, кто только хотел их брать. При беглом допросе арестованных подавляющее большинство говорит, что они ничего не знали, что были одурачены, главным образом Поповым, что если бы знали все, то никогда не пошли бы с ним вместе, так как ни в коем случае не хотели выступать против Советской власти. Большинство их называет себя беспартийными, многие большевиками или сочувствующими большевизму.

Около двенадцати часов дня и ранее, 7 июля, небольшие группы взбунтовавшихся эсеровских частей бродили в некоторых частях Рогожского района, обезоруживали отдельных попадавшихся им красноармейцев, издеваясь над последними и над жидовской, как они говорили, красной звездой красноармейца. Кричали группам рабочих о том, что пришел конец большевистской власти; в других местах старались распространить слухи о том, что уже арестованы видные большевики и т. д. Когда после этого были высланы сильные советские патрули, бродившие эсеровские банды сразу исчезли; их почти не удалось даже встретить. Они, очевидно, разбежались, услышав об этих патрулях от обывателей.

Что можно отметить как наиболее отрадное — это горячее участие рабочих с заводов и фабрик в защите Советской власти, что факту реальной победы дает огромную моральную силу. Очень недурно было также впечатление, колоссально по сравнению с прежним, возросшей военной силы советской Красной Армии. Так, по Нижегородской железной дороге контрреволюционная обывательская масса за несколько часов до прихода советских воинских частей, вслух мечтавшая о перспективах будущей расправы с большевиками, после прихода их, видя маневрирование отдельных отрядов красноармейцев, подло заискивала перед ними и лебезила.

Член Военного комиссариата Рогожско-Симоновского района (подпись).

IV. СЛЕДСТВИЕ И СУД

1. СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Образованная постановлением Совета Народных Комиссаров от 7 июля с. г. Особая следственная комиссия по расследованию контрреволюционного выступления партии левых социалистов-революционеров против рабоче-крестьянского правительства в составе: П. И. Стучки, В. Э. Кингисеппа и Я. С. Шейнкмана установила следующее:

1) Стремясь, вопреки ясно выраженной 5-м съездом воле рабочих и деревенской бедноты, втянуть Советскую Республику в кровавую войну с Германией, ЦК партии левых эсеров постановил убить германского посла графа Мирбаха. Постановление это было приведено 6 июля в 3 часа дня в исполнение членами партии левых эсеров Блюмкиным и Андреевым.

2) С тою же целью вовлечения России в войну ЦК партии левых эсеров сделал 6 и 7 июля попытку захватить власть в свои руки путем вооруженного ниспровержения рабоче-крестьянского правительства, для чего: 1) член партии левых социалистов-революционеров отправил накануне убийства Мирбаха телеграмму в Тулу, призывавшую к боевой готовности, 2) состоящий из левых с.-р. отряд Попова поднял восстание в городе Москве и пытался захватить правительственные учреждения, 3) левоэсеровский отряд произвел арест председателя Московского Совета Смидовича, председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией Дзержинского, заведующего отделом по борьбе с контрреволюцией (товарища народного комиссара внутренних дел) Лациса и др., также пытался арестовать народного комиссара почт и телеграфов Подбельского и др., 4) вызвали вооруженный отряд для тех же целей из Петрограда, 5) послали за подписью левого эсера Лихобадина циркулярную телеграмму, в которой от имени якобы правящей партии приказывалось телеграфные приказы за подписью Ленина, Троцкого, Свердлова задерживать.

На основании изложенного Особая следственная комиссия постановляет: подвергнуть задержанию всех членов ЦК партии левых с.-р.

Особая следственная комиссия обязывает каждого гражданина задержать и препроводить в Особую следственную комиссию следующих скрывшихся членов партии левых с.-р.: Карелина,

Камкова (Каца), Черепанова, Голубовского, Саблина, Трутовского, Прошьяна, Магеровского и Фишмана.

7 июля 1918 года
г. Москва

Председатель *П. Стучка*
Члены: *В. Кингисепп*

Адрес Особой следственной комиссии: Москва, Кремль, комната 37.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПРИ ВЦИК[1]

Рассмотрев следственное производство:

1) по делу М. А. Спиридоновой, Голубовского, Майорова, Карелина, Камкова, Черепанова, Фишмана, Прошьяна, Магеровского и Трутовского по обвинению их:

а) в составлении тайного заговора для вовлечения Российской Советской Федеративной Социалистической Республики путем убийства германского посла графа В. Мирбаха в войну с Германией вопреки воле подавляющего большинства рабочих и беднейших крестьян, выраженной 5-м съездом Советов;

б) в попытке путем вероломства, лжи, клеветы и вооруженного выступления свергнуть рабоче-крестьянское правительство, творящее волю большинства Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, и захватить власть;

2) по делу Ю. В. Саблина, Попова, Протопопова по обвинению их в руководстве вооруженным выступлением для захвата власти;

3) по делу Блюмкина и Андреева, обвиняемых в убийстве германского посла графа Мирбаха,

и признав, что данными следствия все вышепоименованные лица вполне изобличаются в инкриминируемых им преступлениях,

постановила:

привлечь в качестве обвиняемых М. А. Спиридонову, Голубовского, Майорова, Карелина, Черепанова, Фишмана, Прошьяна, Магеровского, Трутовского, Саблина, Попова, Протопопова, Блюмкина и Андреева[2]; следствие заключить и следственный материал передать в обвинительную коллегию трибунала при ВЦИК.

В. Кингисепп[3]
Е. Розмирович

---

[1] Документ восстановлен по подлиннику.

[2] В числе привлеченных по делу в подлиннике ошибочно пропущена фамилия Камкова.

[3] В тексте книги фамилия В. Э. Кингисеппа опущена, по-видимому, из соображений конспирации, поскольку он в это время находился на подпольной работе в Эстонии.

2. ПОКАЗАНИЯ ОБ УБИЙСТВЕ МИРБАХА И О МЯТЕЖЕ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ

а) ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ

ПОКАЗАНИЯ Ф. ДЗЕРЖИНСКОГО ПО ДЕЛУ УБИЙСТВА ГЕРМАНСКОГО ПОСЛАННИКА ГРАФА МИРБАХА

Приблизительно в половине июня т. г. мною были получены от тов. Карахана сведения, исходящие из германского посольства, подтверждающие слухи о готовящемся покушении на жизнь членов германского посольства и о заговоре против Советской власти. Членами германского посольства был дан список адресов, где должны были быть обнаружены преступные воззвания и сами заговорщики; кроме того списка был дан в немецком переводе текст двух воззваний. Это дело было передано для расследования тт. Петерсу [1] и Лацису. Несмотря, однако, на столь конкретные указания, предпринятые комиссией обыски ничего не обнаружили, и пришлось всех арестованных по этому делу освободить. Я был уверен, что членам германского посольства кто-то дает умышленно ложные сведения для шантажирования их или для других более сложных политических целей. Уверенность моя опиралась не только на факт, что обыски не дали никакого результата, но и на то, что доставленные нам воззвания нигде в городе распространяемы не были. Затем в конце июня (28-го) мне был передан т. Караханом новый материал, полученный им из германского посольства, о готовящихся заговорах. Сообщалось, что вне всякого сомнения в Москве против членов германского посольства и против представителей Советской власти готовятся покушения и что можно одним ударом раскрыть все нити этого заговора. Необходимо только сегодня же, то есть 28 июня, вечером, в 9 часов ровно, послать верных людей (неподкупных) для обыска по Петровке, 19, кв. 35. Необходимо исследовать самым тщательным образом абсолютно все находящееся в квартире: каждый клочок бумаги, книги, журналы и т. д. Если найдется что-либо шифрованное, необходимо доставить в посоль-

[1] Петерс Я. Х. (1886—1938) — советский партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1904 года. Участник революции 1905—1907 годов. В октябрьские дни 1917 года — член Петроградского ВРК, с декабря 1917 года — член коллегии ВЧК, заместитель председателя ВЧК. С 1920 года — член Туркестанского бюро ЦК РКП(б) и полномочный представитель ВЧК в Туркестане, с 1921 года — член Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР. С 1922 года — член коллегии и начальник Восточного отдела ГПУ. Незаконно репрессирован — в 1938 году, реабилитирован.

ство — там сейчас же расшифруют. Хозяин квартиры д-р И. И. Андриянов, у которого живет англичанин Ф. М. Уайбер[1], главный организатор заговора. Получив такие сведения, тт. Петерсом и Лацисом был послан в указанное место и время (точно) наряд товарищей, заслуживающих полного доверия, для обыска. Было задержано несколько лиц, в том числе учитель английского языка Уайбер. У него было найдено на столе, в книге, шесть листков шифрованных. Ничего больше, что могло бы его компрометировать, обнаружено не было. Гражданин Уайбер на допросе заявил, что он политикой не занимается и что не знает, каким путем попали в его книжку шифрованные листки, и что он сам недоумевает по этому поводу. Один из найденных листков, начинающийся шифром, был передан тов. Караханом членам германского посольства для расшифровки по имеющемуся у них ключу. Они отослали нам этот листок обратно уже расшифрованным, а также и самый ключ. Остальные листки расшифровали уже мы (я, Карахан и Петерс). Ознакомившись с содержанием этих листков, я пришел к убеждению, что кто-то шантажирует и нас, и германское посольство и что, может быть, гражданин Уайбер — жертва этого шантажа. Для выяснения своих сомнений я попросил т. Карахана познакомить меня непосредственно с кем-либо из германского посольства. Я встретился с доктором Рицлером и лейтенантом Мюллером. Я высказал им все свои сомнения и мою почти уверенность, что кто-то их шантажирует. Доктор Рицлер указал, что трудно предполагать, так как денег дающие ему сведения лица от него не получают. Я указал, что могут быть и политические мотивы предполагаемой мистификации, как, например, желание врагов направить наше внимание на ложные следы. Что здесь какая-то интрига, я тем более был уверен, что я получил вполне достоверные сведения, что именно доктору Рицлеру сообщено, будто бы я смотрю сквозь пальцы на заговоры, направленные непосредственно против безопасности членов германского посольства, что, конечно, является выдумкой и клеветой. Этим недоверием к себе я объяснил тот странный факт, связывающий мне руки в раскрытии заговорщиков или интриганов, что мне было сообщено об источнике сведений о готовящихся покушениях; этим недоверием, кем-то искусственно поддерживаемым, я объяснил и тот факт, что нам сразу не был прислан ключ к шифру, и что нужно было убеждать доктора Рицлера дать нам этот ключ к шифру заговорщиков, и что он предлагал первоначально весь

[1] Ф. М. Уайбер — поддаиный Великобритаиии, в 1918 году проживал в Москве, преподавал аиглийский язык частным лицам. В коице июия 1918 года арестован ВЧК по обвинеиию в подготовке покушеиия иа графа Мирбаха. Факт непосредственного участия в подготовке террористического акта не подтвердился. В июле 1918 года был освобождеи из-под стражи и выслаи из РСФСР.

материал найденный отправить в посольство. Очевидным для меня было, что это недоверие было возбуждено лицами, имеющими в этом какую-либо цель помешать мне раскрыть настоящих заговорщиков, о существовании которых на основании всех имеющихся у меня данных я не сомневался. Я опасался покушений на жизнь графа Мирбаха со стороны монархических контрреволюционеров, желающих добиться реставрации путем военной силы германского милитаризма, а также со стороны контрреволюционеров-савинковцев и агентов англо-французских банкиров. Недоверие ко мне со стороны дающих мне материал связывало мне руки. Результаты обыска, и содержание шифрованных листков, и сам способ шифрования (шифр детский — каждая буква имеет один только знак, слово отделяется от слова, употребление знаков препинания и т. д.), и неизвестность источника не давали мне никаких нитей для дальнейшего следствия. Опыт же мне показал, что неизвестным источникам, безнаказанным и не подлежащим проверке, доверять ни в коем случае нельзя. Кроме того, в данном случае нельзя было доверять, тем более что упоминаемая в шифрованном письме некая Бендерская, видимо соучастница заговора, была, как мне (и т. Карахану) было сказано доктором Рицлером, одновременно и осведомительницей посольства, и было высказано со стороны доктора Рицлера пожелание не арестовывать ее немедленно, так как тогда она не сумеет узнавать больше и осведомлять о ходе заговора, и чтобы с арестом ее повременить. Я должен отметить, что в расшифрованном в немецком посольстве первом листке фамилия «Бендерская» была заменена точками (.......) (этот расшифрованный листок я отдал при свидании доктору Рицлеру). Я попросил доктора Рицлера спросить своего осведомителя, откуда он знает, что можно обнаружить материал, произведя обыск ровно в 9 часов, не раньше и не позже, откуда он получил шифр, какое было назначение найденных шифрованных листков, кого он знает из заговорщиков и т. д. Через тов. Карахана я потом настаивал, чтобы меня лично свели с осведомителями. Фамилия главного осведомителя мне не была названа; что касается Бендерской, то было сообщено, что, когда она пришла в посольство в первый раз, у нее был замечен и отобран револьвер. (Бендерская была недавно перед обнаружением шифрованных листков приведена к нам в комиссию по какому-то маловажному делу и была сейчас же отпущена.) Следствие вел следователь Визнер, заведующий уголовным подотделом. Доктор Рицлер наконец согласился меня познакомить со своими осведомителями. За пару дней до покушения (дня точно не помню) я встретился с ним. В начале нашей беседы присутствовал и лейтенант Мюллер. Я стал расспрашивать осведомителя и с первых же ответов увидел, что сомнения мои подтверждают-

ся, что ответы его неуверенны, что боится меня и путает, одновременно старался, видимо, посеять ко мне недоверие со стороны лейтенанта Мюллера, чтобы обезопасить себя от меня. Оказалось, что это он давал первый раз адреса и указания, и вот стал при мне же говорить, что по этим адресам были обнаружены нами воззвания, но почему-то дела мы не возбудили. Лейтенант Мюллер был недолго при нашей беседе, и, когда стал уходить, осведомитель вскочил встревоженный тоже уходить, и только заверение лейтенанта, что ему нечего опасаться, что с ним ничего не случится, успокоило его немного, и он остался. Рассказал он мне следующее (восстанавливаю по памяти и отрывочным своим заметкам, записанным во время разговора с ним). Называется Владимиром Иосифовичем Гинчем (адрес свой указать отказался, хотя я не настаивал). Русский гражданин, в Москве живет около 7 лет, кинематографист. Организация, в которую вступил, называется «Союз союзников», то есть «СС» (см. шифрованные листки), или «Спасение России». Обыск по указанным им германскому посольству в первый раз адресам не дал достаточных материалов потому, что надо было его произвести с субботы на воскресенье, а произведен был со среды на четверг (раньше, чем нужно). Во время обыска по указанному им адресу в доме Нирензее (Б. Гнездниковский, 10) были найдены воззвания начальником отряда, производящим обыск, Кузнецовым. Он сам был через некоего Мамелюка (француза), с которым случайно познакомился, введен в боевую пятерку «СС». Савинков организует пятерками (это неверно, Савинков организует четверками, по схеме военной. Прим. мое.— *Ф. Д.*). В пятерку эту входили: 1) Мамелюк, Олсуфьевский, 3 служит. на фабрике (Плющиха, 19), 2) Моране, 3) Фейхис (Петровка, 17, кв. 98 или 89), который, как он знает, комиссией будет освобожден, как и Уайбер, что отпущены на его освобождение громадные деньги, адвокат получил 50 000 рублей (в списках арестованных я такого не нашел.— *Ф. Д.*), 4) Бютель (Большая Дмитровка, 20 или 22, угол Столешникова, кв. 8). Заговорщические воззвания печатались в 7 типографиях. Между прочим на Никитской, 4, что там комиссией были найдены воззвания, в Коммерческом пер., в Серебрянниковском пер., № 5, у Антоновой, где Мамелюк заказывал воззвания. Из этой, последней, типографии он от мальчика получил 2—3 уже отпечатанных воззвания, передал их в посольство, от мальчика, а не от Мамелюка потому, что его заметили, как он ходит в посольство, и перестали доверять. Когда его приняли в «пятерку», потребовали присягу; он дал слово-клятву, что пойманный не выдаст никого из «пятерки», иначе сам будет убит. Заговорщики должны были давать ему воззвания для распространения, для этого дали ему зашифрованный адрес, но потом отобрали. Дали

ему 20 000 рублей за участие в Союзе и за то, что ездил с ними на станцию Фили, оттуда на извозчике куда-то поехал и привез в Москву 4 ящика. Много воззваний печаталось на пишущих машинах где-то на Лубянке. Шифр он получил таким образом: недели 3 тому назад был у Мамелюка, на столе у него был шифр, сам Мамелюк на несколько минут ушел из комнаты, тогда он переписал его себе. В расшифровке письма, найденного у Уайбера, помогал германскому посольству. Об Уайбере узнал у Бендерской. Вошел в ее доверие, она проболталась. Просил ее не арестовывать, по крайней мере до субботы, она нужна. Показал ее письмо, писанное к нему, где говорит о каких-то 800 рублях (спросил меня предварительно, знаю ли я почерк, так как она была нами арестована) и о том, что ее задержали и отпустили. Письмо было помечено 28.VI. В письме был указан ее адрес; я сказал ему, что запишу этот адрес, он просил этого не делать, так как до субботы, по крайней мере, будет не нужен. Адрес я все-таки записал, так, чтобы он не заметил, что это адрес. После свидания с этим господином у меня больше не было сомнений, для меня факт шантажа был очевиден. Не мог только понять цели — думал, чтобы «сбить комиссию, и только» и занять не тем, чем нужно. Забыл еще отметить, что в конце разговора, когда я встал, чтобы идти, он просил у меня пропуск в комиссию (что он несколько раз был там со сведениями, но его не хотели выслушивать, что был и в отряде Попова, но тоже толку не добился). После этой встречи я через товарища Карахана сообщил германскому посольству, что считаю арест Гинча и Бендерской необходимым, но ответа я не получил. Были арестованы оба только в субботу после убийства графа Мирбаха.

Александрович был введен в комиссию в декабре месяце прошлого года [1] в качестве товарища председателя по категорическому требованию членов Совнаркома левых эсеров. Права его были такие же, как и мои, имел право подписывать все бумаги и делать распоряжения вместо меня. У него хранилась большая печать, которая была приложена к подложному удостоверению от моего якобы имени, при помощи которого Блюмкин и Андреев совершили убийство. Блюмкин был принят в комиссию по рекомендации ЦК левых эсеров для организации в отделе по борьбе с контрреволюцией контрразведки по шпионажу [2].

---

[1] В. А. Александрович вошел в коллегию ВЧК в январе 1918 года.

[2] Далее Ф. Э. Дзержинский давал отрицательную характеристику Я. Г. Блюмкину, который в разговорах заявлял, что жизнь людей в его руках, что в его власти сохранить или не сохранить жизнь кому-либо. Дзержинский сообщил также, что он предложил коллегии ВЧК в начале июля контрразведку распустить и Блюмкина оставить без должности, что и было сделано. Вот текст характеристики Блюмкина, данной Ф. Э. Дзержинским:

Сведения об убийстве графа Мирбаха я получил 6 июля, около 3-х часов дня, от председателя Совета Народных Комиссаров по прямому проводу. Сейчас же поехал в посольство вместе с товарищем Караханом, с отрядом, следователями и комиссарами для организации поимки убийц.

Лейтенант Мюллер встретил меня с громким упреком: «Что вы теперь скажете, господин Дзержинский?» Мне показана была бумага — удостоверение, подписанное моей фамилией. Это было удостоверение, написанное на бланке комиссии, дающее полномочие Блюмкину и Андрееву просить по делу аудиенции у графа Мирбаха. Такого удостоверения я не подписывал; всмотревшись в подпись мою и товарища Ксенофонтова, я увидел, что подписи наши скопированы, подложны. Мне все сразу стало ясно...[1] Партию левых эсеров я не подозревал еще, думал, что Блюмкин обманул ее доверие. Я распорядился немедленно разыскать и арестовать его (кто такой Андреев, я не знал). Один из комиссаров, товарищ Беленький, сообщил тогда мне, что недавно, уже после убийства, видел Блюмкина в отряде Попова. Между тем сам распорядился о немедленном аресте Гинча, который предлагал до субботы (роковой) не арестовывать Бендерской и эту последнюю. Беленький вернулся с известием, что Попов ему сообщил, будто Блюмкин уехал в больницу на извозчике (Блюмкин, как говорили, там сломал себе ногу), но он, Беленький, сомневался в правде слов Попова, что он скрывает его из товарищеского чувства, тогда я с тремя товарищами (Трепаловым, Беленьким и Хрусталевым[2]), посоветовавшись с председателем Совнаркома, а также

«За иесколько дней, может быть за неделю, до покушеиня я получнл от Раскольникова и Мандельштама (в Петрограде работает у Луначарского) сведения, что этот тип в разговорах позволяет себе говорнть такие вещн: «Жнзнь людей в моих руках, подпишу бумажку — через два часа иет человеческой жизии. Вот у меня сндит граждаиин Пусловскнй, поэт, большая культуриая ценность, подпишу ему смертный прнговор», ио, если собеседиику иужна эта жнзнь, он ее «оставит» и т д. Когда Маидельштам, возмущениый, запротестовал, Блюмкин стал ему угрожать, что, еслн он кому-инбудь скажет о нем, он будет мстнть всеми снлами. Эти сведеиия я тотчас же передал Александровичу, чтобы он взял от ЦК объясиения и сведення о Блюмкнне для того, чтобы предать его суду. В тот же день на собраини комнссии было решено по моему предложенню нашу контрразведку распустить н Блюмкииа пока оставнть без должности До получения объясиеннй от ЦК левых эсеров я решил о даиных против Блюмкнна комнссин ие докладывать. Блюмкииа я ближе ие знал и редко с ннм виделся».

Характеристика Я. Г. Блюмкниа, даиая в показаииях Ф. Э. Дзержииского, со слов «За иесколько дией.. » и кончая словами «...редко с иим виделся» в тексте «Красиой кинги ВЧК» была опущеиа.

[1] «Фигура Блюмкина ввнду разоблачеиия его Раскольинковым н Мандельштамом сразу выяснилась как провокатора». В тексте кинги это предложеиие было опущеио.

[2] Хрусталев Г В.— член КПСС с 1917 года. С иинваря 1918 года — сотрудиик ВЧК.

и с председателем ВЦИК, поехал сам в отряд, чтобы узнать правду и арестовать Блюмкина и укрывающих его. Приехавши в отряд, я спросил Попова: где Блюмкин? — тот ответил, что уехал больной на извозчике; я спросил его: кто видел это?; тот указал на заведующего хозяйством. Призвали его, он подтвердил. Я спросил его, в какую больницу он уехал? — ответил незнанием. В ответах был развязным, видимо, лгал. Я потребовал, чтобы привели постовых солдат, которые подтвердили бы, что видели Блюмкина уезжающим; таких не нашлось. А надо сказать, что солдаты, вооруженные с ног до головы, видимо, были мобилизованы [1], толпились в штабе и перед штабом, что постовые всюду расставлены. Я потребовал от Попова честного слова революционера, чтобы он сказал, у него Блюмкин или нет. На это он мне ответил: «Даю слово, что не знаю, здесь ли он» (шапка Блюмкина лежала на столе). Тогда я приступил [2] к осмотру помещения, оставив при Попове товарища Хрусталева, и потребовал, чтобы все оставшиеся оставались на своих местах. Я стал осматривать помещение с товарищами Трепаловым и Беленьким. Мне все открывали, одно помещение пришлось взломать. В одной из комнат товарищ Трепалов стал расспрашивать находящегося там финна, и тот сказал, что такой там есть. Тогда подходят ко мне Прошьян и Карелин и заявляют, чтобы я не искал Блюмкина, что граф Мирбах убит им по постановлению ЦК их партии, что всю ответственность берет на себя ЦК. Тогда я заявил им, что я их объявлю арестованными и что если Попов откажется их выдать мне, то я его убью как предателя. Прошьян и Карелин согласились тогда, что подчиняются, но вместо того чтобы сесть в мой автомобиль, бросились в комнату штаба, а оттуда прошли в другую комнату. При дверях стоял часовой, который не пустил меня за ними; за дверями я заметил Александровича, Трутовского, Черепанова, Спиридонову, Фишмана, Камкова и других, не известных мне лиц. В комнате штаба было около 10—12 матросов, я обратился к ним тогда, требуя подчинения себе, содействия в аресте провокаторов. Они оправдывались, что получили приказ в ту комнату никого не пускать. Тогда входит Саблин, подходит ко мне и требует сдачи оружия; я ему не отдал и снова обратился к матросам, позволят ли они, чтобы этот господин разоружил меня — их председателя, что их желают использовать для гнусной цели, что обезоружение насильственное меня, присланного сюда от Совнаркома,— это объявление войны Советской власти. Матросы дрогнули; тогда Саблин выскочил из комнаты. Я потребовал Попова, тот не пришел; комната наполнялась матросами, подошел тогда ко мне по-

[1] В тексте книги «демобилизоваиы».
[2] В тексте книги «поступил».

мощник Попова Протопопов, схватил за обе руки, и тогда меня обезоружили. Я обратился снова к матросам. Тогда входит Спиридонова и по-своему объясняет, почему нас задерживают — за то, что мы с Мирбахом. Между прочим, Трепалов говорил мне, что его обезоружила собственноручно Спиридонова, то есть матросы держали его за руки, а она вынула из кармана револьвер. Обезоружив нас, к нам приставили караул, а сами устроили рядом митинг, где слышен был голос Спиридоновой и хлопки. Надо было с себя и с матросов снять тяжесть измены (это все чувствовали во время нашего обезоруживания) при помощи их фраз и выкриков. Должен еще отметить, что Попов в комнату явился только после того, как мы были обезоружены, и, когда я ему бросил «изменник», сказал, что всегда выполнял мои приказания, а теперь действует по постановлению своего ЦК. Стал бросать потом обвинения, что наши декреты пишутся по приказанию «его сиятельства графа Мирбаха», что мы предали Черноморский флот. Матросы же обвиняли в том, что отнимаем муку у бедняков, что погубили предательски флот, что обезоруживаем матросов, что не даем им ходу, хотя они на себе вынесли всю тяжесть революции. Единичные голоса раздавались, что обезоружили их, анархистов, расстреляли в Бутырках больше 70 человек, что «меня, например, Советская власть в Орле посадила на 3 месяца на пасху», что в деревнях повсюду ненавидят Советскую власть. Потом пришли Черепанов, Саблин. Этот, первый, потирая руки, радостно говорил: «У вас были октябрьские дни — у нас июльские, за мной 12 лет научной работы (говорил это, упоминая и опровергая Демьяна Бедного). Мир сорван, и с этим фактом вам придется считаться, мы власти не хотим, пусть будет так, как на Украине, мы пойдем в подполье, пусть займут немцы Москву». Попов говорил, что с чехословаками теперь не придется воевать. Потом привели арестованными Лациса, Дабола [1] и др., потом Жаворонкова (секретаря Муралова), члена Морской коллегии (по фамилии не знаю), ночью — Смидовича, Винглинского и др. Попов радостный прибегал к нам часто со сведениями: «Отряд Винглинского присоединился к нам, Покровские казармы арестовывают комиссаров и присоединяются к нам, латыши к нам присоединяются, все Замоскворечье за нами, прибыло 2000 донских казаков из Воронежа, Муравьев [2] к нам едет, Мартовский полк с нами. У нас уже шесть тысяч человек, рабочие шлют нам

[1] Дабол Я. М.— член партии с 1912 года. В 1918 году — заведующий Комендантским отделом ВЧК. В 1919 году — комендант ВЧК и командир отдельной роты ВЧК.

[2] Муравьев М. А.— левый эсер, командующий Восточным фронтом. После разгрома левоэсеровской авантюры изменил Советской власти, пытался поднять мятеж в войсках фронта. При аресте оказал сопротивление и был убит.

делегации». Их радужное настроение испортило известие, что Спиридонова и фракция их арестованы. Попов влетел: «За Марию снесу пол-Кремля, пол-Лубянки, полтеатра». И действительно, были нагружены людьми автомобили и уехали для выручки. Раздавались консервы, сапоги, провиант, достали белье, баранки. Замечалось, что люди выпили. Из разговоров наших с матросами видно было, что чувствовали свою неправоту и нашу правду. Очевидно было, что там не было никакой идейности, что говорило через них желание нажиться людей, уже оторванных от интересов трудовых масс, солдат по профессии, вкусивших сладости власти и полной беззаботной обеспеченности в характере завоевателей. Многие из них — самые пьяные — имели по 3—4 кольца на пальцах.

Как случилось, что такие попали к нам в отряд? Это дело Александровича, Попова и ЦК левых эсеров. Александровичу я доверял вполне. Работал с ним все время в комиссии, и всегда почти он соглашался со мною, и никакого двуличия не замечал. Это меня обмануло и было источником всех бед. Без этого доверия я не поручил бы ему дела против Блюмкина, не поручил бы ему расследовать жалобы, которые поступали иногда на отряд Попова, не доверял бы ему, когда он ручался за Попова в тех случаях, когда у меня возникали сомнения в связи со слухами о его попойках. Я и теперь не могу помириться с мыслью, что это сознательный предатель, хотя все факты налицо, и не может быть после всего двух мнений о нем. Отряд же его превратился в банду следующим образом: после посылки финнов на чехословацкий фронт [1] осталось их в отряде немного, из оставшихся более сознательных Попов стал увольнять и набирать новых уже для определенной цели. Александрович стал туда постоянно ездить. Пришли черноморцы, я получил о них сведения от т. Цюрупы, что это банда. Велел Попову сделать разведку. Отряду Попова всегда поручалось разоружение банд, и он всегда блестяще выполнял такие поручения, в результате без ведома комиссии он принял до 150 человек в свой отряд, принимал также и балтийцев по собственному почину и для своих целей. За 2—3 дня до роковой субботы Попов держал свой отряд в полной боевой готовности, нервируя всех «данными» своей разведки, что немецкие контрреволюционеры собираются разоружить отряд и арестовать самого Попова. В ночь с пятницы на субботу Попов забил особенную тревогу, что якобы нападение готовится в эту ночь. Верность своих данных подтверждал тем уже неизмышленным фактом, что получил от комиссии повестку явиться для допроса в субботу в 2 часа дня. Повестка была послана комиссией по делу обвинения его в злоупотреблениях при полу-

[1] Речь идет об отправке на Восточный фронт 3-го коммунистического финского отряда во главе с членом коллегии ВЧК С. П. Черновым.

чении с интендантства консервов. Получал гораздо большее количество, чем имел на то право. Оставшиеся финны в большинстве своем остались нам верны до конца.

Должен добавить еще, что из видных эсеров, находясь в помещении, я видел Магеровского. Он пришел к нам в комнату и просил одного из заключенных ими наших латышских разведчиков пойти к нашим и сказать, что все это недоразумение. Александрович, как оказалось, теперь, получив для сдачи в кладовую пятьсот сорок четыре тысячи рублей, отобранных у арестованного, передал эти деньги в ЦК своей партии. Кроме того, он старался посеять к Заксу[1] недоверие, заявив мне, что ЦК не доверяет ему.

10 июля 1918 года *Ф. Дзержинский*

ПОКАЗАНИЯ М. ЛАЦИСА

Я, Мартин Янович Лацис, заведующий отделом по борьбе с контрреволюцией при Всероссийской чрезвычайной комиссии, показываю:

О смерти Мирбаха я узнал в Комиссариате внутренних дел в $3^1/_2$ часа дня. Сейчас же я отправился во Всероссийскую чрезвычайную комиссию, где узнал, что т. Дзержинский подозревает в убийстве Мирбаха Блюмкина, заведующего секретным отделением революционного отдела Всероссийской чрезвычайной комиссии. Самого т. Дзержинского уже не застал. Он отправился на место преступления. Оттуда меня запрашивали, кончилось ли у нас дело Мирбаха, племянника посла, и у кого оно находится, ибо оно обнаружено на месте преступления. Дело Мирбаха было взято у меня Блюмкиным в 11 часов утра 6 июля для наведения какой-то справки. Обратно уже я его не получил. Отсюда мне стало ясно, что покушение на Мирбаха произведено действительно Блюмкиным. Я немедленно отправился в театр на заседание съезда, где застал других членов Всероссийской чрезвычайной комиссии из большевиков — Петерса, Фомина[2] и Полукарова.

[1] Закс Г. Д. (1882—1937) — левый эсер, с марта 1918 года — заместитель председателя и член коллегии ВЧК. Занимал позицию, близкую к большевикам. После мятежа (о его подготовке он не знал) порвал с партией левых эсеров и образовал новую партию — народников-коммунистов. В ноябре 1918 года народники-коммунисты влились в РКП(б).

[2] Фомин В. В. (1884—1938) — советский государственный деятель. Член КПСС с 1910 года. В 1917 году — член Минского и Северо-Западного областного комитетов РСДРП(б), член Минского Совета и комитета Западного фронта. После Октябрьской революции работал в Петроградском ВРК, с января 1918 года — по июль 1920 года — член коллегии ВЧК. В 1918—1920 годах — комиссар Центрального управления военных сообщений, Главного управления путей сообщения. В дальнейшем на хозяйственной работе. Член ЦКК ВКП(б) в 1924—1925 годах. В 1938 году репрессирован, впоследствии реабилитирован.

Петерс передал, что Троцкий ему сообщил, что Дзержинский арестован в штабе Попова. Мы немедленно направились обратно в комиссию и в присутствии т. Урицкого стали обсуждать создавшееся положение. Запросив по телефону штаб Попова, чтобы вызвали к телефону т. Дзержинского, получили ответ, что этого сделать они не могут. На вторичный вызов к телефону подошел Александрович и тоже сказал, что он Дзержинского вызвать не может. На третий наш запрос он прямо заявил, что он действует по приказанию ЦК партии левых эсеров и вызывать к телефону не может.

Тогда же Троцкий сообщил по прямому проводу, что он уже распорядился двинуть артиллерию и другие части, что я назначаюсь председателем на место Дзержинского, что комиссия распускается, а работников я набираю по своему усмотрению. Тов. Фомина он назначил начальником наружной охраны Большого театра и просил меня написать эту телефонограмму-приказ, что я и исполнил. Мои дальнейшие шаги были следующие.

Т. Петерс направился вместе с тов. Полукаровым на съезд усилить внутренний надзор. Распорядился сменить выставленный Поповым караул и поставить на место его самокатчиков. В это время я получил предписание Совнаркома (через Троцкого) арестовать всех левых эсеров, членов комиссии, и держать их заложниками. В комиссии в это время присутствовал Закс, который выражал свое полное недоразумение о всем происшедшем. Зная Закса как человека, которому ЦК до этого вынес порицание за участие в решениях о применении расстрелов, я, посоветовавшись с другими товарищами, решил его пока оставить на свободе. Но сейчас же в комиссию заглянул Емельянов [1]. Я немедленно распорядился его арестовать, что и было исполнено. Через несколько минут, это было в часу шестом или в начале седьмого, ко мне забегает тов. Вороницкий [2] с сообщением, что в коридоре наши комиссары арестованы караулом. Я поспешил туда, чтобы выяснить дело, которое мне показалось недоразумением, ибо я предполагал, что караул успел смениться и поэтому наши самокатчики не могли всерьез арестовать наших комиссаров. Но в коридоре меня остановил матрос Жаров с револьвером в руке и скомандовал: «Руки вверх!» Имевшийся с ним отряд солдат медлил меня арестовать и осторожно обыскивал карманы. Жаров скомандовал следовать за ним, спросив предварительно мою фамилию. Узнав,

[1] Емельянов М. Ф.— левый эсер, член коллегии ВЧК, заведующий хозяйственным отделом.

[2] Вороницкий В. Г.— большевик, сотрудник ВЧК, секретарь отдела по борьбе с контрреволюцией.

что я Лацис, он сказал: «Его-то мне и надо»,— и торопил меня и караул уходить. Но я был без шляпы и попросил разрешения сходить за ней. Это было мне как будто разрешено. Я воспользовался моментом, когда арестовывали еще одного из наших комиссаров, и забежал в комнату президиума, где по прямому проводу сообщил в Кремль, что меня сейчас арестовали и уводят, куда — не знаю.

Нас повели в штаб Попова на Трехсвятительском переулке. С нами шел Емельянов. На все мои вопросы о причине, об источнике распоряжения я встречал молчание. По дороге, у Покрова, их караулом были вырыты окопы, и караул пропускал по бульвару только под строгим контролем. В штабе меня встретил Попов и спросил, кто распорядился арестовать Емельянова. Я ответил, что арестовал его я по предписанию Совнаркома. На это последовало заявление Попова, что я по постановлению ЦК левых эсеров арестован. Начались горячие упреки, что мы заступаемся за мерзавцев Мирбаха и арестовываем товарищей, которые нас избавили от этого мерзавца. Матросы пришли в разъяренное состояние и заговорили о моем расстреле. Тогда подошел бритый и бледный Александрович и унял разгоряченных матросов словами: «Убивать не надо, отправьте дальше».

Меня повели по коридору, где я наткнулся на бледного, как смерть, Карелина и смеющегося Черепанова. Я обратился к ним с просьбой принять все меры для того, чтобы контрреволюционеры не воспользовались нашим инцидентом и не подняли бы восстание против Советской власти. На это мне ответили, что все уже предпринято, а Александрович обещал отправиться в комиссию, чтобы направить ее работу.

Из боковой двери выглядывал Трутовский и молчал. Меня ввели в комнату Попова, где уже сидели тт. Дзержинский, Трепалов и др. Их охранял караул из матросов-черноморцев, вооруженных с ног до головы. Матросы были в новых ботинках, и у каждого еще имелась новая пара сапог. Из разговоров явствовало, что из цейхгауза раздают всем солдатам по две пары сапог и усиленную порцию хлеба и консервов. Матросы закусывали баранками. В нашу комнату часто заглядывали Прошьян и Попов. Попов распространялся о том, что все полки в Москве за ними, что и фронт Муравьева за них и что из Воронежа приехали 2 тысячи казаков. Скоро нас перевели в другое помещение, куда потом стали вводить новых арестованных, между которыми я узнал Винглинского и т. Смидовича. К утру начался обстрел штаба нашей артиллерией. Первые два снаряда упали в штаб, после чего все заседавшие там стали разбегаться. На наши выкрики, что они трусы, они молчали и скоро, часам к 11-ти, исчезли. Скоро снаряды стали попадать и в наше помещение. Благодаря охранявшему

нас караулу мы перешли в автомобильную мастерскую, где пробыли до нашего освобождения.

Отряд Попова состоял сплошь из людей, терпимых Поповым. Все большевистские элементы оттуда удалялись. В штаб Попова не допускались даже более революционно настроенные эсеры, как, например, Гуркин [1]. О новом составе штаба я ничего не знал. О присутствии черноморских матросов я тоже не знал. Накануне я был уведомлен, что в отряде Попова ведется им же противосоветская агитация. Я тогда распорядился усилить там разведку и доложить комиссии, но события меня предупредили. Содержание отряда шло на счет интендантства. Отряд находился в распоряжении президиума, но фактически им ведал и распоряжался Александрович.

Блюмкин начал работать в комиссии в первых числах июня месяца. Он был откомандирован ЦК ПЛСР на должность заведующего «немецким шпионажем», то есть отделением контрреволюционного отдела [2] по наблюдению за охраной посольства и за возможною преступною деятельностью посольства. Блюмкин обнаружил большое стремление к расширению отделения в центр Всероссийской контрразведки и не раз подавал в комиссию свои проекты.

Но там голосами большевиков [они] были провалены. В моем отделе я Блюмкину не давал ходу. Единственное дело, на котором он сидел,— это дело Мирбаха-австрийского. Он целиком ушел в это дело, просидев над допросами свидетелей целые ночи. Дело Мирбаха возникло в связи с самоубийством Ланстрем. Я Блюмкина особенно недолюбливал и после первых жалоб на него со стороны его сотрудников решил его от работы удалить. За неделю до 6 июля Блюмкин уже у меня в отделе не числился, ибо отделение было расформировано по постановлению комиссии, а Блюмкин оставлен без определенных занятий. Это решение комиссии должно быть запротоколировано в протоколах комиссии в первых числах июля или в последних числах июня.

Теперь я вспоминаю, что Блюмкин дней за десять до покушения хвастался, что у него на руках полный план особняка Мирбаха и что его агенты дают ему все, что угодно, что ему таким путем удастся получить связи со всей немецкой ориентацией. Блюмкин набирал служащих сам, пользуясь рекомендацией ЦК левых эсеров. Почти все служащие его были эсеры, по крайней мере, Блюмкину казалось, что все они эсеры.

Блюмкин особенно настаивал на устройстве фотографии при его отделении и рекомендовал своего фотографа Андреева.

---

[1] М. Н. Гуркин — левый эсер, член коллегии ВЧК.
[2] Отдел по борьбе с контрреволюцией.

Андреев за неделю до покушения тоже покинул работу, заявив, что ЦК эсеров его командирует на другую работу.

Блюмкин первое время проживал в помещении ЦК левых эсеров по Леонтьевскому переулку, 18. Где он жил в последнее время, не знаю.

16 июля 1918 года *Лацис*

[ПОКАЗАНИЯ П. СМИДОВИЧА]

Особой следственной комиссии по делу левых с.-р.

В ночь с 7 июля с. г. по назначению фракции коммунистов Всероссийского съезда Советов, в связи с выступлением левых с.-р., я ехал на советском автомобиле из Совета в Сокольничий[1] район. Проезжал по Мясницкой, у входа в телеграф, на главном почтамте я был задержан группою вооруженных лиц, требовавших пропуска и оружия. Лестницы телеграфа были наполнены вооруженным отрядом солдат. По проверке пропуска и после моего заявления, что я, как председатель Московского Совета, никому не должен давать отчет о том, имею ли оружие, мой автомобиль под конвоем двух солдат был отправлен в штаб Попова в Трехсвятительском переулке.

Здесь меня встретили очень любезно, не обыскали, провели в комнату, где совещались Прошьян, Черепанов, Саблин, Магеровский и др., которых фамилии не знаю. На улице, в проходах, внутри здания было много вооруженных людей, все в военной форме. Прошьян начал мне объяснять, что меня задерживают как заложника, ввиду того что по распоряжению Совнаркома задержана Спиридонова и ряд других членов партии с.-р. Это объявление я оборвал тем, что вышел в соседнюю комнату. Создавшееся положение было тягостно и для меня, и для всех присутствующих. В это время, судя по отдельным фразам, происходило продвижение левых с.-р. к театру. Здесь настроение было бодрое, ожидались какие-то подкрепления. Черепанов спросил меня: «Что, разве не похоже на октябрьские дни?» — «Совершенно то же самое,— ответил я иронически.— Вы в октябре осмелились сделать переворот, а теперь осмелились мы». И еще: «Мирбах убит. Брестский мир, во всяком случае, сорван. Теперь все равно война с Германией, и мы должны идти против нее вместе».

Из этих и других фраз и отрывков фраз у меня создалось представление, что совершена попытка ниспровержения существующего правительства для замены его другим; каким — это им самим было неясно. Полагаю, что люди эти не управляли ходом

[1] Правильно — в Сокольнический.

событий, а логика событий захватила их, и они не отдавали себе отчета в том, что они сделали. Ни системы, ни плана у них не было.

Меня отвели в комнату другого здания через улицу, где я встретил Дзержинского, Лациса и других человек двадцать. Вскоре привели и Винглинского.

В нашу комнату все время входили и выходили матросы и солдаты. Первые относились враждебно, сдержанно и молчаливо. Вторые, наоборот, много говорили и слушали и склонялись или становились на нашу сторону. Но здесь все время царила растерянность, обнаруживалось сплошь полное непонимание того, что происходило. С первыми орудийными попаданиями паника охватила штаб и совершенно расстроила ряды солдат и матросов.

После перехода в другое, менее опасное, как нам казалось, помещение не нас уже охраняли, а старались приходящие к нам группами солдаты у нас найти защиту от предстоящих репрессий.

Петр Смидович

ПОКАЗАНИЯ О ВЫСТУПЛЕНИИ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ ЧЛЕНА КОМИТЕТА БАТАЛЬОНА СВЯЗИ ЛАТЫШСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ СОВЕТСКОЙ ДИВИЗИИ КАРЛА ИВАНОВИЧА БЕРЗИНА

В субботу, 6-го числа, я услыхал об убийстве графа Мирбаха, и в тот же вечер я отправился к товарищу на Красносельскую улицу [1], где и ночевал. На другой день, когда мы отправились в штаб, то слышали отдаленную стрельбу. Мы вернулись опять к товарищу на квартиру, он взял свою винтовку, и пошли с ним в штаб. У Земляного вала мы встретили вооруженную толпу матросов, которые стреляли по домам и заставляли закрывать окна. Заметив нас, они стали нас спрашивать: кто мы? Мы с товарищем ответили: «Свои». Они приказали поднять руки вверх и предложили отдать винтовку и удостоверение на право ношения оружия. Мы стали их спрашивать, в чем дело. Они ответили: «В штабе вы расскажете все» — и повели в штаб Попова. В штабе нас окружили пьяные матросы и несколько армейцев. Нас спросили, из ка́кой мы части. Мы ответили. Затем они дали нам их прокламацию, составленную левыми эсерами, с требованием восстания и проч. Окружившие нас матросы и армейцы говорили нам, что многие полки присоединились к ним и что только латышские полки не присоединяются. Говорили также, что Ленин и Троцкий продали Россию, и мы требуем восстания против насильников. Я им ответил, что наши полки всегда стояли на защите Советской власти и будут стоять до последнего.

[1] Ныне Нижняя Красносельская улица.

После этого разговора нас ввели в отдельную комнату, где молодой человек, одетый в штатское, стал нам разъяснять их программу и подговаривать присоединиться к ним. В это время на улице открылась сильная стрельба и вбежавший матрос приказал находящимся матросам в комнате выходить скорей на улицу и принимать участие в стрельбе, а мне проговорил: «Чтобы не проливать напрасно крови, поезжайте в свою часть с нашими представителями и переговорите там, чтобы скорей присоединялись к нам, а товарищ останется у нас заложником». Был подан автомобиль с белым флагом. В автомобиль сели я, казак и матрос, которые были вооружены. Я им предложил оружие оставить. Они оставили. Около почтамта нас остановили солдаты, спросили об оружии, и, убедившись, что такового у нас нет, сел с нами один комиссар, и мы отправились в штаб батальона связи. По приезде туда я обо всем доложил командиру батальона, который возмутился поступком эсеров и сказал им, казаку и матросу, что если они не отпустят товарища, оставленного заложником, то «мы сейчас же с вами посчитаемся, как всегда считались с контрреволюционерами». Они стали говорить командиру, что они сами не понимают, зачем их вводят в заблуждение. После разговоров командир приказал ехать в штаб дивизии и все рассказать. Мы поехали в штаб дивизии. Там нас встретили наши комиссары, которые заявили казаку и матросу, что «вести переговоры с вами мы не желаем, пришлите уполномоченного от Попова, тогда мы с ним поговорим, а до того мы продолжаем бомбардировать отряд». Матросу предложили остаться в штабе дивизии до приезда уполномоченного от Попова. Мы с казаком и комиссаром поехали в штаб отряда Попова. Приехав туда, я увидел, что орудия и пулеметы увозят, и слышал голоса: «Собирайтесь скорей, мы переходим на новые позиции к Курскому вокзалу». Мы с казаком вошли в штаб и передали находящимся там лицам то, зачем приехали. Меня попросили выйти из комнаты, а казак остался там. Через несколько минут меня позвали туда и указали на одно лицо, сказав: «Вот человек уполномочен от имени Попова вести переговоры с комиссаром, который с вами и поедет». Я и уполномоченный поехали на автомобиле в штаб, но по дороге [я] предложил уполномоченному заехать на почтамт, чтобы пригласить комиссара. Он, уполномоченный, предложил мне: лучше ехать прямо к Муралову, но я ему ответил, что к Муралову не поеду, пока не будет доложено комиссару на почтамте. Он согласился. Прибыв на почтамт, я передал по-латышски своим товарищам на почтамте, что отряд Попова отступает. В это время комиссар пригласил уполномоченного к себе и арестовал его.

Берзин

б) ПОКАЗАНИЯ ОБВИНЯЕМЫХ

ПОКАЗАНИЯ СПИРИДОНОВОЙ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ

Я состою членом ЦК партии левых эсеров. У нас состоялось постановление о необходимости убить германского посла графа Мирбаха в осуществление принятого нами плана — расторгнуть Брестский мирный договор. ЦК партии выделил из себя очень небольшую группу лиц с диктаторскими полномочиями, которые

занялись осуществлением этого плана при условиях строгой конспирации. Остальные члены ЦК никакого касательства к этой группе не имели. Я организовывала дело убийства Мирбаха с начала до конца. Узнав о совершенном убийстве, я отправилась с докладом об этом на съезд Советов для объяснения этого акта и для принятия ответственности перед лицом всех трудящихся и перед Интернационалом. Убийство агентов германского империализма, свивавших гнездо контрреволюции в самом центре РСФС Республики, есть только один из частных актов борьбы нашей партии со всяким империализмом и с его представительством, борьбы против всяких соглашательств и союзов с каким бы то ни было империализмом. С негодованием отвергаю распространяющееся обвинение ЦК партии в вольном или невольном союзе с английской, французской и всякой другой буржуазией. Програм-

ма нашей партии и пути ее ясны и прямы. Через отказ от всяких соглашательств и коалиций с каким бы то ни было империализмом, через классовую борьбу трудящихся против классовых врагов — помещиков и капиталистов, через восстание и через Интернационал — к победе над войной и над эксплуатацией мировой буржуазии, к завоеванию социализма.

Считаю нужным заявить, что тов. Мстиславский [1] не состоит членом ЦК партии эсеров. После 2-го и 3-го съезда партии никакого участия в активной партийной работе не принимал, а заведовал исключительно газетой. О постановлении ЦК о Мирбахе не знал. С постановлением ЦК партии об убийстве Мирбаха связаны только постановившие и выполнявшие это постановление. Партийный съезд дал директивы ЦК всемерно способствовать расторжению Брестского договора, не предрешая ни одной формы такого расторжения. Фракция съезда Советов, приняв резолюцию съезда партии, также ни принципиально, ни практически не входила в обсуждение форм расторжения Брестского мирного договора. Во всех постановлениях ЦК партии свержение «большевистского» правительства ни разу не намечалось. Все происшедшее является результатом стремительной защиты русским правительством убитых агентов германского империализма и самозащиты ЦК партии, совершившего это убийство.

ЦК партии выделил для приведения в исполнение решения ЦК «тройку», фактически же из этой тройки этим делом ведала я одна. Блюмкин действовал по поручению моему. Во всей инсценировке приема у Мирбаха я принимала участие, совместно обсуждая весь план покушения с товарищами террористами и принимая решения, обязательные для всех. Блюмкин должен был говорить с Мирбахом о деле племянника Мирбаха. Ввиду того что у нас были опасения, что немцы, имея связь с мирбаховскими военнопленными (вооруженными), могут сделать внутреннюю оккупацию Москвы и что к ним примкнут белогвардейские элементы, мы приняли меры к мобилизации левоэсеровских боевых сил. Думаю, что телеграф был занят для использования его для осведомления об убийстве Мирбаха и объяснения этого акта.

М. Спиридонова

10 июля 1918 года

---

[1] Мстиславский (Масловский) С. Д. (1876—1943) — член партии эсеров с 1904 года; с 1917 года — член партии левых эсеров, входил в состав ее ЦК. После убийства Мирбаха вышел из партии левых эсеров, был членом ЦК партии украинских боротьбистов. С 1921 года — беспартийный, писатель. С 1922 года работал в разных издательствах. Автор известной повести о Н. Э. Баумане «Грач — птица весенняя».

Я был опознан председателем Царицынского Совдепа, лично мне не известным, Ерманом во вторник 16 июля вечером на пароходе, шедшем из Саратова в Царицын, в момент отхода парохода из Саратова. В Камышине я был сдан в штаб Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Это было 17-го.

Ю. В. Саблин

Я — член партии левых эсеров с момента ее основания. Членом ЦК партии и в каких-нибудь иных партийных комитетах не состою. В последнее время был военным комиссаром обороны Московского района по назначению Народного комиссариата по военным делам.

Предъявленное мне постановление ЦК ПЛСР от 24 июня с. г. мне не было известно.

Партийный съезд продолжался дня четыре и закончился, кажется, 1 июля.

В первый день съезда Советов мне стало известно,что из состава ЦК ПЛСР выделено бюро с чрезвычайными полномочиями; во время перерыва, после внеочередного заявления Троцкого, Камков мне сообщил о возможности ареста ЦК ПЛСР и даже фракции в связи с возможным обострением отношений с большевиками на этом вечернем заседании; в этом разговоре, ставшем общим, я и вынес впечатление о существовании бюро. Во время этого разговора мне было предложено установить связь с левоэсеровским отрядом Попова. В тот же вечер я сейчас же поехал к Попову в целях установления этой связи.

6-го утром происходило заседание фракции; не помню, там ли или в ином месте мне сказали, чтобы я ехал в отряд Попова. Я прибыл туда во втором часу. Там были некоторые из членов ЦК — Камков, Черепанов, Карелин и Прошьян. Мне тут сообщили, что сейчас должен произойти террористический акт — убийство Мирбаха. Мне было предложено остаться в распоряжении ЦК здесь же.

После этого я на полчаса уехал, был у себя в «Метрополе», взял на всякий случай маленький чемоданчик со штатским костюмом и пальто и вернулся.

Когда я вернулся, мне сообщили, что Мирбах уже убит и что совершившие террористический акт находятся здесь. Зайдя в последнюю комнату, я увидел Блюмкина и Андреева, которых я раньше хорошо знал как товарищей по партии. Мне было сказано о том, что Блюмкин, раненный, вошел в комнату к Попову, когда там находился тов. Беленький, и что Беленький после этого уехал. От Блюмкина я узнал, что выданные ему документы на его настоящее имя остались в кабинете у графа Мирбаха. Таким образом, мне стало ясно, что в ближайшем же будущем следует ожидать чьего-либо посещения с целью розыска Блюмкина в отряде Попова. Об этом я доложил Центральному Комитету.

Было решено ожидать. Приехавши, Дзержинский в соседней комнате потребовал у Попова выдачи Блюмкина. Попов заявил о незнании местонахождения последнего. Тогда Дзержинский пошел его разыскивать. Попов доложил об этом ЦК. ЦК решил объявить Дзержинскому, что террористический акт совершен по постановлению ЦК. Камков и Карелин пошли в соседний двор, где находился Дзержинский, и заявили ему об этом. Когда они втроем вернулись обратно, то Дзержинский, совершенно бледный, крайне взволнованным голосом начал требовать, чтобы к нему привели Попова. Камков в это время прошел в комнату ЦК и заявил, что Дзержинский грозит арестовать его и Карелина. Тогда в целях самозащиты ЦК решил задержать Дзержинского, Беленького и приехавшего с ними еще одного комиссара, что и было приведено в исполнение, несмотря на протесты т. Дзержинского, потребовавшего от солдат подчинения ему и приказывавшего им арестовать всех нас.

После этого М. А. Спиридонова отправилась на съезд для оглашения декларации ЦК ПЛСР.

Вслед за этим тайная разведка донесла, что арестованы матросы, сопровождавшие в автомобиле Марию Александровну, затем, что выход из Большого театра закрыт, позже о том, что Спиридонова и вся фракция арестованы. По телефону нам был передан текст правительственного сообщения об убийстве Мирбаха. Для нас было ясно, что агрессивные действия против нас начаты.

Это подтвердилось появлением вблизи отряда Попова патрулей, остановкой автомобильного движения, кроме тех, кто имел специальный пропуск, подписанный Лениным, Троцким и Свердловым.

Тогда нам было приказано, вернее, Поповым, задерживать все автомобили, проезжающие в районе расположения отряда и его патрулей. Таким образом, был задержан тов. Смидович, трое спутников которого по моему приказанию были освобождены. Было приказано спрашивать документы у всех проходящих. Среди них оказалось около 20 членов съезда Советов — фракции большевиков. Все они были немедленно отпускаемы после стереотипного вопроса о судьбе фракции левых эсеров. Позже был задержан адъютант Муралова т. Жаворонков.

Были приведены арестованные т. Лацис и, кажется, два комиссара. По чьему приказу они были арестованы, я не знаю.

После митинга в Покровских казармах первый Мартовский полк заявил о своей солидарности с отрядом Попова и прислали арестованным военного комиссара Городского района т. Шоричева. То же самое сделал отряд Винглинского. Из его отряда прибыла делегация, которая просила арестовать Винглинского, мешающего им присоединиться к отряду Попова. На расспросы он ответил, что рад убийству Мирбаха, что будет помогать отряду Попова в случае попытки разоружения этого отряда, что он только что был у Муралова, что тот настроен против немцев и против отряда Попова ничего предпринимать не собирается. Это было около полуночи. Всем его ответы показались подозрительными. Поэтому когда пришла делегация из отряда Винглинского, то Попов сейчас же послал несколько матросов, которые вместе с делегацией арестовали Винглинского и привели его и часть его отряда к отряду Попова.

Относительно эпизода с телеграфом мне известно следующее. ЦК выработал текст телеграмм. На телеграфе стоял караул из Покровских казарм. Тов. Прошьян взял с собой около 10 человек из отряда Попова и 5 человек из Покровских казарм для того, чтобы эти последние объяснили караулу на телеграфе, который был из их же части, смысл происходящих событий. 10 же человек из отряда Попова были взяты для охраны по пути. Как мне известно, караул на телеграфе свободно пропустил тов. Прошьяна, который, отправив телеграммы, вернулся обратно в штаб Попова.

В ответ на все поступавшие в ЦК предложения об активном поведении по отношению к Совнаркому, предпринимавшему явно враждебные к ЦК и отряду Попова шаги, ЦК отвечал заявлениями о необходимости придерживаться строго оборонительных действий, ни в коем случае не выходя из пределов обороны района, занятого отрядом. Таким образом, совершенно неиспользо-

ванным остался караул на телефоне, телеграфе и [во] Всероссийской чрезвычайной комиссии. Также неиспользованными остались предложения о захвате Кремля и центра города. По заявлению Попова, в его отряде было около 800 человек, по-моему же — не более 600. Что касается присоединившихся частей, то ничем, кроме заявлений, они своего присоединения не выявили.

Лишь из отряда Винглинского перешло к Попову около 50 человек.

С утра 7-го числа началась перестрелка между передовыми частями отряда Попова и противника. К 10 часам перестрелка (ружейная и пулеметная) достигла своего максимума. Затем несколько стихло. Отряд Попова потерял к этому времени около 2—3 убитых и 20 раненых. В этот момент Попов, явившийся на заседание ЦК, объявил о необходимости немедленного отступления. Решение об отступлении было принято. Это совпало с начавшимся крайне удачным обстрелом штаба Попова из орудий. Я занялся эвакуацией раненых. Когда весь отряд уже ушел, ко мне подбежал один из часовых при задержанных и спросил, что с ними сделать. Я велел отпустить, когда все уйдут. Затем сел в автомобиль и нагнал ушедший отряд. Первая группа ушла в 11-м часу вместе с Поповым, последняя — приблизительно через час.

Юрий Владимирович Саблин

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПОКАЗАНИЕ ПО ДЕЛУ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ, ДАННОЕ НА ОСНОВАНИИ ПРАВ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫХ МНЕ ДЕКРЕТОМ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА ОТ 4 МАЯ С. Г. (СОГЛАСНО РАЗЪЯСНЕНИЮ ОБВИНИТЕЛЬНОЙ КОЛЛЕГИИ В ОТНОШЕНИИ ЕЕ ЗА № 267)

В дополнение к показанию моему от 22 июля показываю:

Насколько мне известно, формирование «отряда особого назначения» было предпринято Всероссийским штабом левых с.-р. по предложению т. Муралова (отряд должен был находиться в его распоряжении), о чем в 20-х числах июня им был отдан приказ, а 22 июня были утверждены штаты отряда (смотри страницу 26 вещественных доказательств).

Для сформирования этого отряда вызывались боевые дружины из Витебска и других мест. Ко времени событий 6—7 июля отряд находился еще в периоде формирования, и ни один человек из его состава в событиях 6—7 июля участия не принимал.

Считаю своим долгом указать на то, что ни следственная комиссия, ни обвинительная коллегия не уделили никакого внимания участию в событиях 6—7 июля германских и австрийских военнопленных.

Участие их устанавливается:

1) Показанием Николая Ефретова (на с. 87а, т. 1 [1]).

Упомянутые в этом показании военнопленные были допрошены и показали, что они из части, сформированной Бела Куном, и что, посылая их против левых с.-р., им объяснили: что это такие люди, что хотят убить всех австрогерманцев, подтверждая эти слова ссылкой на убийство левыми эсерами графа Мирбаха.

2) Об участии военнопленных в процессе отмщения за голову графа Мирбаха писал на страницах «Известий» (или «Правды») и Бела Кун — о занятии ими утром 7 июля здания почтамта и телеграфа.

3) Об этом же говорил мне и следователь Кингисепп при допросе 22 июля и даже собирался вызвать для одновременного со мною допроса гражданина Бела Куна, чтобы выяснить степень участия военнопленных, для меня недостаточно ясную.

Не вдаваясь, по существу, в содержание обвинительного акта, считаю себя вправе коснуться здесь тех странных, чтобы не сказать более, «ошибок», на которые мне пришлось наткнуться при первом же просмотре обвинительного акта.

1) После 4-го съезда Советов фракция (левоэсеровская.— *Ред.)* ЦИК имела не 20 мест, а 47.

2) Ваше указание на то, что в распоряжении левых с.-р. было 1700—1800 человек, ошибочно, ибо, как я уже указывал, ни один человек из формируемого «отряда особого назначения» участия в событиях 6—7 июля не принимал, в отряде же Попова было около 600 человек, из которых активное участие принимало не более 200—300 человек, остальные же или были заняты на постах в городе, или отдыхали после дежурства, или просто шатались, ничего не делая.

3) На странице 11-й обвинительного акта, цитируя показание т. Дзержинского, говорится: «Черепанов и Саблин с торжеством заявили ему (Дзержинскому) «вот-де у вас были октябрьские дни, а у нас будут июльские» и т. д.

В действительности в показаниях Дзержинского на с. 65, тома 1 говорится: «Потом пришли Черепанов и Саблин. Этот первый, потирая руки, радостно говорил: «У вас были октябрьские дни, а у нас будут июльские» и т. д. всю фразу до конца.

Как будто Дзержинским определенно говорится, что эта фраза была произнесена не мною.

Доказывать правильность последнего мне представляется излишним. Довольно того, что октябрьские дни я имею право больше называть своими, чем многие другие из говорящих это.

Право это закреплено за мною хотя бы постановлением ВЦИК

---

[1] Здесь и далее в скобках указаны тома и страницы следственного дела.

2-го состава (в заседании не то 3, не то 4 ноября 1917 года) о посылке мне в Москву приветственной телеграммы по поводу моей борьбы на октябрьских баррикадах и моего ранения от руки «рудневцев».

Из остальных «ошибок», бросившихся в глаза, укажу еще на следующие:

4) На с. 14 обвинительного акта говорится о том, что из моего показания явствует, что приказание о задержании всех автомобилей было отдано мною. Если же вы возьмете на себя труд взглянуть в подлинный текст моего показания на с. 106, то увидите, что подобное ваше заключение не соответствует действительности.

5) К числу подобных же «ошибок» относится приписка мне а) агитации среди воинских частей за вооруженное выступление и свержение Советской власти, о чем ни в одном показании нет ни малейшего указания и б) «руководства» военными операциями, ибо вряд ли руководство эвакуацией раненых подходит под столь громкое название.

Что же касается обвинения «в укрывательстве от ареста Блюмкина», то на столь циничный призыв выдавать на расстрел товарища по партии я не считаю возможным что бы то ни было отвечать.

Ю. В. Саблин

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ОБВИНИТЕЛЬНОЙ КОЛЛЕГИИ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ОБВИНИТЕЛЬНОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА ПРИ ВСЕРОССИЙСКОМ ЦЕНТРАЛЬНОМ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ КОМИТЕТЕ СОВЕТОВ ПО ДЕЛУ О КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОМ ЗАГОВОРЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ ЛЕВЫХ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ И ДРУГИХ ЛИЦ ТОЙ ЖЕ ПАРТИИ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И РЕВОЛЮЦИИ

Мощным напором революции рабочий класс, солдаты и крестьяне России низвергли в октябре 1917 года господство буржуазии и, вырвав власть из рук временщика Керенского, передали ее Советам; они открыли этим эру социалистического переустройства России и в качестве выразителя воли II Всероссийского съезда Советов во главе страны поставили Совет Народных Комиссаров Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Неимоверно тяжелые условия, в которых оказалась Советская власть с первых же пор своего существования, потребовали от новой власти максимального напряжения всех ее творческих сил и одновременно, при неуклонном стремлении ее к достижению

поставленных целей, потребовали величайшей осторожности и осмотрительности в тактике, дабы не подвергнуть излишним опасностям республику, на которую история возложила величайшие задачи и у которой было слишком много врагов. Совет Народных Комиссаров, состоя в подавляющем большинстве своем из представителей политической партии большевиков, нуждался в это время, более чем когда-либо, в поддержке и помощи со стороны тех элементов населения, которые, не будучи чисто пролетарскими по своему составу, все же могли бы быть в состоянии понять и величие стоящих на очереди задач и оценить трудности, которые также предстояли на новом пути. Политически это выразилось в блоке партии коммунистов-большевиков с партией так называемых левых социалистов-революционеров, отколовшихся от старой партии эсеров незадолго до октября 1917 года и окончательно сблокировавшихся с большевиками после их победы в октябре. Экономически блок основывался на глубоком убеждении Совета Народных Комиссаров, что многомиллионная трудовая крестьянская масса пролетариата не менее кровно заинтересована в осуществлении в полной мере лозунга «Вся власть Советам!» и на этом пути будет идти вместе с рабочим классом в его борьбе.

К сожалению, политическая деятельность показала, что солидарность крестьянских масс с революцией и солидарность политической партии левых социалистов-революционеров с революционной пролетарской тактикой далеко не представляли собою безусловно великих вещей.

IV Всероссийский съезд в этом отношении окончательно поставил все точки над «i». Вопрос о ратификации мирного договора с Германией, подписанного нашей делегацией в Бресте 3 марта 1918 года, был тем вопросом, по которому тактическое расхождение большинства съезда, большинства Совета Народных Комиссаров и партии коммунистов с партией левых эсеров сделало невозможным всякий дальнейший блок и дальнейшую совместную работу в правительстве.

Подавляющим большинством в несколько сот голосов IV Всероссийский съезд ратифицировал договор с Германией, и это голосование разрешило вопрос. Левые эсеры вышли из состава правительства и заняли скамьи оппозиции. Съезд признал невозможность в тех условиях для России далее продолжить войну, признал объективную неизбежность полного поражения русской революции в случае продолжения войны, а следовательно, и неизбежность ее гибели под сапогом германского империализма, одновременно с восстановлением власти буржуазии при помощи германских штыков. Но, приняв мир одновременно с этим, съезд постановил использовать в связи с Брестским миром возможность выиграть время, использовать для воссоздания армии передышку,

которая благодаря миру проистекала для русской революции хотя бы на одном из фронтов, использовать ее для укрепления революции внутри страны, для сохранения Советской России как очага мировой революции. Съезд учел и понял, что вести войну против воли народа есть безумие и преступление со стороны народной власти и еще горшая авантюра, чем все войны царской монархии.

Партия левых социалистов-революционеров отказалась ратифицировать мир. Вышедшая из недр той самой старой партии социалистов-революционеров центра, которая с самого начала революции в своей подавляющей массе заняла откровенно буржуазную позицию, партия левых эсеров не могла окончательно порвать с породившей ее средой и унаследовала от нее и веру в революционную фразу, и теорию героев и толпы, и неумение и бессилие подняться выше в нужный момент над интеллигентским преклонением перед словесным фетишем. Полные неверия в революционные творческие силы народа, способного вынести все испытания, посылаемые историей, вожди партии левых эсеров, как и подобает «героям», предпочли проповедь словесной «беспощадной борьбы до конца» революционному служению народу в неимоверно тяжелых условиях реальной действительности. Устами своего лидера гражданина Камкова партия проповедовала войну, «покуда крестьянство трудовое, покуда пролетариат не раздавлен, растоптанный в крови международным империализмом», и устами Штейнберга: «Восстание повсеместное для оказания помощи трудовым массам» (см. стенографический отчет речей Камкова и Штейнберга, т. 2 следственного материала). «Создание миллионной социалистической армии» и надежда, «что передышкой будет достигнута национальная мощь», являлись, по словам Камкова, «одной из худших утопий». В то же время тот же Камков стремился убедить съезд, что «вопрос о поднятии революционного движения в других странах является вопросом нескольких дней, быть может, часов», и делал из всего этого неожиданный вывод, что «те, кто ратифицирует мир... ставит крест над русской революцией» (там же). Съезд по достоинству оценил эту революционную декламацию лидеров. Партия коммунистов с тех пор осталась одна во главе управления, повела и провела республику среди тысяч опасностей невредимой до настоящего времени, привела ее к мировой революции, привела, создав миллионную армию, которая делом доказала, что она умеет не только сражаться, но умеет и побеждать.

Маленькой интеллигентной группой ушла со съезда партия левых эсеров, партия, имевшая почти 6 мест в правительстве, теперь едва имела 20 мест в ЦИК. Своим выходом из правительства партия левых эсеров избавила правительство от излишнего балласта, тормозившего его деятельность, но, однако, она не пере-

Б. Д. Камков

шла все же открыто в лагерь его врагов. Ко времени V съезда положение переменилось. Твердость коммунистов при проведении политической линии, порученной им волею рабочих и крестьян, не оставляла левым эсерам сомнения в том, что на почве лояльной оппозиции они не выиграют ничего; с другой стороны, им было не менее ясно, что с ними не будут больше считаться как с политической величиной, и не будут считаться не только в центре, но и на местах. Бездействие грозило превратиться в смерть. Одна из цитат речи Камкова на V съезде лучше всяких доказательств докажет, на какой путь решила теперь встать партия для достижения своих целей, чтобы вернуть прежнее положение. Обращаясь непосредственно к дипломатической ложе, где сидели представители империалистической Германии, Камков произнес: «Они (солдаты) не будут молчаливыми свидетелями того, как рукой германского разбойника, рукой палачей, которые сюда явились, рукой тех мерзавцев, грабителей, разбойников...» — шум не позволил ему закончить своей фразы (стенографический отчет речи Камкова).

Только сознание своей полной беспочвенности в смысле отсутствия какой-либо опоры в рабочих массах, сознание того, что впереди у них нет надежды на проведение своей линии путем планомерной и политической борьбы, а кругом нет сторонников, могли толкнуть эту партию, нервических интеллигентов на заборный жаргон в политических выступлениях и избрать в качестве тактического приема политическое хулиганство и провокационные выкрики авантюристов, для которых все остальные средства борьбы явились уже исчерпанными и уже проигранными.

Действительность, однако, обнаружила, что партия левых

эсеров шагнула в этом отношении еще дальше, чем это могло казаться, и что камковские выходки и его заборная литература были только прелюдией к дальнейшим «подвигам» партии. Кроме интеллигентской привязанности к фразе и веры в нее, в партии жили еще традиции старой кружковщины и вера в возможность сразу путем исторических экспериментов изменить ход истории.

Упомянутые речи и были произнесены лидерами партии в заседании съезда 5 июля, 6 июля был убит граф Мирбах, и в ночь на 7-е было поднято левыми эсерами их безумное восстание, быстро ликвидированное советскими войсками к 2-м часам дня того же, 7-го числа.

Партия левых эсеров как политическая величина перестала существовать, но тем не менее опасность, которой они подвергли республику, была велика. Назначенная постановлением Совета Народных Комиссаров Особая следственная комиссия под председательством народного комиссара юстиции тов. Стучки выяснила следующую дополнительную картину подготовки событий 6—7 июля, их кратковременное развитие и ликвидацию.

Партийный съезд левых эсеров дал, согласно показаниям Спиридоновой, директивы Центральному Комитету «всемерно способствовать расторжению Брестского договора, не предрешая, однако, форм такого расторжения» (т. I, л. 67 на обороте). На основании этого решения Центральный Комитет на заседании от 4 июня принял следующее постановление:

«Обсудив настоящее положение Республики, ЦК нашел, что в интересах русской и международной революции необходимо в самый короткий срок положить конец так называемой передышке, создавшейся благодаря ратификации большевистским правительством Брестского мира. В этих целях Центральный Комитет считает возможным и целесообразным организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма. Одновременно с этим ЦК партии постановил организовать для проведения в жизнь своего решения мобилизацию надежных военных сил и приложить все меры к тому, чтобы крестьянство и рабочий класс примкнули к восстанию и активно поддерживали партию в этом выступлении... Время проведения в жизнь намеченных двух постановлений предлагается установить в следующем заседании ЦК... Осуществление террора должно произойти по сигналу из Москвы, хотя это может быть заменено другой формой. Для учета и распределения всех партийных сил при проведении этого плана в жизнь... партия организует бюро из трех лиц — Спиридоновой, Голубовского, Майорова. Ввиду того что настоящая политика партии может привести ее помимо желания к столкновению с большевиками, ЦК партии, обсудив это, постановил следующее:

В. А. Карелин

а) Мы рассматриваем свое постановление и свои действия как борьбу против настоящей политики Совета Народных Комиссаров и ни в коем случае как борьбу против большевиков. Однако ввиду того, что со стороны последних возможны агрессивные действия против нашей партии, постановлено в таком случае прибегнуть к вооруженной обороне занятых позиций. В частности, предлагается комиссия из 4-х товарищей — Камкова, Трутовского, Карелина...— выработать лозунги нашей тактики и очередной политики».

Противоречивый характер последнего абзаца, ясно показывавшего, что авторы постановления отнюдь не додумывали до конца принятых решений, не остановил их, однако, от приведения в исполнение задуманного. Легкомысленно, по-детски, но, как бы то ни было, партия встала на путь вооруженной борьбы.

Согласно обнаруженному проекту «формирования боевых дружин», последние должны были формироваться партией левых эсеров из «людей, друг друга знающих, и по духу родственных товарищей, членов партии». Каждая дружина должна была насчитывать не менее 35 человек, по 7 человек в «звене», и выделяла из себя отделение пулеметчиков, гранатчиков, связи и административно-хозяйственное. Боевой состав дружины числил 193 человека, в том числе 139 винтовок, 54 револьвера при 15 540 ружейных патронах и 1680 револьверных, 2 пулемета с 500 000 патронов, 15 гренадеров и связь всех родов.

Этот общий план имел место и проводился в жизнь до постановления ЦК от 24 июня, «мобилизация» стала проводиться после постановления. В Ярославль от имени крестьянской секции

ЦИК был послан гражданин Петров к начальнику Ярославского гарнизона с предписанием выдать Петрову 40 пулеметов с соответствующим запасом лент, 1000 винтовок с 100 000 патронов к ним, 4 легких и одну гаубичную батарею, 10 000 ручных гранат.

Означенное оружие, как говорилось в препроводительной бумаге (т. 2, лист 6 вещественных доказательств), должно было якобы затем быть направлено в один из уездов Смоленской губернии, угрожаемый немцами. На другой препроводительной, выданной от имени той же крестьянской секции тому же Петрову, говорилось, что он командируется в Ярославль для закупки кожевенных изделий, табаку, махорки в количестве 15 пудов для крестьянской секции. Отношение датировано 1 июля. В помещении крестьянской секции обнаружен также подлинник извещения от комиссара по внутренним делам коммун Северной области от 4 июля, что им командирован в распоряжение Главного штаба боевых дружин левоэсеровский отряд в 80 человек под начальством Терентьева. Наконец обнаружен отпуск отношения командира отряда особого назначения дружины Всероссийской боевой организации левых эсеров при Московском военном окружном комиссариате от 3 июля за № 25 на имя Овсянкина с извещением, что Овсянкин командируется в Витебск для приемки, погрузки и сопровождения отряда дружинников в 400 человек в Москву в распоряжение штаба дружин. Обнаруженные приказы по Главному штабу Всероссийской боевой организации партии левых эсеров устанавливают, что в состав Главного штаба входил и как представитель ЦК партии Магеровский. При штабе существовал сверх того отряд особого назначения. К организации и формированию этого отряда было приступлено, как это явствует из приказа по штабу 24 июня (сравни дату постановления ЦК партии о терроре и мобилизации сил). Организация была поручена Орешкину. Согласно требовательной ведомости в Московский комиссариат от 29 июня (т. 2, с. 29), отряд насчитывал по списку на довольствии 675 человек, на содержание которых того же числа было испрошено 244 425 рублей. Несмотря на то что правильность этих цифр возбуждает ряд сомнений, так как в приказе от 22 июня по Главному штабу указано на довольствии всего 132 человека, следствию не удалось выяснить, существовали ли физически остальные 543 дружинника, на которых испрашивались Орешкиным деньги, обмундирование и снаряжение, или нет и насколько действительная быстрота мобилизации военных сил левых эсеров могла дать указанную цифру дружинников. Деятельность Главного штаба, как это доказывает ряд документов, была в достаточной степени энергична и разнообразна. Так, отношением от 5 июля за № 31 командир отряда озабочивается получением пароля от областного комиссариата Москвы за № 32, требует отпуска

конфет, шоколада, монпансье, какао и варенья для нужд Главного штаба из расчета на 200 человек (с. 53) и за № 34 — 100 000 гильз для тех же 200 человек. Обеспокоенный, видимо, этими требованиями, ответным отношением от 6 июля военный комиссариат предписал влить эти 200 человек в общий список 2-й дивизии на общих красноармейских основаниях. Эта благоразумная мера, к сожалению, запоздала.

Параллельно с этими отрядами партия левых эсеров мобилизовала и еще один боевой центр. Таковой составил из себя боевой отряд Попова при Всероссийской чрезвычайной комиссии, который сам Попов в своем отношении в военный комиссариат для зачисления отряда на довольствие исчислял в 1000 человек (с. 60), требуя отношением от 30 июня на его содержание 206 698 рублей. Численность отряда, как потом было засвидетельствовано Саблиным, и тут была сильно преувеличена и едва ли превышала в общей сложности 600 человек при двух батареях. Одновременно отношением от 2 июля Попов затребовал от военного комиссариата для нужд своего отряда срочно 20 штук санитарных носилок, 12 санитарных сумок, 40 больших лубков и 23 малых, 40 нарукавников Красного Креста и 10 флагов, 2 медицинских таза, два ведра и т. д., зондов, игол кишечных, зажимов, пинцетов, скальпелей и т. д., видимо, предвидя возможность боевых операций. Общее количество левоэсеровских сил, таким образом, едва ли превышало 1700—1800 человек, даже если верить официальным цифрам Попова и Орешкина.

С такими силами партия левых эсеров решила приступить к «спасению мировой революции».

В нарушение и бесстыдно циничное игнорирование определенно выраженной голосованием 5 июля воли Всероссийского съезда Советов партия левых эсеров привела в исполнение в 3 часа дня террористический акт против Мирбаха во имя срыва Брестского мира и вовлечения России в войну с Германией.

Это уже была не игра. Согласно показаниям доктора Рицлера, первого советника посольства, и лейтенанта Мюллера, убийство германского посла произошло при следующих обстоятельствах:

Около 2-х с половиной часов дня в помещение посольства явилось два неизвестных человека, назвавшиеся один — членом ВЧ комиссии Блюмкиным и другой — председателем[1] революционного трибунала Андреевым и, предъявив удостоверение на бланке и за печатью ВЧК, за подписями председателя комиссии тов. Дзержинского и секретаря комиссии тов. Ксенофонтова,

[1] В тексте подложного удостоверения, предъявленного Блюмкиным в посольстве,— «представителем».

попросили личного свидания с посланником для переговоров с ним по личному делу. После настоятельных просьб Блюмкина о личном свидании граф Мирбах согласился выйти к просителям. Все пятеро — Мирбах, Рицлер, Мюллер, Блюмкин и Андреев — уселись в приемной, и Блюмкин, разложив имеющиеся при нем документы, посвятил графа в дело некоего гражданина Роберта Мирбаха, якобы скомпрометированного в деле о шпионаже в пользу Германии. После ответа Мирбаха, что вся эта история его очень мало интересует, на вопрос Андреева: «Видимо, графу интересно, какие меры будут приняты с нашей стороны?», вопроса, повторенного Блюмкиным, один из посетителей вскочил и, выхватив револьвер, выстрелил в Мирбаха. Его спутник открыл одновременно огонь в Рицлера и Мюллера. Не потерявшийся Мирбах бросился в другую комнату, куда за ним последовал Блюмкин, в то время как Андреев продолжал стрелять в присевших к земле Рицлера и Мюллера. В это время в соседней комнате раздался оглушительный взрыв. Когда Рицлер и Мюллер опомнились и бросились в зал, там на полу пораженный пулей в голову лежал Мирбах, на полу среди обломков штукатурки, в паркете был глубокий выем от разорвавшейся бомбы, другая — неразорвавшаяся — валялась тут же; оба же посетителя в суматохе успели скрыться через окно и уехать на ожидавшем их автомобиле, оставив свои шляпы и портфель с бумагами (т. 2, с. 54 и 57).

В тот же день Центральным Комитетом партии левых эсеров было выпущено следующее воззвание «Ко всем рабочим и красноармейцам»:

«Палач трудового русского народа, друг и ставленник Вильгельма, граф Мирбах убит карающей рукой революционера по постановлению ЦК партии левых эсеров. Как раз в тот день и час, когда окончательно подписывался смертный приговор трудящимся, когда германским помещикам и капиталистам отдавалась в виде дани земля, золото, леса и все богатства трудового народа, когда петля затянулась окончательно на шее пролетариата трудового крестьянства, убит палач Мирбах. Немецкие шпионы и провокаторы, которые наводнили Москву и частью вооружены, требуют смерти левым социалистам-революционерам. Властвующая партия большевиков, испугавшись возможных последствий, как и до сих пор, исполняет приказы германских палачей... Да здравствует восстание против палачей. Позор всем, кто идет вместе с немецкими шпионами на подавление восставших против Вильгельма рабочих и крестьян!»

Одновременно, однако, с помещением в этом воззвании грязных инсинуаций Центральный Комитет партии выносит, видимо «на всякий случай», следующее постановление, которое отправил через одного из стрелков в Латышскую дивизию:

«ЦК ПЛСР категорически заявляет, что ни к какому захвату власти он не стремился, а произвел убийство Мирбаха исключительно в целях прекратить дальнейшее завоевание трудовой России германским капитализмом. Партия коммунистов-большевиков будет играть в руку контрреволюции, если будет направлять против защищающего советский строй Центр. Комитет[а] партии левых эсеров части советских войск, свои обманутые части, направленные для отомщения за Мирбаха. ЦК ПЛСР».

Оба документа взаимно дополняют друг друга. Партия усвоила, видимо, к этому времени окончательно специфические методы борьбы с политическими противниками путем распространения клеветы и лжи и в то же время стремилась трусливо забежать вперед, дабы обеспечить себе смягчающие вину обстоятельства. С общим тонусом поведения партии вполне гармонирует и «творческая личность» самого исполнителя — Блюмкина.

Блюмкин, как это установлено предварительным следствием, революционер, не знавший революционной работы до революции, начал работать в ВЧК с июня месяца и был откомандирован по рекомендации ЦК партии левых эсеров на должность заведующего немецким шпионажем (см. показания Лациса, т. 1, с. 129), но проработал недолго. Вскоре на него стали поступать жалобы настолько компрометирующего характера, что постановлением комиссии от 1 июля (т. 2, с. 191) он был отстранен от работы и весь его отдел закрыт.

По показаниям Дзержинского, последним был возбужден вопрос через члена ВЧК левого эсера Александровича о предании Блюмкина суду за его художества, что было отсрочено до получения ответа и отзыва от эсеровского ЦК.

ЦК партии левых эсеров вместо этого счел возможным именно ему поручить честь совершить «освободительный» террористический акт.

В ответ на воззвание левых эсеров Совет Народных Комиссаров разослал во все районы предложение всем районным Совдепам быть наготове, мобилизовать партийных работников поройонно, установить патрули на улицах, призвать массы рабочих немедленно подавить эту попытку восстания левых эсеров, которой могут воспользоваться все буржуазные и белогвардейские группы (т. 2, с. 83).

Отступление для левых эсеров было отрезано. Дальнейшее развитие событий представляется в следующем виде:

По показаниям Дзержинского, уже в 3 часа он узнал об убийстве Мирбаха по прямому проводу из Совета Народных Комиссаров. Отправившись в посольство и с первого взгляда установив, что подпись на удостоверении, представленном Блюмкиным, была подложная, Дзержинский отправился лично в штаб отряда По-

пова, куда (ему донесли) скрылся Блюмкин. В штабе Попова Дзержинский после первых расспросов принялся за осмотр помещения, когда вошедшие Прошьян и Карелин сообщили ему, что Мирбах убит по постановлению ЦК партии и что Блюмкина искать нечего. В ответ на это Дзержинский объявил их арестованными. В соседней комнате Дзержинский заметил Трутовского, Черепанова, Александровича, Фишмана, Камкова, Спиридонову. Все были вооружены. В это время в комнату вошел Саблин и потребовал от Дзержинского сдачи оружия. Тот отказал, но был моментально окружен наводнившими комнату матросами и обезоружен. Трепалова, прибывшего вместе с Дзержинским, обезоружила Спиридонова лично. На устроенном тут же митинге Спиридонова, Попов и другие обвиняли Советскую власть в предательстве Мирбаху, матросы обвиняли ее за то, что отнимают муку у бедняков, причем Черепанов и Саблин с торжеством заявили ему, что «вот-де у вас были октябрьские дни, а у нас будут июльские», что «мир все равно сорван», что они власти не хотят, «пусть немцы займут Москву — и у нас будет так, как на Украине,— они же опять уйдут в подполье».

Попов добавлял, что теперь не придется воевать с чехословаками. Такова была запротоколированная вождями программа движения. Затем стали приводить арестованных Лациса (арестован в комиссии матросом Жаровым [1]), Смидовича, арестованного на улице, Винглинского, арестованного в своем отряде, всего человек 27. Из других видных эсеров Дзержинский видел там Магеровского. Настроение было у всех радужное, постоянно передавались известия о присоединении к повстанцам ряда полков, о помощи от Муравьева с фронта, о приходе рабочих делегаций и т. д. (т. 1, с. 65 и сл.). Приблизительно в тех же красках передал события Саблин, Смидович и др., передающие то же содержание речи Черепанова, что и Дзержинский (т. 1, с. 103 на обор.). Саблин также подтверждает присутствие в штабе Попова тех же Камкова, Прошьяна, Спиридоновой, а также факт, что в штабе скрывался первое время Блюмкин. Численность отряда Попова Саблин определяет всего в 600 человек, количество перешедших к повстанцам солдат из отряда Винглинского — всего в 50 человек. По показаниям Саблина, арест Дзержинского и Смидовича был произведен для самозащиты в качестве заложников, так как все время ЦК рекомендовал придерживаться строго оборонительных действий. Поведение ЦК не изменилось, даже когда пришло известие об аресте отправившейся на съезд Спиридоновой и всей съездовской фракции левых эсеров. Для захвата телеграфа Прошьян взял с собой только 10 человек, чтобы отправить те-

[1] В тексте книги ошибочно «Жиро».

леграмму, текст которой был выработан ЦК. Боевые действия фактически развернулись только утром на следующий день (с. 107).

Текст и одной и второй телеграмм, отправленных по всем городам России с датой 7-го VII 3 часа ночи, первой — под заглавием «Бюллетень № 1» и второй — «Всем Совдепам», приблизительно аналогичен. Агрессивного характера по отношению к Советской власти они не носят, за исключением клеветнического выпада в бюллетене, что-де при аресте Дзержинский заявил, что пришел арестовать Прошьяна и Карелина, из которых, мол, один должен пасть искупительной жертвой за Мирбаха. Телеграмма объявляет, что задержанные большевики будут освобождены и что партия надеется, что они будут вместе с ними в борьбе против мирового империализма (т. 1, с. 110 и сл.). Телеграмма Совдепам также содержит экивок об «агентах германского империализма, ведущих агитацию на фабриках и в воинских частях», но также кончается призывом к совместной борьбе (с. 163 и сл.).

За ночь, однако, положение изменилось.

Занятие телеграфа было последним успехом повстанцев. По показаниям свидетелей Тимакова, Маслова, Подбельского, Ермоленко, Ефретова, телеграф был занят отрядом человек в 40, не знавших точно, зачем они пришли, и отвечавших, что для охраны. Лишь второй отряд, предводимый Прошьяном, объявившим, что Совет Народных Комиссаров арестован, был настроен более воинственно. Прошьян арестовал комиссаров Ермоленко, Маслова и Ефретова и отправил их в штаб Попова. Тогда же член ЦК ПиТ [1] Лихобадин отправил телеграмму, в которой предписывал задерживать и не передавать телеграмм за подписями Троцкого, Ленина и Свердлова. В этой телеграмме (т. 2, с. 105 и сл.) партия левых эсеров впервые названа «правящей ныне партией».

Показаниями Пупко, Янчевского и Герасимова установлена картина, имевшая место на телефонной станции. Явившаяся группа лиц потребовала включения выключенных по приказанию Аванесова комиссаром Пупко телефонов штаба Попова. Но пока пришедшие искали других телефонов, явившиеся новые отряды советских войск заняли вновь телефонную станцию, и время было повстанцами упущено. Свидетели занятия телеграфа и телефона, точно так же как и многие из арестованных в штабе Попова, все удостоверяют, что солдаты-поповцы — матросы и красноармейцы — очень смутно понимали, в чем дело; из занимавших же телеграф многие были в явно нетрезвом состоянии. В штабе Попова солдатам все время раздавали сапоги, баранки, консервы.

[1] ЦК почтово-телеграфного союза.

Показания свидетелей из 1-го Советского полка, отряда Попова, отряда Винглинского показывают, что произошло «присоединение» к повстанцам этих частей. В отряд Винглинского явились Черепанов и Камков, в результате Винглинский был отправлен в штаб Попова и оттуда после — обратно, где, однако, опять был арестован. Число перебежавших, по показаниям Саблина, не превышало 50-ти.

В 1-й Мартовский полк в Покровских казармах явился Александрович, по показаниям Баринова (с. 167). В результате агитации пришедшие матросы арестовали комиссара Шоричева. Делегаты полка были приглашены на заседание ЦК ЛСР и отнеслись к предложению выступить отрицательно, ограничившись только несением караульной службы. По показаниям Румянцева, всего в полку в ту ночь налицо было 140—150 человек.

Наконец, солдаты из отряда самого Попова показывают, что там агитировал лично Попов, говоря, что Ленин и Троцкий продали Россию и т. д. Охрана их постоянно распивала водку (с. 123). По показаниям Струтинского, он находился в патруле в ночь на 7-е с приказом задерживать автомобили. Встретившись с патрулем латышей, он вступил в переговоры и наконец решил идти спать, что и исполнил. Другой поповец, Куличев, поступивший в отряд, чтобы не идти на фронт, участвовал во «взятии» телеграфа. Отпросившись затем у Прошьяна, он отправился в штаб Попова, где получил две банки консервов и столько хлеба, «что не могли его поесть» (с. 71). От выступления [против] Советской власти он, по его словам, уклонился.

Сами военные действия следующего утра описываются многими свидетелями также в одних тонах. Наиболее обстоятельно они переданы Саблиным. Уже в первый день съезда (Советов) ему стало известно, что из состава ЦК выделена тройка с чрезвычайными полномочиями. После выступления на съезде Троцкого Камков заявил ему о возможности ареста ЦК партии, причем ему было предложено установить связь с отрядом Попова. На следующий день, 6-го, он был с утра в штабе свидетелем описанных выше событий. После получения известий об аресте Спиридоновой, съездовской фракции и появления первых патрулей советских войск по приказанию его, Саблина и Попова было отдано распоряжение о задерживании всех автомобилей. Митинги в Покровских казармах имели своим результатом упомянутое «присоединение» полков Советского, Мартовского и отряда Винглинского. Занятие телеграфа было неожиданностью для самого Саблина. Присоединившиеся ничем, кроме заявления о присоединении, себя, по словам Саблина, не проявили. С утра началась перестрелка оружейная и пулеметная, достигшая своего максимума часам к 10-ти. Отряд Попова потерял 2-х убитыми и 20 человек ранеными.

С момента начавшегося очень удачного обстрела штаба из орудий Попов объявил о необходимости отступления; к 11-ти часам ушла первая группа, через час — вторая. Перед уходом Саблин распорядился освободить арестованных, когда все уйдут, и уехал сам. По показаниям арестованных, «уход» был довольно своеобразен — через окна и заборы в довольно беспорядочной форме под звуки рвущихся снарядов и крики арестованных: «Трусы»...

Отступавшие направились к Курскому и Нижегородскому вокзалам и по Владимирскому шоссе. Во время боя имел место обмен парламентерами в лице арестованного накануне члена батальонного комитета латышской дивизии Берзина, отправленного с двумя повстанцами в Латышскую дивизию на автомобиле с белым флагом. Приехавшим в комитет повстанцам было заявлено, что, если они сейчас же не отпустят арестованного вместе со свидетелем, товарищи с ними посчитаются; в штабе дивизии им заявили, что с ними разговаривать не будут, а пусть они привезут уполномоченного. Вернувшись к штабу Попова, увидели, что там уже снимают орудия и собираются уходить. Уполномоченный поехал с свидетелем обратно и по приезде был арестован (с. 120 и сл.). Согласно показанию помощника комиссара Мясницкого участка, расположенного около штаба Попова, его комиссариат был также занят повстанцами, которые, однако, по мере усиления огня наступающих стали уходить; часть их свидетель запер в арестантской под предлогом большей безопасности от огня, сдал латышам и сам стал наступать вместе с милиционерами. По показаниям шофера Шилова, он застал поповцев уже у Курского вокзала, куда Попов поехал с артиллерией и броневиками. Свидетеля заставили управлять машиной и поехали к Рогожской заставе, причем Саблин грозил ему расстрелом. Попортившаяся машина стала, матросы бросились уходить, а свидетель поехал в город (с. 134).

По показаниям того же поповца Струтинского, он с отрядом двинулся к Москве-Рогожской, а оттуда по Владимирскому шоссе; на 17 версте они были настигнуты советскими войсками. «Боя не было, отряд в панике разбежался, я, свидетель, с еще тремя поповцами явились в следственную комиссию Павловского Посада...» Поповец Куличев показывает: также участвовал в отступлении, но на 10-й версте от Москвы, «как борец за все декреты», сдал винтовку в проезжавший автомобиль, шашку, наган и сел на лужайку ждать, когда пройдет весь отряд. Когда отряд прошел, то «вернулся в Москву и лег спать». На следующий день прочел о следственной комиссии и явился дать показания (с. 72).

Так кончилось выступление левых эсеров.

Ряд свидетельских показаний о насилиях и грабежах, чинившихся поповцами над безоружными,— Войновского (с. 84), Виктовского, Завадского, Клаповского, Левита и в особенности

Рутковского (с. 11), свидетельствует о борьбе партии левых эсеров в защиту революции.

По мере неудач падало и настроение руководителей восстания и одновременно росло стремление поправить дела всеми средствами, какие только подвернутся под руку. Наглядное доказательство этому — выпущенный 7-го листок «К железнодорожникам» в ответ на слухи о стягивании Советом Народных Комиссаров войск против повстанцев.

Листок начинается с извещения об убийстве Мирбаха и сообщения, что «большая часть советских войск на стороне революции, с нами»... Далее идут сообщения следующего характера:

«По предписанию Ленина и Троцкого к Москве стягиваются военные отряды для того, чтобы расстрелять всех левых социалистов-революционеров... У нас есть сведения, что против нас вооружаются все германские военнопленные по всей Московской области, может быть, сделана попытка провести отряды немцев из Орши и других мест. Будьте настороже... Мы обращаемся к вам с призывом не пропускать отрядов, вызванных Советом Народных Комиссаров... Будьте с нами, то есть с независимыми Советами. Да здравствует беспощадная борьба с международным империализмом... ЦК ПЛСР» (т. 2, с. 89).

Наконец, особое, печатное типографским способом издание бюллетеня № 1 в расширенной редакции, датированное уже 7 июля, помимо содержания, приведенного в ночной телеграфной редакции, в дополненном и исправленном виде ряда других измышлений гласило: «Боевым штабом левых эсеров арестованы вооруженные германские военнопленные, при допросе показавшие, что вооружение происходит в Кремле по приказанию Ленина большевиком Бела Куном».

Бывшие соратники перещеголяли в клевете под влиянием опасения за свою шкуру своих прежних друзей — правых социалистов-революционеров Алексинских и меньшевиков. Несмотря на весь свой революционный пыл, объективно и субъективно партия оказалась в одном лагере с врагами революции, с контрреволюционерами всех оттенков, и лишь революционная стойкость русских рабочих и выдержанность их помогла им пройти счастливо мимо еще одной из бесчисленных опасностей, уготованных им на этот раз левыми социалистами-революционерами...

На основании всего вышеизложенного ПРЕДАЮТСЯ СУДУ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА при Всероссийском ЦИК СОВЕТОВ граждане: Мария Александровна Спиридонова, Майоров, Прошьян, Фишман, Камков, Карелин, Трутовский, Магеровский, Голубовский, Черепанов по обвинению в том, [1] что они, будучи членами Центрального Комитета партии левых социалистов-революционеров и в качестве таковых от-

ветственными вождями своей партии, пользуясь определенным влиянием в среде своей партии, умыслили, вопреки ясно выраженной воле верховного органа власти Российской Федеративной Советской Республики — Всероссийского съезда Советов IV созыва, расторгнуть насильническим путем заключенный в г. Бресте 3 марта 1918 года мирный договор с Германией, ратифицированный съездом Советов 16 марта того же года, для вовлечения этим России в войну с Германией, для чего на заседании того же Комитета от 24 июня постановили учинить против виднейших представителей германского империализма в России террористический акт, не без основания полагая, что этим способом неукоснительно дадут повод германским хищникам вторгнуться в пределы Советской республики и тем самым поставят революционные массы трудового населения и Советское правительство перед фактом войны и срыва Брестского договора.

2. Что одновременно на том же заседании постановили мобилизовать все имевшиеся в распоряжении партии военные силы для активной поддержки движения и «вооруженной обороны занятых позиций» в случае агрессивных действий со стороны Советского правительства против партии левых эсеров за ее провокационную по отношению к войне деятельность, для чего вызвали через особый, имевшийся в распоряжении партии Главный штаб боевых дружин из Витебска, Петрограда и Ярославля партийные боевые дружины, а также при помощи и от имени крестьянской секции, обманным путем воспользовавшись ее именем, затребовали из Ярославля не соответствующий запас военного снаряжения, а также привели в боевую готовность боевой отряд, состоявший при ВЧК под начальством Попова и отряд особого назначения при том же Главном штабе боевых дружин под начальством Орешкина, что вошли во исполнение тех же целей в сношения с гражданами Блюмкиным и Андреевым на предмет исполнения последними террористического акта против Мирбаха, разработав совместно с последними план исполнения этого акта, обманным путем добывши для этого печать ВЧК и подделав подписи ее председателя и секретаря тт. Дзержинского и Ксенофонтова.

I. Граждане Спиридонова, Черепанов, Камков, Карелин, Магеровский, Фишман, Саблин и Попов в том, что после исполнения террористического акта над Мирбахом укрыли от ареста Блюмкина.

II. Граждане Андреев и Блюмкин в том, что, приняв указанное поручение от членов ЦК партии левых эсеров, заведомо сознавая все значение совершаемого ими акта и возможные проистекающие из него последствия, таковое поручение приняли и постановление об убийстве Мирбаха привели в исполнение, проникнув для этого в помещение посольства и добившись свидания с Мир-

бахом путем предъявления подложного удостоверения с незаконно[1] использованной печатью ВЧК и подделанными подписями тт. Дзержинского и Ксенофонтова.

III. Те же граждане, члены Центрального Комитета партии в том, что после убийства Мирбаха и затем, по мере развития дальнейших событий, составили, напечатали и распространили ряд печатных воззваний, листков и бюллетеней, в которых от имени ЦК, извещая о состоявшемся убийстве Мирбаха, распространяли гнусные клеветнические измышления про Советское правительство и его отдельных членов, обвиняя их в соглашении, попустительстве германским империалистам и предательстве революции, призыве вооруженных военнопленных для расстрела членов партии левых эсеров и призывая народные массы к восстанию, на защиту партии левых эсеров а следовательно, и против Советского правительства.

IV. Граждане Спиридонова, Карелин, Фишман, Камков, Трутовский, Прошьян, Магеровский, Черепанов, Попов и Саблин в том, что после убийства Мирбаха агитировали среди обманутых ими воинских частей, в том числе отряда Попова, части отряда Винглинского и частей 1-го Советского полка, а также латышских частей за вооруженное выступление и свержение Советской власти, сопротивление наступающим для усмирения мятежа советским частям и руководства таковым сопротивлением в ночь на 7 июля и утро 7 июля, причем Саблин и Попов фактически руководили этим сопротивлением, в результате чего явились ранения и смерть ряда лиц как с той, так и с другой стороны.

V. Гражданин Прошьян, кроме того, в том, что по поручению ЦК своей партии захватил путем применения вооруженной силы телеграф и арестовал находившихся там при исполнении своих обязанностей комиссаров, отправил во все города Советской России телеграмму об убийстве Мирбаха, с извещением и призывом о поддержке начатого левыми эсерами преступного выступления.

VI. Те же граждане, и особенно Карелин, Прошьян, Саблин, Попов и Камков, в том, что подвергли задержанию и обезоружению находившихся при исполнении своих обязанностей государственной важности председателя ВЧК т. Дзержинского, его товарища[2] Лациса, председателя Московского Совета т. Смидовича, начальника отряда Винглинского и ряда иных лиц, а также отдали распоряжение в качестве руководителей движения о задержке и аресте видных советских работников, в результате чего был задержан и лишь благодаря случайности избег ареста народный комиссар почт и телеграфов Подбельский.

---

[1] В тексте «незакономерно».

[2] М. Я. Лацнс являлся не товарнщем (заместнтелем) председателя ВЧК, а членом коллегнн. 6 нюля в связн с арестом Дзержннского он назначен н. о. председателя ВЧК.

VII. Саблин и Попов в том, что после проигранного выступления руководили отступлением своих частей от помещения поповского штаба по Владимирскому шоссе, оказывая или пытаясь оказать вооруженное сопротивление советским войскам тогда, когда его полная безнадежность была совершенной очевидностью.

VIII. Все вышеуказанные лица, наконец, в том, что с преступным легкомыслием, хотя и руководимые ложным пониманием своих обязанностей борьбы за великие цели революционного освободительного мирового движения рабочих и крестьян, убийством Мирбаха поставили Советскую Республику и российскую революцию под угрозу величайшей опасности быть раздавленной превосходящими силами буржуазного империализма Германии в момент, когда собственные военные силы Республики не были еще в состоянии оказать должного сопротивления; подвергли этим опасностям русский пролетариат и крестьянство очутиться под властью буржуазии, восстановленной при помощи немецких штыков, в чем названные лица ясно и определенно отдавали отчет, и затем путем вероломства, лжи и клеветы еще более усугубили ту же опасность, предоставив таким образом для всех контрреволюционных сил удобный момент для своего, в свою очередь, выступления против Советской власти в союзе с русской буржуазией и для удушения революции, и всем этим подвергли опасности и приближавшуюся мировую революцию, объективно оказавшись сами тем самым в рядах врагов революции в качестве их деятельных помощников и наиболее активных пособников.

Составлено 16 ноября 1918 года.

Москва, Центральная обвинительная коллегия

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА ПРИ ВЦИК

1918 года ноября 27 дня революционный трибунал при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете в открытом заседании в составе:

за Председателя трибунала, тов. Карклина, заместителя Председателя тов. Веселовского,

членов:
» Галкина,
» Платонова,
» Петерсона,
» Томского,
» Сельтенева,

при секретаре » Зыбно

разбирал дело о контрреволюционном заговоре Центрального Комитета партии левых социалистов-революционеров и других лиц той же партии против Советской власти и революции.

Из всех обвиняемых в заседание трибунала доставлены: Спиридонова и Саблин; остальные обвиняемые, Майоров, Прошьян, Фишман, Камков, Карелин, Трутовский, Магеровский, Голубовский, Черепанов, Попов, Блюмкин и Андреев, от суда скрылись.

На вопрос председателя трибунала, как имя, отчество и сколько лет, обвиняемая Спиридонова заявила, что пока ей не будет дано слово для предварительного заявления, на вопросы отвечать не будет.

В предоставленном затем Спиридоновой слове для заявления последняя заявила, что по постановлению партии левых социалистов-революционеров и по своему личному убеждению она отказывается принимать участие в том, что здесь происходит. В этом зале происходит суд одной партии над другой, что совершенно недопустимо. Нашу междоусобицу, наш спор может решить только III Интернационал [1], так как это все делалось по постановлению ЦК партии, поэтому она покидает зал суда.

Обвиняемый Саблин: он тоже целиком присоединяется к заявлению тов. Спиридоновой.

Обвинитель Крыленко заявил, что данный суд вовсе не есть суд одной партии над другой, а это есть суд, установленный Конституцией Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, поэтому он просит в ходатайстве обвиняемым отказать и дело слушанием продолжать, не мешая обвиняемым апеллировать к III Интернационалу.

ТРИБУНАЛ ПОСТАНОВИЛ: Объявить перерыв на 10 минут.

После перерыва заседание объявлено продолжающимся. Рассмотрев заявление подсудимых Спиридоновой и Саблина по делу о контрреволюционном заговоре ЦК партии левых социалистов-революционеров и других лиц той же партии против Советской власти и революции, трибунал постановил: дело слушать, хотя обвиняемые и отказываются присутствовать в зале заседания.

Обвинитель Крыленко заявил, что, поскольку показания тов. Дзержинского, вызванного в качестве свидетеля, имеются в деле, постольку надобность в допросе теперь последнего не встречается.

ТРИБУНАЛ ПОСТАНОВИЛ: вызванного в качестве свидетеля тов. Дзержинского не допрашивать.

---

[1] III Коммунистический Интернационал образовался в марте 1919 года. Левые эсеры участвовали в подготовке его первого конгресса.

Обвинитель Крыленко: партия левых эсеров, вышедшая из недр той же самой партии социал-революционеров, в настоящее время умерла, но остались определенные лица, с которыми необходимо бороться, когда они становятся вредными. Поэтому он настаивает, чтобы Верховный трибунал отнесся к обвиняемым со всей строгостью, в особенности по отношению к Попову как начальнику выступления 6—7 июля; по разыскании он должен быть расстрелян. В отношении же Блюмкина и Андреева, совершивших террористический акт, но не принимавших активного участия в восстании, удалить навсегда из пределов Советской Республики, а в отношении же остальных обвиняемых, за исключением Спиридоновой и Саблина, применить строгие меры наказания, заключив под стражу с высылкой из пределов Советской Республики не менее чем на 5 лет, и, принимая во внимание прежние заслуги перед революцией Спиридоновой и Саблина, выслать на 5 лет.

Трибунал удалился на совещание.

После совещания председателем оглашен публично приговор.

Председатель трибунала: подпись
Члены: подписи
Секретарь: *Зыбно*

ПРИГОВОР

Именем РСФСР революционный трибунал при Всероссийском ЦИК Советов в заседании своем от 27 ноября 1918 года, заслушав и рассмотрев дело Марии Александровны Спиридоновой, Саблина, Попова, Прошьяна, Камкова, Карелина, Трутовского, Магеровского, Голубовского, Черепанова, Блюмкина, Андреева, Майорова и Фишмана по обвинению их в контрреволюционном заговоре Центрального Комитета партии левых социалистов-революционеров против Советской власти и революции, признал предъявленные им, Спиридоновой, Саблину, Попову, Прошьяну, Камкову, Карелину, Трутовскому, Магеровскому, Голубовскому, Черепанову, Блюмкину, Андрееву, Майорову и Фишману, обвинения в заключении обвинительной коллегии при революционном трибунале ВЦИК доказанными и постановил:

Попова объявить врагом трудящихся, стоящим вне закона, и, как такового, при поимке и установлении личности расстрелять. Прошьяна, Камкова, Карелина, Трутовского, Магеровского, Голубовского, Черепанова, Блюмкина, Андреева, Майорова, Фишмана заключить в тюрьму с применением принудительных работ на три (3) года;

Спиридоновой и Саблину, принимая во внимание их особые прежние заслуги перед революцией, смягчить меру наказания и заключить в тюрьму сроком на один год.

27.XI—18 г.

Председательствующий: Карклин.

Члены: Веселовский, Галкин, Платонов, Петерсон, Томский, Сельтенев

V. ПОСЛЕ СУДА

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ВЦИК ОТ 29 НОЯБРЯ 1918 ГОДА

Применить амнистию к М. А. Спиридоновой и Саблину и освободить их из заключения.

Председатель: *Я. Свердлов*
Секретарь: *А. Енукидзе*

ПОКАЗАНИЯ Я. БЛЮМКИНА

Мне были поставлены вами четыре вопроса:

1) Как был убит граф Мирбах?
2) Как мне удалось бежать?
3) Где я скрывался? и
4) Что меня вынудило явиться в ЧК?

Даю на эти вопросы необходимые в этом смысле, по возможности достаточно полные и ясные ответы.

Германский посланник в Советской России граф Вильгельм Мирбах был убит в Москве, в Денежном переулке, в одной из гостиных посольского здания, около 3-х часов дня 6 июля 1918 года.

Убийство было совершено при посредстве револьвера и толовой бомбы мной, бывшим членом ВЧК, членом партии левых социалистов-революционеров Яковом Блюмкиным, и фотографом подведомственного мне в ЧК отдела по борьбе с международным шпионажем, также членом названной партии Николаем Андреевым.

Политическое происхождение этого террористического акта в кратких чертах таково.

Третий Всероссийский съезд партии левых социалистов-революционеров, заседавший в Москве в первых числах июля 1918 года (почти одновременно с V съездом Советов), постановил по вопросу о внешней политике Советской власти «разорвать революционным способом гибельный для русской и мировой революции Брестский договор». Исполнение этого постановления съезд поручил ЦК партии.

Все политическое содержание решения съезда и яркое обоснование его можно увидеть в принятой им резолюции по текущему моменту и, главным образом, во всей деятельности и революционном содержании партии левых социалистов-революционеров.

Выполнить волю съезда и стоящих за ним трудящихся масс Центральный Комитет решился путем совершения акта индивидуального террора над одним из наиболее активных и хищных представителей германских империалистических вожделений в России, графом Мирбахом.

Я считаю нужным для исторической ясности обстановки акта 6 июля отметить, что до съезда Советов съезд партии, как и ЦК, не предполагали что-либо предпринять для подобного расторжения Брестского мирного договора.

Массы партии и ее верховный орган были вполне уверены, что на V съезде Советов правительство и его партия под натиском революционного настроения трудящихся, идущих за партией левых эсеров, вынуждено будет изменить свою политику.

Насколько мне помнится, с таким твердым убеждением закончился 3-й съезд партии и был встречен V съезд Советов. Но уже после 1-го его заседания, 4 июля, стало ясно, что правительство не только не думало переменить направления своей политики, но не склонно было даже подвергать его элементарной критике. Тогда-то и ЦК решился выполнить приказание партийного съезда.

Вся организация акта над графом Мирбахом была исключительно поспешная и отняла всего 2 дня — промежуток времени между вечером 4 и полднем 6 июля.

Это есть еще одно условие акта, которое крайне важно отметить, так как именно из-за того, что оно было неизвестно, правительство, его партия и пресса в своем отношении к акту и его исполнителям часто впадали в грустную историческую ошибку. До сих пор было утверждено, подобно незыблемой истине, что убийство германского посла подготовлялось исподволь, что ЦК уже в мае месяце 1918 года при делегировании меня в ВЧК дал мне приказание его организовать, что партия левых эсеров действовала как коллективный Азеф. Об этом говорила статья Р.—Д.

в «Известиях ВЦИК»[1], напечатанная 7 или 6 июля и подвергнутая критике в заседании съезда Советов интернационалистом Лозовским [2], речи тов. Троцкого и Зиновьева на V съезде Советов и чрезвычайном заседании Петроградского Совета, в статьях в «Правде» и «Бедноте».

Все это опровергается фактами, отчасти уже приведенными, отчасти следующими.

Еще 4 июля утром я передал т. Лацису, заведующему отделом по борьбе с контрреволюцией ВЧК, то самое нашумевшее дело арестованного мною в середине июня немецкого шпиона графа Роберта Мирбаха, племянника германского посла, которое 6 июля послужило мне предлогом для свидания с графом Вильгельмом Мирбахом. Таким образом, вне всякого сомнения, что за два дня до акта я не имел о нем ни малейшего реального представления. Кроме того, вся моя работа в ВЧК по борьбе с немецким шпионажем, очевидно, в силу своего значения проходила под непрерывным наблюдением председателя Комиссии т. Дзержинского и т. Лациса. О всех своих мероприятиях (как, например, внутренняя разведка в посольстве) я постоянно советовался с президиумом Комиссии, с комиссаром по иностранным делам т. Караханом, председателем Пленбежа [3] т. Уншлихтом.

4 июля, перед вечерним заседанием съезда Советов, я был приглашен из Большого театра одним членом ЦК для политической беседы. Мне было тогда заявлено, что ЦК решил убить графа Мирбаха, чтобы апеллировать к солидарности германского пролетариата, чтобы совершить реальное предостережение и угрозу мировому империализму, стремящемуся задушить русскую революцию, чтобы, поставив правительство перед свершившимся фактом разрыва Брестского договора, добиться от него долгожданной

---

[1] В тексте «статья Р.—Д. в изв. ЦИК». Речь идет о статье Эрде (Д. И. Рахштейна) «Азеф и азефовщина», опубликованной в газете «Известия ВЦИК» 9 июля 1918 года. Автор статьи писал, что от Азефа «протянуты прямые нити к партии левых эсеров», что она является «действительной наследницей заветов Азефа и азефовщины». Эрде охарактеризовал как провокаторские действия Блюмкина, Андреева, Александровича и Попова («двойников Азефа»), пробравшихся в ВЧК.

[2] Лозовский (Дридзо) С. А. (1878—1952) — член РСДРП с 1901 года. В 1918 году возглавлял группу социал-демократов-интернационалистов, которая в 1919 году вошла в РКП(б). В 1921—1937 годах — генеральный секретарь Профинтерна, затем директор Гослитиздата, заместитель наркома (министра) иностранных дел (1939—1946 годы). С 1939 года — член ЦК ВКП(б). В 1952 году осужден по так называемому делу Еврейского антифашистского комитета. Реабилитирован.

[3] Центральная коллегия по делам пленных и беженцев при Наркомате по военным делам РСФСР (Центропленбеж, Пленбеж), образованная в апреле 1918 года; ведала делами о военнопленных, гражданских пленных, заложниках, беженцах. В марте 1920 года реорганизована в Центральное управление по эвакуации населения НКВД РСФСР (Центрэвак).

объединенности и непримиримости в борьбе за международную революцию. Мне приказывалось как члену партии подчиниться всем указаниям ЦК и сообщить имеющиеся у меня сведения о графе Мирбахе.

Я был полностью солидарен с мнением партии и ЦК и поэтому предложил себя в исполнители этого действия. Предварительно мной были поставлены следующие, глубоко интересовавшие меня вопросы:

1) Угрожает ли по мнению ЦК, в том случае если будет убит Мирбах, опасность представителю Советской России в Германии тов. Иоффе?

2) ЦК гарантирует, что в его задачу входит только убийство германского посла?

Ночью того же числа я был приглашен в заседание ЦК [1], в котором было окончательно постановлено, что исполнение акта над Мирбахом поручается мне, Якову Блюмкину, и моему сослуживцу, другу по революции Николаю Андрееву, также полностью разделявшему настроение партии. В эту ночь было решено, что убийство произойдет завтра, 5-го числа. Его окончательная организация, по предложенному мною плану, должна была быть следующей.

Я получу обратно от тов. Лациса дело графа Роберта Мирбаха, приготовлю мандат на мое и Николая Андреева имя, удостоверяющий, что я уполномачиваюсь ВЧК, а Николай Андреев — революционным трибуналом войти в личные переговоры с дипломатическим представителем Германии. С этим мандатом мы отправимся в посольство, добьемся с графом Мирбахом свидания, во время которого и совершим акт. Но 5 июля акт не мог состояться из-за того, что в такой короткий срок нельзя было произвести надлежащих приготовлений и не была готова бомба. Акт отложили на 6 июля. 6 июля я попросил у тов. Лациса якобы для просмотра дело Роберта Мирбаха. В этот день я обычно работал в комиссии. До чего неожидан и поспешен для нас был июльский акт, говорит следующее: в ночь на 6-е мы почти не спали и приготовлялись психологически и организационно. Утром 6-го я пошел в комиссию; кажется, была суббота. У дежурной барышни в общей канцелярии я попросил бланк комиссии и в канцелярии отдела контрреволюции напечатал на нем следующее: «Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией уполномачивает ее члена, Якова Блюмкина, и представителя революционного трибунала Николая Андреева войти непосредственно в переговоры с господином германским послом в России графом Виль-

---

[1] Заседания ЦК ПЛСР ночью 4 июля не было. Блюмкин был приглашен в ЦК для получения последних инструкций.

гельмом Мирбахом по делу, имеющему непосредственно отношение к самому господину германскому послу.

Председатель Комиссии.
Секретарь».

Подпись секретаря (т. Ксенофонтова) подделал я, подпись председателя (Дзержинского) — один из членов ЦК.

Когда пришел, ничего не знавши, товарищ [1] председателя ВЧК Вячеслав Александрович, я попросил его поставить на мандате печать комиссии. Кроме того, я взял у него записку в гараж на получение автомобиля. После этого я заявил ему о том, что по постановлению ЦК сегодня убью графа Мирбаха.

Из комиссии я поехал домой, в гостиницу «Элит»[2] на Неглинном проезде [3], переоделся и поехал в первый дом Советов [4]. Здесь, на квартире одного члена ЦК, уже был Николай Андреев. Мы получили снаряд, последние указания и револьверы. Я спрятал револьвер в портфель, бомба находилась у Андреева также в портфеле, заваленная бумагами. Из «Националя» мы вышли около 2-х часов дня. Шофер не подозревал, куда он нас везет. Я, дав ему револьвер, обратился к нему как член комиссии тоном приказания: «Вот вам кольт и патроны, езжайте тихо, у дома, где остановимся, не прекращайте все время работы мотора, если услышите выстрел, шум, будьте спокойны».

Был с нами еще один шофер, матрос из отряда Попова, его привез один из членов ЦК. Этот, кажется, знал, что затевается. Он был вооружен бомбой. В посольстве мы очутились в 2 часа 15 минут. На звонок отворил немец-швейцар. Я плохо и долго объяснялся с ним на ломаном немецком языке и наконец понял, что теперь обедают и надо подождать 15 минут. Мы присели на диванчике.

Через 10 минут из внутренних комнат вышел к нам неизвестный господин. Я предъявил ему мандат и объяснил, что являюсь представителем правительства и прошу довести до сведения графа о моем визите. Он поклонился и ушел. Вскоре, почти сейчас же, вслед за ним вышли 2 молодых господина. Один из них обратился к нам с вопросом: «Вы от тов. Дзержинского?» — «Да».— «Пожалуйста».

Нас провели через приемную, где отдыхали дипломаты, через зал в гостиную. Предложили сесть. Из обмена вопросами я узнал, что разговариваю только с уполномоченным меня принять тайным советником посольства доктором Рицлером, позже — заме-

[1] Товарищ — заместитель.
[2] Ныне гостиница «Будапешт».
[3] Ныне улица Неглинная.
[4] Гостиница «Националь».

стителем Мирбаха и переводчиком. Ссылаясь на текст мандата, я стал настаивать на необходимости непосредственного, личного свидания с графом Мирбахом. После нескольких взаимных разъяснений мне удалось вынудить доктора Рицлера возвратиться к послу и, сообщив ему мои доводы, предложить принять меня.

Доктор Рицлер почти сейчас же вернулся вместе с графом Мирбахом. Сели вокруг стола; Андреев сел у двери, закрыв собой выход из комнаты. После 25 минут, а может, и более продолжительной беседы в удобное мгновение я достал из портфеля револьвер и, вскочив, выстрелил в упор — последовательно в Мирбаха, Рицлера и переводчика. Они упали. Я прошел в зал.

В это время Мирбах встал и, согнувшись, направился в зал, за мной. Подойдя к нему вплотную, Андреев на пороге, соединяющем комнаты, бросил себе и ему под ноги бомбу. Она не взорвалась. Тогда Андреев толкнул Мирбаха в угол (тот упал) и стал извлекать револьвер. В комнаты никто не входил, несмотря на то что, когда нас проводили, в соседней комнате находились люди. Я поднял лежавшую бомбу и с сильным разбегом швырнул ее. Теперь она взорвалась необычайно сильно. Меня отшвырнуло к окнам, которые были вырваны взрывом. Я увидел, что Андреев бросился в окно. Механически, инстинктивно подчиняясь ему, его действию, я бросился за ним. Когда прыгнул, сломал ногу; Андреев уже был на той стороне ограды, на улице, садился в автомобиль. Едва я стал карабкаться по ограде, как из окна начали стрелять. Меня ранило в ногу, но все-таки я перелез через ограду, бросился на панель и дополз до автомобиля. На улицу никто не выходил. Часовой, стоявший у ворот, вбежал во двор. Мы отъехали, развили полную скорость. Я не знал, куда мы едем. У нас не было заготовленной квартиры, мы были уверены, что умрем. Нашим маршрутом руководил шофер из отряда Попова. Мы были взволнованны и утомлены. У меня мелькнула усталая мысль: надо в комиссию... заявить. Наконец, неожиданно для самих себя, очутились в Трехсвятительском переулке в штабе отряда Попова. Сделаю короткое, но нужное отступление.

Думали ли мы о побеге? По крайней мере, я — нет... нисколько. Я знал, что наше деяние может встретить порицание и враждебность правительства, и считал необходимым и важным отдать себя, чтобы ценою своей жизни доказать нашу полную искренность, честность и жертвенную преданность интересам Революции. Перед нами стояли также вопрошающие массы рабочих и крестьян — мы должны были дать им ответ. Кроме того, наше понимание того, что называется этикой индивидуального террора, не позволяло нам думать о бегстве. Мы даже условились, что если один из нас будет ранен и останется, то другой должен найти в себе волю застрелить его. Но напрашивается лукавый вопрос:

а почему мы приказали шоферу не останавливать мотор? На тот случай, если бы нас не приняли и захотели проверить действительность наших полномочий, мы должны были скорей поехать в ЧК, занять телефон и замести следы попытки. Если мы ушли из посольства, то в этом виноват непредвиденный, иронический случай.

2. КАК МНЕ УДАЛОСЬ БЕЖАТЬ

Я оказался раненным в левую ногу, ниже бедра. К этому прибавились полученные при прыжке из окна надлом лодыжки и разрыв связок. Я не мог двигаться. Из автомобиля в штаб отряда Попова меня перенесли на руках матросы. В штабе я был острижен, выбрит, переодет в солдатское платье и отнесен в лазарет отряда, помещавшийся на противоположной стороне улицы.

С этого момента я был предоставлен самому себе, и все, что происходило 7 июля, мне стало известно только в больнице из газет и гораздо позже, в сентябре,— из разговоров с некоторыми членами ЦК.

Я пережил в лазарете и сознательно помню только один момент — приезд в отряд тов. Дзержинского с требованием выдачи меня. Узнав об этом, я настойчиво просил привести его в лазарет, чтобы предложить ему меня арестовать. Меня не покидала все время незыблемая уверенность в том, что так поступить исторически необходимо, что Советское правительство не может меня казнить за убийство германского империалиста. Но ЦК отказался выполнить мою просьбу. И даже в сентябре, когда июльские события четко скомпоновались, когда проводились репрессии правительства против левых эсеров и все это сделалось событием, знаменующим собою целую эпоху в Русской Советской Революции, даже тогда я писал к одному члену ЦК, что меня пугает легенда о восстании и мне необходимо выдать себя правительству, чтобы ее разрушить.

7 июля при отступлении отряда Попова из Трехсвятительского переулка я был забыт во дворе лазарета. Отсюда меня вместе с другими ранеными увезла на автомобиле в первую городскую больницу одна неизвестная сестра милосердия. В больнице я назвался Григорием Беловым, красноармейцем, раненным в бою с поповцами. В больнице я пролежал, кажется, до 9 июля. 9-го вечером мне был устроен моими внепартийными друзьями, извещенными случайно о моем пребывании в больнице, побег. Я говорю побег потому, что больницам и лазаретам был отдан приказ, неизвестно откуда, не выпускать под угрозой расстрела ни одного раненого в эти дни. Я скрывался в Москве несколько дней — в лечебнице и частных квартирах. Кажется, 12-го я кое-как уехал и после полосы долгих скитаний попал в Рыбинск.

3. ГДЕ Я СКРЫВАЛСЯ

В Рыбинске я пробыл под фамилией Авербаха до последних чисел августа, вылечивая ногу. В начале сентября, очень нуждаясь, я работал под фамилией Вишневского в Кимрах, в уездном комиссариате земледелия, давал уроки. Все это время я был абсолютно оторван от партии. Она не знала, где я нахожусь, что со мной делается. В сентябре я случайно завязал сношение с ЦК, я обратился к нему с предложением спешно отправить меня на Украину в область германской оккупации для террористической работы. Мне было приказано выехать в Петроград и там выжидать отправки.

Я жил в окрестностях Петрограда очень замкнуто — в Гатчине, в Царском Селе и др., занимаясь исключительно литературной работой, собиранием материала об июльских событиях и писанием о них книги. В октябре я самовольно, без ведома ЦК, поехал в Москву, чтобы добиться скорейшей командировки на Украину. Недолго жил в Курске, и 5 ноября я был уже в Белгороде, в Скоропадчине. Я не могу не сказать нескольких слов о своей работе на Украине. По ряду причин мне нельзя еще говорить о ней легально, подробно. Скажу только следующее: я был членом боевой организации партии и работал по подготовке нескольких террористических предприятий против виднейших главарей контрреволюции. Такого рода деятельность продолжалась до свержения гетмана. При правительстве директории, в период диктатуры кулачества, офицерства и сечевых стрелков, я работал для восстановления на Украине Советской власти. По поручению партии организовал совместно с коммунистами и другими партиями на Подолии ревкомы и повстанческие отряды, вел советскую агитацию среди рабочих и крестьян, был членом нелегального Совета рабочих депутатов Киева — словом, посильно я служил революции.

4. ЧТО МЕНЯ ПРИВЕЛО В ЧК

Вокруг убийства Мирбаха образовалась сложная, совершенно неясная трагическая атмосфера. Этого акта не поняли или не хотели понять коммунисты, и, что было важно, вследствие этого информированные ими некоторые социалисты Запада, работники Интернационала, например голландская социал-демократка Генриетта Роланд-Гольст [1] называла его даже гнусным (ее статья в московской «Правде» в сентябре).

[1] Роланд-Гольст Генриетта (1869—1952) — голландская социалистка, писательница. В годы первой мировой войны участвовала в издании журнала «Vorbote» («Предвестник») — органа Циммервальдской левой. В 1918—1927 годах — член Коммунистической партии Голландии, принимала участие в работе Коминтерна. В 1927 году вышла из компартии.

Советская власть и Коммунистическая партия утверждали и думали, что выстрелы в Денежном переулке были сигналами к восстанию левых эсеров против Революции и ее власти, что исполнители акта — «агенты англо-французского капитала, раньше служившие Советской власти и теперь продавшиеся ему» (приказ ЦИК за подписью тов. Свердлова от 6 июля), а председатель Совета Народных Комиссаров тов. Ленин лаконично объявил меня и Андреева просто «двумя негодяями» (приказ Совнаркома от 3-х часов дня 6 июля) [1].

Такая версия о московском акте старательно внедрялась в головы рабочих и крестьян. То, что произведено в Трехсвятительском переулке и на телеграфе, было, понятно, названо мятежом левых эсеров. За голову Мирбаха, этого титулованного разбойника, упало много мужественных, честных и преданных Революции голов матросов, рабочих — левых эсеров. Партия была изгнана из Советов, загнана в подполье, разгромлена во многих местах Республики, объявлена вне закона [2]. Правительство возненавидело нас, Центральный Комитет и исполнителей акта предали суду революционного трибунала как преступников и даже провокаторов. Каждую нашу элементарную попытку опровергнуть возводимые на нас незаслуженные обвинения пресекали в корне, считали новым походом против Советской власти. В таком положении было много трагичной безысходности. Апелляция к массам была немыслима, ибо тогда разводился красный террор как система. В Советской Конституции есть пункт, по которому Российская Республика объявляется прибежищем каждого политического изгнанника из буржуазных и монархических стран, по которому

---

[1] В правительственном сообщении 6 июля 1918 года об убийстве Мирбаха говорилось: «Сегодня, 6 июля, около 3 часов дня, двое (негодяев) агентов русско-англо-французского империализма, проникли к германскому послу Мирбаху, подделав подпись т. Дзержинского под фальшивым удостоверением, и под прикрытием этого документа убили бомбой графа Мирбаха. Один из негодяев, выполнивших это провокационное дело, давно уже и многократно связывавшееся в советской печати с заговором русских монархистов и контрреволюционеров, по имеющимся сведениям, левый эсер, член комиссии Дзержинского, изменнически перешедший от службы Советской власти к службе людям, желающим втянуть Россию в войну и этим обеспечить восстановление власти помещиков и капиталистов...» «Россия теперь по вине негодяев левоэсерства, давших себя увлечь на путь Савинковых и компании, на волосок от войны». (Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 530—531).

[2] Я. Г. Блюмкин искажает политику РКП(б) и Советского государства по отношению к левым эсерам после июльского мятежа. Их партия не была объявлена вне закона. Из Советов согласно постановлению V Всероссийского съезда Советов изгонялись лишь те части этой партии, которые «солидаризируются с попыткой вовлечения России в войну путем убийства Мирбаха и восстания против Советской власти» (Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 538). Многие левые эсеры, осудившие авантюру своего Центрального Комитета, продолжали работать в советских учреждениях (за исключением военного ведомства и чрезвычайных комиссий).

государство рабочих и крестьян оказывает почетное гостеприимство защитникам Интернационала. А мы, интернационалисты, участники октябрьского переворота, не имели прибежища в творимой и нами социалистической республике. Так долго не могло продолжаться.

Я понимаю, что в июле объективные условия заставляли Советскую власть относиться к убийству Мирбаха и его исполнителям резко и определенно отрицательно, но с июля месяца произошли события, совершенно изменившие все недавние политические комбинации и постройки. Грянула германская революция — она разгромила оковы Бреста, и отношение Советской власти к нам, взрывавшим Брест, должно было утратить все свое актуальное содержание. А когда в Венгрии государство попало в руки рабочих и крестьян, резко обозначилась перспектива мировой революции, которой, и только которой, была посвящена голова Мирбаха. Вернусь к существу.

Остается еще невыясненным вопрос о том, действительно ли 6 июля было восстанием. Мне смешно и больно ставить себе этот вопрос. Я знаю только одно, что ни я, ни Андреев ни в коем случае не согласились бы совершить убийство германского посла в качестве повстанческого сигнала. Обманул ли нас ЦК и за нашей спиной произвел попытку восстания? Я ставлю и этот вопрос, ясный для меня, чтобы остаться честным до конца. Мне доверяли в партии, я был близок к ЦК и знаю, что подобного действия он не мог совершить. Партию, ее сознательные массы всегда занимала мысль о том, что необходимо во что бы то ни стало, в интересах Революции, найти способ объединения с коммунистами. Все сознательные работники и такие члены партии, как М. А. Спиридонова, тогда искали этого объединения, и если не нашли его, то не по своей вине.

В Трехсвятительском переулке 6-го и 7-го, по-моему, осуществлялась только самооборона революционеров. Да и ее не было бы, если бы ЦК согласился меня выдать власти. Вот в этом я вижу всю его огромную историческую ошибку. Вся перестрелка, захват телеграфа, арест поповцами тов. Дзержинского и Лациса, так же как и арест правительством М. А. Спиридоновой и левоэсеровской фракции съезда,— не что иное, как результат напряженности момента, вызванный сильным неожиданным впечатлением об убийстве Мирбаха.

Восстания не было. До сих пор я, один из непосредственных участников этих событий, не мог в силу партийного запрета явиться к Советской власти, довериться ей и выяснить, в чем она видит мое преступление против нее. Я, отдавши себя социальной революции, лихорадочно служивший ей в пору ее мирового наступательного движения, вынужден был оставаться в стороне, в под-

полье. Такое состояние для меня не могло не явиться глубоко ненормальным, принимая во внимание мое горячее желание реально работать на пользу Революции. Я решил явиться в Чрезвычайную комиссию, как в один из органов власти (соответствующий случаю), Советской власти, чтобы подобное состояние прекратить.

Гражданин РСФСР *Яков Блюмкин*

Киев, 17—19 апреля 1919 года

КГЧК [1].

На вопрос, по каким мотивам явился в распоряжение тов. Лациса, председателя Украинской ЧК, отвечаю следующее: прежде чем привести мотивы моей явки, я для большей ясности хочу объяснить побуждения мои, руководившие мною в совершении убийства графа Мирбаха.

Я лично полагал, что убийство Мирбаха не вызовет войны с Германией и послужит только к вящему выявлению того надломленного состояния германского империализма, который, по моему глубокому убеждению, в то время имел место. ЦК партии левых эсеров, конечно, считал, что акт убийства Мирбаха может вызвать войну, и она была бы принята массами, шедшими за партией левых эсеров. Последнее утверждение я делаю на основании резолюции, принятой 3-м съездом левых эсеров [2], и постановления левоэсеровской фракции 5-го съезда Советов. Решение совершить убийство графа Мирбаха было принято неожиданно 4 июля 1918 года [3]. Причиной, ускорившей принятие этого неожиданного решения, послужило: 1) то, что на первом заседании съезда Советов (5-го) правительство обнаружило твердое желание продолжать мирную политику в отношениях с Германией, 2) пламенный призыв о помощи украинских крестьян в лице их представителя

[1] Киевская губчека.

[2] 3-й съезд партии левых эсеров состоялся 28 июня — 1 июля 1918 года. Съезд принял резолюции против продовольственной политики Советской власти, против создания регулярной Красной Армии, против введения смертной казни по суду, о разрыве Брестского мира. Он одобрил политику ЦК ПЛСР, принявшего за четыре дня до съезда резолюцию о расторжении Брестского мира путем организации террористических актов и даже восстания.

[3] Утверждение Блюмкина о том, что решение об убийстве Мирбаха «было принято неожиданно 4 июля 1918 года», не соответствует действительности. Как видно из опубликованного в книге постановления ЦК ПЛСР от 24 июня, руководство партии уже тогда признало возможным и целесообразным «организовать ряд террористических актов в отношении видйейших представителей германского империализма» (см. наст. том., с. 185).

на 5-ом съезде Советов тов. Александрова и 3) выступление также тов. Троцкого с внеочередным заявлением о событиях на курском участке Украинского фронта.

На том заседании ЦК, которое приняло решение убить графа Мирбаха, я не присутствовал; меня пригласил к себе один из членов ЦК вечером 4 июля, после вторичного заседания съезда Советов, на котором было выступление Троцкого, и попросил сообщить все сведения о Мирбахе, касающиеся образа жизни его, которые были у меня в качестве члена ВЧК, заведовавшего отделом по борьбе с немецким шпионажем; причем мне было заявлено, что эти сведения необходимы для совершения убийства Мирбаха. Вместо представления этих сведений я предложил себя в исполнители акта.

Общего вопроса о последствиях убийства графа Мирбаха во время беседы моей с упомянутым членом ЦК не поднималось. Я же лично поставил резко два вопроса, которым придавал огромное значение и на которые требовал исчерпывающего ответа, а именно: 1) угрожает ли по мнению ЦК в том случае, если будет убит граф Мирбах, опасность представителю Советской России в Германии тов. Иоффе и 2) гарантирует ли ЦК, что в его задачу входит только убийство германского посла? Меня заверили, что опасность тов. Иоффе по мнению ЦК не угрожает.

Вопрос о гарантии ЦК, что в его задачу входит только убийство графа Мирбаха, я задал потому, что вокруг подготовки убийства создалась непроницаемая обстановка и, кроме того, столкновение на V съезде Советов партии левых эсеров с правительственной партией сгустило атмосферу политических отношений, и я боялся, что акт над Мирбахом может быть превращен Центральным Комитетом в акт партийной оппозиции правительственной партии.

В ответ на второй вопрос мне было официально и категорически заявлено, что в задачу ЦК входит только убийство германского посла с целью поставить Советское правительство перед фактом разрыва Брестского договора.

Переходя затем ко второму вопросу — о причинах моей явки в распоряжение власти, заявляю следующее: убийство Мирбаха совершилось [с] совершенно неожиданными политическими последствиями. Из акта протеста против вожделений германского империализма, из акта революционной самозащиты Советской России убийство Мирбаха было превращено в акт партийной вражды левых эсеров с коммунистами и в действие, враждебное Советской власти. Мало того, этот акт был истолкован Советской властью как сигнал к восстанию левых эсеров против нее. Вместо выступления против германского империализма он был превращен в вооруженное столкновение двух советских партий — коммуни-

стов и левых эсеров. И вот это ненормальное и совершенно неожиданное последствие и является главной причиной моего прихода в Киевскую ЧК.

Я имел в виду рассеять всю ту неясность и объяснить, как понимал я лично и как, судя по сделанным мне официальным заявлениям, понимал и ЦК акт убийства Мирбаха. Кроме того, мной руководило желание дать политическое объяснение тому столкновению между левыми эсерами и правительством, которое произошло в результате убийства Мирбаха в отряде Попова в Трехсвятительском переулке.

Прежде всего я хочу объяснить причины вооруженного выступления отряда Попова. Выступление этого отряда произошло потому, что представители власти, узнав о том, что я после совершения убийства укрылся в этом отряде, потребовали у него выдачи меня. Лично я на этой выдаче перед ЦК настаивал. Я считал это необходимым для того, чтобы предоставить возможность столкновения партии с властью. Центральный Комитет отказался меня выдать и приказал мне подчиняться его директивам. Вокруг вопроса о моей выдаче правительству и началось вооруженное столкновение [1].

С этого момента все действия Центрального Комитета я не разделял и ответственность за них нести не мог. Арест тов. Дзержинского, захват почтамта и посылка телеграммы по линии, стрельба по Кремлю и бегство из отряда Попова — все это происходило в моем отсутствии и без моего участия. Все эти факты были теми непредвиденными последствиями акта, которые я имел в виду, когда просил у ЦК гарантий, что в его задачу входит только убийство Мирбаха.

В продолжение целого года мне приходилось в силу партийной дисциплины покрывать молчанием все то, что произошло в Трехсвятительском переулке и с убийством Мирбаха ничего общего не имеет. Ныне я решил явиться к Советской власти и разъяснить все истинное предназначение и сущность акта 6 июля. Было бы крайне ошибочно рассматривать мой приход

---

[1] Блюмкии в своих показаииях иастойчиво отстаивает официальиую точку зреиия лидеров левых эсеров о том, что их партия якобы ие ставила своей целью осуществлеиие восстаиия, что вооружеиное выступлеиие будто бы явилось ответом иа требоваиие Советского правительства выдать Блюмкииа, иашедшего убежище в штабе отряда Попова. Опубликоваииые докумеиты — постаиовлеиие ЦК ПЛСР 24 июия 1918 года, удостовереиия Овсяикииу и Тереитьеву об отправке в Москву из Витебска и Петрограда дружиииников (см. иаст. том, с. 185, 187), а также ие вошедшие в киигу требоваиия Главиого штаба боевой оргаиизации ПЛСР о присылке в ее распоряжеиие зиачительиого количества оружия, продуктов питаиия, саиитариых прииадлежиостей свидетельствуют о плаиомериой и целеиаправлеииой подготовке левыми эсерами вооружеииого восстаиия.

как отказ от акта, исполнителем которого я был, равно как и отказ от моего эсеровского понимания революции и Советской власти. Я по-прежнему остаюсь членом партии левых социалистов-революционеров, по-прежнему расхожусь во многом в политике Советской власти, и именно это побуждает меня вполне честно рассеять все то запутанное, трагичное положение, которое создалось благодаря отказу ЦК выдать меня в результате убийства Мирбаха. В подтверждение моих заявлений, что убийство Мирбаха было организовано крайне поспешно, в два дня, что находится в противоречии с особым приготовлением бомб, заявляю, что бомбы были приготовлены заранее в числе бомб, приготовлявшихся специально для Украины, где партия вела боевую террористическую работу, ознаменованную убийством палача украинской революции генерала Эйхгорна, идеолога немецкой оккупации.

Член партии левых социалистов-революционеров

Яков Блюмкин

Москва, 8—V—1919 года
Следственная комиссия

В ПРЕЗИДИУМ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

Особо следственной комиссии по делу
Я. Г. Блюмкина

ДОКЛАД

Допросив Якова Григорьевича Блюмкина, явившегося в распоряжение Советской власти после состоявшегося приговора Верховного трибунала о заключении его, Блюмкина, за убийство германского посла Мирбаха в тюрьму на три года, следственная комиссия усматривает:

1) Блюмкин по его утверждению полагал, что убийство Мирбаха не вызовет войны с Германией и послужит только к убеждению масс в бессилии германского империализма.

2) Перед совершением убийства Мирбаха Блюмкин потребовал от партии левых эсеров гарантий, что этот акт окончится только убийством и никаких шагов против Советской власти в свя-

зи с этим убийством не произойдет, в чем ему членами ЦК партии было дано категорическое обещание.

3) Поднятый партией левых эсеров после убийства Мирбаха мятеж против Советской власти он, Блюмкин, осуждает и категорически отмежевывается от тех преступных действий, которые были совершены партией вопреки данному ему обещанию.

4) Причиной, побудившей его, Блюмкина, явиться в распоряжение Советской власти, прежде всего послужило желание рассеять оскорбительное для него, как исполнителя террористического акта против Мирбаха, мнение, в результате коего он был назван в «Известиях ЦИК» «негодяем», и разъяснить Советской власти, как он понимал это убийство.

На предложение следственной комиссии представить доказательства этим утверждениям (каковыми доказательствами могли служить письма Блюмкина, написанные им Прошьяну с требованием объяснений поведения партии после убийства Мирбаха, ответные письма Прошьяна, а также письма, которые получал Блюмкин от членов партии, будучи арестован, в киевской тюрьме) Блюмкин заявляет, что самый факт его явки должен служить уже достаточной гарантией правдивости его слов.

Таким образом, если верить утверждениям Блюмкина, что никакой связи с действиями обманувшей его партии левых эсеров, воспользовавшейся фактом убийства Мирбаха с целью восстания против Советской власти, у него, Блюмкина, не было, то он должен нести ответственность только за совершение террористического акта по отношению к Мирбаху, каковая ответственность, во всяком случае, не может вызвать необходимости содержания Блюмкина в тюрьме.

Но ввиду того что Блюмкин категорически отказывается представить доказательства своим утверждениям о полной непричастности и отрицательном своем отношении к поднятому вслед за убийством Мирбаха партией левых эсеров мятежу, следственная комиссия не находит возможным, имея в виду политику левых эсеров в настоящее время, придавать его словам, не подтвержденным никакими доказательствами, безусловное доверие, а потому полагала бы:

1) Блюмкина из-под стражи освободить,

2) Заменить ему трехлетнее тюремное заключение отдачей его на этот срок под контроль и наблюдение лиц по указанию президиума ВЦИК и

3) в случае уклонения Блюмкина от контроля над своими политическими действиями или в случае совершения каких-либо новых действий во вред Советской власти немедленно привести в исполнение состоявшийся по делу об убийстве Мирбаха приговор революционного трибунала при ВЦИК.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ОТ 16 МАЯ 1919 ГОДА ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЯКОВА ГРИГОРЬЕВИЧА БЛЮМКИНА

Ввиду добровольной явки Я. Г. Блюмкина и данного им подробного объяснения обстоятельств убийства германского посла графа Мирбаха президиум постановляет Я. Г. Блюмкина амнистировать [1].

Секретарь ВЦИК *А. Енукидзе*

---

[1] О судьбе Я. Г. Блюмкина после его амнистии в нашей печати публикуются различные непроверенные сведения. Некоторые авторы утверждают, что он был «начальником личной охраны Троцкого», «возглавлял Восточный отдел ОГПУ», «в 1930 году на острове Принкипо посетил Троцкого» и т. д. (см.: *Васецкий Н.* Ликвидация // Литературная газета. 1989. 4 янв. С. 13; заметка А. Логинова (без названия) в газете «Аргументы и факты» (1989. № 20. 20—26 мая. С. 8).

Вскоре после освобождения из-под стражи Блюмкин вышел из партии левых эсеров и вступил в РКП(б). В 1919—1920 годах он выполнял отдельные задания военного командования на Украине, принимал участие в организации борьбы в тылу Деникина, был начальником штаба и врид командира 79-й бригады 27-й Омской дивизии Южного фронта. В 1920—1921 годах учился в Военной академии РККА, после ее окончания служил в секретариате народного комиссара по военным делам Л. Д. Троцкого. В 1925 году поступил на службу в Объединенное государственное политическое управление, работал в полномочном представительстве ОГПУ в Закавказье, затем — в органах госбезопасности в Монголии. В 1929 году ОГПУ командировало его в Турцию. Там в Константинополе он 16 апреля имел встречу с Троцким, а затем поддерживал с ним связь через его сына Л. Седова. Блюмкин заявил Троцкому, что передает себя «в его распоряжение», составил рекомендации об организации его личной охраны. Кроме того, он дал обещание собрать данные о деятельности Троцкого в годы гражданской войны, согласился нелегально перевезти в СССР для активных участников оппозиции два его письма и литературу.

По возвращении Блюмкина в СССР он был арестован. После окончания следствия судебная коллегия ОГПУ 3 ноября 1929 года постановила расстрелять его «за повторную измену делу пролетарской революции и Советской власти и за измену революционной чекистской армии».

ВЗРЫВ
25
СЕНТЯБРЯ
1919 ГОДА

ОТ РЕДАКТОРА

Первая глава — обстоятельства взрыва 25 сентября, сведения о погибших и пострадавших товарищах — составлена на основании данных, собранных Московским комитетом РКП. Материалы для следующих двух глав — литература анархистов подполья и следственный материал по делу анархистов подполья — нами добыты из архива МЧК.

П. М.[1]

---

[1] П. Макинциан.

I

[ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ АНАРХИСТОВ ПОДПОЛЬЯ]

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВЗРЫВА 25 СЕНТЯБРЯ 1919 ГОДА

25 сентября в помещении Московского комитета РКП (по Леонтьевскому переулку) собрались партийные ответственные работники Москвы, представители районов, лекторы, агитаторы и пр. для обсуждения вопроса о постановке агитации и выработки плана работы в партийных районных школах. Собралось около 100—120 товарищей. Присутствовали представители всех районов, кое-кто из высшей партийной школы, видные лекторы и агитаторы нашей партии. Вся эта масса тесно разместилась в небольшой комнате. После доклада тов. Бухарина, Преображенского и Покровского собрание стало разбирать представленный план организации школ. Когда приступили к обсуждению этого вопроса, часть собравшихся стала расходиться. Движение и шум мешали вести заседание, а потому желающим уйти председатель собрания т. А. Ф. Мясников предложил выйти поскорее. В это время приблизительно со стороны предпоследнего ряда, близ окна в сад, раздался звучный треск наподобие выстрела. Присутствующие шарахнулись к дверям, где моментально образовались пробки.

По словам очевидцев, тов. Загорский (секретарь МК) из-за стола президиума бросился в сторону выстрела, к месту падения снаряда, с целью предотвратить опасность; на ходу он крикнул: «Спокойнее, ничего особенного нет, мы сейчас выясним, в чем дело». Этим он, по-видимому, внес некоторое успокоение, чем были предотвращены сутолока и давка. Значительная часть присутствовавших успела выйти из комнаты. Все это заняло около 45 секунд, и едва тов. Загорский договорил последнее слово, как раздался оглушительный взрыв. Как только рассеялось первое впечатление, сейчас же было дано знать о случившемся в Московский Совет, во все районы, ЧК, были потребованы кареты «Скорой помощи», медицинский персонал и пожарные. Через 15 минут уже кипела работа по извлечению трупов, тяжелораненых и отправке в лазареты и госпитали. Легко раненным здесь же были сделаны перевязки. Работа длилась всю ночь. Больше всех пострадали товарищи, сидевшие в средней и задней части комнаты; товарищи,

Фасад помещения Московского комитета РКП(б)
по Леонтьевскому переулку

сидевшие в передовых рядах и в президиуме, отделались незначительными ушибами и контузиями.

На место взрыва вместе с другими, стремившимися оказать помощь пострадавшим, явился почти в полном составе пленум Московского Совета.

Дом, в котором помещался Московский комитет партии, двухэтажный особняк бывшей графини Уваровой. Раньше здесь помещался Московский комитет и ЦК партии левых эсеров. Бомба была брошена с самой удобной и подходящей стороны — со стороны Большого Чернышевского переулка [1], от которого дом отделяется небольшим садом. С этой же стороны дома, во втором этаже, находится тот большой зал, где происходило заседание. Преступник, прекрасно знакомый с помещением, бросив бомбу как раз в средину собрания со стороны сада, скрылся в сторону Чернышевского переулка через единственную калитку, которая оказалась выбитой.

Жуткую картину разрушения представляет этот дом после взрыва. Фасадная часть дома, выходящая в Леонтьевский переулок, сравнительно мало пострадала, хотя и здесь выбиты все стекла, местами вырваны рамы, сорваны двери и у наружной

---

[1] Ныне улица Станкевича.

стены дома целые кучи мелкого битого стекла. Сравнительно мало пострадала широкая лестница, ведущая из фасадного вестибюля наверх, но зато в задней половине дома наверху почти ничего не осталось целым. В полу большого зала бомба пробила громадную брешь, аршина 4 в ширину. Какова была сила взрыва, можно судить по тому, что в полу оказались переломленными 2 толстые балки по $^1/_2$ аршина в квадрате. Вся задняя часть дома вывалена в сад вместе с отброшенной туда железной крышей. В саду — громадные куски железа и груды разных обломков, отброшенные почти до самой задней стены сада. Все говорит за то, что была брошена бомба неимоверно разрушительной силы, и двойной удар объясняется очевидцами тем, что бомба взорвалась не сразу. Сначала раздался треск ударника, после чего послышалось шипение как бы горючих веществ, и между ударом ударника и взрывом бомбы прошло 30—40 секунд.

Еще накануне тела погибших товарищей были перенесены из Московского Совета и больниц в Дом союзов. Среди огромного зала с декорированными красным и черным колоннами на специальном возвышении утопали в цветах и венках 9 цинковых гробов. Вокруг них неподвижно выстроился со знаменами в руках почетный караул из рабочих и красноармейцев. Все люстры, канделябры и свечи были зажжены. До поздней ночи приходили в зал отдать последний долг павшим товарищам.

28 сентября одна за другой с музыкой и знаменами стали подходить, согласно намеченному плану, рабочие организации, представители районов и воинские части. Надписи на знаменах ярко иллюстрируют настроение московского пролетариата в тот момент:

«Ваша мученическая смерть — призыв к расправе с контрреволюционерами!»

«Ваш вызов принимаем, да здравствует беспощадный красный террор!»

«Бурлацкая душа скорбит о вашей смерти, бурлацкие сердца убийцам не простят!»

«Не будем плакать об убитых, тесней сомкнем свои ряды!»

«Вас убили из-за угла, мы победим открыто!»

С раннего утра Колонный зал постепенно наполнился родственниками, знакомыми и товарищами, пришедшими проститься с погибшими. Присутствовали представители ВЦИК, РКП, Московского Совета и многих других организаций, среди них тт. Калинин, Троцкий, Каменев, Покровский, Бонч-Бруевич и многие другие.

От Дома союзов до самой Красной площади растянулась процессия. Впереди гробов несли бесчисленное множество венков, за гробами потянулись родственники, затем представители ВЦИК,

Совнаркома, ЦК РКП, Московского Совета, а дальше — нескончаемое число рабочих организаций.

Стройными рядами выстроились представители всех военных курсов и всех частей Московского гарнизона.

Гробы с телами мучеников за коммунизм были опущены в общую братскую могилу, после чего выступил с речами ряд ораторов: тт. Каменев, Троцкий, Калинин, Зиновьев, Мясников, Балабанова и Садуль.

Место взрыва

По случаю гнусного убийства во всех районах Москвы были устроены митинги, на которых были вынесены резолюции протеста против покушения на лучших представителей московского и всероссийского пролетариата, с выражением соболезнования ЦК и МК РКП. Телеграммы и целый ряд резолюций были получены также с фронтов и из провинций, в которых красноармейцы и рабочие выразили глубокую скорбь по утрате стойких борцов за социализм, призывая к красному террору, клянясь за каждую голову наших вождей снять тысячи вражеских голов.

Настроение — смелое и твердое, взгляд — бодрый и уверенный,

сердце, полное ненависти к врагам, рука, крепко сжатая для сокрушительного удара,— вот результат подлого проявления бессильной злобы и остервенения белогвардейцев и их сознательных и бессознательных пособников.

СВЕДЕНИЯ О ТОВАРИЩАХ, УБИТЫХ ПРИ ВЗРЫВЕ 25 СЕНТЯБРЯ 1919 ГОДА

1. ВОЛКОВА МАРИЯ, СОТРУДНИЦА ГУБКОМА РКП

Скончалась 29 сентября от ран.

Работала с ранних лет на фабрике Прохоровской мануфактуры. В 1918 году вступила в партию коммунистов. Приехавши в мае 1919 года с Восточного фронта, где пробыла 6 месяцев, она была делегирована в Центральную партийную школу [1], где мечтала подготовиться к партийной работе, но 25 сентября была тяжело ранена в обе ноги, в левую руку, потеряла левый глаз, получила сильную контузию, осложнившуюся воспалением легких, печени и мозга. Находясь в больнице, она говорила: «Это пустяки, я скоро поправлюсь и с одним глазом еще злее буду преследовать белогвардейцев!»

2. ИГНАТОВА ИРИНА МАТВЕЕВНА, РАБОТНИЦА ХАМОВНИЧЕСКОГО РАЙОНА РКП

Тов. Игнатова работала в красильне Лямина, затем в нескольких местах прислугой. В период войны она поступила кондуктором трамвая. Во время переворота 17-го года, в октябрьские дни, она работала на улице, не спала по ночам и тогда же вошла в партию большевиков. Последнее время она отдала себя целиком работе среди женщин.

Она ни минуты не думала о себе, все отдавала революции, но рука преступника прервала ее жизнь.

3. ЗАГОРСКИЙ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ, СЕКРЕТАРЬ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА РКП

Тов. Загорский, партийная кличка Денис, родился в 1883 году в Нижнем Новгороде. С 19-летнего возраста он был вовлечен в революционную борьбу. Первое его выступление было связано с демонстрацией сормовских рабочих и учащейся молодежи

[1] Имеется в виду Центральная школа советской и партийной работы при ЦК РКП(б), с июля 1919 года — Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова.

Нижнего Новгорода, где он был арестован, судился и был сослан в Енисейскую губернию. В 1904 году он бежал в Швейцарию, где примкнул к большевистской организации. В начале 1905 года вернулся нелегально в Россию, участвовал в революции, после чего остался жить в Москве в качестве партийного профессионала. Провал московской организации вынудил его в 1908 году уехать

В. М. Загорский

в Англию, откуда он вернулся в Россию в 1910 году. Новый провал саратовской организации перебросил его в Германию. В конце войны России с Германией Владимир Михайлович возвращается в Россию и назначается в состав нашего посольства в Берлине. Летом 1918 года он снова работает в России в качестве работника Московского комитета РКП (большевиков). Далее он выбирается секретарем МК и до последнего времени работал энергично, не покладая рук, с утра до глубокой ночи. Он умер на своем посту бесстрашно, пожертвовав собою ради спасения других.

В момент взрыва тов. Загорский быстро ринулся в сторону выстрела, где шипела и дымилась брошенная бомба. Он распростер руки и крикнул: «Товарищи, успокойтесь, это случайный выстрел из кармана». Он успел приблизиться к месту, откуда раздавалось шипение, шага на полтора от него, и едва только произнес последнее слово, раздался оглушительный взрыв.

Так погиб революционер под обломками рухнувшего графского дома, до последнего момента самоотверженно остававшийся на посту, не только пренебрегая опасностью, но первый устремляясь в нее с безумной отвагой.

4. НИКОЛАЕВА АНФИСА ФЕДОРОВНА,
СЕКРЕТАРЬ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО РАЙКОМА РКП

Тов. Николаева недолго работала в Железнодорожном районном комитете. Раньше она была в Рогожском районе. Удивительно чуткая и безукоризненно внимательная вообще ко всей своей

Женщина — А. Ф. Николаева, мужчина — А. Сафонов

работе, она была отзывчива к каждому товарищу, обращающемуся к ней с деловыми или личными вопросами. На мертвом изуродованном лице остался яркий отпечаток оборванной спешной работы.

5. РАЗОРЕНОВ-НИКИТИН ГЕОРГИЙ НИКИТИЧ,
РАБОЧИЙ АЛЕКСЕЕВО-РОСТОКИНСКОГО
РАЙОННОГО КОМИТЕТА РКП (АГИТАТОР)

Родился в 1886 году, по профессии цинкограф. Еще в 1903 году тов. Разоренов принимал горячее участие в первой забастовке типографов Москвы и участвовал в боях на баррикадах в 1905 году. В 1907 году тов. Разоренов был избран секретарем профессионального союза печатников Москвы, за что впоследствии был арестован и выслан вместе с другими товарищами из газеты

«Правда» в числе 27-ми человек. По возвращении из ссылки Разоренов опять принял горячее участие как член партии меньшевиков. В этой партии он состоял до октябрьского переворота, когда вышел из партии меньшевиков и, как истинный рабочий, вступил в ряды РКП. С ноября он работал в Алексеево-Ростокинском районе, затем — при районной ЧК, где принимал горячее участие в борьбе с контрреволюцией. В 1918 году т. Разоренов был делегирован от района в Мопленбеж [1] в агитационный отдел на должность заведующего. Он принимал горячее участие в издании газеты «Военнопленный», редактором которой состоял до весны 1919 года. В мае 1919 года он был делегирован в Гомель и считался одним из видных агитаторов и организаторов в Белоруссии и на Украине. По приезде в Москву тов. Разоренов остался при районном комитете РКП в агитационном отделе в качестве агитатора, главным образом в подотделе женщин-работниц, на каком посту и погиб от предательской бомбы.

6. ТИТОВ ГРИГОРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Г. В. Титов (Александр Игнатьевич Кудрявцев) родился в 1886 году в деревне Верещагино Солигалического уезда Костромской губернии. После смерти отца мать отдала его 12-летним мальчиком на «ученье» к подрядчику в Петербург, где он изучал малярное ремесло. В Петербурге тов. Титов очень рано становится сознательным рабочим и 1905 год встречает его вполне подготовленным. С 1912 года он уже в рядах партии. С 1915 года он ведет активную работу, как профессиональную, так и партийную, в Москве. Под его руководством печатаются и распространяются прокламации с протестом против империалистской войны. Он организует много рабочих кружков, главным образом в Лефортовском районе. До Октябрьской революции и во время ее тов. Титов очень много работает по заготовке оружия, по вооружению рабочих, по укреплению района, устройству окопов, и, наконец, мы его видим с винтовкой в руках при взятии Алексеевского училища. В декабре 17-го года в качестве красногвардейца тов. Титов отправляется на Украину против гайдамаков, в феврале 18-го года — против немцев в Оршу. По приезде с Украины тов. Титов снова собирается в поход, в начале лета 18-го года отправляется с отрядом (20-м сводным полком) на Урал, против Дутова. Там их застигает чехословацкое восстание, и они оказываются отрезанными от центра. С большими трудностями пробиваются остатки полка через Оренбургские степи и Туркестан в Москву к концу

[1] Орган Центральной коллегии по делам о пленных и беженцах (Центропленбежа) в Москве.

августа. Но и тут тов. Титов не засиживается. В Москве организуется рабочая дивизия, и тов. Титов снова на фронте — против Краснова — в качестве комиссара одного из рабочих полков. По очищении неприятелем казачьих местностей он деятельно работал по организации местной власти. Прослышав, что Виленский полк отказался выступать против большевиков и вернулся в свою станицу во главе с казаком Фоминым, тов. Титов еще с двумя товарищами, совершенно безоружные, решили пробраться через фронт в станицу Вешенскую, чтоб окончательно разложить полк, разоружить его. И действительно, рискуя попасть в лапы верных Краснову войск, он пробрался в станицу, 2 дня митинговал, привлек окончательно на свою сторону Вешенский казачий полк, выпустил воззвание к населению и, закончив с успехом свою задачу, благополучно вернулся в свой полк. Результаты этой геройской экспедиции не преминули сказаться: после Вешенского полка стали сдаваться и другие казачьи полки, и мы почти без боев прошли большую часть Донской области. Тов. Титов первый произвел опыт, давший впоследствии прекрасные результаты,— навербовал из перебежчиков-колчаковцев-добровольцев полк в несколько тысяч, оказавшихся беззаветными бойцами.

Маляр и пильщик по профессии, тов. Титов был революционером по призванию и за время революции вырос в большого организатора и стойкого борца за идеалы коммунизма.

7. ХАЛДИНА АНЯ, СОТРУДНИК МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА РКП

Аня из буржуазной среды. Революция застала ее почти ребенком на институтской скамье. Чуткая и отзывчивая, она с жадностью глотала слова о великой борьбе рабочего класса, исходившие из уст одного из ее учителей, старого революционера, вместе с ней погибшего, тов. Кропотова. Революционные события захватили ее, она по ночам стала читать марксистскую литературу. Все больше и больше начинает она тяготиться домашней обстановкой. Разногласия на политической почве начинают принимать все более резкий характер, и она, 16-летняя девочка, воспитанная няньками и мамками, не приученная ни к какому труду, уходит из дому. Последний год она буквально голодала, но никто никогда не слыхал от нее ни одной жалобы. Последнее время она рвалась на фронт. «Величайшим для меня огорчением было бы умереть просто, по-мещански. Уж если погибать, так в революционной борьбе»,— нередко говорила она.

Ее желание сбылось: она погибла на своем революционном посту.

8. КРОПОТОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, ЧЛЕН МОСКОВСКОГО СОВЕТА

Тов. Кропотов родился 8 ноября 1873 года. В 1894 году он кончил Седлецкую гимназию, в 1909 году — Московский университет по юридическому факультету. Адвокатурой, однако, он не занимался, а пошел в педагоги. Преподавал русский язык, латынь и историю в разных учебных заведениях, сначала в провинции, а с 1913 года — в Москве.

Внизу — Кваш, выше — Н. Н. Кропотов

За участие в студенческих волнениях 1899, 1901, 1902 годов был арестован и сидел в тюрьме. По освобождении тов. Кропотов, как социал-демократ, руководит рабочим движением в Орехово-Зуеве, где на фабрике Морозова он работал в качестве статистика. Снова последовали арест и тюрьма.

С 1905 года тов. Кропотов — большевик и теснейшим образом связан с Московским комитетом партии.

После поражения рабочих в 1905 году тов. Кропотов, не порывая связи с партией, отстраняется от непосредственной активной работы, и лишь революция 17-го года вновь захватывает его.

Мы его видим в Московском Совете то в качестве комиссара таможни, то члена дежурной коллегии Совета.

Перед кончиной тов. Кропотов вел занятия в партийных шко-

Внутри помещения МК партии
после взрыва

лах, организованных Московским комитетом РКП, и как лектор был приглашен на заседание 25 сентября.

9. АЛЕКСАНДР САФОНОВ

Тов. Сафонов родился в 1875 году в Костромской губернии, Галичского уезда, в деревне Фроловское.

13-ти лет его привезли в Москву и отдали в ученье на экипажную фабрику, где в течение 3—4 лет он «специализировался» по окраске экипажей. После выучки земляки устроили его в Курские мастерские, в малярный цех. Поработав года два, он уезжает в Ригу на ту же работу в вагонных мастерских. Тут же принимается за самообразование. Солдатчина отрывает его от занятий на четыре года. Далее он проходит целый ряд учреждений в Яро-

славле в качестве смотрителя детского приюта, конторщика, счетовода на городском водопроводе. Все это время он продолжает работать над собой. Ему удается сдать экзамен на звание домашнего учителя. С 1904 года он вступает в социал-демократическую организацию г. Ярославля. 1905 год захватывает его целиком. Он выступает на собраниях, принимает живейшее участие в издающейся там газете. В 1906 году его арестовывают на одном из собраний и ссылают в Архангельскую губернию на два года. Однако при первой же возможности он уезжает в Питер, где сейчас же приступает к работе. При тогдашних условиях он в продолжение года был четыре раза арестован, каждый раз под новой фамилией, раз даже — в одном и том же участке. После этого стало невозможным дальнейшее пребывание в Питере. Он переезжает в Москву и работает в окружной организации. Вот что рассказывает тов. Бубнов об этой поре революционной работы А. Сафонова: «К концу года нам удалось созвать областную конференцию и провести выборы на предполагавшуюся конференцию всероссийскую, но никто из нас, выбранных, на нее не смог выехать из Москвы: за всеми уже шла самая усиленнейшая слежка. В ноябре месяце последовал один провал за другим, был арестован и тов. Сафонов... В долгие месяцы таганского сидения тов. Александр принимает на себя обязанности центрального старосты, принимает живейшее участие [в] социал-демократической фракции Таганской тюрьмы, пишет в наших тюремных сборниках и ведет непрерывную дискуссию по волновавшим тогда партию философским вопросам... На суде в 1910 году он признает себя членом партии и получает каторгу; выносит долгие годы безобразнейшего каторжного режима и после Февральской революции выходит на волю и снова бросается в работу...» Он ставит партийную и советскую работу в Тамбовской и Рязанской губерниях, берется за банковое дело при национализации банков и в апреле, при мобилизации коммунистов, работает в качестве члена реввоенсовета 12-й армии. 25 сентября, получив другое назначение и проезжая через Москву, тов. Сафонов в свободную минутку пошел повидать «свою публику». И тут, как будто в мирной обстановке, насильственно и преждевременно оборвалась нить его жизни.

10. КВАШ

Тов. Кваш прибыл в Москву из Украины приблизительно в августе 1919 года. Он быстро зарекомендовал себя трудоспособным, методичным работником и всей душой отдался делу организации субботников, был первым секретарем бюро субботников при МКП. Тов. Кваш, по словам знавших его по работе товарищей,

был скромный работник и одинокий, замкнутый человек. Он знал только свое дело. Вот почему никаких сведений, касающихся прошлого и его личной жизни, нам собрать не удалось.

11. ТАНКУС * СОЛОМОН НАТАНОВИЧ

Слушатель Центральной школы партийной работы.

12. КОЛБИН *

Слушатель Центральной школы партийной работы.

СПИСОК ТОВАРИЩЕЙ, ПОСТРАДАВШИХ ПРИ ВЗРЫВЕ 25 СЕНТЯБРЯ 1919 ГОДА

1. Бухарин Николай Иванович. Член ЦК РКП. Ранен в руку.
2. Бакинский. Лектор партийной школы. Ранение правой ноги и повреждение уха.
3. Бахина. Слушательница Центральной школы партийной работы. Контузия головы и ушибы груди и ног.
4. Белов. Рабочий Сущевско-Марьинского района. Продавлена грудная клетка.
5. Буйволов Вл. Сергеевич. Сотрудник Сокольнического района. Легкая контузия головы.

---

* К сожалению, нам не удалось раздобыть сведения о жизни тт. Танкуса и Колбина. Оба товарища были слушателями Высшей партийной школы. Первого из них я знал лично, а про второго слышал как о способном ученике и хорошем товарище. Что же касается т. Танкуса, то на занятиях в Высшей партийной школе он выделялся. Его товарищи к нему относились с уважением и с полным доверием, давали ему ответственные поручения и выбирали в различные коллективы.

На моих лекциях (по Программе партии) и курсах (по организации партии), помню, он неоднократно выступал с вопросами, предложениями, а также рефератом. Во всяком случае, он был одним из видных и подающих надежду слушателей партийной школы. Он одновременно вошел в курс московской партийной работы и часто посещал собрания в районах и в центре.

Оба товарища, и Танкус, и Колбин, в числе других, кажется, 25 слушателей партийной школы по предложению МК РКП были делегированы на собрание 25 сентября с целью ознакомления с постановкой партийных школ в районах.— *Прим. А. Мясникова* [1].

[1] Мясников (Мясникян) А. Ф. (1886—1925) — партийный и государственный деятель, член партии с 1906 года. В 1917 году — член исполкома фронтового комитета Западного фронта, Минского комитета РСДРП(б), с ноября 1917 года — главнокомандующий войсками Западного фронта. В 1919—1921 годах — военный организатор при Московском комитете партии, секретарь МК РКП(б). В 1921—1922 годах — председатель ревкома, затем СНК и нарком по военным делам Армянской ССР, член Кавказского бюро ЦК РКП(б), одновременно заместитель председателя СНК ЗСФСР. В 1923—1925 годах — член Реввоенсовета СССР. С 1923 года — кандидат в члены ЦК РКП(б). Член Президиума ЦИК СССР.

6. Боярский. Сотрудник Хамовнического района. Легкое ранение.

7. Белая Катя. Организатор Басманного района. Легкое ранение.

8. Бродская. Сильная контузия и повреждение барабанной перепонки.

9. Выропаев Фед. Григорьевич. Сотрудник Железнодорожного райкома РКП. Организатор подрайона Рязано-Уральской и Александровской железных дорог. Общая контузия.

10. Вегман. Бывший редактор газеты «Знание и революция» в Томске. Общее ранение лица.

11. Глускина Анна Архиповна. Секретарь Сущевско-Марьинского райкома, бывший секретарь Лефортовского райкома. Сильная контузия.

12. Гайле. Комиссар 1-х Московских артиллерийских курсов. Легкое ранение.

13. Голованов. Организатор Комиссии связи с фронтом (Бутырский район). Легкое ранение.

14. Голубев Ник. Тимофеевич. Организатор Комиссии связи с фронтом (Бутырский район). Легкое ранение.

15. Гричманов Ал. П. Слушатель Центральной школы партийной работы. Помята грудная клетка и общая контузия.

16. Гаптман. Слушатель Центральной школы партийной работы (Алексеево-Ростокинский район). Легкое ранение.

17. Гринштейн М. Л. Сотрудник агитационного отдела МК. Контузия головы.

18. Дианов Василий Игнатович. Организатор парт. подрайона. Виндавской железной дороги. Контузия головы.

19. Иванов Влад. Иванович. Рабочий Басманного района. Перелом кисти, контузия и ранение головы.

20. Иванов Е. Хамовнический район. Легкое ранение.

21. Кицис. Рабочий Сущевско-Марьинского района. Легкое ранение в голову.

22. Крюков. Сотрудник Алексеево-Ростокинского района. Ранен в голову и плечо; общая контузия.

23. Котлин Леонид Иванович. Слушатель Центральной школы партийной работы. Легкое ранение.

24. Коробочкин И. Г. Член правления Московского потребительского общества (Бутырский район). Контузия и ранение лица.

25. Кучинский Д. Д. Заведующий агитационным отделом Бутырского района. Легкое ранение правой стороны лица.

26. Колотов Степан Сергеевич. Заведующий жилищно-земельным отделом Бутырского Совдепа. Легкая контузия головы.

27. Куранова Екатерина Яковлевна. Заведующая отделом со-

циального обеспечения и член президиума парткома (Лефортовский район). Трещина ножной кости и общее ранение ноги.

28. Кузнецов Н. Хамовнический район. Легкое ранение.

29. Левитас Евгений Рувимович. Секретарь партийного комитета Лефортовского района. Легкое ранение. Сильный ушиб ноги и головы.

30. Люблин. Рабочий Хамовнического района. Легкое ранение.

31. Лебит Петр Григорьевич. Председатель райпрофсожа[1] (Железнодорожный район). Общая контузия и общее ранение лица.

32. Мороскин Василий Васильевич. Член исполкома Пресненского Совета. Легкая контузия.

33. Модлин. Слушатель Центральной школы партийной работы. РОСТА[2]. Легкое ранение.

34. Мясников А. Ф. Член ВЦИК. Контузия и легкое ранение.

35. Никольский Л. В. Председатель Центрального норм[ировочного] комитета. Общая контузия.

36. Ольминский. Легкое ранение.

37. Огильба. Рабочий Алексеево-Ростокинского района. Отравление газами.

38. Павлович Н. П. Член ВЦИК. Легкое ранение в голову.

39. Пельше. Член правления Московского потребительского общества. Тяжело ранен.

40. Розенштейн М. А. Семь дней, как вернулся с фронта, где был комиссаром (Лефортовский район). Легкое ранение глаза и левой части головы.

41. Рябчаев. Рабочий Алексеево-Ростокинского района. Легкое ранение.

42. Сафаров Георгий. Член ВЦИК. Тяжелое ранение.

43. Сычева Варвара Фил. Работница Алексеево-Ростокинского района. Ранение головы и общая контузия.

44. Сазонов. Работник ЧК Хамовнического района. Повреждение барабанной перепонки.

45. Сазонова Мария. Работница Хамовнического района. Легкое ранение (оказана амбулаторная помощь).

46. Стеклов Ю. М. Редактор «Известий ВЦИК». Воздушная контузия, разрыв обеих барабанных перепонок и кровотечение в ухе.

47. Самарин-Никифоров Григорий Игнатьевич. Член президи-

---

[1] Районный профессиональный союз железнодорожников.
[2] РОСТА — Российское телеграфное агентство.

ума Алексеево-Ростокинского Совдепа, заведующий управлением делами. Легкая контузия головы и ранение ноги.

48. Савин. Рабочий Хамовнического района. Общая контузия.

49. Слуцкий. Легкое ранение головы.

50. Тютин (кл. Анатоль). Железнодорожный рабочий. Контузия головы и ранение правой руки и ноги.

51. Фонченко Василий Н. Организатор подрайона (Московско)-Киево-Воронежской железной дороги [1]. Член исполкома железной дороги. Извлечен из-под обломков, пролом головы и тяжелая контузия.

52. Шищенко Василий Тимофеевич. Слушатель Центральной школы партийной работы. Легкое ранение.

53. Шляпников Я. Е. Заместитель заведующего жилищно-земельным отделом (Бутырский район). Легкое ранение (оказана амбулаторная помощь).

54. Ярославский Ем. Член ВЦИК. Легкое ранение.

55. Ямпольская Р. Н. Растяжение сухожилий.

II

ЛИТЕРАТУРА АНАРХИСТОВ ПОДПОЛЬЯ

«Граждане и братья!

Вечером 25 сентября на собрании большевиков в Московском комитете обсуждался вопрос о мерах борьбы с бунтующим народом. Властители большевиков все в один голос высказались на заседании о принятии самых крайних мер для борьбы с восстающими рабочими, крестьянами, красноармейцами, анархистами и левыми эсерами, вплоть до введения в Москве чрезвычайного положения с массовыми расстрелами».

Дальше:

«Наша задача — стереть с лица земли строй комиссародержавия и чрезвычайной охраны и установить Всероссийскую вольную федерацию союзов трудящихся и угнетенных масс. Нечего ждать прихода белой деникинской реакции и ухода красной — комиссарской. Мы сами должны установить свободный строй в стране теперь же, немедленно, не дожидаясь окончательной гибели завоеваний Октябрьской революции. Близится третья социальная революция».

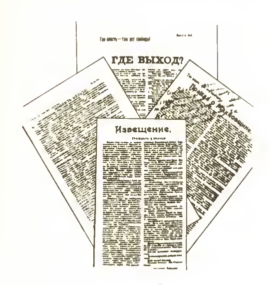
Наконец:

«17 июня с. г. Чрезвычайный военно-революционный трибунал расстрелял в Харькове семь повстанцев: Михалева-Павленкова,

---

[1] В тексте «п/р К-В ж. д. р.».

Бурбыгу, Олейника, Коробко, Костина, Полунина, Добролюбова и затем Озерова [1]. 25 сентября с. г. революционные повстанцы отомстили за их смерть Московскому комитету большевиков. Смерть за смерть! Первый акт совершен, за ними последуют сотни других актов, если палачи революции своевременно сами не разбегутся».

Цитируемое «извещение» подписано:

«Всероссийский Повстанческий Комитет Революционных Партизан».

В № 2 «Анархии» от 23 октября 1919 года (орган Всероссийской и Московской организации анархистов подполья) в статье, озаглавленной «Только начало», мы читаем:

«Взрыв в Леонтьевском переулке — это очевидное начало новой фазы борьбы революционного элемента с красными политическими авантюристами.

То, что случилось, следовало ожидать. Наглость комиссаросамодержавия — причина случившемуся.

Нельзя не приветствовать этот факт. Слишком уж обнахалились «коммунисты»-комиссары. Издевательством над всем честным и революционным, а также садистическими расстрелами подготовлена основательная почва для террора слева.

[1] Речь идет о расстреле нескольких членов штаба Махно.

Нет никакого сомнения, что вслед за актом в Леонтьевском переулке другие акты последуют. Они неизбежны. Слишком развратили лидеры партию коммунистов, чтобы она могла понять задачи момента и воскреснуть от политического дурмана...

...Для экономии революционной энергии в настоящее время возможна лишь борьба с динамитом. Политическая саранча разлетится от взрывов, массовое же пролетарское движение впоследствии завершит начатое дело...

Поэтому очередным вопросом подполья является организация динамитной борьбы с режимом Совнаркома и чрезвычайками и организация массового движения там, где это возможно, для создания новых форм общественно-экономических организаций по принципу безвластия.

Комиссары и генералы снова загнали нас в подполье. Анархическое движение лишено свободы слова.

А коли так, так мы с комиссарами и генералами отныне начнем разговаривать на языке динамита!

Посмотрим: кто кого распорет!»

Из примечания к листовке «Медлить нельзя» мы узнаем:

«Повстанческий Комитет Революционных Партизан входит во Всероссийский орган анархистов подполья».

Итак, взрыв Московского комитета РКП — дело рук анархистов подполья.

За каких-нибудь 3—4 месяца своего вольного существования в подполье эти динамиторечивые парни успели выпустить в свет 4 прокламашки: 1) «Медлить нельзя», 2) «Правда о махновщине», 3) «Извещение», 4) «Где выход» и два номера органа Всероссийской и Московской организации анархистов подполья — «Анархия».

Мы уже имели выдержки из этой «литературы». Чтобы исчерпать все идейное убожество наших авантюристов, приведем еще два образчика. Одна статья — «Мы отмежевываемся» — содержит политическое самоопределение этих зажигателей моря, другая — «Декларация анархистов подполья» — заключает в себе их политическое «кредо». Обе статьи перепечатываются полностью.

МЫ ОТМЕЖЕВЫВАЕМСЯ

Маленькое введение.

На одном собеседовании, возражая предыдущему оратору меньшевику, докладчик большевик говорил приблизительно следующее:

— Вы, меньшевики, хороши лишь, пока критикуете других. Посмотрите, что делается там, где в ваши руки попадает руководство над обществом. Вот теперь в Германии правительство

Эберта — Шейдемана [1]. Это же настоящая меньшевистская власть! И что же? Наемный труд, основное зло капитализма, сохранен. Фабрики не переданы в руки рабочих, земля не передана в руки крестьян. Голод, безработица, войны — все это еще хуже, чем прежде. Под предлогом необходимости потерпеть, пока не оправится страна, сохранена армия и бюрократия, ограничена свобода стачек, собраний, слова и печати. Под тем предлогом, что все это делается для осуществления социализма в будущем, вы расстреливаете тех, кто восстает, чтобы его осуществлять сейчас же. Вы скажете, что все же рабочему классу лучше, потому что он стал у власти, к которой его не допускала буржуазия, но это неверно. Шейдемановская власть правит именем рабочих, но им от этого не лучше. К власти же пришел не рабочий класс, а отдельные рабочие, которые при этом оторвались от рабочего класса. А то, что бывшие рабочие стоят у власти, это лишь перемена лиц, но система капитализма остается та же. Это все равно, как если бы несколько бывших рабочих стали капиталистами: рабочий класс должен против них бороться, как и против другого предпринимателя.

И так как меньшевик развил своеобразную теорию, что социализм так выгоден для всех слоев общества, не только для рабочих, что можно убедить буржуазию также стать социалистами, так как, несмотря на отказ капиталов, им все же в новом обществе будет житься лучше, чем теперь, то большевик продолжал:

— Да, верно, что при переустройстве общества на трудовых началах производительность так повысится, что все будут пользоваться большим благосостоянием, чем теперь буржуа, так что им было бы выгодно примкнуть к социализму. Но они этого никогда не сделают вследствие своей косной классовой идеологии. И мы не можем ждать, пока они согласятся сами, а должны силой их экспроприировать...

Тогда, как анархист, я ответил:

— Пока вы спорите с меньшевиками, вы правы, потому что они стоят на точке зрения постепеновщины, а вы на точке зрения социального максимализма, немедленного общественного переустройства. Но власть вас делает теми же постепеновцами, хуже

[1] Эберт Ф. (1871—1925), Шейдеман Ф. (1865—1939) — лидеры германской социал-демократии, председатели «Совета народных уполномоченных», созданного в результате победы революции в Германии в ноябре 1918 года. Совет провел ряд буржуазно-демократических реформ, подготовил созыв Учредительного собрания. В начале 1919 года после созыва Учредительного собрания Эберт стал президентом Германской республики, а Шейдеман возглавил правительство.

В 1989 году в Москве при Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС открыто постоянное представительство Фонда имени Фридриха Эберта — научного центра социал-демократической партии Германии (ФРГ) по изучению политических и социально-экономических проблем.

Пожарные на месте взрыва

меньшевиков. Вы у власти в России, но что же изменилось? Фабрики и земля не в руках трудящихся, а в руках предпринимателя — государства. Наемный труд, основное зло буржуазного строя, существует, поэтому неизбежны голод и холод и недостаток рабочих рук при одновременной безработице. Ради «необходимости потерпеть» для лучшего будущего, ради «защиты уже достигнутого» сохранена армия, бюрократический аппарат, отменено право стачек, слова, собраний, печати. Вы создаете красный шовинизм милитаризма, но что же защищать рабочему? Вы скажете: зато буржуазия отстранена, а рабочий класс у власти, но я скажу то же, что вы про меньшевиков: у власти лишь отдельные рабочие. Они теперь лишь бывшие рабочие, оторванные от своего класса. Угнетенные, по существу, не могут быть у власти: если же власть называет себя «пролетарской», то это даже худший обман. Вы будете возражать, что вы тоже хотите анархию, но нужно сначала сломить врага, а потом власть сама по себе упразднится. Но это тот же меньшевизм. Я верю, что у вас лично, субъективно, могут быть хорошие намерения, но объективно, по существу, вы представители класса чиновничьей бюрократии, непроизводительной

группы интеллигенции. Даже вам анархический строй даст большее благосостояние, чем теперь, но за своей наглой классовой чиновничье-государственной идеологией люди, стоящие у власти, никогда от нее не откажутся. Поэтому как нельзя ждать примирения буржуазии с социальной революцией, а нужно применить силу, так нельзя ждать примирения властителей с анархией, а нужно сейчас же силой разрушить власть.

А ссылка на фронт — любимый прием постепеновцев. Так Керенский, сохранив в России капитализм, звал рабочих вместе с Корниловым идти на фронт защищать «свободы»: так и вы, создав «бескомитетную», с царским офицерством милитаристическую Красную Армию, зовете не бунтовать против нового гнета, а идти на фронт защищать «уже достигнутое».

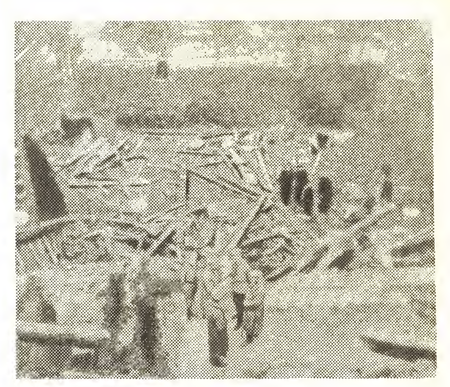
Мы смотрим не на красную вывеску, а на факт; и мы видим, что ваша политика, как и в свое время союз Керенского с Корниловым, ведет к неизбежной реакции внутри. Ничего еще не достигнуто и нам нечего защищать.

Мы зовем к немедленному восстанию за хлеб и за волю, а потом будем защищать свободу оружием свободы, а не рабства.

Только такой, мне кажется, и может быть позиция анархиста по отношению к «революционной власти». Ведь в этом-то и состоит отличие анархизма от социализма, что он считает, что ничего не изменилось, пока существует власть. Большевики прекрасно понимают это. Так, в брошюре «Анархизм и коммунизм» Е. Преображенский [1] пишет, что лишь те анархисты, которые столь же непримиримо относятся к Советской власти, как и ко всякой другой, сохранили верность своему учению, хотя, конечно, Преображенский считает это учение «книжным» и «контрреволюционным».

Со времени того собеседования прошло полгода. Большевики пошли дальше по наклонной дорожке — твердой власти («революционной»). Мы же, последовательные анархисты, видя, что под красной вывеской социализма скрывается лишь самодержавие чрезвычайки, ушли в подполье, чтобы иметь возможность продолжать всякую борьбу за свободу. В наших подпольных листах мы зовем угнетенных на борьбу против контрреволюции всех цветов, на восстание за хлеб и волю. Нетерпимые ко всему неподвластному им, большевики тем временем предпочли сдать Украину белым, лишь бы задушить анархистское повстанчество. Восстановив столыпинские военно-полевые суды (чрезвычайный и революционный трибунал), они расстреляли наших братьев — борцов за свободу. И с новым самодержавием мы повели ту же борьбу, что и со старым, мы ответили смертью за смерть. В течение двух лет революция шла на убыль, но по мере контрреволюционных верхов, как это

[1] *Преображенский Е. А.* Анархизм и коммунизм. М.: Коммунист. 1918

Работа по извлечению трупов

всегда бывает, массы вновь революционизируются, и как поворотный пункт, как начало нового нарастания революционной волны является борьба 25 сентября.

И, начиная борьбу за новую революцию с новым самодержавным государством-капиталистом, мы ожидали, что, как в свое время при царском строе, будет запрещена не только деятельность, но и сочувствие анархистам; что, как при царизме, будут изъяты все анархические книги; что не только не допустят никакой анархической легальной организации, но и что называться анархистом будет столь же опасно, как и до Февральской революции; что вся казенная печать начнет идейную борьбу с анархизмом, в то время как для практической борьбы с ним будет введено военное положение и состояние чрезвычайной охраны; мы сознательно шли на все это потому, что мы должны быть с загнанной в подполье революцией, чего бы это ни стоило.

Но честность — плохая политика для угнетения, в особенности для власти «революционной», которая более всякой другой дер-

жится на обмане. Для практической борьбы с нами власть прибегла к испытанным приемам охранки, но в области идейной она придумала нечто новое. Прекрасно сознавая, что именно мы поступаем как анархисты (плох или хорош анархизм, это другой вопрос, но мы от него не отступили), власть предпочла умолчать это перед массами. Большевики повторяли провокацию апрельских дней [1]. Они дали патент на идейность тем соглашателям, которых они по праву презирают как отплывших от берега анархии и не прилипших к берегу государства; нас же всячески стараются изобразить как бандитов, не то как белогвардейцев, не то вовсе о нас умолчать.

Большевики не могут не писать в своих газетах, что вот, мол, выступили анархисты подполья, которые считают, что у нас теперь в «Советской» России самодержавно-капиталистический строй и, собственно, с этим ведут борьбу, а большевики, мол, считают, что у нас в России свобода и анархистам бороться не за что, потому что если бы они изложили открыто их и нашу позицию, то народ бы сразу разобрался в истине. Это умолчание — логический вывод из идеологии нового самодержавия, тем оно и отличается от царизма, что пытается уверить пролетариат, будто действует для его блага. С большевиками мы ведем борьбу, они наши враги, и мы не можем заставить врага применить честные способы борьбы.

Пусть себе пишут, что никакие анархисты не участвуют в «Анархии», пусть себе уверяют, что это белые взрывают, предатели революции, пусть доказывают, что это буржуазия борется против великого сохранения капиталистического строя,— у нас есть своя бесцензурная печать, и мы сможем бороться с обманом.

Но в этом вопросе есть еще одна сторона, и для того чтобы покончить с ней раз навсегда, я принужден был так подробно определить нашу позицию.

Эта сторона — позорная роль легальных так называемых анархистов, от анархо-большевиков до «склонных к подполью», но только не теперь, их престыдное пособничество казенному обману. Именно они виноваты в том, что в течение двух лет самодержавцы могли безнаказанно морочить массы, указывая, что анархисты идут в Красную Армию и в советские учреждения, даже анархисты признают, что Советская власть защищает интересы трудящихся. Именно они дали большевикам возможность писать, что «никакая анархическая группа, не причастная к листовке

---

[1] Имеется в виду разоружеиие анархнстов в Москве в апреле 1918 года. Средн нnх подавляющее большинство представлялн уголовные элементы, а не ндейные аиархнсты. Автор листовки пытается оспорить этот факт.

На месте взрыва

«Где выход», что «никакая анархическая группа не ведет террора против властителей».

Именно эти анархисты около двух лет мешают нам вести анархическую борьбу против власти, пугая, что в ответ на подпольную деятельность большевики расправятся со всеми им известными (значит, легальными) анархистами; когда же мы указывали, что существование кучки отступников не может заставить нас отказаться от анархического образа действия, когда мы им предлагали, если они не могут работать подпольно, пусть они просто очистят политическую арену, то они отвечали: «Пусть нас расстреляют, но мы не уйдем в подполье».

Приравнивая большевиков к самодержавию, заняв сами всегдашнюю непримиримую позицию анархистов, к кому мы можем приравнивать тех, кто занимает посты на службе у власти, кто идет в бессильную перед миром правителей «Государственную думу» (ВЦИК) для «пропаганды анархизма»?

Мы их можем приравнять разве только к кадетам или октябристам! И так же мало, как считались бы безмотивники [1] 1905 года с «товарищем», который полез бы для информации и некоторых заявлений в Государственную думу, так же мало можем мы считаться с новыми октябристами (не от 19, а от 25 октября), лезущими в ВЦИК [2].

Самодержавие не потерпело бы, чтобы кто-нибудь назвался анархистом, но оно могло терпеть октябриста; большевистское правительство может терпеть существование, литературу и даже деятельность нового октябриста (легального анархиста), но не может терпеть даже названия анархиста, а тем более анархиста подпольного.

Начиная нашу великую борьбу, мы не ждем от власти честных приемов борьбы, но от «анархистов», хотя бы в кавычках, мы требуем, чтобы они не помогали обману власти, предоставляя к ее услугам свое анархическое имя.

Наступает полное размежевание власти и анархизма: власть не может больше терпеть анархизма, грозящего самому его существованию; поэтому мы предупредили легальных анархистов, чтоб дать им возможность приготовиться к контратакам власти.

А они, не желая понять, что анархизм — гигантская вековая борьба, где нужно ставить на карту не только спокойное прозябание, но и жизнь, хотят во что бы то ни стало продолжать интеллигентную игру бирюлью группой, голосований резолюций!

Синдикалисты клеймят безумную попытку и зовут чрезвычайку к беспощадной мести; остальные же отмежевываются от воплощения слов в дело и думают, что так и впредь им удастся избежать барской немилости.

Перед лицом угнетенных всего мира мы отмежевываемся в последний раз от пособников нового самодержавия и говорим: мы не виноваты, что часть наших угнетателей и обманщиков, так или иначе стоящих около власти, назвали себя «анархистами» — не к этому анархизму мы вас зовем; анархисты те, что всегда с угне-

[1] Безмотивники — одно из течений российского анархизма. Отрицали допустимость участия пролетариата в буржуазных представительных учреждениях — парламентах, думах и т. д. Резко критиковали кадетов и октябристов за их работу в Государственной думе. Отрицая политическую борьбу, они делали ставку на «безмотивные акции», «прямые действия» — антибуржуазный террор, экспроприацию государственных и частных учреждений, взрывы, поджоги, убийства политических деятелей и т. п. Безмотивники рассматривали эти действия как самое эффективное средство возбуждения революционной активности масс. Отрицание анархистами парламентской формы борьбы Ленин называл «парламентским кретинизмом наизнанку» (см.: Полн. собр. соч. Т. 11. С. 36—37; Т. 19. С. 84).

[2] 17 (не 19) октября 1905 года царем был подписан манифест о гражданских свободах в России и созыве законодательной Государственной думы. Авторы листовки сравнивают легальных анархистов, принимавших участие в деятельности ВЦИК, с октябристами (членами «Союза 17 октября»), активно работавшими в царской Думе.

тенными и которые будут загнаны властью в подполье, пока власть не уничтожит нас или мы не уничтожим власть.

«Анархистам» же в кавычках мы в последний раз напоминаем, что анархизм и безопасность несовместимы и угнетенными им придется стать на ту или другую сторону. Пока мы ей не мешали, власть нас терпела, но скоро, очень скоро белая и красная власть,

Тела жертв взрыва в Доме союзов

все равно которой удастся восторжествовать, как во время реакции 1906—1908 годов [1], не потерпит черного знамени даже над простоквашными лавочками, не потерпит слова «анархист» даже в кавычках.

---

[1] В тексте книги — «1916—1918 годов».

Орган Всероссийской и Московской Организации Анархистов Подполья.

АНАРХИЯ

№ 2 (101) | Четверг 23-го октября 1919 года | № 2 (101)

АНАРХИЯ

Орган Всероссийской и Московской Организации Анархистов Подполья.

№ 1 (100) | Понедельник 29-го сентября 1919 г. | № 1 (100)

Декларация Анархистов Подполья

К подполью

Если они неспособны бороться, то пусть уйдут от политики к частной жизни. В этом мы им всячески поможем. Но болтаться в рядах борющихся — это не допустят ни власть, ни анархисты.

Если же они хотят идти с нашими врагами, то пусть знают, что участь власти будет их участью. Но партийные комитеты (хотя бы они и назывались «анархо-синдикалистическими коммунистами»), которые солидаризуются с комитетом большевиков, призывая к мести и предлагая услуги[1] чрезвычайке в целях раскрытия нашей организации, пусть остерегутся, чтобы их не постигла та же участь, что и тех, кому они «соболезнуют».

Чтобы отмежеваться от нас перед властью, «анархисты» в кавычках собрали подписи полдюжины групп, все существование которых выражается в штампе и печати; чтоб отмежеваться перед

[1] В тексте книги «усмирить».

лицом угнетенных от позорных союзников угнетения, нам достаточно одной подписи:

Мы анархисты подполья».

ДЕКЛАРАЦИЯ АНАРХИСТОВ ПОДПОЛЬЯ

«Угнетенные всех стран: рабочие, крестьяне, солдаты, женщины и дети!

Свободолюбивые творцы новых ценностей: изобретатели, мыслители, поэты!

Все, стремящиеся к свободе, справедливости и предоставлению каждому человеку наилучших условий его всестороннего выявления и развития.

Все, кому тесны рамки современного строя угнетения и унижения, кому претит издевательство человека над человеком, и реки крови, и стоны насилия, производимые современным государством и капиталом,— всем вам шлет свой братский привет и призыв Всероссийская организация анархистов подполья!

За короткое время перед глазами человечества прошла ужасающая картина безумия и озверения современных государств, истребляющих человека человеком. Война, небывалая война, на которую пошли все завоевания науки и техники, война, бросившая угнетенных всех стран друг на друга и приведшая всюду к голоду и экономической разрухе.

Этот процесс объединения внутри воюющих стран привел нас к картине обобществления, ограничения прав частной собственности и перехода части прав над производством к общественным органам в Италии, Франции, Англии, Германии и России.

Наконец, перед нами поразительная картина целого ряда революций — ускорения этого процесса обобществления, наиболее яркого в России.

За чрезвычайно краткое время Россия пережила переход от самодержавия к буржуазной республике, к социалистическим министерствам говорунов [1] и подошла к Октябрьской революции.

Все ужасы самодержавия, всю низость и лицемерие, и бессилие республиканства буржуазии, и предательство министров-социалистов за короткое время изведало русское крестьянство и русский пролетариат.

Ни одна из этих форм не может быть принята угнетаемыми. Возмущенные голодные рабочие и крестьяне совершили октябрьский переворот во имя всеобщего братства народов и свободы.

Увы, кричавшие об этих высших заветах человечества, возмущавшие рабочих против смертной казни, эксплуатации и войны

[1] Речь идет о социалистах — министрах Временного правительства.

большевики — ныне царствующая самодержавная коммунистическая партия,— воспользовавшись доверием рабочих, захватили всю власть в свои руки, насадили чрезвычаек (охранников), отняли у трудящихся все их завоевания, все фабрики, заводы, земли и расстрелами, голодом, пытками и всеми орудиями полицейского гнета задавили всякое право человека, всякую свободу, всякую независимость. Арестовали, расстреляли и разогнали всех революционеров Октября, превратили Советы и правления производственных союзов в своих лакеев, задушили всякую мысль и, установив рабовладельческий строй, превратили всех в безгласных, бесправных рабов, а сами, завладев фабриками и заводами, хлебом и всем, чем владела буржуазия и чем можно владеть, стали неограниченно властвовать.

Никогда еще буржуазия, помещики, бюрократы и военщина не обладали такой беззастенчивостью в угнетении всех остальных, и никогда они не имели наглости прикрывать свое угнетение именем попранной рабоче-крестьянской массы. И никогда еще не было такой противоположности угнетателей и угнетенных, как теперь!

Так раз и навсегда была самой жизнью опровергнута теория Маркса и идея государственного социализма.

Процесс обобществления и централизации всего в одних руках произошел в первую очередь в стране наименее развитого капитализма и в силу обеднения страны, а не так, как говорил Маркс.

А диктатура пролетариата оказалась не больше как способ наиболее беззастенчивого издевательства над правами человека и угнетенных.

Надеяться, что новые объединенные помещики, фабриканты, бюрократы, военные диктаторы — господа комиссары вдруг окажутся филантропами и перестанут угнетать и эксплуатировать трудящихся,— это гораздо более наивная и бесплодная утопия, чем мечта Сен-Симона, Фурье и т. д. убедить буржуазию перестать быть эксплуататорами.

Так окончательно вскрылся обман всякой власти и всякого государственного социализма в XX веке — обман, обнаружившийся и раньше во всех революционных движениях.

Власть — не только орган угнетения, но самая основная причина экономического гнета, сама рождает из себя и содержит в себе эксплуататоров.

И вот перед угнетенными России, перед угнетенными всех стран, освобождающимися окончательно от обмана власти, стоит задача новой мировой революции во имя безвластного и внеклассового общества, о котором мечтали все лучшие люди революции, идущие не путем захвата власти и диктатуры, а свержения власти и укрепления безвластия.

Похороны погибших товарищей

И в России на развалинах белогвардейской и красноармейской принудительной армии образуются вольные анархические партизанские отряды.

На севере, на юге, на востоке — всюду образовались они, и всюду веет идея безвластного общества.

Мы, Всероссийская организация анархистов подполья, толкаемые всеобщим возмущением угнетенных России, вступаем решительно на путь борьбы за освобождение человечества.

Наши главные задачи заключаются:

— в организации нового безвластного общества,

— в помощи всем угнетенным всего земного шара в деле освобождения от власти капитала и государства и

— в создании мировой конфедерации труда и развития.

Окруженное со всех сторон государственниками, белыми и красными, безвластное освободительное движение победит, когда все угнетенные сольют все свои усилия в одно целое.

Перед объединением угнетенных ничто не может устоять.

Вперед же, товарищи, руку друг другу, и мы победим!

Долой всякую власть — источник угнетений!

Долой ложь государственного социализма, диктатуры пролетариата и других диктатур!

Долой смертную казнь, физическое насилие государства и все формы гнета!

Долой гнет капитала!

Все для всех на равных правах.

Все богатства и блага, находящиеся в распоряжении человечества, для всех на одинаковых основаниях.

Пусть будет каждый обеспечен средствами производства, насколько он умеет их производительно использовать, независимо от других или совместно с другими, по его воле.

Всякому трудоспособному наилучшие условия труда.

Всякому наилучшие условия развития и обеспечения на время образования.

Всякому нетрудоспособному обеспечение прожиточным минимумом и независимость.

Долой буржуазную ложь и ложь государственных социалистов о свободе, равенстве и братстве.

Всякий только тогда свободен, когда может быть обеспечен вне договора с обществом, и тогда, когда свободно заключает договор.

Долой принудительные группировки государства: коммуны, школы, казармы, принудительные армии и т. д.

Да здравствуют вольные, договорные отношения независимых личностей!

Да здравствует свободная инициатива в строительстве жизни!

Да здравствует действительная возможность проявлять себя устным и печатным словом!

Пусть каждый выберет себе форму ко всем отношениям и свое общество.

Да здравствуют федерации всех трудящихся: 1) транспортников, 2) почт и телеграфа, 3) сельского хозяйства, 4) добывающей и обрабатывающей промышленности, 5) работников снабжения, 6) вольных партизан и 7) федерация развития — науки, искусств и образования.

Да здравствует их вольная конфедерация!

Пусть все средства производства поступят в распоряжение федераций, их обслуживающих: железные дороги — железнодорожникам, земля — обрабатывающим землю и т. д.

Долой все комиссариаты и министерства!

Долой все органы власти, неспособные организовать производство! Долой наемничество и ложь выборного начала!

Нам бесполезны властнические Советы, правления и комитеты.

Все сделают сами рабочие федерации.

Да здравствует единое, свободное, вневластное человечество и свободный, обеспеченный трудом человек!

Да здравствуют местные и мировые вольные конфедерации труда и развития.

Вперед, товарищи! На бунт, на борьбу!

Зажигайте всюду пожарища новой революции!

Да здравствует мировое объединение всех угнетенных против всех угнетателей!

Да здравствует Всероссийская конфедерация труда!

Долой Совнарком с комиссариатами!

Да здравствует анархия!

Всероссийская организация анархистов подполья».

Вот как толкуют наши ребята. В комментарии и полемику входить мы не будем. Обратимся теперь к их делам и на основании их собственных показаний постараемся уяснить себе их подлинный политический лик.

III

СЛЕДСТВЕННЫЙ МАТЕРИАЛ ПО ДЕЛУ АНАРХИСТОВ ПОДПОЛЬЯ

После акта в Леонтьевском переулке, как мы уже видели, шайка в 25—30 лиц устами своих коноводов — агентов штаба Махно — задорно восклицала: «Посмотрим, кто кого распорет!»

Сейчас же после «акта» за них взялась МЧК, и теперь уже не приходится говорить о том, кто кого распорол.

Главные вдохновители и организаторы контрреволюционеров разбираемого толка — Казимир Ковалевич и Петр Соболев — погибли при аресте. Оба они отстреливались из револьверов и бросили по бомбе. Наши товарищи из МЧК счастливо отделались лишь легкими поранениями.

Далее, на даче в Краскове, которая ими самими была взорвана, когда была оцеплена нашими, погибли: 1) Яша Глагзон, 2) Вася Азов (Азаров), 3) Митя Хорьков, 5) Захар (Хромой), 6) некто по имени Мина и 7) Таня (Дедикова). Находился на даче также Барановский, но успел уйти до взрыва и был арестован в засаде.

Расстреляны по постановлению МЧК 8 человек: 1) Гречаников, 2) Цинципер, 3) Барановский, 4) Домбровский, 5) Восходов, 6) Николаев, 7) Исаев и 8) Хлебныйский.

Первый акт совершен, за ним последуют сотни других актов — вещали воины черного знамени.

Теперь можно сказать, что МЧК ликвидировала их осиные гнезда не только в Москве, но и в провинции.

Следственный материал дает ясную картину о происхождении «честной» компании, организации и художествах. Многочисленные экспроприации в Москве и провинции, иначе говоря, ограбление народных денег советских учреждений,— самая обыкновенная уго-

ловщина. Любопытно, что все это проделывалось не без участия эсеров-максималистов [1] и левых эсеров. Меньшевик пришел им на подмогу в высококультурном их деле печатания прокламашек. А левый эсер Черепанов был одним из главных руководителей взрыва в Леонтьевском переулке, где прежде помещались ЦК и МК левых эсеров, благодаря чему Черепанову известны все ходы и выходы в этом доме [2].

Из сотни обещанных художеств очередное подготовлялось ко дню второй годовщины Советской власти *. Но к этому времени они уже погибли, «аки обры».

ПОКАЗАНИЯ МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ТЯМИНА

1.

Сегодня в четыре часа пополудни я был арестован по Большой Александровской ул.[3], в д. 22, куда я зашел к некоему Саше [4], где надеялся узнать адрес моего брата Афанасия. К Саше я пришел со своим знакомым Филей, которого я сегодня встретил случайно недалеко от Курского вокзала.

Адрес Саши указал мне еще в Харькове Володя Малютин, не называя фамилии Саши. Фамилии Фили я тоже не знаю. Из взятых моих документов признаю подложными: 1) Союза матросов и солдат г. Севастополя от 9 июня с. г. № 713, 2) Ячейки «ЕРО» от 18 июня с. г. за № 118, 3) удостоверение Союза матросов и солдат г. Севастополя и 4) членский билет № 786 Всероссийского профессионального союза коммерческих служащих и рабочих Московско-Курской, Нижегородской, Муромской и Окружной ж. д.

3 ноября 1919 года *Михаил Васильевич Тямин*

---

[1] Эсеры-максималисты — группа, выделившаяся в 1904 году из партии эсеров и образовавшая в 1906 году «Союз социалистов-революционеров максималистов». Настаивали на осуществлении эсеровской программы-максимум (отсюда название организации): одновременная социализация как земли, так и промышленности. Основными методами революционной борьбы считали индивидуальный террор и экспроприации. После победы Октябрьской революции входили в Советы, но отрицали диктатуру пролетариата, необходимость централизации управления экономикой и рабочий контроль. В 1918—1919 годах эсеры-максималисты принимали участие в организации антисоветских восстаний, забастовок, экспроприаций.

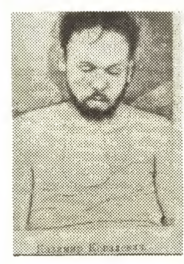
[2] Д. А. Черепанов был одним из руководителей мятежа левых эсеров в июле 1918 года в Москве. После разгрома мятежа скрылся. В 1919 году вступил в связь с анархистами подполья, получил от них деньги на подготовку террористического акта.

* См. Известия № 293 (845) от 28 декабря 1919 года, № 1 от 1 января 1920 года «О раскрытии заговора анархистов подполья» (отчет МЧК). [В этот день анархисты намеревались совершить взрывы на Красной площади и в других местах Москвы.]

[3] Ныне Б. Калитниковская улица.

[4] А. Г. Восходов.

Приехал в Москву из Харькова приблизительно два месяца назад. Приехал к брату найти заработок. По приезде я зашел прямо с вокзала на Арбат, 30. Этот адрес дал мне Бжостек в Харькове. На Арбате я встретился с Казимиром (Ковалевичем), с которым я был знаком с Харькова. Он мне устроил на Арбате свидание

Казимир Ковалевич

Петр Соболев

с моим братом Михаилом. Я ходил получить работу на бирже труда, но документов и аттестатов о прежней работе не имел и поэтому работы получить не мог. Тогда Ковалевич предложил мне работать в одной организации анархистов по связи с рабочими. Я вынужден был согласиться. Тогда он мне дал адреса рабочих, по которым я разносил даваемую мне литературу. Каждый раз Ковалевич мне давал удостоверение приблизительно такого содержания: «Окажите содействие. К. Ковалевич». В московскую организацию анархистов подполья входило всего приблизительно человек 20—25. Основание ее заложено Ковалевичем, приехавшим вместе с 20-ю другими (в этом числе были человек 12 латышей) с юга после того, как Махно разорвал с большевиками. Организация была построена таким образом: 1) литературная группа, в которую входили Ковалевич, Марков (он сейчас уехал, не знаю куда) и другие, имен которых не знаю; 2) боевая группа, в которую входили Соболев, Гречаников Михаил, Барановский, Петр (из Нижнего, фамилии не знаю)[1] и другие, имен которых не знаю;

[1] П. Шестеркин.

Дача в Краскове после взрыва

3) типография, в ней работали Хиля Цинципер, Митя (из Брянска, фамилии не знаю), Паша (из Союза молодежи, был арестован МЧК на съезде, фамилии его не знаю); 4) адские машины изготовлял Азов один на даче, там жила его женщина.

Литературная группа обслуживала статьями газету «Анархия», и члены ее писали листки. В задачи боевой группы входило устройство экспроприации (в Народном банке на Дмитровке, в Народном банке на Серпуховской площади[1]), организация и выполнение покушений (взрыв на Леонтьевском переулке Московского комитета РКП, участвовали в нем Соболев (руководитель), Барановский, Гречаников, еще трое, фамилий которых не знаю); организация покушений была поставлена очень конспира-

[1] Ныне Добрынинская площадь.

тивно, и во все время не знал, какие покушения они еще готовились предпринять, знал только, что они что-то готовят к Октябрьской годовщине, об этом они часто говорили.

Взрыв на Леонтьевском был ими решен внезапно по предложению одного левого эсера, который пришел на Арбат, 30, часа в 3 того же дня, в который произошел взрыв. Ковалевич мне передавал, что этот левый эсер тогда же и предложил устроить взрыв Московского комитета.

Вообще анархисты подполья имели тесную связь с организацией левых эсеров через Ковалевича. Этого эсера я узнаю, если мне его покажут. Боевики также разбрасывали литературу по улицам. Бомбы и материал для адских машин привозили из Брянска (Бежицы). Хозяйка квартиры на Арбате, 30, знала, что живут у нее анархисты, но об их работе она не знала ничего. Платил ей Ковалевич очень хорошо. Жил там одно время Вася Азов, затем с месяц тому назад переехал на дачу, жили Таня Дедикова и я. Меня о засаде предупредил Цинципер, тогда я стал ночевать у Натальи Ивановны Сыровеж, дом № 7 по Второй Мещанской ул. [1] Это моя тетка, человек совершенно непричастный к делу. Литературу я передавал только в три места: 1) в обозную мастерскую около Донского монастыря, Морозову (его вызывал в контору), 2) на Рогожскую станцию Курской ж. д. в склад товаров Степанову и 3) на Курский вокзал, [в] паровозное депо, Яковлеву (старик туда ходил вместе с Ковалевичем) вместо Дормидонтова, которого не было, уехал за хлебом. Расшифровка адресов № 1 была на особом листе. Адреса № 2 не знаю, иногородние. Ковалевич был особенно озабочен подысканием квартир и рабочих, могущих распространять литературу. Но почти везде он получал отказ. Из-за недостатка квартир они принуждены были переехать на дачи. Дачи были две, на одной была типография, на другой изготовляли адские машины. Может быть, и то и другое было на одной из дач. Лев Черный иногда заходил на Арбат. Он в организацию не входил и все время резко спорил с Ковалевичем, абсолютно отрицая методы, которые применяли анархисты подполья. Живет Лев Черный на Зацепе, дома и квартиры не знаю. Печати и бланки они хранят на даче. Билет партийный Рассказовской организации Ковалевич получил, как он рассказывал, от легальных анархистов. Шура в Рассказове — моя знакомая еще с Харькова. С ней не виделся года два, к анархистам она не имеет никакого отношения.

Михаил Тямин.

---

[1] Ныне улица Гиляровского.

Где находится Михаил Тямин, я не знаю. Он, если не ошибаюсь, обслуживает связи с рабочими.

Афанасий Тямин

Ввиду потери своего документа я взял часть документов брата и по ним жил. Часть же документов на Михаила Тямина мои личные, как-то: из штаба Бакинского военкома и др. Причина та, что не любил своего имени Афанасий и переименовал сам себя в Михаила.

Афанасий Тямин

Дополнительно показываю:

В 1-м Троицком переулке, в доме № 5, во дворе, 1-й этаж, живет Шурка-боевик. Кроме него может еще быть Дядя Ваня [1]. Брать надо осторожно, ибо возможно вооруженное сопротивление. Адрес этот я получил от Ковалевича на случай провала наших постоянных конспиративных квартир. Затем в доме Бахрушина на Тверской ул.[2], ход с переулка, часто собираются анархисты подполья. Там живет боевик Сашка под фамилией Розанов. К нему могут зайти и Барановский и Соболев. Типография, а может быть, и адские машины находятся на даче в Краскове по Казанской ж. д. Эту дачу дал подпольникам некто Педевич, служащий Продпути (у Ильинских ворот). Вероятно, на даче есть Таня (жила на Арбате, 30, 58), затем наборщики Паша, Митя, может быть, Соболев, Азов, Барановский. Прислуживает на даче девушка, которая не связана совершенно с подпольниками и находится лишь в услужении. Знаю еще, что Ковалевич, по его словам, был тесно связан с левым эсером Крушинским. Живет он на Арбате, в кв. Корневой бывал часто. Он высокого роста, плотный, волосы русые, борода окладистая, лет 36-ти.

Афанасий Тямин

2.

Тов. Манцев *, почему вы не хотите предоставить мне свободный проход через ворота комиссии, то есть дать мне пропуск? Вы

---

[1] Дядя Ваня, Батька, Ваня — анархист Л. Хлебиыйский. Настоящее имя — И. Л. Приходько.

[2] Ныне улица Горького.

* Тов. Манцев [3] — бывший председатель МЧК, который вел дело анархистов подполья.

[3] Манцев В. Н. (1889—1938) — советский государственный деятель. Член КПСС с 1906 года. Участник революции 1905—1907 годов, подвергался репрессиям царского правительства. В 1917—1918 годах — член Московского област-

опираетесь на тот факт, что несвоевременным моим освобождением я могу повредить самому себе, то есть дать некоторые основания к подозрению. Некоторым лицам из числа легальных анархистов и нелегальных левых эсеров — это далеко не так. Никакого подозрения у них возникнуть не может, и если бы я думал, что таковые подозрения возможны, то поверьте, что я не просил бы вас об освобождении. Второе ваше предположение, что меня могут видеть входящим или выходящим из здания ЧК, также маловероятно по той причине, что я буду сторожем в своих посещениях ЧК.

Третье ваше предположение, что своим посещением квартиры левого эсера я могу внести некоторое подозрение (тем более что узнать там что-либо определенное навряд ли удастся), весьма вероятно, и поэтому я до приезда Розанова нахожу необходимым от всяких посещений куда бы то ни было отказаться, так что все ваши предположения неосновательны. Но у вас, мне кажется, имеется еще одно, четвертое, предположение, которое менее всего вероятно, но которого вы, не знаю почему, не хотите высказать. Четвертое предположение то, что, пользуясь свободой, я могу предупредить левых эсеров и до приезда Розанова они могут скрыться. Вот это-то предположение для меня важнее всего. Для вас это предположение является ни более ни менее как тормозом к удовлетворению моей просьбы. Для меня же это гораздо больше: оно говорит мне о многом, оно показывает мне совершенно другие стороны в жизни людей, а в частности и в тех допросах, которым подвергаюсь я. Для вас — это «исполнение служебных обязанностей», формалистика, не более. Для меня это вскрывает совершенно иные области в жизни человека, показывает, до какой низкой степени опустился нравственный уровень человечества.

Становится больно, поймите же. Нестерпимо больно за незаслуженную пощечину. Больно за то, что, подходя к людям с чистыми чувствами, с чистой юношеской, наивной верой, ты замечаешь, что все эти искренние молодые порывы бессмысленно и жестоко забрасываются грязью, оскорбляются ни на чем не основанными

ного бюро ЦК партии большевиков. С сентября 1918 года работал в органах ВЧК. С декабря — заместитель председателя Московской ЧК (Ф. Э. Дзержинского), заведующий ее следственным отделом. С конца 1919 года — начальник Центрального управления чрезвычайных комиссий (ЦУПЧРЕЗКОМ) при СНК Украины. С июля 1920 года — член коллегии ВЧК, с августа — начальник особых отделов Юго-Западного и Южного фронтов, начальник тыла Южного фронта. В 1921—1923 годах — председатель Всеукраинской ЧК, председатель ГПУ Украины. Одновременно с марта 1922 года — нарком внутренних дел УССР. С августа 1923 года — член коллегии Наркомата РКИ. С октября 1923 года — член коллегии ГПУ. Член ЦИК СССР. Незаконно репрессирован в 1939 году, реабилитирован.

подозрениями и отсутствием доверия там, где оно должно быть. Для вас все мои показания ни более ни менее как «шкурный вопрос», для меня они вызваны не жаждой жизни, а сознанием всей важности переживаемого революционного момента и жаждой революционной творческой работы. Вы, наверное, поставите себе вопрос: где же было мое сознание в тот момент, когда я работал с ними? Оно было со мной, и работа с ними была вызвана желанием что-нибудь делать. Несмотря на те глубокие разногласия, которые существовали у меня с их методами борьбы, я все-таки работал потому, что не мог отдаться спокойному созерцанию борьбы двух миров: мира отжившего, мира кровавой вакханалии и опричнины, и мира нарождающегося, мира свободной яркой мечты действительности, мира социалистического. Тем более что в их действиях я не видел ничего контрреволюционного, за исключением «акта», которого ни я, ни они впоследствии не оправдывали. И, если не ошибаюсь, я уже писал вам о тех некоторых порывах, с доносом на имя которых у меня не один раз появлялись. С доносом не для того, конечно, чтобы их расстреляли, а для того, чтобы на время гражданской войны их изолировали от общества. Ибо они все-таки были революционеры, они будировали мысль общества, они не давали массам уснуть, отдаться апатии, и каждым своим словом (листовкой) они пробуждали, толкали вперед человеческую мысль. Здесь нет места контрреволюции. Ведь для каждого сознательного человека ясно, что в общем итоге их листки ничего не давали массам и все их призывы и лозунги были не более как разгоряченным бредом их фантазии. Ведь они видели индифферентность масс, они больше, чем кто-либо, не верили в возможность восстания, им больше удовольствия доставляло (как они выражались) «бесить большевиков», чувствовать, что они неуловимы, что даже ВЧК не знает ничего об их местопребывании.

Но, тов. Манцев, они ли виноваты в том, что им пришлось сталкиваться и жить в условиях, толкнувших их на этот путь, на путь бессмысленного и бессильного возмущения против действий большевиков? Виноваты ли они, что среди членов РКП(б) есть люди, занимающие ответственные посты, далеко не революционеры, которые своими действиями толкают всех честных людей или вправо, или влево, или к пошлой обыденной жизни мещан. Для революционера путь один — влево, и они пошли. До этого большинство из них работало рука об руку с большевиками. Вы спросите, почему они ушли от партии, видя в ней людей далеко не революционных; трудно сказать, но мне кажется, потому, что люди они все с горячими темпераментами, не привыкшие ни к каким критическим анализам, привыкшие в действиях одного видеть действие всех. И отчасти потому, что были оторваны от внутренней организации и жизни ваших учреждений. Видите ли, прочитав данные

вами мне журналы «Красный пахарь»[1], я совершенно другую картину увидел, я знал, что, несмотря на все трудности переживаемого момента гражданской войны, партией большевиков очень много сделано в смысле организации народного хозяйства и правильной постановки советских учреждений; те факты дали мне гораздо больше, нежели какая-либо агитация. Из них я узнал, что партия большевиков многое сделала, что она взяла довольно правильный путь к достижению намеченной цели. И в этот день я ясно и определенно поставил себе вопрос: революция или контрреволюция, прогресс или регресс действия большевиков? И ответил: революция. А если так, то всякие другие действия, каким бы именем они ни прикрывались, под каким бы флагом идеи они ни проходили, есть преступление по отношению к революции. И вот тут-то, сидя в руках с «Красным пахарем», я сказал себе: я с революцией, с партией большевиков за укрепление завоеваний и за организацию экономической жизни страны. В организационном смысле трудовой народ в лице РКП найдет незаменимого честного работника в моем лице.

Потом столкнулся я с жизнью. Увидел Брянскую ЧК, Тульскую, и стало больно: везде видишь не революционеров дела, а жалких карьеристов, которым свое положение в партии важнее всякого дела, а в Брянской ТЧК [2] находятся люди, не только ничего общего не имеющие с революцией, а даже и не знакомые с целями и путями революции, просто хулиганы.

И вот когда видишь, что сильные, смелые люди, способные на высокие поступки и сильные переживания, идут по неправильному пути в своих чувствах и стремлениях, желающие и стремящиеся к полному торжеству революции, но в своих действиях бессознательно способствуют гибели революции и торжеству темной реакции, как неудержимо хочется крикнуть им: «Остановитесь, безумцы! Что вы делаете? Одумайтесь!»

Да, больно видеть такой факт и еще больнее, почти невозможно примириться с таковым явлением. Но вдвойне больнее уничтожать таких людей или видеть их геройскую, но бессмысленную смерть от рук революционеров. И способствовать, помогать этому ничто не в силах заставить, всякие шкурные интересы отпадают сами собой. И только вернувшееся сознание, только желание торжества революции, только сознание своих ложных путей, по которым следовали мы, заставляет исправить свою ошибку и показать точно, как все дело протекало. Показать не для того, чтобы вы всех

---

[1] «Красный пахарь»— иллюстрированный журнал. Издание Народного комиссариата земледелия. Издавался в мае 1919 — сентябре 1920 гг. Вышло 10 номеров.

[2] Транспортная ЧК.

расстреляли, а для того, чтобы выяснить те пути, то заблуждение, по которому шла организация. И поставить перед вами, революционерами, вопрос: за что погибли одни и держатся другие под арестом? За контрреволюцию? Ее не было. За преступление? Его тоже не было. Было заблуждение, была ошибка, была оторванность от жизни и работы партии большевиков. Судите же за ошибки, за заблуждение, не приписывая им контрреволюционных дел. Для них революция была так же дорога, как и вам. Все мысли их были вечно заняты борьбой за революцию, за счастье народа. Даже и сейчас, возможно, перед своей смертью они останутся честными революционерами. Они вам не дадут честного слова, которого они бы не исполнили, ибо это идет вразрез с их человеческими убеждениями, даже ценой своей жизни они не продадут честного слова. Но, судя их за ошибки, не забудьте, тов. Манцев, принять во внимание то, что эти ошибки порождены вами же или, вернее, условиями: «акт» был также порождением провокационных сведений, будто бы должен был обсуждаться вопрос о репрессивных мерах по отношению к рабочим и о введении в Москве осадного положения. Вся работа была сплошным заблуждением, но... однако, я немного отвлекся, простите.

Так вот, тов. Манцев, обидно, когда приходится быть одураченным, когда на тебя смотрят, как на дойную корову, которую под каким-то страхом думают использовать, выдоить у тебя необходимые им сведения. И совершенно не верят, что все эти сведения даются не благодаря давлению замка, под которым находишься, а под влиянием иных впечатлений и той веры, с которой относишься к людям. Хорошо: я вам дам необходимые сведения. Но если вы боитесь открыть свои ворота для свободного хождения, то я верю, что на 3—5 дней вы меня отпустите из комиссии под честное слово, что я не убегу и никого из работников левых эсеров посещать не буду. Если вы мне верите, то я надеюсь в пятницу, 28 ноября, быть свободным до определенного вами срока.

Мне необходимо получить белье, сходить в баню, все эти дни я буду находиться у своей тетки.

Вот все, что я могу предложить вам. С приветом NN.

Могу сделать и еще одно предложение. Пусть оно не покажется вам ужасным или бессмысленным. Оно заключается в следующем:

Отпустите некоторых арестованных на свободу под честное их слово, что они будут работать с вами. Пусть не агитация, а сами факты, сами действия говорят за вас. Агитация не достигает цели, она слаба, между тем как действия дают многое.

Что вам или революции в смерти или в уничтожении каких-нибудь 6—8 человек, заблудившихся революционеров или не знающих еще жизни молодых голов? Ничто! Что достигнете вы расстрелом этих 6—8 человек? Уничтожите опасность? Ее и так

не будет, если они дадут слово. Удовлетворите чувство мести за «акт»? Но ведь они раньше ареста раскаялись в своем поступке. Это была, правда, тяжелая, но смелая ошибка — ошибка революционеров по отношению к революционерам. Здесь не должно быть чувства мести за экспроприацию. Ведь все те деньги шли на работу для революции. Пусть это заблуждение, но они же так думали, они этим жили. Я вам указывал на факт с Соболевым, когда он из несколько сот тысячной суммы пожалел отдать за штаны 1000 рублей, которые ему были необходимы. Да неужели же эти несчастные деньги должны иметь какую-либо цену для революции? Неужели они дороже той работы, которую могут сделать эти люди, будучи освобождены? Вы поймите же, какое громадное моральное значение будет иметь этот акт освобождения в глазах рабочих, красноармейцев и тех же махновцев, ведь всякий расстрел кого бы то ни было действует разлагающим образом. А расстрел революционеров или рабочих тем более. Вы соприкоснитесь с массой красноармейцев или рабочих, и вы увидите, какой нездоровый для революции след оставляет весть о расстрелах — в их ушах, в их чувствах — и, наоборот, какой здоровой струей входит в их сердце весть о помиловании (как наблюдалось, например, при помиловании Миронова [1]). Так что уничтожение 6—8 человек не достигнет цели и для революции, для ее торжества ничего не даст, кроме лишних бессмысленных кровавых страниц, вписанных в историю великой революционной борьбы пролетариата, да антиморального разложения в массе рабочих и красноармейцев. Между тем как сохранение их жизней, предоставление им свободы внесет здоровый, оздоровляющий дух в среду трудящихся, послужит наилучшей агитацией для всех людей. И для революции даст незаменимый честный и необходимый ей революционно-творческий элемент. Такие работники, тов. Манцев, в нашем поколении исчисляются десятками, может быть, они нужны революции, они полезны ей, они ведут ее к полному торжеству. Незаменимы они будут и как «боевики», и как здоровый честный элемент, как «организаторы» экономической жизни и как работники в тылу неприятеля и на фронте. Дайте некоторым из них организацию какой-либо отрасли нашей жизни, и вы будете поражены теми результатами их работы — все это творческий элемент.

[1] В августе 1919 года командир формировавшегося Донского казачьего кавалерийского корпуса Ф. К. Миронов отказался выполнить приказ РВС Республики и вопреки запрещению командования направил подчиненные ему части на фронт для борьбы с белогвардейцами. Войска Миронова были окружены и разоружены, а он сам в октябре был приговорен Ревтрибуналом к расстрелу. ВЦИК, учитывая боевые заслуги Миронова, помиловал его. Вскоре обвинение в контрреволюционном мятеже было снято с Миронова. В сентябре — декабре 1920 года он командовал 2-й Конной армией. В 1921 году на основании ложных обвинений Миронов был арестован. Скончался во время следствия. Впоследствии реабилитирован.

Итак, их освобождением вы получите незаменимых работников, революция получит новых борцов этим актом освобождения, вы вернете их на правильный путь, по которому первое время они шли; сохраните несколько молодых жизней, внесете здоровую струю в фабрично-заводскую и казарменную и фронтовую жизнь, не говоря о махновцах, которым этот акт даст новую мысль, новое понятие о партии большевиков.

Дать честное слово и не исполнить его они не могут. Но даже если и так, если даже они не пойдут по новому пути, а пойдут по старому, то у вас будет всегда иметься возможность арестовать их. Все сведения об их планах, работе и местопребывании вами будут получаться. Но это не может случиться, им смерть не страшна, и ценою честного слова они не купят жизни, если остались при своих взглядах.

Самый революционно-творческий элемент: М. Гречаников, Цинципер, Барановский, Восходов, Петя [1]. Эти пять человек для революции будут стоить дороже сотни революционных карьеристов. А Деникину обойдутся в несколько десятков взрывов и убийств золотопогонников.

3. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Февральская революция застает меня за работой в типографии «Печатник» и впервые пробуждает меня к жизни (до этого я был занят всецело сам собой, самообразованием). Все свободное время, начиная с первых дней революции, было отдано на организацию рабочих клубов, библиотек и т. д. вплоть до Октябрьской революции, когда я бросил работу и пошел на фронт, на борьбу с юнкерами на Дону. Одно время работал с Антоновым в полевой контрразведке, потом перешел в отряд Петрова, с которым работал вплоть до июля 1918 года, когда я был арестован в Баку англичанами и впоследствии расстрелян. В это-то время своих молодых, безудержных порывов я и познакомился со многими анархистами и левыми эсерами, которых в то время особенно было много на всех фронтах, в том числе и в штабе Антонова и в штабе Петрова.

Уезжая из Баку с тремя из сотрудников Петрова (анархистами), мы думали пробраться на Украину и вести борьбу с гетманом. Проездом через Брянск остановились временно там в надежде получить кой-какие связи с Украиной. Ввиду отсутствия знакомств остановились в федерации, и, когда произошла в Брянске трагикомедия, названная восстанием против Советской власти [2], мы,

---

[1] П. Шестеркин.

[2] «Трагикомедией» Тямин называет организованное левыми эсерами и меньшевиками контрреволюционное восстание красноармейцев гарнизона и кулацких

как жившие в федерации, были задержаны и арестованы. Просидев 2 месяца, мы по суду были оправданы и освобождены, после чего я направился на станцию Зерново, где находился тов. Борисов, и был откомандирован им на Украину по организации восстаний и террора, где я работал в этом направлении вплоть до декабря 1918 года, после чего я приехал в Глухов и работал в отделе народного образования и вел организацию по селам библиотек, театров и т. д. вплоть до февраля 1919 года. После чего я почувствовал себя уставшим и поехал к родным в Харьков, где поступил в типографию ПОЮР [1] и работал вплоть до прихода Деникина в Харьков, не ведя никакой политической и культурно-просветительной работы, за исключением выступлений на сценах при рабочих клубах и Народном доме. Не желая оставаться в Харькове при Деникине и не имея возможности выехать из него, я принял предложение Ковалевича (который незадолго до этого прибыл в Харьков) ехать с ним до Киева.

В Киев попасть нам не удалось, и мы окружным путем через Смоленск попали в Москву. Знакомств никаких не было, работы найти не удавалось. Моя попытка работать в «Цекультуре» [2] потерпела фиаско, потому что на бирже труда от меня потребовали аттестат (о моей прежней работе), которого у меня не было. Время от времени Ковалевич снабжал меня финансами, потом предложил походить по рабочим, узнать их мнение, потом давал поручения, письма к своим знакомым, в смысле подыскания комнат, типографий для печатания листков и т. п., потом... потом арест. Что будет потом — не знаю. Но теперь моя физиономия для вас ясна, и я предлагаю освободить меня, ибо я прямо и честно говорю, что я желаю работать с вами, говорю это не потому, что мне важно освобождение, а потому, что хочу работать.

4. ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО К АНАРХИСТАМ ПОДПОЛЬЯ ВСЕХ ГОРОДОВ РОССИИ

Дорогие друзья!

Позволяю себе обратиться к вам с настоящим письмом. С тем, чтобы пробудить в вас задавленное вашими чувствами возмущения сознание — сознание искренних людей, стремящихся к полно-

банд в Брянске 12—15 марта 1919 года — в один из наиболее тяжелых моментов гражданской войны, связанный с началом наступления Колчака. В восстании участвовало 5 тысяч солдат 34-го и 35-го полков. На подавление мятежа пришлось направить войска ВЧК и части Красной Армии.

[1] Типография «Товарищества потребительских обществ Юга России».

[2] По-видимому, в Центральном комитете Всероссийского союза работников просвещения и социалистической культуры.

му торжеству революции. Ошибочно, конечно, говорить, что вы работаете на средства Деникина, ибо я знаю вас, так же как и вы меня, и знаю, что многими из вас руководят чистые искренние порывы возмущения против некоторых действий (не власти и не партии, а некоторых лиц, стоящих у власти и состоящих членами РКП (большевиков).

Но, друзья, в семье не без урода, это вы знаете и по составу своих федераций. Для того чтобы искоренить все позорные явления и действия некоторых партийных работников, для этого не нужно слишком далеко отходить от жизни и деятельности партии, не нужно закрывать глаза на те условия, в которых приходится вести работу коммунистической партии, а нужно войти в ряды партии и всеми силами противодействовать разложению партии. Прав был тов. Рощин [1], говоря: «Почему вы не работаете с большевиками? Если бы вы работали с ними, мы бы перевернули весь мир». И действительно, приходится сожалеть, что такие люди, полные силы, энергии и храбрости,— люди, которые во все века числились десятками, гибнут бесцельно, загораясь своими искренними, но ошибочными чувствами возмущения, отбрасывая в сторону всякие критические, здоровые размышления, не желая сознать ошибочности своих чувств и своих действий; нет ошибки в том, что своими действиями вы играли на руку Деникина. Вы шли с ним за контрреволюцию, против народных завоеваний. Пусть нет по-вашему революции, нет свободы, но есть народные завоевания, есть улучшения народного быта в областях политических и экономических; пусть нет революции, но мы неуклонно идем в царство социализма, правда, медленно, но все же идем; правда, вы не замечаете этих частичных улучшений, ибо вы оторваны от жизни, от массы; правда, вы не замечаете революции, так же как не замечал ее и я, работая с вами. Но мы были оторваны от революции, мы избрали неправильный путь для борьбы. Мы взяли на себя задачу защиты угнетенного, на наш взгляд, рабочего, но мы ошиблись. Большего счастья при современной разрухе, которая вызвана войной, дать невозможно. Ни вы, ни сам народ, пока есть фронты, не могут добиться лучшего существования, ибо разрушено производство, все силы, способные поднять его, отданы фронту,

[1] Гроссман И. С. (псевдоним — Рощин) — один из видных теоретиков анархо-синдикализма в России. Считая Октябрьскую революцию воплощением идеалов анархизма, а Советы — «шагом вперед к анархии во всемирном масштабе», призывал к сотрудничеству в тактических целях с Советской властью, с партией большевиков, к борьбе против белогвардейцев и интервентов. В статье «Октябрьская революция и тактика анархо-синдикалистов» писал: «Именно анархисты должны всеми силами, всеми помыслами защищать Советы, быть вместе с большевиками, героическими защитниками этой идеи во всемирном масштабе.. » (Голос труда. 1919. Декабрь. № 1. С. 6). Пытался примирить ленинизм с бакунизмом. В середине 20-х годов отошел от анархизма, заявил о переходе на позиции марксизма.

существует блокада и проч. и проч. и проч. Все это исчезнет с прекращением войны, и все-таки, несмотря на все эти дефекты, несмотря на неудачные условия, в которых приходится вести строительство новой жизни, несмотря на многие ошибки, все-таки многое сделано в смысле организации политической и экономической жизни страны. Ошибочно думать, конечно, что партия большевиков творит жизнь страны; нет, творит ее сам народ непосредственно. Партия большевиков является ни более ни менее как руководительница, как чертежник, дающий народу определенный план. Народ же проводит этот план в жизнь. Здесь нет власти, здесь опыт, знание, все, что хотите, но не власть. Что же касается политической жизни страны, здесь, да, есть власть, но эта власть — временная власть, на время революции, на время гражданской войны. По окончании войны она сама по себе сойдет на нет, сама изживет себя, ибо будет бесполезной. А в данный момент, в момент, когда вся контрреволюционная свора опричников хватает за горло, хочет задушить революцию,— в этот момент каждый здравомыслящий человек скажет: «Да, власть необходима»,— и множество фактов подтверждают необходимость власти во время революции; кто не слеп, тот в этом сознается. Я не взял на себя задачи сагитировать вас, нет, я поставил себе скромную цель сказать вам, что мы все заблуждались, что анархия хороша — это факт, но что она придет не через индивидуальные бунты, восстания и терроры, а через эволюцию умов, через революцию интеллекта человека — это тоже факт.

Я хочу сказать: друзья, возьмите свои чувства в руки, оставьте всякие попытки к восстанию, ибо это грозит всем завоеваниям революции. Я знаю, что тяжело видеть задавленного человека, но его задавили условия, а не партия. Ведь мы сами говорили, что, переменив условия, переменится и человек, но в том-то и дело: переменить условия жизни в данный момент бессильны кто бы то ни был — ни партия, ни народ, ни анархисты, ибо весь творческий элемент на фронте, весь народ там. Оставить фронт — значит, подписать себе и завоеваниям смертный приговор. Возможно, я заблуждаюсь, не знаю, но кто думает иначе, кто верит, что анархия придет не благодаря эволюции умов и культурно-просветительной работе, а через восстания, пусть выступит на страницах этой газеты в дискуссионном порядке, не подписывая своей фамилии. Безразлично, легальные ли анархисты или подпольники всевозможных городов России, я знаю, что во мне ошибки быть не может, ибо много материала видел я по организации жизни рабочего класса. Многое уже в жизни, многое проводится, а еще больше проведется, когда кончится война. Медлительность проведения в жизнь улучшений жизни страны объясняется не индифферентностью партии, а условиями гражданской войны.

Я верю, друзья, в проблеск вашего сознания, я верю, что вы поймете ложность выбранного вами пути, ибо наше заблуждение стоило жизни К. Ковалевичу, Соболеву, В. Азарову и многим другим. Вам известны эти лица, эти наивные дети, готовые для революции отдать свои жизни. За что погибли они? За то, что они жили искренними чувствами. Их сознание было поглощено чувствами. Но чувства хоть и искренние, но большинство ошибочны.

Я знаю, что представлял из себя Соболев, человек безумной храбрости, способный сам индивидуально перевернуть многое. Вся работа его была направлена на торжество революции. Бескорыстная натура. Имел в своем распоряжении сотни тысяч, и когда у него порвались солдатские штаны, он пошел на Сухаревку [1], желая купить другие. И когда он узнал, что цена штанам от 1000 до 1500 рублей, ему стало жаль денег, и он не купил; так и умер в старых, грязных, солдатских штанах. Человек, выбрасывающий для работы, не задумываясь, десятки и сотни тысяч, пожалел 1000 рублей на покупку штанов, и такие-то люди гибнут жертвой своего заблуждения, которые не видели выхода, но могли узнать, где же действительно торжество революции, торжество завоеваний рабочего класса. За что погибли? За заблуждение. Зачем оно? Одумайтесь!

С товарищеским приветом *Миша Т.*

5.

Вы просите песен, их нет у меня, но что знаю о жизни и деятельности организации, я сообщу, основываясь на личном наблюдении и на тех сведениях, которые слышал от К. Ковалевича.

Начало этой организации положил, по сведениям Ковалевича, некто Бжостек, выпустив 1-ю листовку к 1 мая. Потом недостаток средств и людей заставил на время прекратить работу, уехать на Украину, найти средства и людей для работы; там он и затерялся, не найдя ни средств, ни людей. После долгого ожидания, приблизительно двух месяцев, Ковалевич поехал вслед за ним на Украину, с тем чтобы разыскать его. Доехал он до Харькова, Бжостека там не нашел, дальше ехать не захотел и остался в Харькове. Когда Деникин стал подходить к Харькову, он, получив от какой-то группы средства и подобрав себе публику (латышей часть), выехал с ней из Харькова. По приезде в Москву Ковалевич взялся за установление связи с рабочими, а остальная публика села в ожидании у моря погоды. Когда средства стали подходить к концу, они решили их пополнить и взяли (первое их дело в Москве), если

[1] Сухаревка — один из самых больших рынков Москвы, находился на Сухаревской площади (ныне Большая и Малая Колхозные площади).

не ошибаюсь, в отделении народного банка на Серпуховской площади. Второе дело — я не знаю, где они брали; третье — народный банк, Большая Дмитровка. После чего все латыши из Москвы уехали. В Москве осталась незначительная группа под руководством П. Соболева, которая незадолго до ареста сделала еще где-то экспроприацию. Потом они куда-то уезжали. Когда они вернулись, я не знаю, ибо вплоть до своего ареста я их ни разу не видел. За все время своего нахождения в Москве они выпустили следующие листки:

1) «Правда о махновщине», 2) «Где выход», 3) «Извещение», 4) «Декларация», 5) № 1 газеты «Анархия», 6) «Медлить нельзя» и 7) № 2 газеты в следующем количестве; 1) количества не знаю, 2) 15 000, 3) не знаю, 4) не знаю, 5) не знаю, 6) 3000 и 7) приблизительно 3000, причем печатались они в следующих местах: 1) и 2) — через Молчанова, который по просьбе Ковалевича нашел типографию; 3), 4), 5) и 7) — в подпольной типографии и 6) — в одной типографии, которую по просьбе Ковалевича нашел некто Мухин. Взрыву в Леонтьевском пер. предшествовали следующие обстоятельства. В тот же день в 3 часа, по рассказу Ковалевича, явился на Арбат один левый эсер [1], который сказал якобы, что вечером состоится собрание комитета РКП(б), на котором будут все видные представители партии и будут обсуждать вопрос о введении в Москве осадного положения и о борьбе с анархистами подполья, о которых комитет якобы имел уже некоторые сведения, об ее работе, об ее количестве. В тот же день вечером акт был сделан. Кто принимал в нем участие, точно не знаю, но знаю, что там были Соболев, Барановский, Миша Гречаников; кто бросил бомбу, не знаю, но факт тот, что дело, сделанное под влиянием чувств, им самим не доставило никакого удовлетворения, они сами испугались своего акта, когда узнали, что большинство погибших там рабочих. Чем и можно объяснить тот факт, что «Извещение», выпущенное после акта, было подписано не организацией, а каким-то несуществующим повстанческим комитетом. По всему вероятию, и они боялись взять на себя ответственность за дело, которое впоследствии они же сами ничем не могли оправдать и не оправдывали, и если впоследствии они опять кричали в своей газете о том, что сделали они, то я лично думаю, что это вызвано не сознанием самого акта, а скорее их упрямством, их нежеланием сознаться в своей ошибке, короче, желанием остаться правыми в своих действиях. Вот все, что можно сообщить о жизни и деятельности организации анархистов подполья.

Что касается отношения большинства членов этой организации к большевикам, то оно было отрицательным потому, что, по

---

[1] Д. А. Черепанов.

их мнению, в партию вошло много элементов, ничего общего не имеющих с рабочим классом и с революцией.

Отношение к тов. Ленину и Луначарскому было самое хорошее. Несколько раз некоторые из них высказывались, что, если бы им предоставилась возможность без всякого риска убить Ленина, они бы его не убили потому, что уважали его как революционера.

Приблизительно в апреле месяце некто Бжостек, которого я не знаю, приехал в Харьков на розыски Василия Соболева и на подыскание надежной публики на взятие в Москве в каком-то учреждении 40 миллионов. Соболева он не нашел в Харькове и поехал дальше в царство махновщины — в Гуляй Поле. Встретил он там Марусю Никифорову и остался там, не найдя ни публики, ни Соболева. После отстранения Махно от должности «комдива» части анархистов приехали в Харьков, где в это время был уже и Ковалевич, который приехал в поисках Бжостека. После расстрела штаба Махно приехавшая публика, которая работала у Махно, возмутившись актом расстрела, решила отомстить за смерть махновцев смертью лиц, принимавших участие в вынесении приговора о расстреле: Пятакова, Раковского и др. Но страсти остыли, и решено было начать бить по центру, то есть Москве, откуда якобы исходит все зло.

Этот план поддержал Ковалевич, который давно мечтал о поднятии массового движения рабочих против комиссаров за октябрьские завоевания, безвластные советы и конфедерацию труда. На этом плане они и столковались, начался подбор людей; к этому времени приехал Соболев, который, также согласившись с этим планом, предложил для работы группу латышей приблизительно 18 человек, потом было подобрано человек 6—7 русских, но средств не было, и вот через Соболева были взяты у одной группы средства в размере 300 000 рублей.

Итак, публика сговорилась, подбор сделали, средства достали и, веря в свои силы, двинулись в путь, разбившись на две группы.

Начало сделано. Ковалевич, опоздав на поезд, остался в Харькове. При наступлении Деникина на Харьков ему удалось выехать совместно с еще одним человеком и со мной. По приезде в Москву оказалось, что публика еще не приехала. Но Ковалевич не унывал, он начал подыскивать квартиры, завязывать связи с рабочими и вскоре написал первую листовку — «Правда о махновщине», которую и отпечатал через посредство своего старого знакомого некоего М.[1] (меньшевика) в размере 10 000 за 15 000 рублей.

Итак, фундамент был заложен. Приехавшая публика ничего не делала в ожидании возвращения Бжостека и взятия 40 миллионов. Но «барина все нету, барин все не едет», средства пришли

[1] М. С. Молчанов.

к концу. Начали понемногу шевелиться, выходить на разведку и в один прекрасный день взяли отделение народного банка по Серпуховской площади, если не ошибаюсь, на 800 000 рублей, после чего последовала вторая листовка «Где выход» через ту же типографию в количестве 15 000 за 22 500 рублей; потом взяли, если не ошибаюсь, отд. банка на Таганской площади, в каком размере — не знаю. Потом отделение народного банка на Дмитровке, кажется, 800 000 рублей. После чего латыши уехали в Латвию, забрав большую часть средств с собой; оставшаяся публика подыскала дачу, нашла (через чьи руки, не знаю) где-то шрифт и станок для печатания, устроилась на даче и отпечатала свою декларацию, количество не знаю.

Дальше вам известно из предыдущей записки.

6. ХАРАКТЕРИСТИКА М. ТЯМИНА

Любимец матери, рожден в 1895 году, учился в Москве в 1-м Андроньевском училище. Окончил 3 класса со свидетельством, с большой жаждой учиться и весьма способный. Но нужда заставила отказаться от учения и бросила с ранних лет в работу. В Харькове поступил в переплетную в учение на 3 года; проработав около года, он уже считался мастером, получил оклад мастера и этим поддерживал семью в 5 человек, не считая отца, который служил дворником.

Стремление к знанию заставляло его все свое свободное от работы время, все праздники отдавать на изучение дома разных наук, как-то: арифметика, алгебра, история, литература и т. д., в дальнейшем посещал Харьковские рабочие курсы, вечерние, где отдался изучению всеобщей истории, геометрии, алгебры, французского и немецкого языков. Тут же впервые ознакомился с социализмом и познакомился с некоторыми работниками РКП(б), в том числе и с Погодиным. В 1916 году принимал участие в распространении прокламации против войны и устройстве стачек в своем предприятии, во время революции работал в мастерской и свободное время уделял организации рабочих клубов и библиотек и вообще все время вел мирную, кропотливую культурно-просветительную работу, где только находил возможным.

Последнее время по приходе Деникина в Харьков был хозяином предприятия Шептелевичем рассчитан, как неспокойный парень, остался без работы, другого места найти не мог и приехал в Москву. Но и Москва встретила его недружелюбно, думал он устроиться в каком-нибудь учреждении, но это оказалось ему не под силу. Совершенно случайно встретился с товарищами по Харькову, а потом со мной; одно время ходил на курсы по подготовке рабо-

чих и крестьян в высшие учебные заведения, потом записался к Шанявскому [1] и посещал его.

Все время пребывания своего в Москве он мыслью уносился туда, к матери, на юг. Но недостаток в нашем распоряжении средств не дал ему возможности выехать отсюда. Отношение его к организации ни более ни менее как случайное знакомство с членами организации, Казимиром Ковалевичем, с которым он познакомился через меня, потому что Казимир Ковалевич заходил иногда ко мне на квартиру, где был и он. Жил он по фиктивному документу, который достал для него Казимир Ковалевич по предложению Казимира Ковалевича и моему; основанием было то, что в случае моего ареста чтобы он остался нетронутым, как совершенно частное лицо. Убеждения его чисто толстовского свойства, но индивидуального. За все время своего существования он ни разу не держал револьвера в руках и не знал, как с ним обращаться.

Верить в восстание как в спасительную силу он предоставлял глупцам; сам же везде и всегда говорил, что человечество придет к счастью только благодаря эволюции умов и что революция, наоборот, пробуждает в человеке зверские инстинкты, чем и приближает человечество скорее к первобытному, дикому состоянию, нежели к царству социализма. Вообще у него осталось нечто отцовское, который был толстовцем и за все время своего 49-летнего существования ни разу не мог зарезать курицу, боялся крови и предоставлял это занятие матери. Этим, пожалуй, все сказано о нем, и чуткие люди, мне кажется, вполне удовлетворятся этой характеристикой и не будут копаться в его душе и искать каких-либо дополнений всего характера или каких-либо отношений к организации, с которой он положительно ничего общего не имел. Копание в его душе ему доставит только страдания и неприятность, а человеку, решившемуся на это копание, ничего не даст.

Я верю, что это не случится. Дополнений дать он не может.

7. МОЯ ПРОСЬБА

Все, что вам необходимо знать о Заваляеве, я вам скажу. Но прошу оставить его в покое, ибо я его слишком люблю. Нового он вам сообщить ничего не может, все, что он знал, он мне рассказывал, все, что я вчера сообщил вам, это было взято от него и отчасти из моих личных наблюдений и бесед с Казимиром Ковалевичем. Относительно его фамилии: пусть он сочтется для всех

[1] Московский городской народный университет им. А. Л. Шанявского — неофициальное учебное заведение для лиц, не имевших законченного среднего или высшего образования.

Заваляевым, а для вас и меня — моим братом. Не копайтесь в его душе; вы чуткий человек, вы должны понять, как тяжело для него такое положение, в котором он является ни более ни менее как козлом отпущения чужих преступлений; он задержан только потому, что был знаком с Ковалевичем, и только.

Да, я не отрицаю, что он анархист, но он анархист толстовского толку. Вреда от него не может быть никакого. Я его знаю лучше вас, я знаю, что за все время он мухи не обидел, он ни разу не держал револьвер в руках, ибо слишком далек от этого, он все время не верил и порицал метод борьбы, принимаемый подпольниками. Вы рабочий-революционер, вы чуткий, вы поймете, как тяжело ему было расстаться с матерью, оставив ее на руках 13-летнего брата. Поиски куска хлеба погнали его в Москву. Здесь он все время имел чисто личную связь с Ковалевичем, ибо кроме у него не было тут знакомых.

Тов., я прошу вас, если вам нужны жизнь или кровь невинного человека, возьмите мою, но отпустите его, а еще лучше, дайте возможность уехать ему к матери в Харьков. Я даю вам честное слово старого работника коммуниста, что он в подобную историю больше не впадет. Отпустите его, вы рабочий, мы тоже рабочие, вам понятно чувство сына к матери. Сообщить он никому не может ничего, предупредить тоже, ибо адресов никаких он не знает, нового ничего сообщить не может, все, что он знает, знаю и я; зачем он вам? Я остаюсь тут, я не верю в свое спасение; вам как личности я верю и уважаю вас, но вам как определенному учреждению я плохо верю. И все-таки, несмотря на то, я сказал вам все, я всеми силами старался помочь вам скорей ликвидировать это дело. Все, что у меня было, я сообщил. Какие нужно будет дополнения, я скажу. Адреса, которые у меня имелись, я передал. Я, говоря все, исходил отнюдь не из желания спасти себя, ибо я знаю, что если меня не расстреляют, то мне дадут несколько лет тюрьмы, что равносильно смерти, ибо я страшно слаб. Говоря все, я исходил из того, что считаю всю деятельность этой организации вредной для революции и для народа. Для меня для самого важно вырвать с корнем эту язву. Ибо я знаю, что за люди находятся там. У меня еще в первые дни приезда являлось такое желание, но отчасти боялся их мести, отчасти боялся, что меня начнут таскать на допросы как, что, откуда, и т. д.— ЧК. Я даю честное слово: несмотря, будут ли меня караулить или нет, я не уйду до тех пор, пока все главари не будут арестованы. Если будет нужно, я сам лично с помощью ваших сотрудников возьмусь за розыск. Возможно, нам удастся еще найти связь с левыми эсерами. Но одно прошу, отправьте Заваляева к матери. А мне дайте какую-либо работу при своем учреждении. Или кончайте, меньше агонии.

Уважающий вас (подпись).

8.

В июне месяце с. г., проезжая мимо Тулы из Бердянска в Москву, три товарища — Николай Бельцев, Григорий Кремер и Андрей Португалец (с последним я только познакомился) — остановились на 2 дня в Туле, где я их встретил. На мой вопрос, зачем они едут в Москву, они сказали, что все парни съезжаются туда, что там предполагается поставить организацию анархистов и что работы будет много. Пользуясь месячным отпуском, я решил тоже поехать в Москву. Приехал я по адресу, на Малый Казенный пер. [1], где и встретился с членом подпольной организации анархистов подполья Александром Шапиро, с которым я через 5—6 дней пошел на собрание в Сокольники, где нас было 15—17 человек совершенно незнакомых мне людей. На повестке дня стояло только два вопроса: 1) постановка организации и 2) финансовые операции. Собрание продолжалось часа три, но определенно ни к чему не пришли, назначив следующее собрание через 7—8 дней в том же месте, куда тоже собралось человек 20—22, но большинство были опять новые лица. Говорили почти о том же, что и в первый раз, но опять ни к чему не пришли только потому, что не было Соболева на собрании. Вообще его имя вспоминалось часто, и Ковалевич, с которым я познакомился на этом собрании, сказал, что начать без него работу невозможно по многим причинам: связь многих губернских городов, часть уездов и Москва для него знакома больше всего. Уезжая из Тулы на 4—5 дней, я пробыл в Москве 3 недели и все-таки ничего не узнал; уехал в Тулу, где встретил Якова Глагзона, Дядю Ваню и Сашку [2], фамилии которого не знаю. Дядя Ваня и Сашка скоро уехали по направлению к Самаре; Глагзон же остался в Туле и через несколько дней сообщил мне, что Соболев в Москве. Меня сильно интересовал этот тип, и я решил опять поехать в Москву, где через 2—3 дня на собрании я встретил его. Собрание было очень оживленно. Соболев выступил с проектом по устройству организации анархистов подполья. Здесь же была предложена тов. Шапиро новая форма организации, так называемая семерка; после сильных прений была принята эта новая форма, по которой и решили строить организацию. О финансовом вопросе говорили очень немного, отложив его до следующего собрания, и, из кого оно состояло, я не знаю, так как не был, а когда дней через десять мы собрались опять, то о деньгах уже не говорили и после этого собрания Яша Краснокутский уехал ставить организацию на Урал. Впечатление на меня более дельных произвели: Соболев, Ковалевич, Краснокутский, Лев Черный, Андрей Португалец и 2 латыша — Адам и Андрей. По моему мне-

[1] Ныне переулок Мечникова.
[2] Сашка — эсер-максималист А. Розанов.

нию, они и были организаторами всего. Я знал также, что у них своя группа из 14—15 человек, но на собраниях участвовало не более 7—8 человек. Приехали они тоже с Украины. Ввиду отсутствия средств в организации всякие технические работы откладывались, как, например, постановка типографии, закупка взрывчатых веществ и оружия и т. п.

Вскоре завязалась связь между левыми эсерами, членами ЦК: 1) Павлом Шишко и 2) Семиколенным — и с максималистами: 1) Сундуковым и 2) Петраковым. Судя по разговору этих двух последних, они были знакомы с Соболевым на Украине. Вскоре они исчезли куда-то из Москвы, и, как я после узнал, они уехали в Тулу ставить дело патронного завода [1]. Оставшиеся в Москве все время говорили, что нужно добыть средства, но все это оставалось словами, хотя, вероятно, кто-нибудь из группы работал в этом направлении, так как все существовали не работая. Прожив так 10—12 дней, ничего не делая, все стали волноваться, нервничать, пошли раздоры, и 6 человек видных для организации членов откололись от группы и, достав деньги в отделении государственной сберегательной кассы, уехали в Тулу. Приехав туда, они заявили, что они посланы Соболевым для дела патронного завода. Дело должно было быть поставлено 15 августа, но по причинам, мне не известным, оно было отложено до 1 сентября. В этот промежуток приехали еще 5 до этого незнакомых мне парней, и опять образовались две группы: 6 человек, уже ранее отколовшихся, уже официально исключенные из группы, и 5 человек во главе с Сундуковым и Петраковым, которые ставили дело. Между обеими группами открыто завязалась борьба, и хотя до дела было еще далеко, но борьба эта грозила принять роковые результаты, вплоть до убийства друг друга, но в конце концов они все-таки пришли к следующему заключению: один из шести отколовшихся должен был быть во время дела и определенная сумма из взятых денег должна была пойти в пользу шести. Но во время дела 1 сентября посланный из шести Николай Беляев ушел с поста, что почти и провалило все дело. Пока все это происходило в Туле, в Москве в это время была совершена экспроприация на Большой Дмитровке в нарбанке. Как это дело ставилось и кто был его участником, я наверное не знаю, но, судя по разговорам, в этот день участвовала вся группа латышей, Соболев, Гречаников и еще несколько, как будто 22 человека. Вскоре же после экспроприации группа латышей, взяв деньги, взятые в нарбанке, уехали в Латвию ставить организацию анархистов подполья. Деньги же из Тулы были привезены в Москву, причем из этих денег было выдано максималистам 400 000 рублей и группе отколовшихся 350 000 рублей.

[1] Ограбление на Тульском патронном заводе 1 сентября 1919 года.

Остальные же деньги распределились между анархистами и максималистами, но каким образом — не знаю. С этого же времени закипела работа и в организации. Стали приобретать оружие, взрывчатые вещества, которые привозились из Брянска, и стала ставиться типография. Судя по разговорам, я знал, что для типографии где-то нанята дача, но где она находится, знали очень немногие, кажется всего пять человек. После выпуска газет и листовок Хиля был командирован в Иваново-Вознесенск, где к его приезду была приготовлена экспроприация; кем и где было поставлено дело, я не знаю, и, вероятно, Хиля случайно попал на это дело, в котором он и принял участие.

По его приезде в Москву за деньгами в Иваново-Вознесенск был послан, кажется, Глагзон, и, сколько денег он привез, я не знаю. Тут же была совершена экспроприация у Страстного монастыря, в каком учреждении, я наверно не знаю. Вообще о всех делах мы, рядовые члены организации, узнавали только по совершении их. За несколько дней до провала квартиры на Арбате Соболев, Глагзон, Гречаников и Шестеркин уехали в Тулу, кажется, ставить организацию. Там к ним примкнули левые эсеры Чеботарев, Костромин, Судаков и Сидоров и была совершена экспроприация на 600 000 рублей, но наверное не знаю где, кажется, в объединении кооперативов. Деньги в размере 200 000 рублей были оставлены этим 4 эсерам. Во время провала квартиры на Арбате ко мне пришел Азаров и велел ехать в Тулу, найти там Соболева и предупредить о провале на Арбате. В Туле же я узнал о последней экспроприации. Предупрежденный мною Соболев и товарищи через день уехали из Тулы, а я остался, чтобы пожить дня 2—3 в Туле. О всех делах, как я уже напоминал, мы, рядовые члены, узнавали после, но не посредством собрания, так как у нас их совершенно не было, а просто в разговорах между собою. Мы только наверное знали, что деньгами заведовали Ковалевич и Глагзон. Деньги на существование членов организации распределялись не знаю как, но я лично получал 15 000 рублей в месяц. Адресов мы друг друга не знали, известные же явки были — на Арбате, 30, и кофейная около памятника Гоголя. Кофейная была снята организацией и заведовали ею две девушки — Таня и Мина. Соболев, кажется, знал все квартиры, так как многие товарищи приходили ко мне по распоряжению Соболева.

Взрыв в Леонтьевском переулке подготовлялся, вероятно, активными членами организации, так как мы, рядовые члены, абсолютно ничего не знали, только по совершении акта на второй день мне лично была поручена Ковалевичем пачка листовок с приказанием разбросать ее. Думаю, что и остальным было вручено то же самое. Событий же от провала квартиры на Арбате до моего ареста я не знаю, так как был в Туле.

ПОКАЗАНИЯ АЛЕКСАНДРА РОЗАНОВА

ПЕРВАЯ БЕСЕДА. 21—XI—19 ГОДА.

В Тулу приехал вчера, сегодня во второй раз по приезде в Тулу пришел к Чеботареву и попался в руки вашей засады. Первый раз был вчера, застал обоих Фомичевых.

Последнее время работал в Москве: бежал оттуда после разгрома организации. Раньше работал в городе Сердобске, в отделе социального обеспечения, хотел сначала пробраться с Леменевым в Астрахань, но заболел.

После тифа задумал ехать в Екатеринослав, но по дороге задержался в Туле — в мае этого года.

Имею большие связи с анархистами и левыми эсерами, при гарантии сообщу до 100 адресов видных анархистов и левых эсеров.

Пока сообщу следующее:

1) В эксе[1] патронного завода принимали участие: 1) максималисты — Прохоров, взят в Москве на квартире Тарасова, 2) Батька — Дядя Ваня, находится в Москве, собирается на Украину, 3) (анархист) Яшка Глагзон — убит на даче при взрыве, 4) Петраков Максим, московской организации боевик.

2) В эксе рабочкопа[2]: 1) Розанов, 2) Леменев — по пути к Сибири, 3) Аршинный или Семиколенный — в Москве, Бутырки, 4) Питерская Фроська, эсерка, 5) Федька Питерский[3]—боевик, в МЧК, 6) Сомов — в Москве, на воле, квартиру знаю, но не могу сказать адреса — около Серпуховской площади, 7) Иванов — в Бутырке, взят в Тестовском поселке, 8) Костромин, 9) Харитонов Василий, 10) Сидоров, 11) Власов-Спасский — откомандирован в Симбирск, 12) Карасев из мукомольно-технической секции Губсовнархоза, 13) Хохлов Егор — в Москве, под именем Голубков, 59 камеры.

Порфирий Антонов предложил план операции и получил 30 000 рублей для себя и Кузнецова Михаила. Левые эсеры Сидоров, Хохлов, Харитонов и Костромин получили по 25 000 рублей, Чеботарев — 10 000 рублей.

3) Черепанова и Крушинского не знаю, в Москве сделаем попытку найти связь с левыми эсерами. Могу взять явку к ним и максималистам.

ВТОРАЯ БЕСЕДА. В НОЧЬ НА 23-е—XI—19 ГОДА.

Василий Костромин в деревне в Алексинском или Богородицком уезде. В Богородицке связь его с матросом Елизаровым.

---

[1] Сокращение слова «экспроприация».

[2] Рабочего кооператива.

[3] Левый эсер Ф Николаев.

Черепанов заказал в Туле 12 печатей, 1500 бланков из военной типографии, 1000 кратковременных отпусков и 500 чистых отставок. Левые эсеры занимали у анархистов деньги. Приезжал сам Соболев. Печати приготовили через Чеботарева и Костромина.

Харитонов Василий ходил заказывать бланки.

1) Сливкин был в военном комиссариате Тульского уезда, выдавал мелкими партиями с печатями, находится в увоенкоме [1] или на фронте. Заказывал от имени военного комиссариата по его инициативе и содействию Харитонов. Получал в типографии Леменев без всяких расписок. Печать была сделана Борисом, левым эсером, где готовятся советские печати, живет он около Воронежской ул., адрес его знает Наумова (дать телеграмму, чтобы она по предложению Розанова выдала адрес). Раньше работал у Вакуленко. Послать к Вакуленко и Астамбовскому. Он снабжал всех эсеров печатями.

Леменев в Уфе, как и Курбатов и Беляев, Иван Баташев, где и Анна Лунина, учительница. Мать живет в Бутове, около Кислянки, в стороне от Крюково. Розанов вначале обещал дать квартиру Сомову, участнику рабочкопского экса.

Костромин, Сидоров и Харитонов, участвовавшие в эксе рабочкопа, взяли самовольно по 25 000 рублей. Чеботарев и Рудаков, кажется, по 100 000 рублей. Судить их приезжали Тамара и Измайлович. Судили у Фани, в это время ее избрали в секретари, а Ивана Баташева — в председатели губкомпартии. Костромин и др. давали ей 2000 рублей, она им швырнула в лицо.

Оружие может быть у Василия Афанасьева, Вознесенская живет у жены быв. кассирши в рабочкопе. В июне и июле до экса. Взять на угрозу. Пулемет, Пороховая ул., д. Спасской, на чердаке или в ящике в земле стоит все лето 18-го года, поставлен Беляевым.

Под лестницей или за печкой у Соборнова пулемет «максим». На 3-ей Нижне-Миллионной, д. Зайкова Николая — в земле бомба (100) — за домом, при вскапывании ватера перепрятали на том же дворе, в Зубовском переулке был пироксилин, спрятал его, вероятно, Федька Левицкий.

Савельев-Савицкий был приговорен к условному расстрелу в случае, если убежит с фронта.

ТРЕТЬЯ БЕСЕДА. 23—XI—19 ГОДА.

Адрес Глагзона Яшки — угол Георгиевской улицы и Госпитальной, рядом с домом, где раньше была самоварная фабрика, рядом с домом б. Лазинского, 2-й дом от угла по Госпитальной улице.

---

[1] Уездный военный комиссариат.

В экспроприации рабочкопа участвовали еще кроме уже указанных Спасский Павел, откомандированный с рабочими инструментальной мастерской оружейного завода с первой партией, и Карасев Яша — в мукомольно-технической секции Совнархоза, справиться у Быкова.

Шеленина Ивана знаю как старого максималиста-боевика, надежного работника для них. Оружие, вероятно, все у П. Скороспешнова. В экспроприации патронного завода Шеленин не участвовал, участвовало 6 человек. Яшка Глагзон убит в Москве на даче, Петраков — в Москве, «Батька — Дядя Ваня», Беляев — в Уфе, ушел с поста, Прохоров взят у Тарасова на квартире и Барановский.

Об анархическом оружии кроме указаний адресов ничего не знаю.

В Брянске оружия и взрывчатых веществ очень много на хуторе.

ЧЕТВЕРТАЯ БЕСЕДА. 25—XI—19 ГОДА

Пулемет должен быть обязательно у Спасских, адрес могу показать. Необходимо взять угрозой мальчика или старика, сказав, что Николка Спасский указал, что пулемет есть.

У Зайкова бомбы должны быть, несмотря на его выход из федерации.

Об оружии, вывезенном из дома Черемушкина, ничего не знаю, кроме того что в это время оружие конспиративно держалось, причем ответственным был Беляев.

Экс патронного завода были два анархиста: Глагзон и Барановский, а остальные закоренелые максималисты (Батька — Дядя Ваня, Петраков, Прохоров, Беляев ушел с поста).

Из Москвы для работы в Туле были посланы анархисты-боевики, кроме меня, после провала на Арбате 1 ноября, Глагзон (убит), Соболев, Подобедова не знаю, может быть, узнаю по лицу или имени-прозвищу.

В эксе губсоюза участвовали: Соболев, Гречаников, Яшка Глагзон и «Петька» и левый эсер один, кто — не знаю, или Костромин, или Сидоров, по-моему.

ПЯТАЯ БЕСЕДА. 26—XI—19 ГОДА.

Тульская организация максималистов получила с экса патронного завода 400 000 рублей через Беляева; он знает, кто получил.

Сообщу еще: при эксе артельщика рабочкопа на Старо-Павшинской улице принимали участие: 1) Розанов, 2) Леменев, 3) Федька, левый эсер, 4) Семиколенный, левый эсер тоже с-р.

Из них 30 000 рублей Фроська свезла немедленно в Москву, в ЦК ЛСР, инициатива экса исходила от П. Антонова и Кузнецова, который только и был агентом Антонова. За это они получили 10 000 рублей. Всего было взято 100 000 рублей.

Грабежи в последнее время одного характера с пытками были совершены Барановским, Яшкой Глагзоном, Леменевым, Курбатовым. Во время экса на патронном заводе в Туле оружие было взято, у максималистов — бомбы.

Предположительно остались после ликвидации анархистов подполья в Москве: 1) Володя (фамилии не знаю, вероятно, из Москвы уехал), он приехал в Глухов, он высокого роста, толстый, черный, бритый лет 27—28, одет в бекеш, серый воротник, техническая фуражка, звали его «старший анархист»; 2) Яша Глагзон, казначей организации, один из главарей, второй после Соболева, если не погиб на даче, то, вероятно, уехал к Махно за новыми силами; 3) Марков, из союза молодежи, уехал в Брянск ставить организацию; 4) Сундуков, который был взят у Тарасова, максималист, входил в организацию анархистов подполья, хороший организатор, организовал здесь боевую дружину максималистов человек в 50, состав дружины разношерстный, в большинстве дезертиры, собирались ехать на Украину для партизанской борьбы. Участвовали в эксах, например в Туле на патронном заводе. Там были Яшка Глагзон, Барановский (анархист), Прохоров (сидит сейчас в МЧК под фамилией Евстифеева), Батька (фамилии не знаю), Петраков (максималист), Беляев (анархист, ушел с поста). Тульская организация максималистов получила от этого ограбления 400 000 рублей, остальные деньги разделили анархисты и максималисты, приехавшие из центра. Про сидящих в МЧК максималистов (кроме Евстифеева-Прохорова) могу сказать следующее: 1) Тарасов организационной связи с анархистами не имел, но знал про организацию, оказывал мелкие услуги, например давал квартиры и пр., 2) Романенко состоит в боевой дружине максималистов, дезертир. Максималисты вообще в каждом городе кроме легальной ставят нелегальную организацию.

1. Миша Гречаников — из штаба Махно, боевик, в Москву приехал в июне—июле 1919 года, участник почти всех эксов, руководил ими, участник взрыва в Леонтьевском переулке, роль его при этом заключалась в том, что он ходил и охранял.

2. Сашка Барановский (он же Попов) приехал приблизительно в августе втроем, с двумя анархистами от Махно, в Тулу, связался там с Яшкой Глагзоном, с которым был знаком раньше. В Туле он руководил рядом ограблений, причем применялись пытки, поджигали различные части тела жертв и пр. Вместе с ним участвовали Яшка Глагзон, Дмитрий Леменев (родом из Сердобска, Саратовской губернии), Виктор Курбатов. В Москве я внес протест

против таких ограблений, назвав их бандитскими. За это меня организация судила, но ввиду того что я много знал и мы, по их мнению, еще пригодимся, мне ничего не сделали. Затем он участвовал на эксе на патронном заводе (руководил им). Вместе с Соболевым они бросали бомбу на Леонтьевском переулке. Бомба была начинена динамитом и нитроглицерином, оболочка деревянная, не круглая, как бы футляр дамской шляпы, весила 1 пуд — 1 пуд 15 фунтов. Вероятно, покушение было произведено по инициативе левого эсера Черепанова (кличка Черепок), который сам участвовал во взрыве.

3. Цинципер руководил ограблением в Иваново-Вознесенске, вместе с ним были двое местных. Взято было больше 1 000 000 рублей.

4. Шестеркин работал, главным образом, в Брянске, участвовал в ограблении «Союза кооперативов» в Туле.

5. Братья Тямины, Афанасий и Михаил, работали по распространению литературы, по связи. Михаил был более активен, одно время заведовал паспортным бюро.

6. Николаев (Федька) — левый эсер, не отколовшийся от центра, работавший с Черепановым и одновременно состоявший в организации анархистов подполья.

Участвовал во взрыве в Леонтьевском переулке. Участник эксов в Туле в рабочем кооперативе, там же артельщика на 100 000 рублей. Знает безусловно весь ЦК левых эсеров, Черепанова, Тамару и др. Участвовал на эксе в Питере вместе с Семиколенным, где был убит Сандуров.

Наводчиком на ограбление в «Технопомощи» был двоюродный брат Гриша, который служил там (Шувал). Он хотел дать еще какое-то место для ограбления.

28 ноября 1919 года *А. Розанов*

ШЕСТАЯ БЕСЕДА. 29- XI- 19 ГОДА.

Оболочкой для бомбы, которой был взорван Московский комитет РКП, послужила валявшаяся, оставленная кем-то у меня на квартире деревянная (из фонаря) коробка. Нитроглицерин и динамит, которыми впоследствии была начинена эта коробка, как-то за день-за два принес ко мне Васька Азаров в свертке и, не предупреждая, что в нем завернуто, бросил под кровать. Затем в 6 часов вечера [в] день взрыва он пришел вместе с Петром Соболевым, попросил удалиться всех из комнаты, и в это время, по моему мнению, ими была начинена бомба. Оставались они одни в комнате минут пятнадцать. Затем они ушли. Через полтора часа пришел Собо-

лев и забрал коробку. Через час после этого пришла наша жиличка и сказала, что где-то недалеко бросили бомбу с аэроплана. Только после этого я понял, что где-то нашими брошена бомба. На другой день я узнал, что был взорван Московский комитет. До этого дня я не знал совершенно о готовящемся взрыве.

Главой организации анархистов подполья, Петром Соболевым, обладавшим диктаторскими полномочиями, предполагалось организовать взрыв Кремля. Для этой цели, как он полагал, необходимо пудов 60 пироксилина. Все усилия прилагались к тому, чтобы достать это количество. Пироксилин дважды привозил специально ездивший за ним в Брянск Васька Азаров. Привозил по подложным документам в отдельном вагоне. Во второй раз вагон в дороге охраняли два местных брянских анархиста под видом красноармейцев, Васька Азаров был за командира. Этот вагон долго плутал в окрестностях Москвы. Сколько было привезено в нем пироксилина и где выгружали его, я не знаю. Знаю только, что 4—5 ящиков было привезено в Одинцово. По моим предположениям, В. Азаров еще раз после взрыва ездил за взрывчатыми веществами в Нижний Новгород. Петр Соболев имел с кем-то связь в Кремле и ВЧК.

После приезда Петра в Москву в Сокольниках состоялось собрание, на котором решено было ставить организации в провинции. Для этой цели были посланы: Яша Краснокутский — на Урал и в Сибирь, Саша Шапиро и Марк — в Уфу, Курбатов — в Самару, Марков — в Брянск.

Розанов

СЕДЬМАЯ БЕСЕДА. 12—1—1920 ГОДА

Когда я в ночь 28 ноября был приведен в камеру при тюремном отделе МЧК, я встретил Тарасова (максималиста), который просил дать такие о нем показания: что он, Тарасов, знаком с моей женой, меня же не знает. Я его знаю якобы только потому, что обращался к нему с просьбой о предоставлении мне мебели. Обращался я к нему якобы только как к официальному лицу, заведующему мебельной секцией Городского района. Познакомился он с моей женой якобы таким образом: зная ее бедственное материальное положение, он принес ей хлеба, с того и началось знакомство. На самом деле я познакомился с ним так: когда приехал в Москву, то обратился к Сундукову за содействием достать мне квартиру, он меня познакомил с Тарасовым, и тот мне дал квартиру в доме Бахрушина, а затем он иногда захаживал ко мне. Найденные у него листы бумаги с печатью ВЧК я ему на хранение не передавал и не знаю, где он их взял. Думаю, что это их работа.

Барановский (Попов) в той же камере расспрашивал меня о моем допросе, и, когда я сказал ему, что на допросе показал, что познакомился с ним в Туле, он очень досадовал и просил меня на следующем допросе показать, что о знакомстве в Туле я показал ошибочно и что на самом деле я познакомился с ним якобы в Москве.

А. Розанов

Весь совет Тульской организации знал о деньгах, полученных максималистами с экса патронного завода. Тульская организация максималистов получила 400 тысяч. Михаил Титов, Рыбаков, Федоров, Субботин знали определенно, вероятно, знал и Бак. Ваня Шеленин должен был доставить оружие; кроме него оружие хранилось у Чекалина и у Петра Скоропоспешнева. Оружие все новое — наганы, бомбы и винтовки. На дело патронного завода оружие брали у максималистов. В бытность мою комиссаром в Белеве я отослал в Тулу по требованию Сундукова, бывшего тогда военным комиссаром губернии, вагон винтовок и вагон бомб разного образца. Винтовки были все сданы в склад, а бомбы разошлись по рукам между анархистами, левыми эсерами и максималистами. Небольшая часть их и до сих пор хранится у Николая Зайкова (штук 100).

Катя, служившая в ВЧК, ходила к Павлову. Она дала мне револьвер «велодог» через Бармаш. Бармаш же передавала мне адрес, где находится общежитие человек десяти секретных сотрудников ВЧК и МЧК. Сама Катя этот адрес сообщила Соболеву. Познакомилась она с Соболевым, вероятно, через посредство Бармаш. Бармаш прекрасно знала всю организацию подпольников и всю ее работу, даже о взрыве, и давно могла бы разоблачить ее. Сейчас она в Кременчуге у мужа. Хая Сокольская очень хорошо знает Катю и Бармаш и ночевала у них в общежитии, когда приезжала с дачи.

Розанов

ПРОТОКОЛ

очной ставки граждан Рахили Энфельбаум, она же — Анна Соколовская, и Александра Барановского, он же — Попов Александр Николаевич.

Анна Соколовская показывает: «Я утверждаю, что в предъявленном мне гражданине я узнаю лежавшего больным на даче в Краскове, где была типография анархистов подполья приблизительно недели три-четыре тому назад».

Александр Николаевич Барановский, он же Попов Александр: «Я не признаюсь в том, что я лежал больным в Краскове и вообще не был там никогда.

Все вышеуказанное нам прочитано 11—XI—19 года.

Александр Николаевич Попов (Барановский)».

Давая показание, как указано выше, я ошиблась и сейчас показываю, что предъявленное лицо Ал. Барановского не то виденное мною в Краскове, а также то, что в Краскове на даче анархистов никто не лежал больным.

Соколовская

Подтверждаю, что лживое мое показание верно и я отрицала на очной ставке только из-за моей слабости; сейчас вторично утверждаю, что предъявленный мне Александр Барановский есть то самое лицо, которое лежало больным на даче в Краскове.

11—XI—19 года

Анна Соколовская
10—XI—19 года

ПРОТОКОЛ

очной ставки Хлебныйского (Дяди Вани), он же Приходько, и Александра Николаевича Барановского

Хлебныйский (Дядя Ваня) «В предъявленном мне человеке я узнаю моего знакомого анархиста (к какой группе принадлежит, не знаю) Александра Барановского, которого я знал как Шурку Барановского; о том, что последний был болен тифом здесь, в Москве, я узнал от Миши Гречаникова. В Москве я Барановского (Шурку) не встречал.

Л. Хлебныйский».

Попов Александр Николаевич, он же Барановский Александр Николаевич:

«Признаюсь сейчас, что я и есть Барановский Александр Николаевич, знаю «Дядю Ваню» (фамилии его я не знаю), отрицаю в дальнейшем знакомстве с Мишей Гречаниковым и др. Я не анархист и никогда анархистом не был.

Александр Николаевич Попов (Барановский)».

ПРОТОКОЛ

очной ставки гражданина Павла Ефимовича Исаева
и гражданина Александра Николаевича Попова,
он же Барановский

П. Е. Исаев показывает:

«Предъявленного мне гражданина Александра Барановского я знаю как Шурку, впервые я встретил его на даче в Краскове, где печаталась газета «Анархия» анархистов подполья; был он тогда больным и лежал в кровати; какой болезнью он был болен, я не знаю, я с ним не разговаривал потому, что последний был очень болен».

Барановский, он же Попов Александр, показывает:

На вопрос, был ли Барановский на даче в Краскове, отвечает, что об этом ничего не хочет говорить.

Все указанное выше нам прочитано.

А. Н. Попов (Барановский).

ПОКАЗАНИЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ПОПОВА (БАРАНОВСКОГО)

1

Взрыв в Леонтьевском переулке был произведен анархистами подполья. В нем участвовали 5 человек: я, Петр Соболев (он бросал бомбу), Миша Гречаников, Федя Николаев и один, который убит на даче в Краскове, фамилии его я не назову. Взрыв был произведен по инициативе Петра Соболева, который слыхал от одного видного коммуниста, как он говорил, что на заседании Московского комитета будет обсуждаться вопрос об эвакуации и сдаче Москвы, и он думал, что мы должны и сможем помешать этому. Он пришел ко мне в Дегтярный переулок, где я лежал больной тифом (только что заболел). Я был возмущен тем, что он мне рассказал о сдаче Москвы. Тогда же он предложил мне взорвать это заседание, и я согласился. Мы вместе пошли за бомбой на Арбат, дом № 30, кв. 58, где она хранилась. Взяв ее, мы пошли в Чернышевский переулок, где нас дожидались уже другие участники взрыва. Я перелез через ограду в Чернышевском переулке. Соболев передал мне бомбу на ограду. Я бомбу положил на землю внутри ограды, затем влез опять на ограду и помог Соболеву перелезть в свою очередь. Затем мы вместе с ним подошли к дому; Петр попробовал, удобно ли влезть по лестнице на балкончик; влезая туда, осмотрел место, потом слез.

Вместе с ним мы подошли к лежащей у ограды бомбе, он зажег шнуровую зажигалку, обыкновенно употребляемую для раскуривания, положил ее в карман, бомбу взял под мышку и влез опять на балкончик, зажег зажигалкой бикфордов шнур бомбы и бросил ее в окно. Я подождал, когда он спустится с балкончика, затем влез на ограду и, обернувшись назад, увидел, что Петр запутался в ветках и упал. Я перескочил через ограду, через некоторое время на ограде появился Петр, и в это время раздался взрыв, которым Петр был сброшен на землю. Он поднялся, и мы с ним пошли в сторону Тверской улицы. Оттуда пошли на квартиру в Дегтярный переулок. На Тверской улице уже я почувствовал себя скверно, впал в полуобморочное состояние, и Петр под руку вел меня всю дорогу до дома. Бомба была начинена динамитом и пироксилином, весила фунтов 30, оболочкой служила деревянная или металлическая коробка, плотно завязанная бечевкой. Я принял участие в организации взрыва только потому, что думал на основании слов Петра, что большевики собираются сдать Москву Деникину и бежать из Москвы. Только на даче после болезни я стал сомневаться в том, что в это время начались успехи на фронте, и я увидел, что большевики не собираются сдавать Москвы. Я часто спорил с Петром на эту тему, но тот, допуская, что мы ошиблись относительно тактики большевиков в момент взрыва, все же твердо верил в необходимость террористической борьбы с большевиками. В настоящее время я твердо убежден в том, что взрыв был нашей ошибкой, что он был произведен преждевременно. Возможно, что в дальнейшем, после разгрома Деникина, было бы достигнуто соглашение между Махно и большевиками и необходимость террористической борьбы против большевиков с нашей стороны вообще отпала бы. В Октябрьскую годовщину не было решения устроить покушения, были лишь одни разговоры об этом, и неизвестно еще, кто провел бы свою линию — противники террора сейчас или его сторонники. Взрывчатые материалы свозились в Москву для устройства базы на тот случай, если бы большевики опять стали применять свою прежнюю тактику по отношению к Махно и повстанцам.

А. Н. (Барановский) Попов

2

В Москву я приехал с помощником начальника штаба 1-й Крымской стрелковой дивизии Красовским и еще одним красноармейцем по имени Виктор, фамилии которого не знаю. Это было больше месяца тому назад. В день приезда меня, заболевшего еще в дороге, товарищ Красовский свез в лазарет, не помню какой,

где я пробыл по день ареста. Я был болен сыпным тифом. По выписке из лазарета я пришел к Нестеренко, к которому я еще до войны возил письма от его брата из Александрова. Тогда, до войны, я ездил в Москву для того, чтобы купить материал на костюм для себя и 10 своих товарищей. Жил Нестеренко по какой-то главной улице в Москве, и я отыскал эту улицу, которая оказалась Тверской, пошел искать старого знакомого. В какой дом я зашел, я не знаю. Ища Нестеренко, я зашел в одну из квартир, где и был арестован; что эта за квартира и кто в ней жил, я не знаю. Не знаю также причин моего ареста. При обыске у меня отобрано было 4500 рублей, привезенных мною еще с фронта. Фамилия моя настоящая Барановский Александр Николаевич, а Поповым Александром Николаевичем я назвал себя при вступлении в Красную Армию. Документов у меня никаких не было, у меня и красноармейца Виктора был общий документ на двоих. Как я был записан и по какому документу, не знаю, но полагаю, что именно по этому документу; по выходе из лазарета я никаких документов оттуда не получил. В каком лазарете я лежал и на какой улице лазарет находился, я не знаю. Фамилий Восходов, Хлебныйский, Приходько, Домбровский, Шестеркин, Гречаников, Ковалевич, Розанов я никогда не слыхал и лиц с такими фамилиями не знаю.

Александр Н. Попов
(Александр Н. Барановский)

Дополнительно показываю, что я слесарь по профессии и служил в городе Александровске в мастерских Южной железной дороги [1], в городе Одессе у Генриха Гефмюса, в городе Бердянске у Новикова, в общем прослужил года четыре, получая от 80 копеек в день до двух рублей в день, все это было до 1914 года. После этого срока я уже не работал по своей профессии, а служил в старой армии и сейчас во время Советской власти служил красноармейцем в отряде Мокроусова в городе Бердянске и на фронте (отряд Мокроусова — красный партизанский отряд). Будучи уже на службе в партизанском отряде, я получал в месяц от ста до двухсот пятидесяти рублей, в Азовско-Донском банке в городе Бердянске у меня было шесть тысяч рублей, накопленных от службы, как вольной, так и рабочей, которые я взял в июне месяце с. г., никаких денег ни от кого я от этого времени не получал. Так что найденные при мне деньги в сумме четырех тысяч пятисот рублей происходят из денег, взятых мною из банка, как указано выше, в июне с. г.

---

[1] В тексте «в Южно-ж. д. мастерских».

Предъявленный мне документ на имя Александра Николаевича Барановского, выданный Бердянским уездным воинским начальником, я признаю своим.

Александр Николаевич Попов (Барановский)

3

Я до сих пор неправильно показывал, потому что испугался. Сейчас хочу говорить всю правду: в Москву я попал проездом из Рамадана в Ташкент, куда я был откомандирован 1-м Крымским Советским дивизионом, где я служил сотрудником; ехал я вместе с тов. Красовским, помощником начальника штаба дивизии, но в Москве случайно, на Сухаревке, я встретился с тов. Виктором, которого я знаю еще из Бердянска (там он занимался формировкой военных частей) и который мне советовал уехать обратно на родину в город Бердянск и обещал меня познакомить с группой анархистов, которые мне должны дать документы и помогут пробраться на Украину.

Было это так в половине сентября, в день встречи с тов. Виктором (фамилии его не знаю), он меня завел на Арбат, дом № 30, кв., кажется, 58, где уже был Петр Соболев, с которым меня Виктор познакомил, до этого я Соболева никогда не видел и не слышал о нем.

Виктор, когда меня представил, объяснил Соболеву, что я желаю уехать на Украину; последний обещал меня взять с собой, за что я поблагодарил и тут же остался жить. Прожил два дня, а затем мне дали комнату в Дегтярном переулке, дом 8, номера квартиры не помню, 2-й этаж. Здесь я прожил около двух недель; в течение этого времени ко мне приходил Соболев и часто меня агитировал, убеждал стать членом группы анархистов подполья. О том, что это была подпольная группа, я узнал лишь из газеты «Анархист», которую мне дала читать Мина.

Я жил на одной квартире с Яшей Глагзоном и Мишей Гречаниковым, которые ничего никогда против Советов и Советской власти не говорили при мне.

$1^1/_2$ месяца тому назад Яша Глагзон мне сказал, что у него есть знакомый, который приехал из Киева, заболел тифом и лежит в лазарете, фамилия его Восходов; затем просил меня пойти с ним в лазарет. Там я познакомился с указанным выше Восходовым. Мне было жаль последнего, и затем я стал ходить к нему ухаживать за ним (какой это лазарет, я не знаю, но могу указать его), после чего и я заболел тифом, заразившись от Восходова. Я пролежал около четырех дней в Дегтярном, и меня увезли в лазарет, но в какой — я не знаю, так как я был в тяжелом состоянии,

а увезли меня оттуда на дачу в Красково, где была типография анархистов подполья, тоже в тяжелом состоянии, меня преждевременно увезли из больницы потому, что мне было очень скучно и я просил об этом Мишу Гречаникова.

На дачу приходили: Миша Гречаников, Яша Глагзон, Петр Соболев, Казимир Ковалевич, Митя, Вася, Таня, Мина, Соколовская, Хиля Цинципер, Исаев Паша и Кривой. Из них на даче жили я, Мина, Кривой, Митя и Хиля ночевал от времени до времени. Много я знать не мог об их делах, так как я был новым человеком и больным и предо мною скрывали свои дела. Печатали газету «Анархист» Кривой, Митя и, может быть, Исаев Паша, но наверное не знаю. Делались ли бомбы на даче, я не знаю. В день, когда окружили нашу дачу, я как раз вышел из дому по надобности, и, когда направлялись к нашему дому, я сбежал в лес и оттуда в гор. Москву, хотел зайти на квартиру Розанова, которого я встречал на Арбате, и раз даже был у последнего с Яшей на его квартире, Тверская, 36 или 38, но тут был арестован засадой МЧК.

Должен добавить, что на дачу в Краскове ходил и Розанов; каким образом у меня очутился адрес Петра Тарасова, не знаю, но должен сказать, что я сам его написал, но может быть, припомню и тогда скажу, последнего я не знаю. Дядю Ваню я знаю, как уже говорил. Анархистом себя я не считаю.

Александр Николаевич Попов (Барановский)

4

В экспроприации артельщиков с патронного[1] завода в Туле участие я принимал. Экспроприация была произведена по предложению максималистов, которые для проведения экспроприации самостоятельно своими силами в достаточном количестве не обладали. В экспроприации участвовали еще Яша Глагзон, Евстифеев (Прохоров), других участников я не назову, также не расскажу, как была поделена между анархистами и максималистами экспроприированная сумма денег. Укажу только, что взято было 3 миллиона 700 с чем-то тысяч рублей. Во время экспроприации, как я слышал потом, был убит кучер. Он был убит, вероятно, Евстифеевым (Прохоровым) в то время, как он пытался вытащить наган. На первую коляску с деньгами произвели нападение трое из нас. Я же был у второй коляски, поэтому подробностей происходящего у первой не видал. Артельщик и красноармеец со второй коляски убежали в самом начале. Я, думая, что там денег нет, ушел пеш-

[1] В тексте «Петроградского».

ком, товарищи же поехали с деньгами на первой коляске. Тогда кучер второй коляски погнал лошадь, обогнал первую и стал стрелять. Больше показать ничего не имею.

А. Н. (Барановский) Попов

ПОКАЗАНИЯ ПАВЛА ЕФИМОВИЧА ИСАЕВА

В Москву я приехал из Вятки в командировку по закупкам типографских материалов. Здесь в конце июня, несколько дней спустя по приезде, я был арестован на съезде анархической молодежи и просидел в Бутырках месяц и несколько дней. В начале августа я был освобожден из тюрьмы и жил в Москве все время без прописки. Ночь с 3 на 4 ноября я ночевал в Зацепском переулке у анархиста Турчанинова, он же Лев Черный. Миши Гречаникова я не знаю. Дядю Ваню, Приходько, Хлебныйского, Ратникова, Ратникову не знаю. Сапоги я купил 4-го сего ноября на Сухаревке за шесть тысяч рублей. При моем аресте отобрана одна тысяча рублей. В Москву в июне месяце я привез своих сбережений из Вятки десять тысяч рублей. Жалованья в Вятке я получал одну тысячу двести рублей в месяц. В типографии в Вятке я работаю с 10 января. В Перми я был мобилизован в августе 1918 года и до конца ноября был в полку. С конца ноября стал работать в типографии, получал около семисот рублей в месяц до февраля 1919 года. В Москве по освобождении из тюрьмы я работал в типографии Атабекяна по Мытной улице.

П. Исаев

Обнаруженное у меня при обыске проходное свидетельство и свидетельство о болезни на имя Павла Ивановича Жигулева я нашел на лестнице перед дверью Турчанинова (Льва Черного) в день ареста; обнаруженный у меня револьвер системы «наган» я хранил без разрешения. У меня было 35 патронов.

П. Исаев

Павел Васильевич Полетаев — мой товарищ по службе в типографии политотдела 3-й армии, и полагаю, что сейчас должен находиться в Вятке.

П. Исаев

С анархистами подполья я начал работать с половины октября, и с этих пор я стал жить в Краскове. Откуда брали бумагу для печатания, я не знаю. Привозил ее Митя, он же и увозил напечатанное. При мне на даче было 3 револьвера, 6 бомб, и за полторы

недели до моего ареста привез Митя два солдатских вещевых мешка со взрывчатыми веществами. Бомбы делал Захар. Мною напечатано было 2000 экземпляров газеты «Анархия» № 2.

П. Исаев

ПОКАЗАНИЯ МИХАИЛА ЛЬВОВИЧА ГРЕЧАНИКОВА

В Москву я прибыл приблизительно в середине сентября с Украины, с фронта, где был у Махно. В Москве я узнал, что мой товарищ по Царицынскому фронту Александр Восходов заболел тифом и помещен в лазарет. Я его навестил и, зная, что у него нет средств, решил помочь ему материально, через Казимира, от которого я получил записку к квартирохозяйке Татьяне Никитишне Кореневой; я устроил там, на Арбате, в доме № 30, кв. 58, Восходова. Потом я устроил его на квартире по Большой Александровской улице, в доме № 22, вместе с Шестеркиным. В первых числах октября я съездил в Нижний Новгород навестить Петра Шестеркина и вместе с ним приехал в Москву. Шестеркин, не числившийся до этого членом организации подполья, должен был ехать на Украину. За квартиру и содержание Шестеркина и Восходова платил я из средств организации. Около 9 октября я ездил в Иваново-Вознесенск и около 20 октября — в Тулу. Последнюю поездку в Тулу я совершил вместе с Шестеркиным. Бомба 25 сентября с. г., брошенная в помещение Московского комитета Коммунистической партии, была брошена одним из моих товарищей анархистов. Я сам принимал участие в этом акте и стоял на посту в одном из переулков. Бомба была весом около $1^1/_2$ пуда. Оболочка ее была деревянная; это была коробка из дерева, в которой носят вещи. Бомба эта, как акт протеста, была брошена по соглашению с «Всероссийской организацией анархистов подполья». Начинена была бомба пироксилином и динамитом. В 46-ой стрелковой дивизии я никогда не служил ни под своей, ни под чужой фамилией. Наша организация и я лично произвели экспроприацию в Москве на Большой Дмитровке в кооперативе, где был убит во время перестрелки один из членов организации.

М. Гречаников

ПОКАЗАНИЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА НИКОЛАЕВА

1

Мое имя на самом деле не Николай, а Федор. Во взрыве на Леонтьевском переулке участвовали шесть человек — я, Петр

Соболев, Барановский, Миша Гречаников, Яша Глагзон и Черепанов. Черепанов указал место, откуда можно было бросить бомбу. За ограду входили двое — Петр Соболев (он же бросил бомбу) и Барановский, а мы трое были на страже. Черепанов же ушел. К Октябрьским торжествам готовилось тоже что-то, но, что именно, не знаю. Для этого мы вчетвером — я, Петр Соболев, Розанов и Вася Азаров — ездили в Одинцово на дачу Одинцова, где хранились привезенные откуда-то Васей четыре ящика пироксилина, и оттуда перевезли пироксилин в Москву, а затем он был перевезен на дачу в Красково. В Петербурге в апреле мы с Семиколенным и Сандуровым устроили экс, на котором Сандуров был убит.

В настоящее время партия левых эсеров делится на три группы — правое крыло (Штейнберг и др.), центр, который возглавляется М. Спиридоновой и Камковым, левое крыло — к нему принадлежит московская организация во главе с Тамарой, Крушинским и пр. Черепанов принадлежит к левому крылу до исключения из партии. В действительности московская организация представляет из себя пустое место. Я в последнее время почти совершенно отошел от партии, заблудившийся в трех соснах, тщетно искал выхода и не шел к большевикам только потому, что боялся, что не поверят моей искренности. Сейчас будучи на свободе, я отдал бы себя всецело делу революции и, думаю, принес бы немалую пользу, хотя бы на фронте.

О готовящемся взрыве я узнал в тот же день в 6 часов вечера. Накануне мне назначили свидание на 6 часов в день взрыва у Покровских казарм; туда явились участники взрыва, и там мне сказали, что сегодня заседание в Московском комитете РКП ответственных работников и решено произвести взрыв. Черепанова мы встретили в Чернышевском переулке, перед взрывом туда же Петр принес откуда-то бомбу. Его на предъявленной карточке убитого не признаю.

Федор Николаев

2

Приблизительно в июне, когда в партии остро ощущался недостаток в деньгах, в ЦК приехал Илья Судаков из Тулы и предложил организовать у них экспроприацию рабочкопа. Тогда ЦК были делегированы из Москвы шесть членов организации для этой цели: я, Сомов, Семиколенный, Иванов, Фрося и Таня. По приезде в Тулу мы направились к Чеботареву, где и был выработан план экспроприации. В экспроприации приняли участие три анархиста — Розанов, Леменев и Карасев, которые принимали участие и в разработке плана экспроприации в кв. Чеботарева. Из местных

левых эсеров участие в экспроприации принимали Костромин, Василий (фамилии не помню), Николай (фамилии не помню), Таня в экспроприации участия не принимала. Наводчиком на экспроприацию был Перфирий Антонов, член правления рабочкопа.

Взято было 1 075 000 рублей, деньги были пропорционально количеству участников разделены между анархистами и левыми эсерами. Тульской организации левых эсеров была выделена сумма в 50 000 рублей.

Остальные деньги нами были отданы в ЦК. За то, что мы самовольно оставили для тульской организации 50 000 рублей, ЦК объявил нам строгий выговор, и в Тулу для расследования была послана комиссия в составе Тамары, Измайлович и еще кто-то. Кажется, за это член областного комитета партии Чеботарев и председатель губернского комитета Костромин были исключены из организации.

Федор Николаев

3

В Москву я приехал в мае месяце из Петрограда. Остановился сначала на Пречистенке, 40, а затем поселился в Тестовском поселке, дом 124, кв. 13, жил там под фамилией Федора Батенина, звали меня в партии «Федя». В боевой организации партии левых эсеров я не состоял.

Об оружии, которое хранилось в сарае моей квартиры в Тестовском поселке, я ничего не знал. В партии левых эсеров состою со времени раскола. В настоящее время принадлежу к группе Штейнберга. С Черепановым и Тамарой никаких сношений не имел. Арестован я в 1-м Троицком переулке, дом 5, кв. 2, куда зашел к своей знакомой Шуре Ратниковой. На этой квартире я был всего раза три. С другими жильцами я знаком не был.

4/XI—19 года
Николай (Федор) Николаев

4

Дополнительно показываю, что в предъявленном мне мужчине (предъявлен Леонид Хлебныйский, он же Приходько, он же Дядя Ваня) узнаю жильца квартиры Ратниковых, с которым я познакомился у них в квартире и которого впоследствии стал посещать. Знал я его под именем Ваня; знал также и проживающую вместе с ним Шуру. Был я у них 3—4 раза. Где я ночевал последние перед арестом дни, сказать отказываюсь. К взрыву в Леонтьевском пере-

улке я отношусь отрицательно и так же точно относился бы к нему, если бы это сделали левые эсеры. Примкнул я к штейнбергской группе после 6-го совета партии, то есть с половины сентября, что, полагаю, может подтвердить Штейнберг.

Николай (Федор) Николаев

5

С последнего времени, то есть до ареста, пришлось мне проживать на нелегальном положении, потому что хотя по убеждениям примкнул к группе Штейнберга, но не успел этого оформить. Жил я все время на средства партии. Тестовский поселок я оставил во время его ликвидации, приблизительно $2^1/_2$ недели тому назад.

Николай (Федор) Николаев

ПОКАЗАНИЯ ЛЕОНТИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ХЛЕБНЫЙСКОГО

В Москву прибыл приблизительно в сентябре месяце этого года для поступления в бригаду, которой командовал мой товарищ Жлобинский, которого я знал еще с 1917 года, а то, что Жлобинский командовал бригадой, и его местонахождение я узнал от раненых солдат его отряда; были там Петька шофер (фамилии его не знаю) и Андрей; сведения эти я получил на вокзале в городе Брянске, где я был проездом.

В Брянске я пробыл на вокзале одни сутки; прибыл туда из 46-й дивизии, где я служил 2 недели при оперативном штабе, где исполнял функции помощника начальника штаба.

Из найденных ста тридцати тысяч рублей в моей комнате, в которой живет и Домбровский, признаю своими только тридцать три тысячи рублей. На вопрос, откуда у меня такие деньги, отвечаю: около четырех месяцев тому назад я получил семьдесят тысяч рублей от моего товарища Коробки, анархиста, будучи в городе Киеве. В Москву я прибыл для отправки меня на Царицынский фронт, где у меня были знакомые в бригаде Жлобинского. На вопрос, на каком основании анархист Коробка дал мне такую большую сумму денег, отвечаю: у Коробки были деньги, и он мне их дал. Откуда у последнего были такие суммы, я не знал, чем занимался — я не знаю, но я слыхал, что он отправлялся на Украину формировать какие-то отряды в тыл Деникина. Где находится сейчас Коробка, я не знаю.

В городе Москве я получил от Александра Попова раз

10 000 рублей, второй раз — 5000 рублей, затем еще около 1000 рублей. Деньги эти я от него получил потому, что сказал, что уезжаю. На вопрос, почему я просил у Попова денег, несмотря на то что у меня были средства для поездки, отвечаю: взял я их для запаса, дабы себя обеспечить на более продолжительное время. Не отрицаю знакомства с анархистами подполья, фамилии их: Гречаников, Тямин Михаил, Попов и др., еще Федя. Мой псевдоним Дядя Ваня, подложные документы на мое имя, паспортный бланк я получил от Гречаникова. Домбровский должен был со мной вместе уехать. Я и Домбровский официально не принадлежали к подпольной группе анархистов, но фактически — да, я признаюсь, что я старый анархист.

Я признаюсь также в том, что я не был никогда большевиком-коммунистом; вначале я показывал иначе, потому что не знал еще, что меня обвиняют в принадлежности к группе анархистов подполья. На экспроприациях я бывал на Украине, принимая активное участие, но в Москве не бывал. Участие во взрыве принимали: Миша Гречаников, Федя и Яша [1], последний жил на одной квартире с Мишей Гречаниковым. Приметы Яши: высокого роста, светлый блондин, иногда носит шинель. 1 сентября 1919 года я был арестован в городе Брянске, а также и Миша Тямин за вооруженное выступление против Советской власти, тогда же было предъявлено нами требование об освобождении анархиста Бодрова. Должен изменить свое показание относительно тов. Коробки. Коробка был уполномоченным Украинского ЦИК и командирован последним для формирования отрядов. Деньги у него были от эксов, по моему предположению. Моя настоящая фамилия Приходько Иван Лукьянович.

Иван Лукьянович Приходько
Леонтий Васильевич Хлебныйский

Дополнительно показываю, что Восходов Александр лежал в лазарете под этой фамилией. До болезни я знал его по фамилии Александра Попова. Это Попов-Восходов приносил мне несколько раз деньги суммами по 5 и 10 тысяч рублей. Раз я был у Восходова на квартире, и там Миша Гречаников дал деньги. Дал мне 25 тысяч. У Восходова-Попова был Петя Шестеркин, которого я знаю еще из Харькова. Полагаю, что раз Шестеркин жил с Восходовым-Поповым, то был, вероятно, членом организации подполья. Я знал 2-х Тяминых. Обоих еще по Харькову, где встречался с ними в На-

---

[1] Ф. Николаев и Я. Глагзон.

баше. Тямин в технической фуражке заходил как-то ко мне в Москве, предлагая распространение листовок, от чего я отказался. Членом организации подполья я не состоял. Деньги мне давали потому, что я в Москве лечился и собирался уехать лечиться на Минеральные Воды.

Хлебныйский

В предъявленном мне мужчине (предъявлен Николай Николаевич Николаев) узнаю Федю, который несколько раз бывал у меня на квартире. Как мне известно со слов Миши Гречаникова, этот Федя принимал участие во взрыве 25 сентября сего года на Леонтьевском переулке в МК РКП.

Хлебныйский

Я помню случай, что был в театре, в студии, вместе с Ратниковыми, Домбровским, Голубовским и женой Лемберга. У меня жал сапог ногу, и я ушел из театра до окончания спектакля вместе с Домбровским. Вскоре после нашего прихода домой вернулись Ратниковы, и мы были тогда уже в постели.

Хлебныйский

На собрания никогда никуда не ходил. Домбровского Александра я знал лишь под этой фамилией. Другой его фамилии я никогда не слыхал. На вопрос о том, знал ли я Барановского, отвечаю, что на юге знал Шурку Барановского, но здесь, в Москве, не встречал его.

Хлебныйский

Когда, возвращаясь из театра, мы вошли в квартиру, то услышали взрыв. Через неделю или полторы недели после взрыва я слышал от Миши Гречаникова о том, что взрыв был делом анархистов подполья и участвовали в нем он сам, Федя и Яша.

Хлебныйский

Дополнительно показываю, что я принимал участие в экспроприациях в 1912 году, 1914 году и в 1917 году в апреле месяце официально от группы анархистов; для своей личной пользы эксов не производил. Отрицаю сейчас, что я получал деньги большими суммами от тов. Коробки, как показал раньше, я получил от него всего 4000 рублей; здесь, в Москве, я получил деньги лично от Миши Гречаникова, приблизительно 56 000 рублей.

Хлебныйский

Дополнительно показываю, что в городе Туле я никогда не был; бывал я проездом в Туле до 1917 года, а от этого времени не приходилось даже проезжать станцию Тула. В Нижнем Новгороде я был в этом году (когда именно — не помню) приблизительно полтора месяца тому назад с Мишей Гречаниковым. С последним

я поехал в Нижний Новгород для того, чтобы увидеться там с тов. Шестеркиным, которого я знал еще из Украины; поехал к нему просто повидаться.

Хлебныйский

ПОКАЗАНИЯ АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА ДОМБРОВСКОГО

1

Приехал в Москву 5 или 6 октября, в дороге познакомился с Леонтием Хлебныйским. После отступления Красной Армии с Украины я решил ехать в Москву в надежде найти более или менее подходящую работу. С Хлебныйским я раньше знаком не был. В дороге мы познакомились с сестрой милосердия Ратниковой, которая, на нашу заботу, где бы остановиться в Москве, предложила остановиться у нее.

Вместе с нами ехал некто Ефим, фамилии которого не знаю, маленького роста, в военной форме, шатен, с подстриженными усиками, который по дороге с вокзала дал мне бланки 46-й Стрелковой дивизии, отчасти с готовым на мое имя текстом, отчасти еще не заполненные, но с печатями бланки. На мой вопрос о том, зачем дает мне эти бланки, Ефим заявил, что они мне пригодятся. Когда Ефим успел напечатать бланки на мое имя, я не знаю.

На квартире Ратниковых мы с Хлебныйским стали жить одновременно в день приезда в Москву. Жили мы без прописки, не зная о том, что прописываться необходимо. У меня, должно быть, было свыше шестнадцати тысяч рублей, из которых две тысячи я получил от Хлебныйского по моей о том просьбе. С Украины я привез с собой около двадцати пяти тысяч; таким образом, я за время жительства в Москве израсходовал около одиннадцати тысяч рублей.

Ко мне лично на квартиру никто не приходил, и я ни у кого не был, так как и мне не у кого было бывать. К Хлебныйскому заходили какие-то трое мужчин, имен и фамилий которых не знаю. Я все собирался ехать на фронт, но Хлебныйский удерживал меня, обещая поехать вместе со мною по получении причитающегося ему за несколько месяцев жалованья. Хлебныйский часто уходил из дому, но, куда и к кому он ходил, я не знаю. У Хлебныйского я видел много денег, но не интересовался их происхождением. Я чувствую свою вину, что, будучи коммунистом, я в течение месяца жил в Москве и не явился для регистрации в партию и к воинским властям, и искренно раскаиваюсь в этом своем проступке, но думал его исправить поездкой на фронт.

Александр Петрович Домбровский

В 46-й Стрелковой дивизии я никогда не служил.

Домбровский

В предъявленном мне мужчине, изображенном на фотографических карточках (предъявлены карточки Казимира Ковалевича), узнаю Ефима, давшего мне бланки 46-й Стрелковой дивизии. Я коммунист и имею партийный билет Мелитопольского комитета № 161 настоящий. Надпись на нем о регистрации от 14 августа с. г. комячейки штаба 46-й дивизии сделана мною. Почему я сделал эту надпись — объяснить не могу.

Домбровский

2

По дороге из Киева в Москву, приблизительно в окрестностях Бахмача или Конотопа, я познакомился с Хлебныйским. В дороге он дал мне около восемнадцати тысяч рублей разновременно и в Москве еще две тысячи. Хлебныйский говорил мне, что в Москве есть организация из 25 или более человек, что у этой организации есть большие деньги и он может меня с нею познакомить. Два или три раза я был с Хлебныйским в каком-то переулке за Красными Воротами, но не помню ни названия переулка, ни номера дома, ни фамилии квартирохозяина. Хозяина называли Иван Моисеевич или Матвеевич, но кажется, что Моисеевич. К Хлебныйскому приходил Федя, мужчина лет 26-ти, выше среднего роста, темный блондин или шатен, с бритым продолговатым лицом, одетый в черное пальто летнее, доходящее чуть пониже колен, в серой барашковой шапке. Тот же Федя бывал и у Ивана Моисеевича. Бывал еще у Хлебныйского мужчина лет 30-ти, среднего роста, худощавый, светло-русый, еврейский тип лица, в шинели и фуражке коричневого цвета. Федя был у нас приблизительно пять раз, а второй — раза 3—4. Третий приходил еще к нам, около 24-х лет, среднего роста, брюнет, бритый, с подстриженными усами, крепкого телосложения, одетый в кожаную куртку, в сапогах. На собраниях у Ивана Моисеевича кроме Феди я приметил еще мужчину лет 27-ми с ярко-рыжими волосами, востроносый, производивший впечатление старшего в собрании. Иван Моисеевич состоит, кажется, председателем домового комитета дома, в котором проживает. Надпись на партийном билете об его регистрации сделал мне некий Израиль Фридман по моей о том просьбе. Этого Фридмана знает Хлебныйский и я отчасти — по Крыму.

А. Домбровский

Признаюсь, что я скрыл, что бланки я получил от Г. Голубовского, потому что не хотел его впутать в грязную историю. Точное

количество бланков, полученных мною от Г. Голубовского, я не помню, но кажется, что было их около десяти, все эти бланки были с печатью 46-й дивизии. Кроме этого он назвал фамилии, нужные для подписи, также дал мандат, заполненный уже для образца. Голубовский мне бланки, собственно говоря, не продал, но одолжил у меня около пяти тысяч рублей. Часть бланков я получал от Г. Голубовского в дороге, когда с ним ехал в вагоне, а часть получил здесь, в Москве. Я Голубовскому не говорил, для какой цели я беру эти бланки, хотя он и спрашивал меня, для чего я беру столько.

6. XI—19 года. *Домбровский*

Я должен добавить, что я жил под фамилией Барановский Саша; я бывал несколько раз с Дядей Ваней, то есть Хлебныйским, у Г. Голубовского.

А. Домбровский

Пять бланков военно-политического комиссара 46-й Стрелковой дивизии с печатями я похитил у Голубовского на квартире.

Домбровский

3

Дополнительно показываю, что 25 сентября с. г., в день взрыва на Леонтьевском переулке, я был в театре (во 2-й студии) с Хлебныйским (Дядя Ваня), Ратниковым, Виленской и, кажется, также Голубовским, и перед последним действием мы с Хлебныйским вышли из зрительного зала в фойе и пили кофе, где мы дожидались Ратниковых и Виленскую. Вместе с ними отправились домой на 1-й Троицкий переулок, номер дома 5. Когда входили в квартиру, мы услышали какой-то взрыв, но, что он означал, я не знал. Насколько мне известно, есть кроме меня еще один Саша — Барановский, который участвовал во взрыве. Говорили мне это члены группы анархистов подполья, но, кто именно, не могу сейчас вспомнить.

9. XI—19 *А. Домбровский*

4

Прошу внести поправку. Что касается моих предыдущих показаний, будучи очень взволнованным, я перепутал некоторые подробности в своих показаниях. Я раньше говорил о том, что ходил куда-то на собрание подпольных анархистов, но теперь я вижу,

что я перепутал, никуда на собрание каких бы то ни было анархистов я не ходил (ни подпольных, ни легальных). Отрицаю также и то, что я одолжил Г. Голубовскому деньги; последний у меня никогда денег не просил, а также я ему не давал.

27. XI—19 года *А. Домбровский*

5

Голубовский дал мне около десятка бланков, так как я собирался ехать на Украину. Кроме того, я без его ведома взял у него штук пять бланков. Я часть их передал Хлебныйскому, часть их была возвращена в напечатанном виде. Квартиру в Троицком переулке нам указал Голубовский, и мы прямо проехали с вокзала туда. На других квартирах я не жил. Заходил я в гости к Голубовскому и в гостиницу «Луна» и к Воле.

За месяц, что мы прожили вместе, Дядя Ваня уезжал в Нижний, потом еще куда-то недалеко, под Москвой, на дачу на несколько дней. Он намеками дал мне понять, что Леонтьевский переулок — дело рук его организации. Я был очень поражен этим и звал его бросить все и ехать на Украину; он соглашался, но упорно уговаривал подождать 7-го, Октябрьских торжеств. Наконец я сообразил, что на 7 ноября [1] назначен взрыв Октябрьских торжеств, и тогда я решил во что бы то ни стало уехать. Но я, приняв это решение, не думал идти заявить о готовящихся событиях в ЦК партии. Я коммунист с 1918 года, но в подпольной организации социал-демократов работал с 1914 года. К нам на квартиру из товарищей Дяди Вани приходили Федя (сидит в МЧК под фамилией Николаева), Восходов; насколько мне помнится, опознаю по предъявленной карточке Шестеркина, приходившего один раз.

Лавриненко приходил к Ратникову.

Тратили мы на стол около тысячи рублей в день. На костюм я истратил тысяч семь. Других больших трат у меня не было, а куда истратил, кому давал и сколько вообще было денег у Хлебныйского, не знаю и не видал. Узнав из намеков или почувствовав инстинктивно, что 7-го готовится что-то недоброе, я думал заявить ЦК, но так как я не предполагал, что это так кошмарно, или я просто сомневался, что это может произойти, я решил, не заявляя, поехать прямо в тыл Деникина, для подпольной работы.

А. Домбровский

---

[1] В тексте книги «7 октября».

6. РАСКАЯНИЕ ЗАБЛУДИВШЕГОСЯ КОММУНИСТА

В то время, когда рабоче-крестьянская власть отражает на многих фронтах бешеный натиск как внешней, так и внутренней контрреволюции, поставившей своей задачей в море слез и крови защитить пролетарскую революцию; в то время, когда на бесчисленных фронтах умирают сотни и тысячи бойцов за благо народа, за благо той власти, которую завоевали пролетарии своей мозолистой рукой, во имя Революции, во имя освобождения всего человечества идут с долгом, с честью умирать порой молодые, полные жизни наши дорогие товарищи, я, как рабочий, как угнетенный, с самого начала основания рабочей армии ушел на фронт.

В продолжение полутора года я успел побывать на разных фронтах гражданской войны (я не хочу об этом сейчас распространяться, но, если понадобится, я смогу указать целый ряд сражений, в которых я принимал активное участие). Уже давно я убедился, что моя жизнь должна быть отдана за революцию, что я должен умереть во имя рабоче-крестьянской власти, и это меня не страшит. Я чувствую, как хорошо умереть, зная за что — умереть сознательно.

Но в то время, когда чувствуешь свою вину — ошибку перед рабочим государством — и когда думаешь, что тебя могут лишить за это твоего физического существования, то невольно возникает мысль: «Умру бесстрашно, но за что — за то, что существует на свете анархизм и существуют отбросы от анархизма» (с которыми я, к несчастью, был знаком). За то ли, во что никогда не верил, никогда не был согласен, ибо это шло вразрез с моими убеждениями? За то ли, что все это было мне чуждо и что я был всегда от этого далек?

И вот когда это все анализировать начинаешь, искренне сознавать, какую ошибку сделал и за то можешь умереть не так, как тебе говорит твой разум, не так, как хотела твоя воля, а так, как диктуют условия, грязные условия, в которые так глупо впутался, невольно возникает мысль, почему не умер, когда кругом свистели белогвардейские пули, рвалась шрапнель, лопались снаряды, падали и умирали твои товарищи. Становится грустно и жалко, что рок почему-то берег меня там, где я с честью умереть мог. Какой позор, какие угрызения совести переживаешь, что, возможно, умрешь этой позорной смертью! И как честно и искренно хотелось бы, чтобы тебя перестали считать врагом рабочего государства и своей смертью там, на фронте, в передовой цепи рядом с товарищами по убеждению, искупить свою вину-ошибку.

Поэтому я хотел бы, чтобы те товарищи, которые будут разбирать и утверждать мою судьбу, повторяю, я хотел, чтобы они меня

поняли и разрешили умереть не здесь, в этих стенах, а там, в бою с белогвардейцами, на поле битвы, где разрешается судьба мировой революции.

А. Домбровский

ПОКАЗАНИЯ АЛЕКСАНДРА ГАВРИЛОВИЧА ВОСХОДОВА

В Москве я с 4 сентября. В Москву попал проездом из города Житомира в Саратов в 1-ю Стальную дивизию. В Житомире я был шофером Волынского губвоензага [1].

Приехав в Москву, я заболел и лежал в 18-м эвакуационном госпитале больной сыпным тифом. Какой-то красноармеец видел, как меня с вокзала отвозили в больницу, и он об этом сказал Мише Гречаникову. Он служил в одной части со мной. Миша Гречаников был у меня 2—3 раза. Он мне предложил, чтобы я после выздоровления пришел на квартиру по Арбату, № 30, кв. 58, что я и сделал. Я поселился в этой квартире и жил там недели две. По болезни я ничего не делал. Деньги для житья мне давал Миша. Дал он мне в 4 раза около 16 тысяч рублей, и я их прожил. Чем занимается Миша, я не знаю. 16 или 17 октября я переехал на новую квартиру, где меня и арестовали. За комнату в обеих квартирах платил Миша. Жил он не со мной. На эту квартиру я переехал по указанию Миши. Вместе с Мишей я служил в дивизии около 6 месяцев. При аресте у меня отобрали около 6 тысяч. Мне их дал Миша. На этой новой квартире платил за все Миша. Платил он за кормление меня и Шестеркина по тысяче рублей в день. Казимира Ковалевича не знаю. С Шестеркиным меня познакомил Миша. 25 октября я лежал в 18-м госпитале. В продолжение последней недели Петя ни разу не был дома. Никаких вещей у меня не было. На квартире на Александровской был чемоданчик с вещами Шестеркина. Бомбу я видел. К Шестеркину приходил некто Ваня. Одет во френч защитного цвета, в высоких сапогах, бекеше и фуражке с блестящим козырьком. Лет ему 25, бритый, полный, молодой, здоровый, блондин, волосы короткие. Я замечал, что они от меня что-то скрывают и при мне ничего не говорили. К Шестеркину приходила его жена Ляля. Те, которые звали нас в Петушки за мясом,— это Ляля и его сестра. Где они живут в Петушках, я не знаю. Сегодня я ночевал на Курском вокзале. Миша мне дал подложные документы, так как по моим старым срок выходил. И я жил по этим документам.

Александр Восходов

---

[1] Губернский отдел военных заготовок.

В одно со мною время на Арбате, в доме 30, в кв. 58, жила какая-то барышня, лет около 23-х. Вместе с ней жил или приходил к ней молодой человек, лет приблизительно 30-ти, небольшого роста, с кортиком и красноармейским значком. Этого молодого человека я видел, вероятно, 2 раза. Барышня по целым дням дома не бывала и иногда не приходила и ночевать. Явившись по выздоровлении на квартиру по Арбату, № 30, кв. 58, я сказал, что меня прислал Миша и попросил для себя комнату. Хозяйка, Татьяна Никитична, сейчас указала мне комнату. На эту квартиру Миша заходил ко мне раза два и говорил, что, если у меня не будет денег, чтобы я вышел в указанный им день к памятнику Гоголя, где он мне давал деньги. Живя у Татьяны Никитичны, я за отсутствием хорошей пищи плохо поправлялся и потому просил Мишу устроить мне квартиру со столом. Миша, спустя некоторое время, пришел и сказал мне, что комната со столом для меня готова на Большой Александровской улице, в доме № 22, указав, что туда надо мне ехать на следующий день на трамвае «Б» до Таганки, где меня будет ждать наш общий по Харькову знакомый Петя Шестеркин, который будет жить вместе со мной. Переехал я на новую квартиру, не предупредивши о том квартирной хозяйки, Татьяны Никитичны. На новой квартире к Шестеркину заходила 2 раза его жена. Первый раз была две недели тому назад. Второй раз — в субботу около 10-ти часов вечера. Во второй раз Шестеркина мужа не застала, и я сказал ей, что он уехал на несколько дней и на днях должен вернуться. Ежедневно я выходил из дому с утра около 10—11-ти часов погулять на воле до 2-х часов пополудни и возвращался домой. Шапку я купил на Сухаревке за 1800 рублей, фуфайку — за 1000 рублей.

Александр Восходов

Дополнительно показываю, что мужчину по кличке Дядя Ваня знаю. Он приходил ко мне на квартиру на Александровскую улицу, в дом № 22, за деньгами, которые мне оставил для передачи ему Миша Гречаников. Дал я ему тогда тридцать тысяч рублей. Раза два я ходил на квартиру к Дяде Ване. Пете Шестеркину я передавал деньги, полученные для него от Миши Гречаникова, кажется, 10 000 рублей. Под фамилией Попова я никогда не приходил.

Александр Восходов

ПОКАЗАНИЯ М. С. МОЛЧАНОВА

Познакомился с Казимиром Ковалевичем в типографии Наркомпути, где он попросил меня указать типографию, где бы можно

было отпечатать «Где выход?». Я указал типографию «Свет» на 1-й Мещанской [1] (недалеко от Сухаревой башни, на правой стороне, против магазина Перлова), принадлежащую Николаю Григорьевичу Корнилову. Отпечатано было 10—12 тысяч. Деньги получил я и платил их Корнилову, точно не помню, сколько тысяч, кажется, двенадцать. На предложение отпечатать еще прокламацию я наотрез отказался, так как в то время прошел слух, что их группа ограбила народный банк. Тем самым, не имея с ними одного идейного духа, я не хотел уж в этом случае нести хотя бы морально ответственность за это ограбление. Еще присовокупляю, что с этого времени мне стало казаться, что у них отсутствует идейный дух. После всего этого я не видел Ковалевича и сказать про дальнейшую их работу ничего не могу. Я сам рабочий, типограф, в 1906 году вступил членом партии эсеров. В 1907-м был арестован и просидел три месяца. В 1913 году опять был арестован и выслан в город Ригу, в 1919 году вступил в партию РСДРП (меньшевиков). Активно выступать против Советской власти никогда не думал. Совершил этот идейный поступок по недомыслию.

Больше ничего сказать не могу. Убит нравственно с тех пор, как оказал Ковалевичу содействие в напечатании «Где выход?».

Михаил Семенович Молчанов

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО
К МОСКОВСКИМ ПЕЧАТНИКАМ *

Товарищи, пишущий эти строки — социал-демократ, меньшевик, заключенный в Бутырской тюрьме по делу анархистов подполья.

И вот, товарищи, желая уяснить правильность занятой позиции той партии, к которой я по сей день принадлежал, я намеренно поселялся не в социалистических коридорах, а в тех коридорах и номерах, где помещались лояльные люди к Советской власти (беспартийные), бывшие офицеры, попы, прокуроры, заключенные за преступления по должности, спекулянты и т. п. контрреволюционный элемент.

Наблюдая за их разговорами и порой вступая с ними в горячие споры, из которых прямо черным по белому писалось, что они стремятся вовсе не к демократическому строю посредством Учреди-

---

[1] Ныне проспект Мира.
* Было опубликовано в «Вечерних Известиях».

тельного собрания, а явно, нисколько не стесняясь в выражениях, к тому сгнившему и давно отжившему царскому строю, к возвращению того былого бесконтрольного хозяйничанья и безудержной эксплуатации трудящихся.

Так, например, Советскую власть они называют дикой и жестокой, конечно, по отношению к себе, а власть Керенского — разгильдяйской, опять же в смысле защиты их же чисто эксплуататорских интересов.

И, таким образом, товарищи, из приведенных мною нескольких слов для меня лично ясно стало, что занятая в настоящее время так называемая средняя позиция развития пролетарской революции как РСДРП (меньшевиков), так и большинством московских печатников, руководимых правлением союза, несостоятельна и глубоко вредна, ибо она затемняет наше классовое сознание, по одному лишь тому, что мы очутились под обстрелом с двух сторон. С одной стороны, коммунистической партией, ведущей ожесточенную борьбу за интересы трудящихся и напрягающей все усилия для отбития ненадежной отечественной и иностранной отъявленной контрреволюции в лице заклятых врагов Деникина, Юденича и многих других проходимцев. С другой стороны, упомянутыми контрреволюционерами — также не признающие нашей средней промежуточной позиции, расстреливающие, грабящие, насилующие трудящихся и обещающие без стеснения проделать это и при первой победе (но этому, конечно, не бывать) более в широких размерах, не разбирая, кто коммунист, кто меньшевик, а наша партия и союз печатников в это время мечтали и посейчас мечтают творить революцию, защищать ее с надушенными носовыми платочками.

Нет, товарищи, пора нам, московским печатникам, имевшим во времена царизма не одну страницу в истории борьбы за революцию, написанную золотым пером, опомниться и сбросить ту повязку с глаз, которая до сих пор мешала пристроиться к рядам борющегося пролетариата, а также вступлению в Коммунистическую партию, и дружной стеной добить издыхающую контрреволюцию и также немедленно взяться за переустройство нашей профессиональной организации из независимой в производственную, как единственно в настоящее время могущую спасти наше печатное дело от окончательной гибели и урегулировать его в дальнейшем.

Улучшить же наше положение продовольственное и экономическое можем только мы сами упорным трудом, сознательной дисциплиной и поднятием интенсивности труда под непосредственным руководством производительного союза рабочих полиграфического производства.

Итак, товарищи, не медля ни минуты, все в ряды Коммунистической партии, как единственно правильно занявшей и ведущей

линию борьбы за полное раскрепощение трудящихся! За переустройство независимой профессиональной организации в производительную! За сознательную работу и поднятие интенсивности в труде, как единственное спасение от надвинувшейся на нас разрухи.

Товарищи, хочется верить, что вы не задумаетесь немедленно провести мое предложение в жизнь и не допустите дожить в таком положении до того момента, когда весь пролетариат будет праздновать окончательную победу над врагами трудящихся без вас, московские печатники.

Так за дело же москвичи-печатники, на активную борьбу с вековечными угнетателями, потому что «на миру и смерть красна»!

Да здравствует Российская коммунистическая партия большевиков!

Да здравствует Московский производственный союз рабочих полиграфического производства!

Меня же с сего числа прошу РСДР партию считать выбывшим из партии.

26 января 1920 года

Наборщик типографии Наркомпути бывшей Курской ж. д.
Михаил Семенович Молчанов

ПОКАЗАНИЯ ДОНАТА АНДРЕЕВИЧА ЧЕРЕПАНОВА
(кличка Черепок)*

1. Я совместно с Казимиром Ковалевичем сорганизовал Всероссийский штаб революционных партизан, который главнейшей целью своей наметил ряд террористических актов. Эта организация и провела взрыв в Леонтьевском переулке. Подготовка этого взрыва, выработка плана и руководство до самого последнего момента были возложены на меня. В самом же метании бомбы я, по постановлению штаба, участия не принимал. Не будь этого постановления, я бы охотно принял на себя метание бомбы. До того, как остановиться на террористическом акте, этот вопрос дебатировался долго у нас в штабе. Высказывалось несколько мнений по этому поводу. Предлагалось бросить бомбу в Чрезвычайную комиссию, но это предложение было отклонено по следующим соображениям: чрезвычайка и сам гражданин Феликс Эд-

---

* В записной книжке П. Соболева имеются сведения о связи Черепанова с организацией анархистов подполья, как-то: дни и часы свиданий и пометки о выдаче ему денег. Арестованный 17 февраля 1920 года, в тот же день в беседе с тт. Дзержинским, Ксенофонтовым, Лацисом, Романовским и другими он дал нижеследующие показания

Д. А. Черепанов

мундович Дзержинский являются только орудием, слугами партии и, следовательно, во всей политике ответственными являются не чрезвычайки, а партия.

Собрание 25 сентября главных ответственных партийных работников в Московском комитете как нельзя лучше могло быть рассматриваемо главнейшим виновником, тем более что на этом собрании предполагалось присутствие гражданина Ленина.

Конечно, только нужно сожалеть о том, что жертвами взрыва были не видные партийные работники и никто из более крупных не пострадал. Этот акт, по нашему мнению, должен был революционизировать массы и указать путь, по которому должны идти настоящие революционеры: путь террора и ударов по голове насильников.

На замечание, что при взрыве пострадало много незначительных работников, я укажу, что ваша чрезвычайка в этом отношении не лучше.

2. Я полагаю, что всю власть необходимо передать профессиональным союзам, которые путем товарищеской дисциплины сумеют поднять производительность труда до необходимой в настоящий момент степени. В момент гражданской войны и такой колоссальной разрухи я признаю некоторую видимость принуждения труда. Профессиональные союзы сами мобилизуют достаточное количество людей, необходимых для обороны страны и защиты революции. В профессиональных союзах есть достаточно силы — путем исключения из числа членов — заставить повиноваться; вместе с тем будут избегнуты ошибки сплошной мобилизации: будет учтено и семейное положение, и пригодность мобилизуемого.

Те или другие объединения профессиональных союзов явятся органами власти, а Всероссийский союз профессиональных союзов — верховным органом власти.

Совершенно неважно, если некоторые профессиональные союзы в настоящий момент имеют почти черносотенную окраску, классовое самосознание и руководство высших органов всегда смогут, скорее, чем большевистское насилие, революционизировать и эти массы.

3. Как во время июльского восстания левых эсеров, так и теперь, я утверждаю, что партия левых эсеров в тот момент вовсе не хотела захвата власти, так как и тогда, и теперь мы против какой бы то ни было партийной диктатуры.

Единственная цель июльского восстания — сорвать контрреволюционный Брестский мир и выхватить из рук беков * партийную диктатуру, заменив ее подлинной Советской властью. Лично я, по крайней мере, о захвате власти никогда не думал.

Хотя ЦК партии левых эсеров и исключил меня и всю московскую организацию из партии, но я считаю, что он неправомочен был это сделать, так как на последнем совете партии ярко выразилось настроение провинции и масс не в пользу ЦК, а в нашу пользу. Если бы этот совет не был сорван преждевременными арестами чрезвычайки чуть ли не при содействии самих цекистов, то с полной уверенностью можно было бы сказать, что этот ЦК не остался руководящим органом, поэтому мы считаем себя настоящими левыми эсерами, сколько бы ни было на сей предмет постановлений. Что касается Штейнберга, Шрейдера [1] и иже с ними — я на них смотрю, как на предателей и подлецов. История вынесет над ними свой правый приговор.

Об одном я сожалею: при аресте меня схватили сзади, и я не успел пристрелить ваших агентов.

То, что сейчас творится, сплошная робеспьериада!

---

* Так называли большевиков в эпоху подпольной работы.

[1] В тексте книги — «Шнейдера». Группа левых эсеров выступала за сотрудничество с Советской властью.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ [1]

[1] В указатель включены лица, упомянутые в документах, преднсловни и подстрочных примечаниях книги. Некоторые фамнлнн не удалось установнть. В такнх случаях приводятся имена н отчества, псевдонимы нли клнчкн, а также сведения о партнйной принадлежности нлн другие уточняющне данные

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ [1]

[1] В указатель включены географические названия, встречающиеся в первом томе «Красной книги ВЧК» Наименование административных единиц даны с определениями (село, поселок, станция, река и т. д.) в сокращенной общепринятой форме: город — г , озеро — оз., остров — о-в, полуостров — п-ов, поселок — пос., поселок городского типа — пгт., село — с , станица — ст-ца, станция — ст

СОДЕРЖАНИЕ

КРАСНАЯ КНИГА ВЧК

Том I

Издание второе, уточненное

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
Редактор *Л. С. Макарова*
Младший редактор *С. В. Вершинская*
Художник *Л. Т. Рябыкина*
Художественный редактор *О. Н. Зайцева*
Технический редактор *В. П. Крылова*

ИБ № 8921

Подписано в печать с диапозитивов 14.12.89. Формат 60×84 1/16. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,30. Усл. кр.-отт. 24,94. Уч.-изд. л. 25,78. Тираж 100 000 экз. Заказ № 500. Цена 1 р. 20 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7

Диапозитивы изготовлены в типографии издательства «Горьковская правда» 603006, г. Горький, ГСП-123, ул. Фигнер, 32

Отпечатано в ордена Ленина типографии «Красный пролетарий» 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16

2. Мя

I.

Убийство граф

а) Документы, с которыми Блю
ство.

РОССІЙСКАЯ
СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ
РЕСПУБЛИКА.
ВСЕРОССІЙСКАЯ
ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССІЯ
ПО БОРЬБЕ
С КОНТР-РЕВОЛЮЦІЕЙ и СПЕКУЛЯЦІЕЙ
при совете
Народных Комиссаров
„6" Іюля 1918 г.
№ 1428
МОСКВА, Б. Лубянка, 11
№ ТЕЛЕФ.

Все
н-омачив
ставител
Андреева
Германск
по пово
ношеніе

Председатель Все

теж.

а Мирбаха.

мкин явился в Германское Посоль-

201.

Отдѣлъ Секретный.

УДОСТОВѢРЕНIЕ.

оссiйская Чрезвычайная Комиссiя упол-

етъ ея члена Якова Блюмкина и пред-

Революцiоннаго Трибунала Николая

войти въ переговоры съ Господиномъ

имъ Посломъ въ Россiйской Республикѣ

у дѣла, имѣющаго непосредственное от-

ъ Господину Послу.

оссiйской Чрезвычайной Комиссiи:

Секретарь: *Ф. Дзержинский*

Ксенофонтов